Epist. 1049 v

Библіотека

Два портрета на
отд. листах.

<36639870350013

Bayer. Staatsbibliothek S

935-4
/83

Epist. 1049 V

Fgl|87|5010

Romanov

27223.

ПИСЬМА

С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРІИ

1877 г.

ХАРЬКОВСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
10 ІЮНЯ. 1903
№ 27223.

Съ двумя портретами автора и видомъ болгарской хаты.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1893.

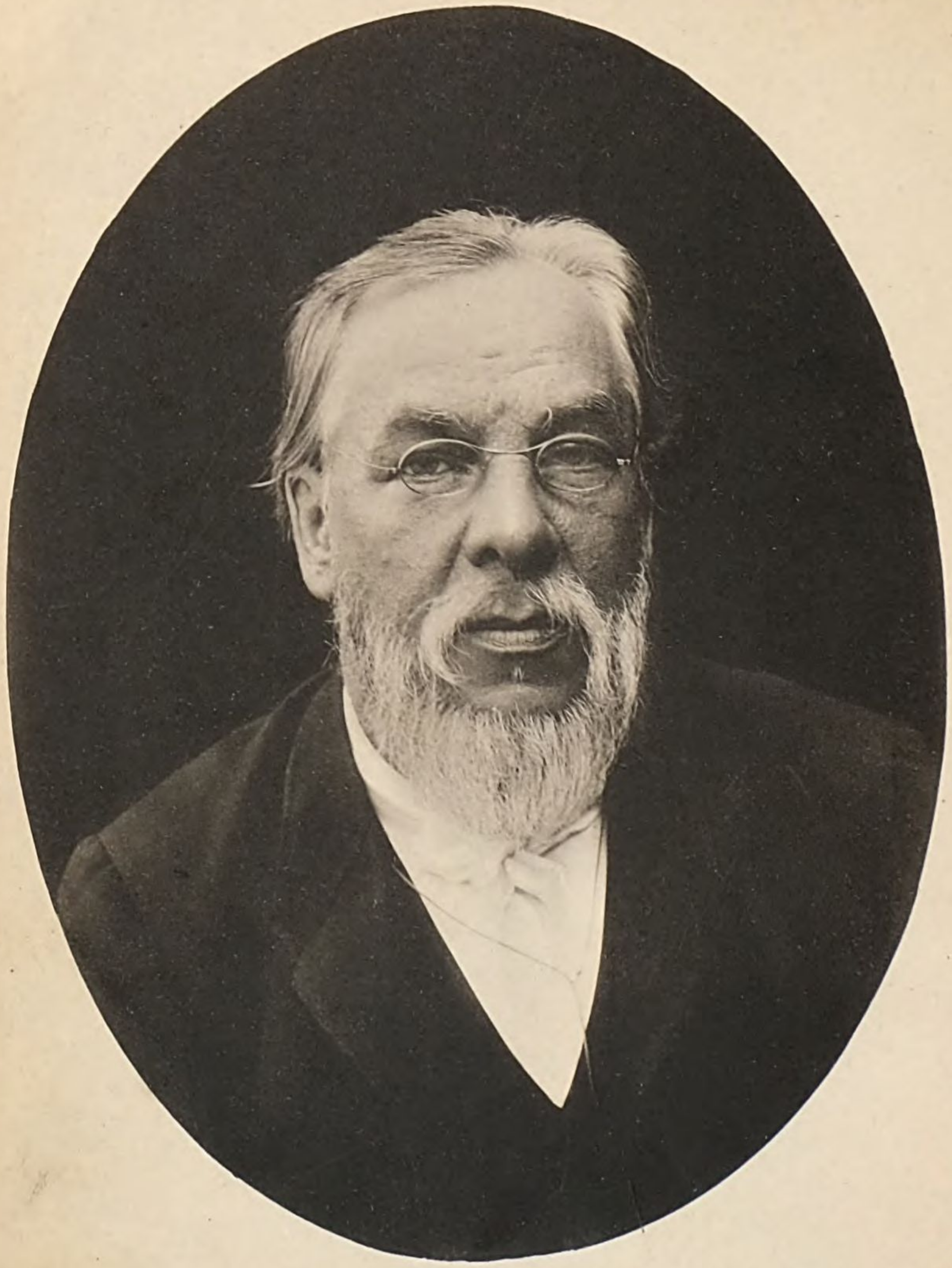
10

Epist. 1049 r

2088

50

27223



Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин., № 7–2.

Сергѣй Петровичъ

Боткинъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

I.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Сегодня послалъ тебѣ письмо, писанное подъ говоръ и шумъ собравшихся у меня на квартирѣ медицинскихъ военныхъ чиновъ. Посадить ихъ въ другую комнату было невозможно, по той простой причинѣ, что у меня въ сущности только одна комната, которая дѣйствительно мнѣ принадлежитъ и гдѣ я сплю; другая, зала, рядомъ со мной составляетъ общую принадлежность со вторымъ квартирантомъ моего домохозяина. Квартирантъ этотъ ни болѣе, ни менѣе какъ знаменитый банкиръ, концессіонеръ и проч., В., очень умный парень, пріѣхавшій сюда по дѣламъ; я съ нимъ нѣсколько знакомъ, и потому въ немногія минуты свободы онъ является въ залу и мы взаимно утѣшаемся, ведя умные разговоры.

Сегодня день былъ для меня очень утомителенъ. Въ началѣ восьмого я всталъ и, не пивши чаю, ушелъ во дворецъ; напившись тамъ кофе, отправился въ соборъ на молебенъ, но въ церковь не попалъ: двери были закрыты и уже не отворялись, чтобы не производить сквозняка. День былъ весенній, теплый, трава здѣсь уже зеленая, и я отправился на военное поле, гдѣ назначенъ

былъ смотръ тотчасъ же послѣ молебна въ соборѣ. Пришлось ѣхать черезъ весь Кишиневъ, который чрезвычайно оживился и былъ весь на улицахъ. Дорогой пришлось подавать медицинскую помощь одному жандарму, который вмѣстѣ съ лошадью оборвался съ моста и, упавъ съ высоты въ полторы сажени, отдѣлался очень счастливо безъ переломовъ.

Военное поле — на горѣ, и красива была картина подымавшихся по ней людей верхомъ и въ экипажахъ. Подъѣхавъ къ мѣсту смотра, я устоялъ противъ искушенія сѣсть на лошадь и отправился къ мѣсту, гдѣ остановилась вся свита и гдѣ назначенъ былъ молебенъ. Войска, въ числѣ, можетъ быть, 15 тыс. человѣкъ, были выстроены на зеленомъ лугу и черной массой рисовались на громадномъ пространствѣ. Послѣ молебна архіерей (очень пріятная личность, съ которой я познакомился въ первую поѣздку) благословилъ Великаго Князя, затѣмъ начальника дивизіи Драгомирова и едва могъ сказать ему нѣсколько напутственныхъ словъ: слезы его душили; я стоялъ недалеко отъ семейства Драгомирова и, признаюсь, съ трудомъ удерживался отъ слезъ; мнѣ представились цѣлыя массы семействъ, оставленныхъ той черной лентой, рисовавшейся на зеленомъ полѣ... И всѣ были бодры, веселы, одушевлены. При чтеніи манифеста архіереемъ такъ все стихло,—какъ будто вся эта масса живого народа замерла; за тѣмъ дефилировала вся дивизія; солдаты всѣ румяные, свѣжіе, откормленные молодцы, и таковы почти всѣ, что мы видѣли въ эти дни. Вернувшись домой, перехвативъ наскоро по части съѣдобной, я принималъ здѣшній медицинскій персоналъ и писалъ тебѣ письмо. Въ два часа мы отправи-

лись по госпиталямъ; я осмотрѣлъ три и очень подробно, вынесъ самое утѣшительное впечатлѣніе: дѣло ведется добросовѣстно и толково; особенно честно относится къ дѣлу молодежь, а старшіе и старые служаки съ почтеніемъ относятся къ этой дѣловитости. Тяжелыхъ больныхъ почти нѣтъ, почему госпиталь дѣлаетъ самое отрадное впечатлѣніе; теперь начинаютъ являться лихорадки въ большомъ количествѣ, но не тяжелыя. Въ пятомъ часу, порядкомъ измученный, вернулся домой и рѣшилъ спать. Къ чаю прибылъ инспекторъ гражданской медицинской части, съ которымъ условились на завтра осматривать больницы гражданскія.

II.

13-го апрѣля.

...Сегодня погода болѣе чѣмъ отвратительная: холодно, 6°, сыро, цѣлый день дождь безъ остановки; грязь на улицахъ такая, что мы о ней у себя и понятія никакого составить не можемъ; по городу въ легкихъ экипажахъ трудно двигаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; мостовыхъ здѣсь почти нѣтъ; почва глинистая съ пескомъ, и вслѣдствіе этого на улицахъ мѣстами на полъ-аршина невылазная грязь; длинные сапоги — единственная обувь, которая здѣсь можетъ удерживаться на ногахъ.

Несмотря на погоду, я все утро проѣздилъ по госпиталямъ, былъ въ земской больницѣ, въ еврейской, и затѣмъ послѣ завтрака опять въ военныхъ лазаретахъ при осмотрѣ Государемъ. Домой вернулся въ четвертомъ часу; настолько отсырѣлъ, что переодѣлся... Въ шестомъ часу одѣлся въ мундиръ и отправился на парадный

обѣдъ. Въ такую скверную погоду здѣсь особенно тошно; комнатки въ квартирѣ небольшія, воняютъ сыростью; въ нихъ неуютно, какъ на почтовой станціи; заниматься не хочется, идти некуда и не къ кому, гулять невозможно; утѣшаешь себя тѣмъ, что вотъ завтра, завтра—солнце, и все черезъ нѣсколько часовъ высохнетъ, что̀ здѣсь совершается съ непомѣрной быстротой, вѣроятно, благодаря примѣси песка, сквозь который просачивается вода глубже и уходитъ съ поверхности. Жаль, что такая погода и распутица начались именно теперь, когда наши войска выступаютъ въ походъ.

III.

14-го апрѣля.

...Послѣ обѣда погода разъяснилась и я былъ въ состояніи въ первый разъ сдѣлать здѣсь прогулку пѣшкомъ; мѣсяцъ показался изъ-за облаковъ, въ воздухѣ исчезла эта неумолимая суровость, на душѣ стало теплѣе... Сегодня я все-таки бѣгалъ по медицинскимъ учрежденіямъ, былъ въ тюремной больницѣ, которая помѣщена въ самомъ зданіи тюрьмы (самое красивое, въ архитектурномъ отношеніи, зданіе города); это высокое, въ средневѣковомъ вкусѣ, строеніе стоитъ почти въ полѣ; больница устроена очень недурно и содержаніе относительно здоровыхъ даже роскошное: на больныхъ въ день идетъ 60 коп., а на здоровыхъ—6-ть. Осматривая больницу и тюрьму, признаюсь, тяжелое вынесъ впечатлѣніе: почти ни одного лица не встрѣтилъ, которое вызывало бы сочувствіе; я видѣлъ людей, какъ будто еще недоразвившихся до человѣческаго образа: почти у всѣхъ маленкіе, узкіе

лбы, со свинцовыми маленькими глазами изъ-подо лба; какой-то бронзовый цвѣтъ кожи придавалъ еще болѣе мрачный характеръ этимъ лицамъ со сросшимися бровями. Всѣ они были изъ низшаго сословія и повидимому не очень тяготились той обстановкой, которая навела бы ужасъ на всякаго привыкшаго къ какому-нибудь человѣческому удобству жизни; они, какъ звѣрки, помѣщались цѣлыми десятками въ комнатахъ, гдѣ были только однѣ стѣны, съ узкими наверху окнами; вмѣсто мебели вдоль стѣнъ кругомъ въ одинъ рядъ лежали небольшія подушки, набитыя соломой и обтянутыя, вѣроятно, полотномъ, но теперь все это превратилось въ какую-то особую, лоснившуюся, темнаго цвѣта ткань; подъ подушкой лежала свернутая цыновка, которая на ночь развертывалась и давала ночлегъ тремъ несчастнымъ. Мужское отдѣленіе было все въ этомъ родѣ; каторжные не отличались отъ слѣдственныхъ и всѣ одинаково походили другъ на друга и помѣщеніемъ, и лицами. Женское помѣщеніе было совершенно въ отдѣльномъ зданіи, новомъ, и походило больше на пріютъ, чѣмъ на тюрьму; лица у нихъ были тоже довольно спокойныя; всѣ онѣ сидѣли за кражу или бродяжничество и очень неохотно признавались, за что посажены, произнося это вполголоса; только одна молчала совсѣмъ: она сидѣла за убійство, отъ котораго отказывалась, и только заговорила по-молдавански, когда услыхала, что смотритель за нее сказалъ ея вину; тутъ полилась рѣчь потокомъ, съ доказательствами, что не она, а мужъ убилъ; мужъ же сидитъ въ мужскомъ отдѣленіи и утверждаетъ, что жена убила. Молдаванскій языкъ чрезвычайно звученъ, напоминаетъ итальянскій; въ немъ много латинскихъ словъ.

Особенность здѣшней тюрьмы, между прочимъ, та, что здѣсь готовятъ ѣду для христіанъ и евреевъ отдѣльно; для послѣднихъ каширное мясо и пр. въ полномъ ходу. Кишиневъ представляетъ самое смѣшанное народонаселеніе; евреевъ здѣсь, кажется, около 50 тысячъ, а остальныхъ 70 тысячъ; между ними молдаване, болгары, греки, армяне, русскіе, цыгане. Такъ какъ Кишеневъ близокъ къ русской границѣ, то онъ и дѣлается притономъ бѣглецовъ, контрабандистовъ, конокрадовъ и пр. Въ силу всего этого здѣсь въ тюрьмѣ четыреста слишкомъ человѣкъ.

Сейчасъ изъ дворца. Можешь себѣ вообразить—вчера московская дума поднесла Красному Кресту милліонъ, а сегодня московское купеческое общество—другой милліонъ. Какое время! Такъ дѣлается исторія народовъ, такъ крѣпнетъ его мозгъ; въ теперешнюю минуту народъ развивается скачками.

. . . . . .

IV.

Плоэшты, 31-го мая.

Сегодня добрался до нашей главной квартиры; еслибы сегодня не шелъ курьеръ въ Петербургъ, то, конечно, оставилъ бы письмо до завтра, ограничившись только телеграммой. Усталъ я порядкомъ, и настолько шумитъ и пусто въ головѣ отъ этой безпрерывной тряски, въ теченіе шести дней, что, право, трудно собирать мысли, чтобы писать. Тѣмъ не менѣе, моя дорогая, коротенько надо тебѣ описать мое путешествіе. Большую часть времени я сидѣлъ или стоялъ у своего окна и глядѣлъ вдаль, любуясь свѣжей зеленью и ароматомъ весны.

Уставалъ я отъ путешествія немного и отъ жары совсѣмъ не страдалъ, несмотря на то, что путешествіе было далеко не такъ комфортабельно, какъ обѣщало быть. Въ Кіевъ опоздали безъ всякой причины, чуть не на цѣлый часъ, и едва-едва попалъ на поѣздъ, въ другіе вагоны; багажъ не успѣли съ нами отправить, и потому я теперь еще безъ багажа и не знаю, когда онъ будетъ; впрочемъ, въ Кишиневѣ взялись благонадежные люди, чтобы мнѣ переправить, а то жутко придется жить безъ книгъ, безъ бѣлья, сахара и пр. Отъ Кіева до Кишинева компаніей моей были сестры Георгіевской Общины, или лучше К., который сопровождалъ этотъ отрядъ.

Въ Яссахъ я разстался съ этимъ отрядомъ сестеръ, которыя не могли успѣть перебраться изъ вагона въ вагонъ, и мнѣ пришлось по первой половинѣ Румыніи ѣхать одному, чему я отчасти и обрадовался. Вагонъ обѣщанъ былъ до Плоэштъ, но, къ сожалѣнію, обѣщаніе это румыны не сдержали; въ Романо, какъ разъ, когда я располагалъ улечься на ночь со всѣми удобствами, мои вещи изъ вагона были взяты и вагонъ мой отцѣпленъ; это совершилось почти передъ самымъ отъѣздомъ, и я не успѣлъ даже протестовать. Пришлось сѣсть въ вагонъ, набитый биткомъ напими офицерами, по преимуществу артиллеристами; они всѣ сочувственно ко мнѣ отнеслись, искренно желали устроить мнѣ всевозможныя удобства, и каждый изъ нихъ съуживался, уступалъ свое мѣсто такъ, чтобы дать мнѣ протянуть ноги. Видя такое милое отношеніе ко мнѣ, я забылъ свое горе; начали мы бесѣдовать, и я такъ нравственно отдохнулъ, что забылъ свою усталость; отъ нихъ повѣяло тою свѣжестью и искренностью, которую въ Питерѣ не

часто встрѣчаешь; настроеніе было прелестное. Тамъ было нѣсколько типовъ, о которыхъ я тебѣ какъ-нибудь напишу, какъ только отдохну.

V.

1-го іюня.

Вчера послалъ тебѣ письмо съ курьеромъ, при очень комической обстановкѣ; написавъ тебѣ свой сухой дневникъ, я пошелъ обѣдать и захватилъ письмо съ собой; дорогой встрѣчаюсь съ чиновникомъ третьяго отдѣленія, котораго принимаю за другого чиновника, завѣдующаго отправкой писемъ; съ этимъ я очень хорошъ, и потому, встрѣтившись съ тѣмъ чиновникомъ и сказавъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, передаю ему письмо для отправки и, смѣючись, спрашиваю, кто у нихъ тамъ будетъ читать это письмо и успѣетъ ли онъ разобрать мое писаніе; чиновникъ мой сконфузился и сталъ увѣрять, что они не читаютъ, а, кажется, онъ-то самъ, которому я далъ письмо, именно и читаетъ. Конечно, послѣ это послужило здѣсь забавнымъ анекдотомъ. Несмотря на то, что мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главныхъ событій, но ничего не знаемъ; газеты здѣсь получаются поздно и потому лишены интереса; конечно, здѣсь извѣстны только самыя крупныя событія. Плоэшты — довольно гнусный городишко, котораго я еще почти совсѣмъ не знаю; пока еще не видалъ ни одной возвышенности, съ которой можно было бы оглядѣть этотъ городокъ, считающійся третьимъ въ этомъ гнусномъ румынскомъ княжествѣ, населеніе котораго для меня въ высшей степени несимпатично: оно напоминаетъ внѣшностью

евреевъ, только не имѣетъ интеллигентности этого народа; такіе все дохлые, слабые малые. Всѣ румыны поголовно считаютъ себя аристократическаго происхожденія,—почему лѣнивы; женщины, особенно высшаго круга, имѣютъ самую нелестную репутацію. Здѣсь разсказываютъ, что Румынія была римской колоніей, куда высылали римляне за наказаніе публичныхъ женщинъ и различныхъ преступниковъ; этимъ и объясняютъ легкость здѣшнихъ нравовъ. Евреевъ въ Румыніи видимо-невидимо, и здѣсь они, кажется, совсѣмъ какъ въ Іерусалимѣ.

Помѣщенъ я здѣсь очень хорошо: у меня совершенно отдѣльный домикъ, состоящій изъ трехъ комнатъ, изъ коихъ одна чистая: тутъ я сплю и ѣмъ; не жарко, солнце только до 12 часовъ, потому что окна выходятъ на сѣверо-востокъ; маленькій дворикъ, на которомъ живетъ какая-то бѣдная еврейская семья, составъ и занятія которой мнѣ еще неизвѣстны. Домикъ чисто содержится и имѣетъ видъ нашихъ пригородныхъ дачъ, только каменный; при домѣ кухни нѣтъ, роль которой выполняетъ какой-то камелекъ внѣ зданія; сплю я не на постели, а на диванѣ, который хотя и узокъ, но мягокъ, не такъ, какъ въ Кишиневѣ.

Здѣсь, конечно, все по секрету, поговариваютъ о скоромъ выступленіи главной квартиры, но куда—неизвѣстно; когда получишь письмо, ты будешь, вѣроятно, это знать изъ газетъ (кстати: присылай мнѣ вырѣзки газетныя, что̀ найдешь интереснымъ для меня). Не пугайся и не безпокойся, если не будешь иногда получать депешъ: ходятъ онѣ ужасно плохо. До сихъ поръ отъ тебя я еще здѣсь ничего не получалъ, а навѣрное ты уже послала.

Теперь здѣсь жарко, но, къ удивленію, я переношу этотъ жаръ очень хорошо; потѣю, но нисколько не страдаю. Въ настоящее время положеніе врача лейбъ-медика — тяжелая и тяжелая ноша.

Сейчасъ я былъ прерванъ появленіемъ предъ окномъ нищаго, старика лѣтъ 60-ти, въ оригинальномъ костюмѣ: на одномъ плечѣ у него висѣла въ родѣ плэда баранья шкура и прикрывала его наготу, недостаточно защищаемую какими-то лохмотьями въ родѣ рубахи; онъ все время, внушительно жестикулируя, говорилъ передъ моимъ окномъ на румынскомъ языкѣ и не уходилъ до тѣхъ поръ, пока ему не дали копѣйку; физіономія очень красивая и, должно быть, какого-нибудь славянскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что оказалось — онъ маракуетъ кое-что по-польски.

VI.

2-го іюня.

Вчера день прошелъ, что говорится, гладко: утромъ у Черкасскаго бесѣдовали о дѣлахъ Краснаго Креста; вернувшись около четырехъ часовъ домой, — конечно, мокрые, какъ будто вышли изъ воды, — засѣли за чай съ лимономъ, что̀ составляетъ здѣсь одинъ изъ благороднѣйшихъ напитковъ, къ которому прибѣгаешь при всякой окказіи; впрочемъ больше трехъ разъ въ день пока не пьешь чая, который замѣняется тоже сифонами съ краснымъ виномъ. Эта форма питья здѣсь самая распространенная. Чтобы дать тебѣ понятіе о томъ, какъ здѣсь велика жажда, скажу тебѣ, что въ первую недѣлю пребыванія здѣсь главной квартиры выпито было

двѣ тысячи сифоновъ. Это тебѣ дастъ понятіе о жарѣ; я отъ нея не страдаю, тѣмъ болѣе, что во время самой большой жары сижу дома; комната же моя очень сносная, въ тѣни; конечно, я обливаюсь пóтомъ, то выпью сиропа, то съѣмъ или, лучше, пососу апельсинъ, то попью чаю, — при этомъ жаръ не дѣйствуетъ на меня угнетающимъ образомъ. Я сегодня, кромѣ службы, никуда не выходилъ, читалъ съ большимъ удовольствіемъ, побесѣдовалъ кое съ кѣмъ и чувствую себя совершенно бодрымъ и способнымъ на всякую работу; завтракаю я обыкновенно возвращаясь съ своей службы, слѣдовательно довольно рано, и сегодня приступилъ къ моему незамѣнимому ничѣмъ блюду—къ яичницѣ, затѣмъ три чашки чая съ отличнымъ молокомъ. Къ общему завтраку въ $12^{1}/_{2}$ ч. я не хожу, потому что совершенно сытъ; иду къ общему обѣду въ 6 часовъ, когда жаръ начинаетъ спадать, и послѣ обѣда настолько дѣлается пріятно, что возможно ѣхать верхомъ безъ угнетающаго дѣйствія солнца; по вечерамъ сажусь пить чай на своемъ крылечкѣ, гдѣ было бы отлично, еслибы не одолѣвали бабочки, летящія на свѣчи и залетающія мимолетомъ и въ носъ, и въ ротъ, и въ чай. Мой домикъ имѣетъ большую прелесть особняка, съ маленькимъ дворикомъ, очень чистымъ и безъ малѣйшей вони; передъ окнами моей комнаты, во дворѣ, зелень изъ какихъ-то кустарниковъ и одного дерева; это придаетъ помѣщенію характеръ дачи. Вчера верхомъ мы сдѣлали очень красивую прогулку въ другую сторону, чѣмъ въ первый разъ. Выѣхали къ сторонѣ Карпатовъ, которые красовались передъ нами въ кокетливомъ освѣщеніи заходящаго солнца; полемъ обогнули значительную часть го-

рода и въѣхали въ него почти съ противоположной стороны, и намъ пришлось проѣхать порядочное разстояніе города, который довольно широко растянутъ на очень ровной плоскости; у каждаго дома есть дворикъ съ нѣсколькими деревьями, такъ что онъ можетъ назваться даже садикомъ; почти всѣ дома, съ небольшими исключеніями, одноэтажные и имѣютъ особенность, до сихъ поръ нигдѣ мною не видѣнную: быть покрытыми не желѣзомъ, а жестью, которая блеститъ на солнцѣ, какъ серебро; побѣднѣе дома покрыты тёсомъ, улицы всѣ вымощены, и въ этомъ отношеніи Плоэшты гораздо лучше Кишинева, гдѣ пыль и грязь, и нечистота—мѣстами рѣшительно классическія. На улицахъ мало приходится встрѣчать здѣшнее богатое народонаселеніе; повидимому, остались только тѣ, которые привязаны къ городу службой или кормомъ; весь городъ полонъ, конечно, русскими военными; значительная часть домовъ занята нами; говорятъ, здѣсь есть какіе-то увеселительные сады, куда собирается по вечерамъ все здѣшнее постоянное и пришлое населеніе, но я тамъ еще не былъ.

До сихъ поръ вообще у меня не вырисовался еще типъ румынъ собственно—слишкомъ онъ задавленъ нашимъ собственнымъ элементомъ.

Наконецъ сегодня я получилъ свой багажъ, и только съ нынѣшняго дня я устроенъ вполнѣ; явилась моя постель.

Вещи мои были доставлены очень милымъ, любезнымъ казацкимъ офицеромъ Верещагинымъ, братомъ художника, находящагося теперь гдѣ-то въ арміи на передовыхъ пунктахъ. Съ казакомъ этимъ я познакомился еще на курской дорогѣ; взявъ на себя въ Ки-

шиневѣ доставку моихъ вещей, онъ мнѣ оказалъ громадную услугу, тѣмъ болѣе, что самъ изъ-за этого провелъ лишнія сутки въ дорогѣ; послать же вещи безъ пассажира было рискованно—я бы ихъ получилъ дней черезъ 10—15.

Сейчасъ духота нынѣшняго утра разразилась проливнымъ дождемъ, что̀, говорятъ, здѣсь бываетъ довольно часто, отчего и названіе города; впрочемъ, болотъ около города нѣтъ и мѣстность считается нелихорадочной.

VII.

3-го іюня.

Теперь я ожилъ: погода свѣженькая, хотя сыро, но это не такъ тяжело, какъ первые дни африканскихъ жаровъ. Вчерашній день у меня весь разошелся такъ, что я его за хвостъ даже не успѣлъ схватить. Съ самаго утра были посѣтители, почти одинъ за другимъ, кто по дѣлу, кто отъ бездѣлья. Усталъ я порядкомъ послѣ этого пріема, но не безъ толку. Были врачи Краснаго Креста, пришлось распутать кое-какія недоразумѣнія, и пр.

Вчера походилъ, между прочимъ, и пѣшкомъ, а послѣ обѣда былъ на бивакѣ нашего конвоя. Все это чрезвычайно меня интересуетъ по своей оригинальности и, нужно прибавить, по своей живописности; бивакъ стоитъ въ маленькой рощицѣ, палатки разбросаны подъ деревьями въ живописномъ безпорядкѣ, между ними лошади и люди.

Пока я и не чувствую, что мы на войнѣ — какъ

будто въ Красномъ Селѣ, только попроще обстановка, поблагодушнѣе. Обѣдъ здѣсь очень хорошій; особенно вкусна баранина, которую я ѣмъ второй разъ въ моей жизни съ величайшимъ наслажденіемъ: ни малѣйшаго запаха нашихъ скверныхъ барановъ. Въ 9 ч. я былъ дома и у меня собрались гости: Добровольскій, Ковалевскій, Марконетъ и его другъ, Тучковъ; шла бесѣда довольно оживленная и не безъ интереса; вспоминали исторію прошлыхъ нашихъ турецкихъ войнъ, различные разсказы военной жизни, и пр. Сегодня отправляюсь осматривать здѣшніе госпитали, жду префекта, который будетъ моимъ чичероне. Незнаніе абсолютное языка ужасно тяжело.

VIII.

4-го іюня.

Сегодня былъ въ здѣшнемъ госпиталѣ, устроенномъ для города румынскимъ правительствомъ. Больница на 60 человѣкъ, довольно чистенькая; доктора французской школы, безъ большой учености и безъ всякихъ тонкостей, только съ gros bon sens. Временно помѣщены здѣсь и наши солдатики, которымъ теперь отведено помѣщеніе въ отдѣльномъ лазаретѣ; онъ только сегодня началъ свои дѣйствія; главный докторъ какой-то, съ доброй физіономіей и польской фамиліей, и дерптскаго университета докторъ, очень плохо говорящій по-русски (Келлеръ) и едва пишущій, — оба работаютъ усердно. Самое интересное, что я до сихъ поръ видѣлъ въ Плоэштахъ, это—двухъ разбойниковъ, при осмотрѣ здѣшней тюрьмы. Можешь себѣ вообразить—это два брата, юноши,

одному 19 лѣтъ, другому 17; они успѣли совершить уже 14 убійствъ, шесть разъ убѣгали изъ тюрьмы, теперь приговорены на вѣчную каторгу. Это такія два лица, на которыхъ можно смотрѣть не безъ внутренняго ощущенія.—Кто ихъ родители?—спросилъ я. Отецъ умеръ въ тюрьмѣ, куда попалъ тоже за убійство и разбой. Два брата очень высокаго роста, худые, мускулистые, пригибаются отъ высокаго роста, руки длинныя, лица съ тупымъ, холоднымъ и мрачнымъ выраженіемъ. Сидятъ они въ кандалахъ, и только благодаря этой мѣрѣ не страшно стоять возлѣ этихъ двухъ звѣрьковъ; содержатся вдвоемъ въ одной небольшой комнатѣ. Остальные обитатели этой душевной больницы—всѣ вмѣстѣ; также какъ и въ Кишиневѣ, эти темныя, южныя лица съ маленькими лбами, густыми черными бровями производятъ самое тяжелое впечатлѣніе...

...Здѣсь врядъ ли мы будемъ долго; половина главной квартиры куда-то уже вышла сегодня; завтра мы куда-то ѣдемъ на-легкѣ, потомъ вернемся и опять куда-то поѣдемъ; все — секретъ; не забудь мнѣ присылать вырѣзки изъ газетъ; изъ нихъ узнаю, что̀ здѣсь у насъ дѣлается или дѣлалось.

5-го іюня.

Сейчасъ узнаю, что одинъ казацкій офицеръ С. ѣдетъ въ Питеръ, черезъ Москву; пользуюсь случаемъ, чтобы послать тебѣ эти строки; тутъ надо пользоваться каждой окказіей... Здѣсь мы живемъ, конечно, ничего не зная, но тѣмъ не менѣе жизнь здѣшняя представляетъ живой интересъ; чувствуется, что большія событія го-

товятся на дняхъ. Погода стоитъ отличная; жаровъ нѣтъ, напротивъ, прохладно; нынче день весь простоялъ безъ дождя, хотя и сѣренькій...

Сегодня я бралъ ванну; мылъ меня румынскій жидъ и мылъ на турецкій ладъ, что́, впрочемъ, было не совсѣмъ пріятно; впрочемъ, вымылъ чисто... Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что у меня казакъ, да, кромѣ того, на ночь у двери еще стоитъ казакъ; это совсѣмъ въ моихъ нравахъ—могу спать спокойно съ такой массой сторожей.

IX.

7 іюня.

Сегодня райская погода. Эти дни было свѣжо, не совсѣмъ пріятно; сегодня же воздухъ какъ бархатъ и нѣжитъ; конечно, на солнцѣ жарко, но въ моей комнатѣ, безъ солнца—прелесть; я сегодня все время, почти до 4-хъ часовъ, проработалъ и чувствую въ себѣ такую бодрость, какой давно уже не чувствовалъ. Теперь день мой пришелъ въ правильный порядокъ: я и читаю, и пишу, и болтаю, и гуляю; все это въ свое время и безъ скуки. Въ той одинокой жизни, которую приходится здѣсь вести, книга и работа есть величайшее благодѣяніе. Моя квартира особнякомъ, съ маленькимъ, но чистымъ дворикомъ, на которомъ, въ хорошую погоду, я могу пить чай вечеромъ, много помогаетъ мнѣ жить здѣсь хорошо... У насъ здѣсь никакихъ новостей, всѣ здоровы и вообще санитарное состояніе въ Плоэштахъ до сихъ поръ отличное,—никакихъ эпидемическихъ болѣзней. Сегодня получилъ русскія газеты, послѣднія отъ 1-го іюня—какъ видишь, не очень свѣжія новости...

X.

9-го іюня.

Сейчасъ ѣдетъ курьеръ, для меня совершенно неожиданный; теперь Головинъ пріѣхалъ и, вѣроятно, ознакомилъ тебя съ моей обстановкой, которая съ тѣхъ поръ существенно не измѣнилась. Мои дни идутъ за днями, проходятъ довольно быстро, но если я вспомню, когда я выѣхалъ изъ Гатчины, то мнѣ кажется—прошла уже цѣлая вѣчность. Въ теченіе дня я положительно не скучаю, время мое не проходитъ даромъ; окончивъ къ 9 часамъ свои служебныя занятія, я съѣдаю свою яичницу и запиваю двумя чашками чая, затѣмъ сажусь за чтеніе или описаніе; интересная книга есть большой другъ; иногда сидишь такимъ образомъ вплоть до самаго обѣда, т.-е. до 6-ти часовъ; за 10 минутъ ко мнѣ заходитъ Ковалевскій, и мы отправляемся въ префектуру, гдѣ собирается вся свита. Обѣдъ простой, безъ соусовъ, обыкновенно изъ двухъ блюдъ, мяса, супа и пирожнаго, продолжается меньше часа; послѣ обѣда покуришь, поболтаешь около той же префектуры, гдѣ-нибудь въ тѣни, и обыкновенно въ $7^1/_2$ садишься верхомъ. Обѣдаю настолько умѣренно, что послѣобѣденную ѣзду переношу совершенно хорошо; иногда кто-нибудь изъ свиты привяжется ѣхать со мною, чаще же ѣду съ берейторомъ, что̀ мнѣ бываетъ особенно пріятно. На теперешнемъ иноходцѣ ѣзда такъ легка, что, вернувшись домой къ девяти часамъ, я почти не чувствую усталости; съ 7 часовъ жара здѣсь спадаетъ, и прогулки въ это время дѣйствительно такъ сладки, что о нихъ въ теченіе дня не разъ вспомнишь, какъ объ однѣхъ изъ

самыхъ пріятныхъ минутъ дня. Иной разъ дѣло устроится иначе, какъ, наприм., вчера: часовъ до 12-ти я спокойно работалъ и затѣмъ пошелъ валить народъ — Чудновскій, Коломнинъ, уполномоченный Павловъ; только-что ихъ отпустилъ, явился за совѣтомъ переводчикъ при нашемъ константинопольскомъ посольствѣ, Онý, и засталъ у меня Суворова, пришедшаго съ благодарственнымъ визитомъ за консультацію. Самое интересное посѣщеніе было, конечно, драгомана, который 13 лѣтъ жилъ въ Константинополѣ и, конечно, наизусть знаетъ всю Турцію. Отъ него я узналъ между прочимъ, что Абдулъ-Кериму болѣе 85 лѣтъ, что онъ безотлучно въ полѣ и всегда съ своимъ докторомъ, который ему долженъ вставлять шесть разъ въ день катетеръ, что Абдулъ пользуется громадной популярностью полководца. Очень интересенъ былъ разсказъ о томъ, какъ намъ теперь измѣнилъ сынъ Шамиля, отпущенный изъ Россіи въ Константинополь, гдѣ онъ пользовался русской пенсіей и откуда онъ не выѣхалъ по объявленіи войны; старые черкесы его не выпустили, вѣроятно, разсчитывая воспользоваться его именемъ при своихъ операціяхъ на Кавказѣ.

На дняхъ, вѣроятно, переправа, но гдѣ, какъ,— конечно, мы этого ничего не знаемъ. Вѣроятно, ты получишь это письмо, когда мы перемѣнимъ нашу стоянку, и мнѣ будетъ ее положительно жаль—квартирка у меня хорошая, не жарко, окрестность красива; къ здѣшнимъ кривымъ улицамъ и переулкамъ я уже попривыкъ и нахожу все, что̀ мнѣ нужно; впрочемъ, нужно мнѣ бываетъ выѣхать изъ одной заставы города, а въѣхать въ другую. Нашелъ, наконецъ, сторону, съ которой можно

видѣть порядочную часть города, очень красиваго издали; много зелени и выдающіяся блестящія жестяныя крыши церквей придаютъ виду много красоты и оригинальности. Я долго думалъ, что все богатое народонаселеніе города разъѣхалось, но это оказалось несправедливо,—они всѣ тутъ; тутъ у нихъ всѣхъ видъ такой, что здѣшнихъ аристократовъ не отличишь отъ мастеровыхъ. До сихъ поръ не могу уловить чисто румынскаго типа; масса евреевъ, цыганъ, наконецъ помѣсь этихъ двухъ интелигенцій совершенно вытѣсняютъ здѣшній типъ. Народонаселеніе здѣшнее поражаетъ своею мизерностью; встрѣчаются также физіономіи чисто турецкія. Костюмъ простолюдина чрезвычайно похожъ на нашъ; за городомъ, встрѣчая поселянъ, забываешь, что ты не въ Россіи,—точно въ Малороссіи; тѣмъ болѣе, что въ окраинахъ города можно встрѣтить и наши малороссійскія мазанки. Изрѣдка здѣсь встрѣчаются скопцы, поражающіе своимъ жирнымъ тѣломъ, женскимъ складомъ и отличающіеся отъ здѣшнихъ большимъ ростомъ; ихъ особенно много въ Яссахъ, куда они перебрались изъ Россіи и занимаются почти исключительно извозничествомъ. По ночамъ здѣсь рѣшительно одолѣваютъ собаки; днемъ онѣ куда-то исчезаютъ, ихъ не видно, не слышно, но какъ только стемнѣетъ, такъ начинается лай, который не умолкаетъ до разсвѣта; лай этотъ, повидимому, имѣетъ здѣсь другое значеніе, чѣмъ у насъ; они не лаютъ на людей и занимаются исключительно своими собственными дѣлами. У меня на дворѣ живетъ собачка; она держитъ себя чрезвычайно скромно цѣлый день, забившись куда-нибудь въ уголокъ, не ласкается, не лаетъ, не обращаетъ никакого вниманія на человѣка; но какъ

стемнѣло, она какъ бы пробуждается и всю ночь громко бесѣдуетъ съ псами нашихъ сосѣдей, отличающимися густымъ басомъ. Первое время это мѣшало мнѣ засыпать, а теперь, кажется, — не будешь засыпать, если они перестанутъ вести свой оживленный разговоръ.

XI.

10-го іюня.

Вчера курьеръ не уѣхалъ, а потому я тебѣ могу прибавить еще нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что завтра врядъ ли мнѣ удастся тебѣ написать: мы будемъ въ дорогѣ, куда отправляемся сегодня вечеромъ; изъ газетъ ты, вѣроятно, узнаешь объ этомъ прежде, чѣмъ письмо это дойдетъ до тебя. Сегодня день жаркій; вернувшись утромъ домой, снялъ съ себя все сукно, сапоги—и такъ просидѣлъ до 5-ти часовъ; все время читалъ, прекративъ занятіе только тогда, когда ко мнѣ зашелъ Ковалевскій; онъ понемногу начинаетъ ко мнѣ привыкать и дичится все меньше и меньше. Я съ большимъ интересомъ изучаю эту личность, которая представляетъ чрезвычайно много интереснаго. Вчера вечеромъ онъ познакомилъ меня съ обстановкой своихъ первыхъ трехъ студенческихъ лѣтъ, когда ему приходилось существовать на 12 р. въ мѣсяцъ, получаемыхъ съ двухъ уроковъ, да и то иногда съ задержкой или вычетомъ. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, или, лучше, учебныхъ, онъ совсѣмъ не обѣдалъ, а только раза два въ недѣлю ходилъ въ дешевую столовую съѣдать одно блюдо мяса; другіе дни онъ питался булкой съ колбасой, фунтъ которой, въ 10 к. сер., онъ ѣлъ въ теченіе

нѣсколькихъ дней; бывали дни, что онъ совсѣмъ ничего не ѣлъ. Спалъ онъ въ какомъ-то чуланѣ, гдѣ стоялъ узкій диванъ, обтянутый клеенкой безъ подстилокъ, и спалъ очень крѣпко, наработавшись цѣлый день въ академіи; каждый вечеръ хозяйка ему приносила самоваръ, но чаю рѣдко приходилось пить; отольетъ водицы, чтобы скрыть отъ хозяйки свое положеніе, и тѣмъ закончитъ свой вечеръ. Освѣщенія не было,—онъ пользовался казеннымъ свѣтомъ въ академіи. Ну, это нужда, и при этомъ какая страшная энергія должна была быть, чтобы работать, учиться и никогда не роптать; вотъ это сильный человѣкъ.—Вчера вечеромъ моя верховая поѣздка не состоялась,—лошадь, говорятъ, захромала,—но зато я отлично погулялъ пѣшкомъ...

XII.

11-го іюня.

Вчера, въ 9 часовъ почти, выѣхали мы по направленію къ Браилову, куда пріѣхали въ 3 ч. утра; едва свѣтало; ночь была дивная: луна въ полномъ своемъ блескѣ на облачномъ небѣ, тепло, ароматно отъ скошеннаго сѣна. Поѣздка наша была очень секретна, хотя, конечно, всѣ о ней знали, но, повидимому, не знали, что̀ мы встрѣтимъ въ Браиловѣ. Въ виду ранняго прихода, я не раздѣвался и, насладившись вдоволь этой роскошной ночью, думая то о томъ, то о другомъ, заснулъ и крѣпко спалъ. Проснулся я тогда, когда поѣздъ остановился; было три часа; пошелъ къ Государю... Ожидали извѣстій о состояніи военныхъ операцій, чтобы рѣшить, оставаться ли въ Браиловѣ, или ѣхать въ Га-

лацъ. Тутъ мы узнали о совершившемся переходѣ, о занятіи Мачина и поѣхали въ Галацъ, прямо въ госпиталь, гдѣ были раненые. Отъ Браилова до Галаца — два часа ѣзды; пріѣхали почти въ 5 ч. и должны были проѣхать черезъ весь городъ, чтобы попасть въ госпиталь, который былъ уже порядкомъ набитъ больными и, главное, ранеными; ихъ было 20 человѣкъ. Врачъ К. цѣлую ночь работалъ и отлично показалъ всѣхъ больныхъ. Государь останавливался у каждаго больного и справлялся о каждомъ раненіи. Госпиталь стоитъ на горѣ, помѣщается въ бывшихъ румынскихъ казармахъ. Видъ съ поля, на которомъ стоитъ госпиталь, восхитительный: рисуется противоположный берегъ Дуная съ его красивыми горами. Изъ госпиталя — снова на желѣзную дорогу, черезъ весь городъ, но на этотъ разъ уже проснувшійся или, вѣрнѣе, просыпающійся. Городокъ очень милъ; онъ смотритъ болѣе европейскимъ городомъ, чѣмъ наши Плоэшты; хотя дома тоже почти все одноэтажные, но они богаче, лучше, улицы шире; зато меньше зелени. Въ 9 часовъ мы были уже верхомъ въ Браиловѣ на батареяхъ; солдаты въ высшей степени оживлены, бодры. Осмотрѣвъ нѣсколько батарей на одной сторонѣ, Государь поѣхалъ въ экипажѣ на другія батареи, а мы съ Ковалевскимъ свернули въ госпиталь, гдѣ раненыхъ не было, — только лихорадочные или тифозные; въ 11 ч. тронулся поѣздъ, и къ 5 ч. мы были снова въ Плоэштахъ. Въ газетахъ ты, вѣроятно, прочла уже все остальное и знаешь все совершившееся въ болѣе обстоятельной формѣ, чѣмъ я, который слышалъ все это подъ различными редакціями...

XIII.

13-го іюня.

Сегодня, кажется, мы выѣзжаемъ изъ Плоэштъ — куда? никто не знаетъ; знаемъ только, что отъѣздъ назначенъ въ 4 часа, съ небольшимъ ручнымъ багажемъ. Тяжелый багажъ идетъ съ обозомъ. Вначалѣ такая безъизвѣстность, такая секретность — ужасно сердили и тревожили; все думалось: что̀ взять, что̀ оставить, что̀ будетъ болѣе нужно, и пр. Теперь же я отношусь къ этому совершенно равнодушно; сдѣлавши поѣздку въ Галацъ, я убѣдился, что главное надо заботиться о бѣльѣ; лишній разъ перемѣнить бѣлье — это все равно, что лишній часъ выспаться. Все это время здѣсь стояла такая жара, что мы всѣ превратились въ губки, которыя постоянно сочились. Снять съ себя мокрое бѣлье, вытереться сухимъ полотенцемъ — это наслажденіе, съ которымъ я познакомился только теперь. Вчера я былъ въ Бухарестѣ, осматривалъ санитарные поѣзда изъ Берлина и Дрездена. Берлинскій отличался роскошью и удобствомъ. Оттуда я отправился въ румынскій госпиталь Бранковано, устроенный на громадныя богатства когда-то жившаго господаря Бранковано. Ну, это не больница, а дворецъ; роскошь помѣщенія, устройство всего больничнаго скарба таково, что мнѣ никогда и нигдѣ ничего подобнаго не приходилось видѣть. Госпиталь пока почти пустъ, но можетъ помѣстить раненыхъ человѣкъ двѣсти. Тамъ видѣлъ двухъ нашихъ раненыхъ, Верещагина и Скрыдлова; подробности ихъ раненія ты, вѣроятно, прочла въ газетахъ. Мнѣ было жаль особенно Верещагина: за что человѣкъ лишилъ себя возможности

работать и давать наслажденіе цѣлой массѣ теперешняго и будущаго поколѣнія? Впрочемъ, самъ онъ очень бодръ, не жалуется на страданія и переноситъ свое положеніе твердо. Осмотрѣвъ госпиталь, я вмѣстѣ съ первымъ секретаремъ нашего консульства, съ очень милымъ молодымъ человѣкомъ, отправился въ склады Краснаго Креста. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтился съ остаткомъ сестеръ Георгіевской общины, большая часть которой отправилась уже на перевязочные пункты, ободрилъ въ ихъ унынiи, что онѣ пока еще безъ дѣла, и отправился въ другой складъ, которымъ управляетъ Демидова; тутъ мы застали кипучую дѣятельность: принимали, отправляли, снаряжали все для санитарнаго поѣзда, который долженъ былъ выйти черезъ два часа времени. Демидова сдѣлала на меня самое отрадное впечатлѣніе: распорядительна, несуетлива, широко понимаетъ свою задачу и относится къ дѣлу въ высшей степени честно и разумно, безъ всякихъ фразъ и драпировокъ; отъ нея я пріобрѣлъ кое-какія небезъинтересныя свѣденія и относительно Краснаго Креста. Изъ склада мы отправились обѣдать въ гостинницу, причемъ я съ величайшимъ удовольствіемъ поѣлъ другой кухни, не нашей гофмаршальской, которая обладаетъ свойствомъ жестоко надоѣдать. Пробовалъ мѣстное вино, не отличающееся, впрочемъ, хорошимъ вкусомъ, также какъ и мѣстный бараній сыръ; послѣ обѣда отправился на виллу здѣшняго князя; тамъ я погулялъ одинъ въ саду... Въ 9 часовъ я былъ уже на поѣздѣ, а въ двѣнадцатомъ часу—снова въ Плоэштахъ. Ночь была дивная, опять съ луной и запахомъ сѣна. Бухарестъ — премиленькій городокъ, съ широкими, прямыми улицами, ко-

нечно, порядочно вымощенными, съ массой магазиновъ, напоминающихъ Вѣну; кофейныя—съ толпами здѣшнихъ и пришлыхъ на время войны обитателей. Румыны большого города имѣютъ видъ итальянцевъ, на тонкихъ ножкахъ, со впалыми животами, съ клочками волосъ на подбородкѣ въ видѣ эспаньолокъ и маленькими бакенбардами, въ пиджачкахъ и узкихъ штанахъ; хорошая и вѣрная характеристика румынъ и всего ихъ окружающаго слѣдующая:

Fruits sans saveur,
Fleurs sans odeur,
Hommes sans honneur,
Femmes sans pudeur.

Вѣрнѣе я ничего не слыхалъ. Несмотря на это, я оставляю Плоэшты не безъ сожалѣнія. Тутъ у меня квартира не на солнцѣ, особнякомъ и съ однимъ деревомъ, съ нѣсколькими кустами, а тамъ, гдѣ-то, я не знаю, что̀ получу... Здѣсь часто проходятъ войска, и я теперь сталъ ходить ихъ смотрѣть; я съ интересомъ разсматриваю ихъ лица, сильно измѣнившіяся послѣ Кишинева въ эти два мѣсяца. Грустно глядѣть на этихъ храбрыхъ людей: сколько-то изъ нихъ вернутся? сколько слезъ дадутъ невернувшіеся своимъ матерямъ, отцамъ, братьямъ!..

XIV.

Зимница, 17-го іюня.

Наконецъ-то сегодня, кажется, возстанавливается сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Съ 13-го числа, по выѣздѣ изъ Плоэштъ, и до сихъ поръ, мы совершенно были лишены возможности посылать депеши или письма—

ничто не шло. Какъ я тебѣ уже писалъ, назначено было выѣхать въ 9 ч. веч. изъ Плоэштъ по желѣзной дорогѣ, но куда, въ какую сторону — никто не зналъ; приходилось догадываться чуть ли не съ помощью компаса, что ѣдемъ на югъ, слѣдовательно на Бухарестъ; не доѣзжая его, мы измѣнили направленіе, пошли къ сѣверо-западу, слѣдовательно на Слатину; тамъ мы остановились и пересѣли въ экипажи, въ $3^1/_2$ утра, но все еще не знали, куда ѣдемъ, — знали, .что черезъ пять перемѣнъ будемъ на мѣстѣ,—и такимъ образомъ, кажется, въ 11 часовъ, мы пріѣхали на курганъ, съ котораго видно было громадное пространство Дуная. Передъ нами былъ турецкій городъ Никополь; справа на нашемъ берегу былъ виденъ румынскій городъ Турнъ, слѣва — горы и кой-гдѣ мелькалъ Дунай. Курганъ, на которомъ мы встали — Mayura de la agrapava — былъ эффектно обставленъ; на немъ помѣщалась вся свита и часть конвоя. Передъ нашими глазами въ разныхъ мѣстахъ показывался дымъ, а черезъ нѣкоторое время—пушечный выстрѣлъ; людей тамъ, вдали, никого не видно, не слышно, только выстрѣлы; у насъ тишина, всѣ говорятъ въ полголоса, какъ будто насъ турки услышатъ. Долго мы тутъ стояли, и все было то же; выстрѣлы были то чаще, то рѣже. Наконецъ, снова сѣли въ наши дорожные экипажи и отправились на стоянку въ Драгу, въ 15-ти верстахъ отъ кургана и верстахъ въ 90 отъ Слатины. Тутъ мы уже застали раскинутыя палатки,—конечно, не для всѣхъ; Государю было приготовлено помѣщеніе въ домѣ помѣщика, которому принадлежало все это мѣсто, состоявшее, въ сущности, изъ сада въ котловинѣ, довольно сырой, съ какой-то маленькой рѣчкой,

и нѣчто въ родѣ пруда; лягушекъ масса; ночи были очень холодныя; къ счастью, намъ пришлось ночевать только двѣ ночи, и обѣ очень короткія, потому что приходилось вставать въ 4 часа утра. 15-го числа, въ 6 часовъ, мы уже выѣхали опять на курганъ; никто ничего не зналъ, кромѣ главныхъ дѣятелей, но всякій чувствовалъ, что роковая минута началась; мы снова пріѣхали на курганъ, и тамъ стало всѣмъ извѣстно, что ночью, противъ Систова изъ Зимницы, совершенно неожиданно и для турокъ, и для русскихъ, началась переправа; съ кургана былъ виденъ только время отъ времени показывающійся дымокъ отъ выстрѣловъ—въ сторонѣ переправы; съ нашей же стороны отъ Турна продолжали стрѣлять и отвлекать вниманіе непріятеля, ожидавшаго насъ у Никополя. Этимъ маневромъ удалось спасти не одну тысячу людей; теперь раненыхъ по оффиціальнымъ цифрамъ было вчера 430 человѣкъ, съ убитыми врядъ ли дойдетъ до 800 человѣкъ; это считается блестящимъ дѣломъ. На курганѣ былъ поставленъ электрическій аппаратъ, съ котораго Государь каждый часъ, а иногда и чаще, получалъ извѣстія съ переправы. Кажется, часа въ два мы уѣхали, уже совершенно спокойные; на другомъ берегу къ вечеру было достаточное число войскъ, чтобы держаться. Вернувшись въ Драгу, начались овацiи по поводу перехода; извѣстія продолжали приходить и телеграммами, и офицерами, очевидцами всего дѣла. Весь нашъ лагерь былъ въ высшей степени оживленія. 15-го числа вечеромъ не было сомнѣнія въ счастливомъ окончаніи предпріятія. 16-го числа съ 4-хъ часовъ я выѣхалъ въ Пьятру — мѣстечко, куда былъ отправленъ первый транспортъ раненыхъ,

наиболѣе мелкихъ, которыхъ можно было везти. Тутъ, между прочимъ, я видѣлъ полковника Озерова, рана котораго хотя и серьезна, но не опасна для жизни. Тамъ было 205 раненыхъ, которыхъ получили ночью и успѣли отлично размѣстить въ одномъ большомъ помѣщичьемъ домѣ и въ киргизскихъ кибиткахъ, которыя производятъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе: въ нихъ не душно, какъ въ парусинной палаткѣ, отъ постоянной тяги снизу кверху, и поэтому воздухъ отличный. Изъ Пьятры на той же четверкѣ мы добрались до Зимницы, гдѣ и остановились въ палаткахъ на неопредѣленное число дней; Государь помѣщенъ тоже въ помѣщичьемъ домѣ, а мы всѣ въ палаткахъ, кругомъ между деревьями. Моя палатка стоитъ очень хорошо, на берегу Дуная, на горѣ; кругомъ деревья, подъ тѣнью которыхъ и проходитъ день. Солнце здѣсь порядкомъ припекаетъ; у нѣкоторыхъ кожа лица совершенно обожжена, съ пузырями. Къ удивленію, я переношу эту жару неожиданно хорошо и вообще чувствую себя отлично. Теперешняя стоянка особенно пріятна; жизнь въ палаткахъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ дурной квартирѣ, особенно въ здѣшнемъ климатѣ; вчера, напримѣръ, вечеромъ въ 11 часовъ было 17°, а теперь, когда пишу тебѣ это письмо, въ $5^1/_2$ ч., въ тѣни за своей палаткой и деревомъ, 22°; впрочемъ, находитъ тучка,—пожалуй, соберется дождь, котораго я не боюсь: въ палаткѣ стѣнки двойныя. Сегодня былъ въ полѣ — праздновали переходъ черезъ Дунай, собраны были войска, отслуженъ молебенъ, послѣ котораго раздавали награды; затѣмъ всѣ награжденные высшіе и нижніе чины были поставлены отдѣльно, и всѣ войска сдѣлали на-караулъ.

Все это было чрезвычайно эффектно. Жизнь идетъ замѣчательно странно для меня съ тѣхъ поръ, какъ началась собственно лагерная жизнь. Нечего и говорить, что до сихъ поръ ни строчки не пришлось прочитать по простой причинѣ — негдѣ. Въ палаткѣ душно; внѣ ея — все равно, что гдѣ-нибудь въ публичномъ мѣстѣ; бо̀льшая часть свободнаго времени проходитъ въ сидѣніи передъ рѣкой и въ бесѣдѣ съ прохожими или сосѣдями. Судьбѣ было угодно, чтобы моя палатка очутилась между Вердеромъ, Витгенштейномъ, Баттенбергомъ; Шуваловъ пришелъ къ намъ нынче; я называю свой отдѣлъ нѣмецкой колоніей. Утромъ встанешь, идешь мыться около своей палатки и, конечно, уже не стѣсняешься проходящихъ и сосѣдей... Ты не можешь себѣ вообразить, что̀ здѣсь за пылъ. При переѣздѣ изъ Драги въ Пьятру и, наконецъ, Зимницу, мы были въ такомъ ужасномъ видѣ, что узнавали другъ друга только развѣ по фигурѣ, а не по лицу. На перевязочномъ пунктѣ въ Зимницѣ ко мнѣ подошла одна сестра милосердія, лѣтъ подъ-сорокъ, и сконфуженная спрашиваетъ меня, какъ моя фамилія; когда я ей сказалъ, она очень сконфузилась и призналась, что рѣшилась ко мнѣ подойти потому, что поражена была сходствомъ съ ея отцомъ; хорошъ я былъ, если женщинѣ подъ-сорокъ лѣтъ могъ напомнить ея отца! Пыль такъ мелка, что пробивается во всѣ скважины; открывши чемоданъ, мы были озадачены, встрѣтивъ въ немъ цѣлый слой пыли. Теперь мы съ мелкимъ багажемъ; все наше имущество осталось въ обозѣ; стирать отдавать некому, а между тѣмъ при здѣшней потливости потребность мѣнять часто бѣлье увеличивается. По пріѣздѣ въ Зимницу, мы тотчасъ же

отправились на перевязочные пункты, гдѣ во время переправы главнымъ образомъ пришлось дѣйствовать военнымъ врачамъ, фельдшерамъ, студентамъ и сестрамъ Крестовоздвиженской общины; консультантами удалось быть Корженевскому и Бергману съ ихъ ассистентами. Красный Крестъ отдѣла Черкасскаго былъ извѣщенъ поздно и явился уже подъ конецъ почти всего дѣла. Благодаря усиліямъ личнаго медицинскаго состава Краснаго Креста и особенно Чудновскаго и Пѣсецкаго, удалось захватить нѣсколько раненыхъ на перевязочный пунктъ Черкасскаго, но это было очень немного: кажется, не болѣе тридцати человѣкъ раненыхъ были помѣщены Краснымъ Крестомъ. Много жалобъ на Ч.: съ одной стороны незнаніе дѣла, большое самолюбіе съ другой стороны — сильно тормазятъ дѣло. На меня лично, при болѣе обстоятельномъ разборѣ его дѣятельности, онъ дѣлаетъ очень неутѣшительное впечатлѣніе, —по крайней мѣрѣ, это не дѣятель Краснаго Креста; посмотримъ, что̀ будетъ онъ дѣлать въ Болгаріи, но Красный Крестъ ему врядъ ли скажетъ спасибо; впрочемъ, посмотримъ, можетъ быть, еще его пѣсня впереди... Раненые получили великолѣпный уходъ; разсчитывали на гораздо большее число,—было вдоволь и медиковъ, и средствъ. На другой день переправы утромъ все было въ отличномъ порядкѣ. 200 человѣкъ раненыхъ уже перевезены въ Пьятру, оставшіеся отлично помѣщены въ палаткахъ. Теперь врядъ ли будетъ большая цифра раненыхъ; разъ переправа кончилась—трудно ждать большихъ потерь...

XV.

19-го іюня.

Четвертый день стоимъ мы въ палаткахъ и любуемся берегами Дуная; видъ дѣйствительно прелестный. Систово какъ разъ противъ моей палатки; налѣво виденъ строящійся мостъ, островокъ, на которомъ всегда куча людей, обозы; по вечерамъ на противоположномъ берегу огни по всей линіи прибрежныхъ горъ; вчера тянулась линія фонарей черезъ весь мостъ. Луна теперь подымается только около одиннадцати часовъ, и по вечерамъ бываетъ очень темно; съ одиннадцати очень кокетливое освѣщеніе луной, вырѣзающейся изъ-за облаковъ, обыкновенно собирающихся на юго-востокѣ. Вчера я выспался хорошо днемъ и долго не засыпалъ, — прислушивался къ различнымъ звукамъ, раздававшимся въ нашемъ лагерѣ: то лошадь заржетъ, то во снѣ кто-нибудь замычитъ, то собака вдали залаетъ, затѣмъ все стихнетъ, и слышно только, какъ лошадь жуетъ свой фуражъ, помахивая по временамъ хвостомъ, то кучеръ окликнетъ какого-нибудь жеребца, проявляющаго по временамъ свои чувства, и т. д. Вотъ что слышалось мнѣ вчера въ моей палаткѣ, которую пришлось изъ-за свѣжей ночи закрыть, и въ темнотѣ думать... невольно прислушиваясь къ окружающему міру. Отъ нечего-дѣлать въ лагерѣ у насъ ложатся очень рано, я же обыкновенно около 12-ти, послѣ своего визита у Государя; возвращаясь домой, я застаю всѣ палатки безъ огней и тишину, которая прерывается время отъ времени вышеописанными звуками... Лагерь просыпается довольно рано; когда я встаю, около восьми часовъ, большая часть нашей колоніи уже одѣ-

лась; послѣ своего визита возвращаюсь домой и съѣдаю свою яичницу и запиваю чаемъ, какъ дома. Это мнѣ удалось здѣсь устроить, несмотря на то, что кухонное хозяйство въ главной квартирѣ далеко не блистательно; такъ какъ тяжелый обозъ не пришелъ, то кухонной посуды мало, и это приходится чувствовать въ нашемъ гофмаршальскомъ столѣ, который начинается очень поздно, около восьми часовъ, и идетъ очень медленно. Обѣдаемъ мы на открытомъ воздухѣ, за узенькимъ столомъ, покрытымъ чистой скатертью, но безъ салфетокъ, пьемъ изъ маленькихъ серебряныхъ стаканчиковъ, сидимъ на маленькихъ, складныхъ табуреткахъ; вслѣдствіе дурного сообщенія вино плоховато, содержаніе обѣда далеко не роскошно; все это какъ нельзя лучше подходитъ къ моему желудку; я встаю изъ-за стола — какъ будто не обѣдалъ, сытъ главнѣйшимъ образомъ своей утренней яичницей, и потому остаюсь довольно равнодушенъ къ неудачнымъ обѣдамъ; закусокъ давно уже нѣтъ; сифоновъ и сельтерской воды тоже давно уже нѣтъ; о фруктахъ и не думай—говорятъ, они на той сторонѣ хороши, а на этой ихъ не имѣется; мѣстное вино хорошо, да, вѣроятно, его мало на всю двигающуюся компанію; вода мутная, но чай не портитъ, и это составляетъ одинъ изъ моихъ любимыхъ напитковъ, къ которому раза три въ день непремѣнно прибѣгнешь...

20-го іюня.

Совершенно неожиданно сейчасъ, въ 10 ч. вечера, пришелъ курьеръ съ объявленіемъ, что онъ завтра въ 5 ч. ѣдетъ; къ счастью, письмо было вчера написано—

теперь же я только-что сдѣлалъ 25 верстъ верхомъ, верстъ 5 пѣшкомъ, въ поту, въ пыли, былъ въ Систовѣ и писать рѣшительно не въ состояніи...

XVI.

21-го іюня.

Сегодня, несмотря на 28 градусовъ въ тѣни въ 3 часа дня, я сажусь побесѣдовать съ тобой... Вчера, наконецъ, отправился я въ Систово; это дѣло совсѣмъ не легкое, хотя городъ и торчитъ цѣлый день передъ глазами. Къ сожалѣнію, однакоже, поѣздку нельзя назвать удачной; по крайней мѣрѣ, Систова я не видалъ, а былъ только на томъ полѣ, гдѣ происходила кровавая битва при переправѣ; проѣзжая цѣлыя версты по пыльной дорогѣ, не видя подъ собой дороги, въ жарѣ, мы проскакали верстъ 13, доѣхали до турецкаго загороднаго домика, гдѣ помѣщается теперь начальникъ дивизіи Мирскій; кто напился отличной ключевой воды, кто успѣлъ схватить стаканчикъ чая (какъ я, грѣшный), и поскакали назадъ; но, зная дорогу, я позволилъ себѣ отстать и ѣхалъ одинъ. Тутъ только я могъ видѣть окрестность и мѣстность, по которой проѣзжалъ. Дорога шла все время по гористому берегу Дуная; рѣка почти все время была въ виду; приходилось проѣзжать то между фруктовыми деревьями, то между виноградникомъ, а то по кукурузному полю. Ѣхалъ я съ большимъ удовольствіемъ; пыли не было, и воздухъ на той сторонѣ прекрасный; приходилось проѣзжать мѣстами, гдѣ былъ запахъ гніющихъ человѣческихъ труповъ, которыхъ не могли отыскать въ кустарникахъ; еще до послѣднихъ

дней приходится находить въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ убитыхъ, и то по запаху—такъ они закрыты густымъ кустарникомъ; проѣзжалъ также мѣстами, усыпанными тряпками, обувью, бумажками: тутъ или битва была, или бивуакъ. Странное впечатлѣніе производили на меня эти мѣста, въ которыхъ почти еще не успѣла остыть кровь цѣлыхъ сотенъ людей. Особенно тяжело было проѣзжать тѣми мѣстами, гдѣ пахло: невольно приходило въ голову, что, можетъ быть, тутъ гніетъ человѣкъ, который былъ легко раненъ, но не былъ въ силахъ заявить о своемъ существованіи, похворалъ, поборолся со смертью и скончался, а теперь, на шестой день послѣ битвы, только и проявляетъ о бывшемъ своемъ существованіи. Пока мы были у Мирскаго, прибѣжалъ матросикъ, въ высшей степени взволнованный, и заявилъ, что тамъ на берегу, въ камышахъ, они нашли товарища, раненаго въ обѣ руки, упавшаго въ воду и приставшаго къ камышамъ, гдѣ онъ шесть дней оставался незамѣченнымъ безъ ѣды и безъ помощи. Сегодня я видѣлъ этого матросика. Глядя на него, никто не повѣритъ, что онъ пережилъ такіе ужасные дни. Его ранили въ плечо, онъ свалился въ воду, поплылъ и, чтобы свободнѣе плавать, началъ снимать свою рубашку; только-что поднялъ для этого изъ воды руку, получилъ въ нее пулю насквозь, и вотъ въ такомъ-то видѣ добрался до камышей, гдѣ и скрывался частью отъ страха турокъ, частью же отъ безсилія и невозможности никому заявить о своемъ существованіи, тѣмъ болѣе, что его теченіемъ отнесло на нѣсколько верстъ отъ мѣста сраженія. Раны, впрочемъ, настолько тяжелы, что врядъ ли этотъ бѣдняга выкарабкается изъ своего по-

ложенія. Въ теченіе этихъ шести дней онъ почти не могъ спать — днемъ отъ жары, ночью отъ холода. Раза три въ день онъ лазилъ въ Дунай покупаться, и этимъ отчасти помогалъ своимъ ранамъ, обмывая ихъ при купаньѣ.

Подобныхъ разсказовъ здѣсь не мало. Эти детали битвъ составляютъ почти самый живой интересъ всего нашего общества, лишеннаго всякихъ рессурсовъ и не могущихъ удовлетворить свою жажду знать, что̀ дѣлается теперь въ главныхъ военныхъ пунктахъ. Здѣсь вѣдь никакого военнаго листка не существуетъ; о немъ только говорили, пообѣщали—и тѣмъ кончилось. Вчера, наконецъ, пришелъ нашъ тяжелый обозъ, безъ котораго мы пробивались семь дней, съ 13-го до 20-го. Ты не повѣришь, какъ приходилось намъ невесело безъ обоза; садились мы обѣдать безъ салфетокъ. По неимѣнію въ достаточномъ количествѣ посуды, садились обѣдать, послѣ обѣда Государя, около 8 часовъ, не имѣли бѣлаго хлѣба, вина, сельтерской воды и обречены были пить дунайскую воду, которую добывали передъ нашими глазами, мутную съ пескомъ, изъ лужи, въ которой перекупалось нѣсколько тысячъ людей, лошадей. Съ пріѣздомъ тяжелаго обоза прибавилась цѣлая масса флигель-адъютантовъ, генералъ-адъютантовъ и пр.; вслѣдствіе этого нашъ лагерь значительно сталъ тѣснѣе; поставили цѣлую кучу новыхъ палатокъ; начинаетъ пахнуть человѣкомъ и его внутренними принадлежностями. Несмотря, однакоже, на все это, общее состояніе здоровья отличное; больныхъ въ нашемъ лагерѣ почти никого нѣтъ, также какъ и въ самой арміи; хвораютъ только тѣ, которые не хотятъ вести себя соотвѣтственно климату;

которые не въ мѣру пьютъ здѣшнюю воду, купаются и пр. Соблюдая мою маленькую гигіену, до сихъ поръ я себя чувствую отлично, и даже сталъ гораздо выносливѣе прежняго. Вчера послѣ поѣздки всѣ были измучены, а я какъ ни въ чемъ не бывало... несмотря на 25 верстъ. Переправа съ той стороны Дуная представляетъ большія затрудненія: мостъ узокъ и не допускаетъ возможности ѣхать въ обѣ стороны не только экипажамъ, но даже экипажу и верховой лошади; поэтому пришлось вчера спѣшиться и, оставивъ лошадей, отправиться пѣшкомъ, а это около 6 верстъ; надо пройти большой мостъ черезъ Дунай, затѣмъ пѣшкомъ по острову, затѣмъ опять мостъ, опять островокъ, опять мостъ. Какъ попадешь на островокъ, то тащи и вытаскивай ноги изъ песку или изъ топкихъ мѣстъ; въ глаза жаритъ солнце съ его восточнымъ спокойствіемъ, сбоку пыль отъ проходящаго обоза, по мосту идешь — приходится лавировать между лошадьми и различными принадлежностями обоза; прогулка не легкая, усталъ я порядкомъ на этомъ переходѣ; замучился бы еще больше, еслибы гр. Шуваловъ не устроилъ мнѣ казачью лошадку, которую я заполучилъ, благодаря 4 франкамъ, отъ одного казачка, съ обѣщаніемъ, съ моей стороны, ѣхать шагомъ.

Пріѣхалъ я домой весь въ пыли и, конечно, однимъ изъ самыхъ послѣднихъ,—всѣ уже пообѣдали. Подъѣзжая къ воротамъ дома, гдѣ стоитъ Государь и на дворѣ котораго обѣдаетъ свита, я не узналъ нашего ежедневнаго мѣста прокормленія: въ наше отсутствіе пришелъ обозъ, поставлены новыя палатки, накрытъ былъ въ три ряда столъ, за которымъ сидѣла свита, не въ грязныхъ, старыхъ кителяхъ, а въ чистенькихъ; всѣ получили свои

вещи, вымылись и пріодѣлись. За обѣдомъ было хорошее вино и, наконецъ, сельтерская вода, сифоны; конечно, этому-то мы всего болѣе обрадовались... Пишу это письмо подъ деревомъ, по временамъ продуваетъ, и ртуть сошла до 26 гр. По временамъ гляжу на Дунай, а лучше на лужу, которая образовалась отъ его разлива. На этой сторонѣ—самая большая дѣятельность; по утрамъ приходитъ изъ Систова лодка съ рыбой, которую покупаютъ.

Споры, ссоры, драки. На одномъ мѣстѣ этой лужи—яма, покрытая водой; это играетъ немаловажную роль въ теченіе всего дня: въ эту яму безпрестанно попадаетъ то купающаяся лошадь, то водовозъ съ своей бочкой; при этомъ лошадь обыкновенно начинаетъ тонуть, не будучи въ состояніи выбраться изъ этой ямы; собирается въ крайнемъ случаѣ народъ въ голомъ видѣ, выпрягаютъ лошадь и спасаютъ.

22-го іюня.

Сегодня ѣздили въ городъ (въ Систово), до Дуная въ коляскѣ, черезъ Дунай перебрались на лодкѣ. Переѣздъ черезъ рѣку продолжается цѣлый часъ, оттуда—только полчаса. Дунай очень быстръ. Систово лежитъ очень красиво, раскинутъ на горѣ, куда мы поднялись верхомъ, тамъ были на турецкой батареѣ и любовались мѣткостью нашихъ орудій; вся батарея испещрена нашими снарядами. Государь поѣхалъ къ начальнику дивизіи Драгомірову, а меня послалъ осмотрѣть нашъ дивизіонный лазаретъ. Я его искалъ какъ иголку; никто не знаетъ; наконецъ, встрѣтилъ доктора, который и разрѣшилъ мою задачу. Лазаретъ помѣщенъ въ турецкомъ медрессе: отличное зданіе, просторное, съ отличнымъ воздухомъ, но больныхъ только 12 человѣкъ, да и то

почти исключительно лихорадочные. При мнѣ принесли одного раненаго болгарина; его подстрѣлили черкесы въ полѣ, гдѣ онъ занимался своими мирными работами— такъ пустили пулю, ни за что, ни про что, какъ въ галку. Зданіе госпиталя все съ выбитыми стеклами, какъ и всѣ турецкіе дома въ Систовѣ; на улицахъ лежатъ всюду разбросанные листки корана, что̀ я тебѣ и присылаю на память моей поѣздки въ Турцію. Изъ госпиталя я отправился рысью къ мѣсту перевоза, не безъ страха остаться съ лошадью на той сторонѣ Дуная, съ которой переправляться не легко. Къ счастью, пріѣхалъ вѡ-время: Государь только-что спѣшился; масса народа, женщины съ букетами стояли на берегу. Едва успѣлъ я сдать лошадь, какъ уже побѣжалъ садиться въ катеръ, и 8 лихихъ гребцовъ черезъ полчаса доставили насъ на тотъ берегъ, а тамъ опять коляски, пыль, два моста черезъ островки и наконецъ—снова въ нашемъ лагерѣ. Хотѣлъ-было тотчасъ же сѣсть за письмо къ тебѣ... разсказать, что̀ видѣлъ, но въ палаткѣ отъ жары сидѣть невозможно, вышелъ на воздухъ и засѣлъ за свой столикъ, который нынче только-что пріобрѣлъ за 12 франковъ; но писать на открытомъ воздухѣ въ нашемъ лагерѣ—это все равно, что писать на тротуарѣ Невскаго проспекта; то тотъ, то другой подходитъ, заводитъ бесѣду, а тутъ чай начался; такъ время и пошло до обѣда. Теперь, въ $6^1/_4$, садимся за столъ, всѣ вмѣстѣ съ Государемъ (такъ какъ большой обозъ здѣсь), обѣдаемъ въ большой палаткѣ, довольно душной; сельтерская вода уже почти вся выпита, красное вино исчезаетъ какъ въ песокъ: не успѣютъ подать бутылку, ея уже нѣтъ—такъ велика здѣсь жажда у всѣхъ. Едва успѣли

мы съѣсть тарелку супа, какъ раздался благовѣстъ въ сосѣдней болгарской церкви — къ покойнику. Привезли тѣло погибшаго офицера, артиллериста Тюрберта; бомба при переправѣ упала на его понтонъ, который пошелъ ко дну, вмѣстѣ со всѣми людьми и съ Тюбертомъ, двумя или тремя орудіями и лошадьми. Черезъ нѣсколько дней послѣ тѣло бѣднаго офицера выкинуло на берегъ. Товарищи рѣшили его перевезти на эту сторону и похоронить въ Зимницѣ подлѣ самой церкви. Государь и, конечно, вся свита вышли изъ-за стола и отправились въ церковь, гдѣ простояли всю церемонію отпѣванія и опустили въ землю молодого юношу, оставившаго въ Петербургѣ свою семью, отца и мать, которымъ долго придется оплакивать ихъ ребенка: время плохо залечиваетъ эти раны. Всегда вспоминаю при этомъ стихотвореніе Некрасова по поводу севастопольскихъ смертей! Похоронивши бѣднаго юношу, вернулись къ обѣду, къ концу котораго все разошлось и монтировалось больше прежняго. Бо́льшая часть присутствовавшихъ идетъ въ огонь и идетъ съ увлеченіемъ, чувствуя, что идетъ за дѣло. Послѣ обѣда подъ конвоемъ привели плѣнныхъ турокъ; я ихъ разсматривалъ съ величайшимъ интересомъ; тутъ были и низамы, и башибузуки, и даже кафетьеръ изъ Систова, не потерявшій характеристичной физіономіи кафетьеровъ въ Европѣ. Самые интересные типы принадлежатъ, конечно, башибузукамъ: худые, мускулистые, съ звѣриными выраженіями фигуры, на которыхъ навѣшены лохмотья; на нѣкоторыхъ — какіе-то тюрбаны на головѣ; низамы въ большинствѣ случаевъ съ добродушными физіономіями, не очень худые, нѣкоторые даже слегка жирные; были тутъ и крымскіе та-

тары съ тупымъ выраженіемъ лицъ. Послѣ этого дивертиссемента, навѣстилъ больного и забѣжалъ въ Красный Крестъ посмотрѣть матросика, о которомъ я тебѣ писалъ; онъ очень серьезенъ, его съѣдаетъ гнойная лихорадка, и врядъ ли онъ выкарабкается; теперь онъ возбуждаетъ къ себѣ самое живое участіе всего нашего лагеря и медицинскаго персонала. Вернувшись домой, засѣлъ за свой чай съ лимономъ и не могу насытиться этимъ райскимъ напиткомъ; прекратилъ пить потому только, что опорожнилъ оба чайника, одинъ съ водой, другой съ чаемъ. Пòтомъ это быстро исчезаетъ. Систово мало представляетъ мѣстнаго колорита: всѣ окна съ рѣшетками, высокіе заборы съ внутренними двориками, улицы не людны, масса нашихъ солдатъ—вотъ и все.

23-го іюня.

Вчера къ вечеру поднялся снова сильнѣйшій юго-западный вѣтеръ, съ пылью; вѣтеръ такъ и рвалъ въ палаткѣ и мѣшалъ спать. Все наше имущество насквозь проникнуто этой мелкой пылью. Нужно только сознаться, что въ этой пыли нѣтъ сильно раздражающихъ элементовъ; до сихъ поръ ни у кого глаза не воспаляются. Почти нѣтъ возможности держать себя чисто: едва успѣешь переодѣться, вымыться—уже грязенъ. Благодаря вѣтру, нынче прохладнѣе, въ тѣни 21 гр., и подъ моимъ деревомъ сидѣть очень пріятно, только непріятно писать—безпрестанно завертывается бумага... Начинаютъ всѣ плакать: стоянка сильно начинаетъ намъ надоѣдать: жаръ, пыль, вонь, недостатокъ хорошей воды. Военные говорятъ, что скоро перемѣнятъ мѣсто; будемъ ожидать съ покорностью, я же при этомъ себя чувствую отлично...

XVII.

24-го іюня.

Наступаютъ самые тяжелые часы—около двухъ, мое дерево все меньше и меньше защищаетъ меня отъ солнца; съ утра пришлось перемѣнить уже нѣсколько мѣстъ; послѣ двухъ приходится садиться на косогоръ, чтобы защищаться отъ нашего здѣшняго врага, а на косогорѣ не установишь табуретки — вотъ и страдаешь около часа; часамъ къ четыремъ устанавливается хорошая тѣнь около палатки—тутъ и проходитъ время до обѣда, сирѣчь до 6 часовъ. Въ палаткѣ сидѣть немыслимо отъ духоты, въ ней только спишь. Теперь нами выбранное мѣстечко подъ деревомъ, къ величайшему горю, оцѣнилось и другими членами лагеря, почему являются на посидѣлки подъ деревомъ; впрочемъ, я не стѣсняюсь, читаю, пишу и не обращаю вниманія. Сегодня день, впрочемъ, не такой тяжелый, какъ вчера и особенно третьяго дня; вѣтеръ перемѣнился, сталъ дуть съ юго-востока, посвѣжѣе вчерашняго, 23 въ тѣни и главное безъ пыли, которая здѣсь особенно подымается при юго-западномъ вѣтрѣ; утромъ въ тѣни было даже свѣжо при 19 градусахъ; теперь, кажется, начинаетъ мѣняться вѣтеръ и какъ будто съ запада, во всякомъ случаѣ, сталъ слабѣе. Баром. 767, слегка поднялся. Компанія кончила свой завтракъ и начинаетъ расходиться по своимъ надобностямъ. Оффиціальнаго ничего на предстоитъ, а потому большая часть отправилась черезъ Дунай на лодкахъ въ Систово; это мѣсто здѣшняго развлеченія; тамъ есть ресторанъ, гдѣ можно получить кусокъ мяса, хлѣба и мѣстнаго вина, довольно вкуснаго и дешеваго; нако-

нецъ, тамъ можно купить табаку. Здѣсь этого ничего нѣтъ; всѣ лавки заперты, а если какія и отперты, то въ нихъ ничего нѣтъ; хлѣба иногда ни за какія деньги не получишь, а иногда за полтора франка небольшую булку. Конечно, все это тяжело для тѣхъ несчастныхъ гражданскихъ людей, не привязанныхъ ни къ какой военной части, потому что эти послѣдніе кормятся хозяйственнымъ образомъ и дѣлаютъ свою кухню. Главная квартира теперь съ пріѣздомъ обоза кормится удовлетворительно; сложили печь, почему у насъ и хлѣбъ довольно вкусный. Завтра утромъ нашъ лагерь сильно опустѣетъ. Великій Князь выѣзжаетъ на другую сторону; туда же отправляются Наслѣдникъ и Владиміръ Александровичъ; при каждомъ изъ нихъ адъютанты, обозы. Все это помѣщалось въ одномъ мѣстѣ съ нами, и потому съ завтрашняго дня у насъ тишина,— только врядъ ли мы ею будемъ долго пользоваться; говорятъ также и о нашемъ переѣздѣ прежде налегкѣ, а потомъ и съ обозомъ, но куда—опять секретъ, который врядъ ли кому навѣрное извѣстенъ. Пойдемъ ли на ту сторону, или передвинемся на этой сторонѣ,—неизвѣстно. Я отношусь довольно равнодушно къ этимъ перемѣщеніямъ—знаю только, что еще не домой... Въ теперешнее время жить въ семьѣ, пользоваться всѣми благами семейнаго счастья—было бы грѣшно...

Кажется, я тебѣ писалъ, что Красный Крестъ помѣстился съ отрядомъ Рыжова почти напротивъ нашего лагеря, обитатели котораго ходятъ туда безпрестанно, очевидно съ цѣлью развлеченія, отъ нечего-дѣлать, какъ будто идутъ навѣстить больныхъ, а въ сущности поглазѣть на сестеръ, представляющихъ особен-

ный интересъ въ красивомъ личикѣ нѣкоей А. Впрочемъ, надо прибавить, что сестры держатъ себя безукоризненно и могутъ быть поставлены въ примѣръ прочимъ умѣньемъ жить безъ дѣла (такъ какъ больныхъ мало) и при этомъ сохранять свою порядочность. Истинно выдержанный и хорошій человѣкъ—тотъ, который и въ бездѣльѣ умѣетъ оставаться порядочнымъ. Сегодня я тебѣ пошлю телеграмму съ просьбою прислать сигары; ты не дѣлай изъ этого никакихъ заключеній о времени нашего отъѣзда: у меня сигары подъ исходъ, а лишиться этого товарища въ моемъ одиночествѣ было бы очень прискорбно.

25-го іюня.

Сегодня такая жара, такое пекло стоитъ у насъ, что едва двигаешься; въ тѣни 27 гр., но при этомъ нѣтъ ни малѣйшаго движенія воздуха: походишь на солнцѣ и потомъ остановишься—дѣйствительно чувствуешь прохладу; но посидишь въ этой тѣни—такъ и начинаетъ томить. Протянулъ до четырехъ часовъ, немного почиталъ, а больше всего глядѣлъ на лужу Дуная, которая теперь чуть не съ каждымъ часомъ становится все мельче и мельче; сходилъ къ завтраку не для ѣды, а для питья; потомъ протянулось время до двухъ, напился чаю, походилъ по нашему лагерю, осмотрѣлъ различной формы палатки, дорожные экипажи, зашелъ къ Игнатьеву да и засѣлъ за бумагу къ тебѣ... Жалко, что такъ мало интереснаго могу тебѣ сообщить изъ самаго интереснаго въ настоящее время мѣста въ Европѣ. Сегодня выѣхала отсюда главная квартира Вел. Кн. Николая Николаевича; также вышелъ Наслѣдникъ и Вел. Кн. Владиміръ Алек-

сандровичъ. Съ уходомъ Великихъ Князей, ихъ адъютантовъ, нашъ лагерь значительно опорожнился, стало больше мѣста. Пыли сегодня мало, вѣтеръ легкій съ юго-востока. Подымается пыль столбомъ только отъ лошадей, и мы долго могли слѣдить съ нашего обсерваціоннаго пункта подъ деревомъ, какъ на той сторонѣ шелъ столбъ пыли по горѣ, по которой шла наша главная квартира. Оттуда до насъ пыль, конечно, не доходила, да и за нами все время тянущіяся войска не пылятъ уже болѣе такъ, какъ это было въ тѣ дни, когда дулъ юго-западный вѣтеръ. Теперь мы слышимъ днемъ и ночью постоянный шумъ колесъ обоза, переходящаго черезъ Дунай. Войска все идутъ и идутъ. Когда мы двинемся за ними и пойдемъ ли,—конечно, неизвѣстно; конечно, пойдемъ, но далеко ли—это никому неизвѣстно; лакейство начинаетъ поговаривать о скоромъ возвращеніи въ Питеръ, но пока очень глухо. Корпусъ Шаховского все еще у Журжева. Выѣздъ главной квартиры все-таки произвелъ нѣкоторое движеніе и въ нашемъ лагерѣ; всѣ ищутъ тѣни и думаютъ, что на той сторонѣ ея больше; кое-кто уже и переправился; я же, въ виду скораго отъѣзда, не рѣшаюсь перекочевывать.

XVIII.

27-го іюня.

Сегодня я всталъ утромъ въ началѣ пятаго часа; назначено было наканунѣ еще собраться у моста въ 6 часовъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Царевино или Царево, въ 8 верстахъ отъ Систова, гдѣ стоялъ штабъ главнокомандующаго. Только-что одѣлся и готовъ былъ

отправиться, какъ объявили, что поѣздка отложена; я раздѣлся, уже легъ въ постель, какъ пришли сказать, что все-таки ѣдутъ. Ну, и отправились мы верхами; пыль, жара въ 30 гр.—превзошли всякое воображеніе.

28-го іюня.

Вчера позвали обѣдать, и я не окончилъ своего описанія поѣздки въ Царево. Эта поѣздка была страдой: пыль на томъ берегу не такая мелкая, какъ въ Зимницѣ, — она рѣжетъ глаза, заставляетъ кашлять. Вся свита, весь казацкій конвой — въ мѣстахъ, гдѣ дорога съуживалась, гдѣ нельзя было выѣхать въ сторону, отъ пыли становилось невыносимо; закроешь глаза и предоставляешь себя благоразумію лошади, которая, бѣдняга, таща на себѣ шесть пудовъ вѣса, пыхтя отъ жары, высматриваетъ дорогу и вывозитъ самымъ искуснымъ образомъ, обходя ямки и неудобные спуски; вчера я былъ на иноходцѣ, и благодаря этому, вѣроятно, былъ все-таки въ состояніи сдѣлать это путешествіе, не развалившись на кусочки. Два часа шли мы до Царева; тамъ насъ уже ожидалъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ со всѣмъ штабомъ; великіе міра сего взошли въ какую-то мазанку, мы же собрались подъ однимъ изъ немногихъ тамъ тѣнистыхъ деревьевъ; наконецъ, Великій Князь уѣхалъ дальше, а мы остались, немного перекусили холоднаго и снова отправились въ путь; къ 12 часамъ вернулись. Не могу тебѣ сказать, до какой степени я былъ измученъ: и жаръ, и пыль, и ходьба пѣшкомъ черезъ мосты и островочки—все это вмѣстѣ довело меня до того, что, придя къ себѣ подъ дерево, я не былъ въ

состоянiи сидѣть на табуретѣ, а просто легъ на землю и лежа началъ отпиваться чаемъ. Сколько же я его и выпилъ! одна чашка за другой входила въ меня, какъ въ губку. Что это за незамѣнимый напитокъ въ здѣшнемъ климатѣ—чай съ лимономъ! Еслибы я владѣлъ риѳмой, то какую бы элегiю написалъ я этому другу человѣчества! Отпившись чаемъ, я былъ въ состоянiи снять съ себя мокрое бѣлье и платье и, раздѣвшись какъ на ночь, завалился спать. Пока я спалъ или, вѣрнѣе, дремалъ, — слишкомъ усталъ, чтобы спать, — погода мало-по-малу стала мѣняться. Поднялся сильнѣйшiй вѣтеръ съ юго-запада, понесъ намъ мелкую пудру, врывался въ палатки, сорвалъ всѣ наши веревки; къ обѣду такъ посвѣжѣло, что я уже надѣлъ сукно, и за обѣдомъ все это разразилось дождемъ съ вѣтромъ, постоянно наростающимъ. Наши шатрики едва держались, конечно, протекли, и промокло много нашего имущества; впрочемъ, причина этого лежала въ неопытности Антона въ лагерной жизни; онъ все могъ бы спасти, еслибы онъ объ этомъ во-время подумалъ: вѣдь около нашего шатра стоитъ наша громадная крытая коляска; наконецъ, самъ Антонъ помѣщается почти рядомъ въ строенiи въ мазанкѣ (нѣчто въ родѣ каменнаго домика), куда можно было бы спасти все платье. Вчера я одѣлся и пришелъ въ общую палатку, гдѣ и ждалъ своего часа для визита къ Государю. Возвратясь въ двѣнадцатомъ часу домой, я нашелъ все въ отличномъ порядкѣ: дверки въ палаткѣ запиты, смоченная подушка высушена, одѣяло, простыня —все въ порядкѣ. Въ палаткѣ было сыро, холодно, и пришлось лечь въ халатѣ: заснулъ, впрочемъ, какъ убитый—я былъ слишкомъ утомленъ,—и, несмотря на про-

должающіеся раскаты грома, на порывы сильнѣйшаго вѣтра, обѣщавшаго сорвать палатку, я все-таки спалъ почти безъ пробуда; разъ или два проснулся — темно, вѣтеръ бьетъ какъ на пароходѣ, самому тепло — и засыпалъ снова. Сегодня въ 8-мъ часу не было полныхъ 14 градусовъ, сыро, а теперь, въ 3-мъ часу, уже снова начинаетъ быть жарко въ палаткѣ. Съ нынѣшняго утра я предпринялъ свои мѣры относительно измѣненія помѣщенія. Осматривая прежде нашъ лагерь, различные дорожные экипажи и пр., я убѣдился, что наши придворные шатрики не выдерживаютъ ни малѣйшей критики: они не защищаютъ ни отъ солнца, ни отъ холода и вѣтра, ни отъ дождя; послѣ нынѣшней ночи у меня явилось естественное желаніе бросить шатрикъ и замѣнить его такъ-называемой офицерской палаткой, несравненно болѣе практичной и защищающей также и отъ жары, и отъ дождя. Теперь четыре сапера ставятъ мнѣ мое будущее помѣщеніе, которое въ одинъ часъ времени будетъ приведено въ наилучшій видъ. Здѣсь намъ придется стоять, вѣроятно, еще дня 3, 4, а дальше—на той сторонѣ Дуная до Тырнова—кромѣ палатокъ ничто немыслимо; слѣдовательно, пріобрѣтеніе своей палатки для меня чрезвычайно важно; впрочемъ не думай, чтобы я ее купилъ, — я ее просто взялъ въ свое владѣніе изъ интендантскаго вѣдомства на всю кампанію; вѣдь и цѣна-то всей палатки 25 р. Еслибы знать да вѣдать, какъ бы удобно можно было устроиться, было бы и кресло покойное, и нѣчто въ родѣ самоварчика своего и пр. Еслибы знать навѣрное, долго ли намъ мыкаться, то, конечно, и теперь можно было бы обзавестись многимъ, что̀ я, впрочемъ, и сдѣлалъ: черезъ Бухарестъ се-

годня съ окказіей поручилъ выслать мнѣ спиртовую канфорку, кресло. Имѣть возможность получить во всякое время, независимо отъ общаго хозяйскаго хода, свою горячую воду, да чистую, это—великое дѣло. Теперь, благодаря моимъ жалобамъ, стали доставать хорошую воду, а первое время нашего постоя въ Зимницѣ настой чая казался какъ будто со сливками—такъ была мутна вода, которую давали на чай. Теперь мы имѣемъ порядочную, чистую воду, но снова второй день безъ сельтерской воды, безъ сифоновъ, остался только сладкій лимонадъ-газесъ,—изволь его пить за обѣдомъ, послѣ супа, напримѣръ. Со стиркой бѣлья здѣсь ужасная возня: дорого, скверно, долго и невѣрно; отъ 2 до 4 франковъ стоитъ рубашка; сейчасъ принесли счетъ въ 50 франковъ за бѣлье, кажется, одной или полутора недѣль времени. Можешь себѣ вообразить, каково въ этомъ отношеніи простому офицеру; солдатъ вымоетъ себѣ самъ, а офицеръ, носящій китель, конечно, уже долженъ отказаться отъ излишней опрятности. За то здѣсь ты никого не удивишь ни грязью бѣлья, ни разорванными и истертыми штанами и мундиромъ. Здѣсь свита имѣетъ видъ довольно грязный, но она имѣетъ еще бальный видъ сравнительно, напримѣръ, съ офицерами, стоящими на мосту и завѣдующими понтонами: тамъ я знаю одного подполковника Аккермана, и вчера утромъ остановился въ его досчатой норкѣ, гдѣ онъ проводитъ 24 часа своего дня, слѣдя за состояніемъ моста. Это помѣщеніе нехитрое: поставлены доски другъ къ другу подъ угломъ въ томъ направленіи, въ которомъ можно наиболѣе долго защититься отъ солнца; въ досчатомъ треугольникѣ стоятъ двѣ скамьи и столъ, отъ солнца защищенные; въ обѣ стороны проходитъ воздухъ и отлично продуваетъ; на

столѣ у нихъ стоитъ складной самоваръ, лежитъ книга съ отмѣтками обо всемъ проходящемъ и происходящемъ на мосту. Вчера я тамъ былъ въ шестомъ часу утра и видѣлъ, какъ офицеры пьютъ чай; пришелъ я туда—чай имѣлъ свой настоящій видъ, а потомъ цвѣтъ чая постепенно исчезалъ и замѣнялся, наконецъ, цвѣтомъ Дуная, а офицеры все пили да похваливали; сами они грязненькіе, оборванные; у нѣкоторыхъ красные глаза (отъ пыли), лица загорѣлыя, красныя, темныя, обросшія бородой, голоса хриплые, но при этомъ отличнѣйшее настроеніе духа, бодрое, веселое, благодушное. Типъ армейскаго офицера для меня чрезвычайно симпатиченъ; все это труженики, бѣдняги, не балованные судьбой, вѣроятно, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, довольствующіеся малымъ, не мечтающіе о наградахъ, повышеніяхъ, ограничивающіеся въ своихъ мечтахъ только—*вернуться благополучно* назадъ, въ свою семью, выполнивъ честно свой долгъ. Про Аккермана я слышалъ совершенно случайно, съ какимъ героическимъ спокойствіемъ онъ везъ на понтонѣ довѣренную ему часть людей, какъ онъ спокойно убѣждалъ не бояться, держаться тихо, не двигаясь, въ случаѣ, если и бомба упадетъ на нихъ. При личной же со мною встрѣчѣ онъ даже не говорилъ о томъ, что онъ былъ на переправѣ,—жалѣлъ только о Кавказѣ, гдѣ онъ прослужилъ первую половину своей службы, и радовался тому, что сынъ его, 17-лѣтній мальчикъ, отлично учится и пристроенъ въ военной гимназіи въ Кіевѣ; дома осталась жена съ пятью цыплятами, питающимися на средства подполковника. Сидитъ себѣ этотъ подполковникъ въ своемъ досчатомъ домикѣ, попиваетъ свой чаекъ съ цвѣтомъ Дуная, проводитъ свои понтоны подъ непрія-

тельскими бомбами и дѣлаетъ все это съ такой простотой, съ такимъ отсутствіемъ всякой фразы, что невольно смотришь на него съ самымъ глубокимъ чувствомъ почтенія. Такихъ типовъ здѣсь не мало, повторяю, особенно въ арміи. Впрочемъ, надо признаться, что и гвардейцы здѣсь измѣнились,—фатовство ихъ незамѣтно; половина, которая была при переправѣ, особенно пострадала,—у нея много раненыхъ и убитыхъ. Теперь эта половина при насъ, другая же пошла впередъ, и часть ея имѣла большое дѣло вмѣстѣ съ другими при Тырновѣ, который, какъ вамъ тамъ, вѣроятно, извѣстно, третьяго дня взятъ нашей кавалеріей. Люди, живущіе въ опасности, при нѣкоторыхъ лишеніяхъ положительно становятся лучше, нравственнѣе, добрѣе...

Торжествую: моя новая палатка разбита, и я уже сижу за столикомъ передъ моимъ входомъ. Напился чайку въ компаніи моего сожителя и теперь устроился писать на своемъ собственномъ столикѣ внутри палатки передъ дверью. Не могу тебѣ передать моего внутренняго удовольствія чувствовать себя наконецъ у себя, въ своей комнатѣ, безъ этого вѣчнаго, неразлучнаго сожителя. Кромѣ удовольствія имѣть гораздо болѣе удобное помѣщеніе, я наслаждаюсь теперь и тѣмъ, что я одинъ въ своей палаткѣ. Ковалевскій остался, по моему предложенію, въ моей другой. Какъ бы ни былъ хорошъ человѣкъ, но жить съ нимъ съ глазу на глазъ для меня невозможно... Сегодня денекъ очень пріятный, прохладный, вѣтеръ снова юго-восточный, барометръ снова поднялся до 768, термометръ же въ тѣни въ 2 ч. дня 17^0, а въ старой палаткѣ дошло до 21^0.

Дунай продолжаетъ мелѣть; въ лужѣ подъ нашей

горой почти уже не купаютъ лошадей—переходятъ въ слѣдующую лужу, въ которой теченіе какъ въ рѣкѣ; есть даже и ямы такихъ размѣровъ, что русскіе люди ухитряются въ нихъ тонуть; въ теченіе нашего пребыванія уже трое совсѣмъ погибли, а двухъ спасли. По поводу этихъ утопленниковъ здѣсь ходитъ разсказъ, который прежде на меня производилъ впечатлѣніе фабулы, но говорятъ, что это не невозможно. Разсказываютъ, будто въ Дунаѣ водятся очень большіе сомы (больше сажени), которые, попробовавъ въ ночь переправы человѣческаго мяса, разлакомились и теперь пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подхватить неосторожно купающагося. Насколько вѣрно, не знаю,—выдаю за то, за что самъ получилъ. Дѣло въ томъ, что, смотря на нашу купающуюся братію, можно допустить возможность утонуть и безъ помощи сома: рѣдко кто изъ простыхъ нашихъ людей хорошо плаваетъ, а рискуетъ такъ, какъ ни одинъ пловецъ не осмѣлится: идутъ съ тройкой лошадей, зря, не обращая вниманія на то, что въ этомъ мѣстѣ въ день нѣсколько разъ кто-нибудь да застрянетъ: лошадь сплошь да рядомъ только на недоуздкѣ, безъ уздечки, почему съ ней нельзя справиться; нерѣдко, вслѣдствіе этого, лошадь сбиваетъ всадника и выскакиваетъ изъ воды одна, а всадникъ справляется, какъ умѣетъ, съ водой. Вчера слышалъ разсказъ, какъ у одного казака сорвалась лошадь съ моста—прямо въ Дунай; казакъ думалъ, что лошадь пропала, рѣка быстра, широка, сорвалась же лошадка въ самомъ началѣ; переходитъ мостъ и смотритъ,—а лошадка его поджидаетъ. Это, говорятъ, впрочемъ, рѣдкость; не всякая лошадь даже изъ казацкихъ съумѣетъ найтись въ такомъ положеніи.

Я тебѣ уже писалъ объ особенности румынскихъ собакъ — жить между людьми и оставаться къ нимъ вполнѣ равнодушными, вести свою собственную жизнь; можешь себѣ вообразить, что этотъ же характеръ появляется здѣсь и на уткахъ, и на курахъ; садъ, въ которомъ стоятъ свитскія палатки и гдѣ помѣщается домъ Государя, напоминаетъ нѣсколько зоологическій садъ: тамъ цыцарки, утки, гуси, куры кишмя-кишатъ, и всѣ, конечно, съ своими незвучными пѣснями. Сегодня, смотрю, послѣ дождя, цѣлое стадо утокъ выбралось на нашъ главный лугъ передъ дворцомъ, расположилось на самомъ проходномъ мѣстѣ и выдержало преспокойно свою позицію: ни одна не пошевелилась ни передъ однимъ прохожимъ, и всякій принужденъ былъ обходить эту компанію; точно также и здѣшнія собаки: большая часть изъ нихъ пришли съ нами изъ Плоэшты съ большимъ обозомъ, состоя собственно при обозѣ, не обращая ни на кого вниманія и подбирая только остатки нашихъ объѣдковъ. Поѣхали вчера въ Царево; нѣкоторыя собаки отправились вмѣстѣ съ нами и затѣмъ вернулись, — только, кажется, не всѣ возвратились: нѣкоторыя, вѣроятно, соблазнились штабомъ Великаго Князя, который многочисленнѣе и потому представляетъ имъ больше надежды на будущее. При каждомъ полку держатся такія собаки, и проѣзжая, напримѣръ, строй солдатъ, вдругъ видишь и пса, стоящаго вмѣстѣ въ строю; при походной жизни люди ихъ не гонятъ; очевидно, эти псы даютъ нѣкоторое развлеченіе. Иногда при какомъ-нибудь обозѣ можно встрѣтить жеребенка, бѣгущаго за своею матерью — это составляетъ утѣшеніе солдатамъ въ ихъ тяжелой и походной жизни. Интересно также явленіе пристающихъ

дѣтей, лѣтъ 12-ти, 13-ти, къ различнымъ частямъ войскъ; это обыкновенно умные парнишки, которые, вѣроятно, занимались нищенствомъ и, ничего не находя отраднаго въ ихъ семьяхъ, ушли вмѣстѣ съ солдатами, которые ихъ кормятъ, одѣнутъ въ полу-военную форму и забавляются этими ребятишками. Я уже трехъ такихъ видѣлъ, и всѣ они поражали умными и плутовскими глазами. Что̀ выработается изъ этихъ дѣтей? Одинъ изъ такихъ пришелъ къ намъ въ лагерь просить худыхъ сапогъ, назвался черногорцемъ, но, вѣроятно, солгалъ; по-русски говоритъ съ нѣмецкимъ акцентомъ. Я съ нимъ хотѣлъ пошутить, позвалъ казака и велѣлъ отвести его въ караулъ, какъ подозрительное лицо, явившееся въ лагерь; плутишка нисколько не сконфузился, пошелъ за казакомъ, какъ будто это такъ и нужно, съ самымъ веселымъ лицомъ. Конечно, его отпустили, и когда я спросилъ казака:—Ну, что парнишка? — „Большой мошенникъ будетъ, ваше пр—ство!“ —такова была діагностика будущности этого ребенка.

Вчера воспользовался первымъ вечеромъ безъ пыли, безъ страшнаго, томительнаго жара, и отправился въ первый разъ на прогулку съ моимъ бывшимъ сожителемъ. Солнце заходило чрезвычайно красиво; краски здѣсь очень яркія; очерки облаковъ на небѣ дѣлали картину очень живописной, особенно при взглядѣ на гористый берегъ Дуная. За нами къ западу разбитъ лагерь казацкаго конвоя; костюмы казаковъ, носящихъ въ лагерѣ свои красные кафтаны, ихъ tente d'abrit, лошади, возы съ сѣномъ—все это разбросано въ красивомъ безпорядкѣ по лугу; кое-гдѣ тѣнистыя деревья акацій — очень живописно. Дошли до какой-то старой, развалив-

шейся румынской казармы, гдѣ теперь помѣщаются плѣнные турки, и повернули домой. Идя на прогулку, мы повстрѣчали странный отрядъ—самыхъ разнообразныхъ полковъ и орудій: пѣхотинцы съ гусарами, казаками, артиллеристами, рослые, маленькіе, шли въ безпорядкѣ довольно лѣниво, кое-кто прихрамывалъ; оказалось, что эта сборная братія шла изъ госпиталей по своимъ частямъ.

29-го іюня.

Вернувшись домой, напились чаю уже у меня въ палаткѣ, и вечеръ протянулся, по обычаю, частью около палатки, частью въ большой общей палаткѣ передъ моимъ визитомъ къ Государю. Вечеръ былъ свѣжій, въ 11 часовъ не доходило до 14 градусовъ, по временамъ порывался вѣтеръ. Ложась спать въ своей новой палаткѣ, я надѣлъ турецкую феску и халатъ, закуталъ пологи палатки и загасилъ свѣчку. На новомъ мѣстѣ являются новые звуки; въ старой палаткѣ я уже совсѣмъ прислушался, узналъ цѣпь лошадей, ихъ отдаленное и близкое ржанье, привыкъ и къ шуму сосѣдей, и, наконецъ, къ звукамъ полотна моей палатки, въ щели которой пробивался вѣтеръ; наконецъ, зналъ и скважины, въ которыя иногда заглядывали ко мнѣ звѣздочки. Въ новой же палаткѣ, поставленной въ другомъ мѣстѣ, ближе къ дереву, къ обрыву нашей горки—характеръ этихъ звуковъ былъ уже иной, приходилось съ ними знакомиться, и это долго мѣшало мнѣ заснуть; не разъ просыпался отъ какого-нибудь незнакомаго мнѣ звука, и снова засыпалъ, убѣдившись, что это шумъ листьевъ, и пр. Разъ уснувши, спалъ отлично; не было холодно, несмотря на то, что подъ утро, вѣроятно, было не болѣе 10 градусовъ. Сегодня

29-ое, денекъ облачный, утромъ было 14, а теперь, въ 3-мъ часу, въ тѣни уже 21°; послѣ прежней жары кажетъ прохладно, и всѣ надѣли сукно. Послѣ своего утренняго завтрака я отправился въ новоустроенный госпиталь на 500 человѣкъ; третьяго дня тамъ еще не было больныхъ, а сегодня уже 320 человѣкъ; госпиталь—въ двухъ верстахъ отъ Зимницы по дорогѣ къ Журжеву—разбитъ въ киргизскихъ палаткахъ очень широко на большомъ лугу съ отличной водой; 12 врачей съ старшимъ докторомъ А. во главѣ. Сестеръ нѣтъ; уходъ за больными далеко не такой, какой мы до сихъ поръ видѣли; молодые врачи изъ кіевскаго университета нынѣшняго года плоховаты, — больныхъ своихъ не знаютъ, бродятъ какъ въ лѣсу; мнѣ пришлось тамъ поработать, чтобы уткнуть носомъ того, другого, третьяго, и поговорить не безъ генеральскаго тона, что̀ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо. Въ госпиталѣ попотѣлъ порядкомъ: больные лежатъ на очень низкихъ кроватяхъ, а другіе—просто на сѣнникахъ, лежащихъ прямо на землѣ; тутъ почти всѣ—нижніе чины; приходится для изслѣдованія больного становиться на колѣни—ну, а у меня еще брюхо не настолько спало, чтобы эти тѣлодвиженія были вполнѣ свободны,—оттого и потѣешь до десятаго пота; есть тутъ и тяжелые тифозные, хотя преобладающими больными остаются все-таки лихорадочные. Подборъ врачей почти исключительно польскій и нѣмецкій, и они сдѣлали на меня не очень отрадное впечатлѣніе — какъ люди, и еще менѣе отрадное впечатлѣніе — какъ врачи. Тѣ дни, что проживемъ здѣсь, буду ихъ посѣщать почаще, и надѣюсь поэтому—и подъучу ихъ; народъ все-таки молодой, не заскорузлый въ

своемъ невѣжествѣ. Изъ госпиталя поѣхалъ въ деревню Фонтанелли, гдѣ помѣстился Новацкій (проф. изъ Москвы), который вздумалъ прихворнуть. Новацкій назначенъ консультантомъ этого 63-го госпиталя, но третьяго дня захотѣлъ отправиться въ Систово на лодкѣ, на возвратномъ пути захватила его буря еще на томъ берегу,—пришлось возвратиться черезъ мостъ пѣшкомъ; вѣтромъ мостъ разорвало,—пришлось отъ одного конца моста до другого перебираться на катерѣ, а тамъ снова пѣшкомъ; на островѣ бѣдняга остался одинъ съ своей слабостью, темнотой и незнаніемъ дороги; больше по инстинкту онъ кое-какъ, неоднократно ложась на землю, чтобы ощупать дорогу, неоднократно падая, добрался, наконецъ, на другую сторону и укрылся подъ какой-то крышей, откуда его и переправили, измученнаго, въ деревню, гдѣ онъ поселился и куда онъ стремился къ своему лакею, безъ котораго не хотѣлъ умирать. „Еслибы не желаніе попасть къ Ивану и умереть на его рукахъ, то остался бы на островѣ“,—разсказывалъ мнѣ бѣдный старикъ-холостякъ, пріѣхавшій сюда съ самыми святыми чувствами потрудиться для хорошаго дѣла; при одномъ изъ паденій онъ вытянулъ большой палецъ на ногѣ, и теперь въ постели, вѣроятно, дня на два. Онъ помѣщенъ недурно, — по крайней мѣрѣ онъ защищенъ отъ здѣшнихъ непогодъ; мазанка здѣсь устроивается изъ плетняка и затѣмъ снаружи и внутри сверху вымазывается глиной, что̀ имѣетъ очень опрятный видъ; весь домъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: въ первой помѣщается семья хозяина, состоящая изъ трехъ бабъ, двухъ мужиковъ и одного грудного ребенка, а вторая комната идетъ подъ Новацкаго съ человѣкомъ.—Хорошо ли вамъ

здѣсь?—На мой вопросъ Новацкій отвѣчалъ:—„Ничего, хорошо, только ребенокъ все кричитъ, да вотъ вчера, когда я больной въ лихорадкѣ лежалъ въ четвертомъ часу утра, вдругъ слышу крикъ; просыпаюсь, смотрю — хозяйка преспокойно въ моей комнатѣ моетъ ребенка“.— Ну, а что вы кушаете?—„Да хотимъ устроить общій столъ съ врачами, будетъ хорошо; вчера добрый товарищъ, не знаю его фамиліи, Николай Ивановичъ, прислалъ супу; супъ былъ ничего, не хуже чѣмъ въ Зимницѣ“.—Когда Новацкій былъ молодъ, онъ мнѣ почему-то не нравился; но теперь, когда ему 50 лѣтъ, встрѣтившись съ нимъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и, наконецъ, здѣсь, онъ возбудилъ во мнѣ самое нѣжное къ нему чувство. Онъ очень трудящійся человѣкъ; какъ холостякъ, выкроенъ по особому образцу и очень оригинальному, сохраняя въ себѣ довольно свѣжо типъ профессора не-столичнаго университета. Держится онъ особнякомъ, чрезвычайно мягко, вѣжливо относится къ каждому, самъ, повидимому, очень щепетиленъ и въ высшей степени совѣстливо относится къ своему дѣлу; вмѣстѣ съ этимъ проникнутъ, очевидно, самыми святыми чувствами и невольно вызываетъ къ себѣ извѣстнаго рода почтеніе, особенно своимъ спокойствіемъ и добродушіемъ. Вернувшись на рысяхъ домой, я напился чаю и засѣлъ бесѣдовать съ тобою; теперь дождь и жаръ опять загнали меня въ палатку. Я съ ужасомъ увидалъ, что пишу тебѣ уже девятый листъ такого мучительнаго, неразборчиваго писанія и разсказываю тебѣ всякую пустяковину; но, зная по себѣ, съ какимъ я наслажденіемъ читаю всѣ маленькія подробности твоей жизни, я увѣренъ, что тебѣ такъ же пріятно, какъ мнѣ, читать

всякій вздоръ, который приходитъ мнѣ въ голову. О міровыхъ событіяхъ, которыя совершаются на нашихъ глазахъ, писать невозможно; мы здѣсь не въ состояніи слѣдить за общимъ ходомъ дѣлъ, мы узнаемъ только о крупныхъ фактахъ или же слышимъ маленькія детали военной жизни; мы теперь знаемъ, что главнокомандующій съ извѣстной частью войскъ идетъ къ югу, къ Балканамъ; что Тырново взято, Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ пошли на востокъ къ Рущуку, который, вѣроятно, нужно будетъ взять; что, наконецъ, 9-ый корпусъ Крюднера пошелъ къ западу на Никополь; корпусъ Шаховского у Журжева и, вѣроятно, съ нимъ или съ частью его придется отправиться и намъ на ту сторону. Это особенно меня утѣшаетъ тѣмъ, что, можетъ быть, увижу твоего брата... Вопросъ о нашемъ возвращеніи все еще остается для насъ тайной; нѣкоторые не теряютъ надежды быть дома къ 22-му іюля, другіе — къ 28-му, а наконецъ есть и такіе, которые помирятся и съ августомъ. Я принадлежу къ тѣмъ, которые себя ничѣмъ не обманываютъ и говорятъ себѣ: Богъ знаетъ! или: кто знаетъ! Если кампанія пойдетъ быстро, какъ это и вѣроятно, то вѣдь черезъ нѣсколько недѣль и миръ не невозможенъ.

XIX.

30-го іюня.

Сегодня оканчивается іюнь—и больше мѣсяца нашей разлуки; конечно, объ отъѣздѣ пока ни слуха, ни духа, но надо себя наркотизовать и не думать о немъ. Наркотическихъ средствъ много; одно изъ первыхъ по дѣйствію

—это писать тебѣ, болтать всякій вздоръ, затѣмъ читать интересную книгу и искать, гдѣ можно, работу. Этими средствами кое-какъ справляешься, и день за днемъ идутъ съ своей правильной постепенностью: понедѣльникъ четверга не обгонитъ, надо обождать вторникъ и среду.

Съ тѣхъ поръ какъ спала жара, съ тѣхъ поръ какъ у насъ съ Ковалевскимъ отдѣльныя палатки, и моя жизнь пошла полнѣе, лучше; я не такъ кисну и не такъ часто смотрю на часы. Напримѣръ, въ сію минуту, еслибы ты, семья, были здѣсь, то я бы считалъ себя блаженнѣйшимъ и счастливѣйшимъ человѣкомъ. Сижу я въ своей палаткѣ и широко раскрылъ ея переднія полотна—воздуху входитъ масса; передо мною тѣнистое дерево акаціи; 18° съ маленькимъ вѣтромъ съ юго-запада безъ пыли (изъ-за бывшихъ дождей) ласкаютъ мое тѣло; вдали та же картина Дуная съ Систовымъ; зеленый островъ, на которомъ пасется стадо, почти высохшая лужа, отдѣлившаяся отъ рукава и Дуная маленькимъ перешейкомъ, дополняютъ планъ картины. Такъ какъ моя палатка очень близка къ горѣ, то я не имѣю передъ глазами другихъ палатокъ моихъ сосѣдей, и, сидя у себя, я совершенно разобщаюсь отъ остального народонаселенія нашего бивуака. Появившаяся у насъ вонь отъ нашихъ собственныхъ производствъ теперь, послѣ сильнаго дождя и вѣтра, совершенно исчезла, воздухъ очистился, и стоянка снова сдѣлалась пріятной, и, безъ сомнѣнія, въ дальнѣйшемъ нашемъ пути долго еще не будетъ подобной. Теперь, хотя неаккуратно, но ходятъ телеграммы; а когда перейдемъ Дунай, то останемся исключительно съ одной военной телеграфной ниткой, которая вѣчно будетъ занята военнымъ вѣдомствомъ, и нашему брату только

изрѣдка придется перекинуться вѣсточками. Впрочемъ, что будетъ, то будетъ; будемъ лучше заниматься настоящимъ. Послѣ взятія Тырнова, съ той стороны никакихъ извѣстій; вчера только привезли знамя, взятое въ Тырновѣ, и привезшій его офицеръ ничего не сообщилъ о подробностяхъ дѣла; сегодня утромъ узналъ, что вчера поздно, въ часъ ночи, когда я уже спалъ, пришло извѣстіе съ Кавказа о блистательномъ дѣлѣ подъ Баязетомъ, откуда наконецъ освобожденъ нашъ отрядъ, осаждаемый 23 дня турками.

Вотъ все, что я знаю о военныхъ дѣйствіяхъ; какъ видишь, очень мало; но, поговоривъ вчера съ Сережей, я увидалъ, что они, бѣдняги, знаютъ еще меньше и живутъ, повидимому, изо дня въ день, зная только про нѣкоторыя части своего корпуса. Вчера познакомился съ его корпуснымъ начальникомъ, который произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе добраго, хорошаго человѣка...

Турки стрѣляютъ очень мѣтко съ своихъ позицій; Сережа разсказывалъ, что у Журжева нельзя было высунуться изъ-за прикрытія, чтобы не полетѣли съ того берега массами пули; впрочемъ, говорятъ, что въ полѣ при новыхъ позиціяхъ они не будутъ хорошо стрѣлять —дай Богъ.

Сейчасъ зашелъ ко мнѣ князь М. и разсказалъ премиленькій фактъ, подтверждающій мои первыя наблюденія относительно здѣшнихъ такъ-называемыхъ домашнихъ животныхъ. Вообрази себѣ, вчера онъ раскинулъ свою палатку на нашемъ бивуакѣ, наскоро, слѣдовательно не обрывъ ее кругомъ, легъ спать —и вдругъ ночью просыпается, чувствуя, что что-то

или кто-то по немъ ходитъ: оказывается — кошка; М. схватываетъ нагайку и начинаетъ расправу; кошка издаетъ крикъ, на который являются три кота-ухажи-вателя; въ темнотѣ удары нагайки, понятно, были мало дѣйствительны, и незваные гости, забившись въ углы, не думали выходить вонъ; пришлось зажечь свѣчку, и только тогда удалось освободиться отъ посѣтителей съ помощью той же нагайки. Такая безцеремонность кошекъ относительно человѣка встрѣчается только здѣсь, въ странѣ съ нѣкоторымъ восточнымъ характеромъ, съ его непо-движностью. Вчера вечеромъ мы, наконецъ, сдѣлали про-гулку по городу, который, въ сущности, имѣетъ только относительное право на названіе города. Весь городъ состоитъ изъ пустырей, между которыми изрѣдка стоятъ жалкіе, одноэтажные домики изъ двухъ, трехъ комнатъ; отъ мазанокъ эти домики отличаются только размѣромъ оконъ, дверей и крышами изъ черепицы; площади да заборы, большею частью изъ плетня, только и видны; изрѣдка попадаются и домики. Говорятъ, тутъ три ты-сячи жителей, по преимуществу бѣглецовъ изъ Болгаріи, но теперь ихъ почти не видно; всѣ они совершенно по-глощены наплывнымъ военнымъ населеніемъ, постоянно проходящимъ сквозь городъ; изрѣдка встрѣчается горо-жанинъ, а то или казакъ, или пѣхотинецъ, или кава-леристъ.

1-е іюля.

Вчера опять вечеромъ гулялъ съ Ковалевскимъ на западъ отъ Зимницы; дошли до другихъ румынскихъ ка-зармъ, гдѣ теперь содержатся плѣнные турки, посмо-трѣлъ въ ихъ комнату, гдѣ сидятъ превеселые люди; за это время они пооткормились, убѣдились, что съ ними

ничего не будетъ дурного, и живутъ себѣ припѣваючи, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; многіе изъ нихъ проводятъ время въ томъ, что играютъ въ шашки, расчертивъ квадратики на своихъ штанахъ, курткахъ; просторная комната, гдѣ они содержатся, биткомъ набита народомъ: ихъ, кажется, тамъ отъ 60 до 80 человѣкъ. Изъ комнаты этой, какъ изъ печки, обдаетъ жаромъ; на дворъ ихъ водятъ по нѣскольку человѣкъ всегда съ карауломъ; это, кажется, и вся ихъ прогулка. Я ихъ видѣлъ приблизительно недѣлю тому назадъ и нашелъ въ нихъ большую перемѣну,—они поотъѣлись и стали смотрѣть гораздо смѣлѣе. Около казармъ на лугу расположились лагеремъ проходящія партіи солдатъ изъ различныхъ госпиталей, возвращающихся въ свои части; ихъ было человѣкъ шестьсотъ; до третьяго дня мы встрѣтили подобный же лагерь выздоровѣвшихъ и на томъ же мѣстѣ ночёвки.—Сейчасъ только-что вернулся изъ госпиталя въ Фонтанелли. Число больныхъ въ эти два дня перешло 400 человѣкъ; тутъ больные изъ-за Дуная, а тѣ части войскъ, которыя туда идутъ, тоже тутъ оставляютъ больныхъ,—поэтому госпиталь наполняется быстро. Сегодня я нашелъ все въ болѣе исправномъ видѣ; очевидно, моя распеканція кое-что произвела; несмотря на то, что больныхъ было сегодня гораздо больше, врачи были менѣе чужды въ своихъ палаткахъ и, очевидно, обработывали съ бо̀льшимъ тщаніемъ свои отдѣльные случаи; такихъ грубыхъ промаховъ, какъ въ первый разъ, я уже не видалъ. Госпиталь небогато обставленъ, многаго нѣтъ, какъ, напр., на 500 человѣкъ только 40 носилокъ, которыя служатъ кроватями; остальные же больные лежатъ на сѣнникахъ на землѣ. Кровати заказаны,

но не готовы; съ хининомъ скупятся, стѣсняясь каталогомъ. Отсутствіе ухода сестеръ очень чувствуется, а благодаря упорству кн. Ч., держащаго цѣлую массу сестеръ на этапахъ безъ больныхъ, община не имѣетъ возможности отдѣлить нѣсколько человѣкъ сестеръ на госпитали. Какое счастье для Краснаго Креста, что этотъ помѣщикъ оставляетъ, по крайней мѣрѣ, румынскій Красный Крестъ!

Личность Ч., въ высшей степени самолюбиваго, властолюбиваго, невозможна для такого учрежденія, какъ Красный Крестъ. Ч. хотя и умный человѣкъ, но крайне сухой, и въ силу главнѣйшихъ свойствъ своего характера всталъ почти со всѣми въ очень рогатыя отношенія; повидимому, между А. и Ч., не существуетъ никакой солидарности; между отдѣльными лицами штаба Краснаго Креста положительные нелады или отношенія подчиненныхъ къ непріятному начальнику; отношенія Ч. къ военному вѣдомству тоже не совсѣмъ благопріятныя для дѣятельности Краснаго Креста. Надо надѣяться, что Р. поправитъ то, что̀ испортилъ, Ч. и, вѣроятно, уменьшитъ то непомѣрное число уполномоченныхъ, которыми окружилъ себя Ч. Теперь еще много всего, и если чего не хватаетъ больнымъ, то не отъ недостатка, а отъ несвоевременной доставки, что̀ здѣсь при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ—обыкновенное дѣло. Пока запасовъ военнаго вѣдомства хватаетъ съ достаткомъ на представляющееся число больныхъ; вѣдь ожидали гораздо бо̀льшую цифру больныхъ, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. Правда, въ отдѣльныхъ частяхъ жаловались, напр., на недостатокъ хинины, но причина этого лежала въ томъ, что посланная хинина не могла во̀-

время добраться до мѣста назначенія. Больныхъ, конечно, всего больше, по числу, болотной лихорадкой; есть, впрочемъ, и тифозные, большею частью брюшные тифы, хотя сегодня видѣлъ человѣкъ трехъ сыпного тифа; много катарровъ кишекъ и есть небольшое число кровавыхъ поносовъ; раненыхъ здѣсь очень мало: большая часть вывезена, осталось только не больше десятка; матросикъ тотъ держится и, кажется, выкарабкается...

Нашъ отъѣздъ пока все еще не отмѣняется; идемъ 3-го на ту сторону, вѣроятно на Тырново, но, конечно, пойдемъ небольшими переходами съ войсками. Когда будемъ внутри, врядъ ли удастся аккуратно писать, а потому ты не безпокойся; сдѣлавъ верхомъ по жарѣ нѣсколько верстъ, бросаешься въ тѣнь и на чай, если только его добудешь, и долго ни на что другое неспособенъ. Денекъ сегодня хорошій, только 21 гр. въ тѣни въ два часа дня, а выѣхали мы утромъ—было 18 гр., вѣтерокъ съ юго-запада безъ пыли...

XX.

2-го іюля.

Завтра рано утромъ, въ 5-мъ часу, мы выступаемъ отсюда походомъ: идемъ, вѣроятно, на Тырново, вмѣстѣ съ войскомъ; ты только не воображай, что намъ предстоитъ какая-нибудь опасность—мы будемъ въ самомъ дальнѣйшемъ арьергардѣ. Сегодня утромъ опять всѣ ѣздили въ Систово для чего-то, а мнѣ было поручено осмотрѣть госпитали въ самомъ Систовѣ; пока свита ѣздила по горамъ и искала мѣсто, откуда можно увидать Никополь (котораго и не увидали), я отыскивалъ

и собиралъ справки о госпиталяхъ въ Систовѣ, и наконецъ, убѣдившись, что остался теперь только одинъ лазаретъ болгарской дружины, туда и отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ полковниковъ этого отряда; но прежде чѣмъ попасть въ госпиталь, полковникъ попросилъ зайти къ нему, что̀ я и сдѣлалъ. Къ моему великому удивленію, полко́вникъ оказался живущимъ въ Систовѣ съ своей женой, которая, соскучившись безъ мужа въ Петербургѣ, заблагоразсудила отправиться въ дѣйствующую армію и послѣ довольно тяжелаго путешествія, наконецъ, отыскала своего мужа въ Систовѣ командующимъ частью болгарской дружины; тутъ наша полковница и поселилась и, кажется, приняла бразды правленія ротой своего мужа; дама состоитъ изъ нѣмокъ, особа не старая, не очень красивая, но очевидно съ характеромъ очень сильнымъ; вѣроятно, полковнику приходится выдерживать очень строгую дисциплину. Помѣстились они прекрасно въ одномъ изъ очень чистенькихъ и богатыхъ домиковъ какой-то болгарской семьи, оставшейся въ зимней части дома, т.-е. въ нижнемъ этажѣ, и уступившей верхнюю часть непрошеннымъ постояльцамъ; чистенькій, отличный дворикъ, мощеный съ нѣсколькими деревьями; комнаты большія, прохладныя; въ ѣдѣ не нуждаются, только повидимому однообразна очень пища, да бѣлаго хлѣба нѣтъ; у нихъ я выпилъ стаканъ не очень вкуснаго мѣстнаго вина и отправился въ лазаретъ въ сопровожденіи полковницы. Въ больницѣ осталось только 58 человѣкъ, остальные выписались; тутъ мнѣ пришлось даже смѣяться при видѣ болгаръ, надѣвшихъ теперь мундиръ только съ тѣмъ, чтобы кормиться: это нищіе въ мундирахъ; есть между ними много стариковъ. —

Чѣмъ боленъ?—спрашиваю одного старика съ подвязанной щекой. „Зубы выпали“, отвѣчалъ онъ. На мой вопросъ, который ему годъ,—къ моему удивленію, онъ сказалъ: „45“; съ виду же я ему далъ бы не меньше 55. Высказавъ свое мнѣніе о дружинѣ полковнику, я получилъ отъ него объясненіе, что прежде принимали всѣхъ безъ разбора — и къ нимъ собралось все, что нуждалось въ кускѣ хлѣба, но что теперь онъ можетъ мнѣ показать молодцовъ. Дружина, выступая изъ состава, оставила все негодное здѣсь, лучшихъ взяла съ собой. Дѣйствительно, пошелъ смотрѣть роту, нашелъ народъ—ничего, недурнымъ, хотя далеко не такимъ бодрымъ, какъ нашъ солдатъ.

3-го іюля.

Сегодня я почти не спалъ: заснулъ послѣ двухъ, а въ три часа меня разбудили; не было еще 4 часовъ, какъ я былъ совсѣмъ готовъ, въ 4 ч. сѣлъ на лошадь, а въ 5 ч., при восходѣ солнца, мы стояли у Дуная, но этотъ разъ перешли какъ слѣдуетъ. Ѣдучи на мостъ, я любовался мѣстностью при окраскѣ восходящаго солнца; невольно думалось, что на этотъ разъ мы перейдемъ Дунай не на день и не на два. Когда вернемся, когда увижусь съ дорогими мнѣ сердцу? Проѣзжали мы цѣлыми рядами стоявшаго войска, вытянутаго шпалерами передъ сѣвернымъ мостомъ; подъѣхавъ къ мосту, остановились ждать Государя; наконецъ, крики ура, музыка; черезъ сѣверный прошли пѣшкомъ, затѣмъ снова на коней, проѣхали южный мостъ, взяли направо и стали подыматься въ гору. Государь впереди, за нимъ корпусный начальникъ, министры и мы, грѣшные; за нами войска, артиллерія и обозъ. Между верховыми мель-

кали наши собаки изъ Плоэшты, которыя очевидно поняли, что уѣзжаемъ не на шутку, что въ Зимницѣ дѣлать будетъ нечего, а главное, кормиться будетъ нечѣмъ.

Признаюсь, я былъ серьезно настроенъ и не безъ грусти переходилъ Дунай; я чувствовалъ, что теперь надежда на скорое возвращеніе обрывалась совершенно; можетъ быть, еще мѣсяцъ, можетъ быть, два, — кто знаетъ, какъ все пойдетъ? Вмѣстѣ съ болью въ сердцѣ отъ грустныхъ думъ, у меня все-таки твердо сидѣла мысль, что идемъ на хорошее, святое дѣло, участвовать въ которомъ своимъ трудомъ будетъ отрадой на значительную часть жизни. Въ Царевѣ мы остановились до завтрашняго утра; выходъ изъ Царева назначенъ въ $4^1/_2$ утра завтра; навѣрное мы не знаемъ, куда пойдемъ, — вѣроятно, по направленію корпуса Наслѣдника; говорятъ, что къ Тырнову еще рано Государю.

Разстояніе Царева отъ Систова не болѣе пяти верстъ, и нашъ первый переходъ — очень легкій, мы его сдѣлали часа въ полтора; шли почти все шагомъ, такъ какъ за нами шла пѣхота. Дорогу эту я разъ уже дѣлалъ; нынѣшній разъ только она была менѣе утомительна,—было прохладнѣе и менѣе пыльно; идетъ она все въ гору, а когда мы поднялись, то почувствовали очень рѣзкую разницу въ воздухѣ относительно Зимницы, который здѣсь чище и легче, чѣмъ въ Зимницѣ. Въ Царевѣ и вода порядочная, такъ что я давно уже не пилъ такого вкуснаго чая, какъ сегодня. Остановились мы въ котловинѣ, на горѣ которой лежитъ болгарская деревенька, состоящая изъ нѣсколькихъ мазанокъ. Народа мы пока и не видали: всюду или казакъ, или солдатъ. Бивуакъ

нашъ расположили въ саду, состоящемъ изъ нѣсколькихъ тѣнистыхъ деревьевъ (орѣхъ, тутовое дерево); здѣсь мы нашли уже наши палатки, поставленныя на квадратѣ очень симметрично, но цѣлый день подъ солнцемъ и на горѣ, исключая палатки Государя и Вел. Кн. Сергѣя Александровича; но теперь я попривыкъ уже къ здѣшнимъ обычаямъ и, не стѣсняясь, выбралъ себѣ мѣсто въ тѣни и велѣлъ поставить тамъ кровать, на которой и развалился тотчасъ же послѣ завтрака. Несмотря на + 24° въ тѣни около часа дня, вѣтерокъ такъ освѣжилъ насъ, что я не рѣшился снять сюртука, и только когда обсохъ и проспалъ часокъ, устроилъ комфортабельно свой костюмъ, т.-е. раздѣлся и остался въ одномъ бѣльѣ... Полежалъ, полюбовался на голубое небо сквозь зеленыя вѣтви орѣха и засѣлъ, наконецъ, писать при самомъ наилучшемъ комфортѣ, т.-е. на моемъ столикѣ, на моемъ портфелѣ, съ моимъ обычнымъ перомъ, какъ будто не выѣзжалъ изъ Зимницы; только нѣтъ Дуная передъ глазами, а вмѣсто него огородъ, обсаженный кругомъ тѣнистыми деревьями и обрытый рвомъ, который и отдѣляетъ насъ отъ проѣзжей дороги и отъ общаго бивуака, гдѣ помѣщается Государь. Неудобство нашего личнаго бивуака только то, что передъ нами здѣсь стоялъ главнокомандующій со штабомъ и, конечно, ушелъ отсюда, оставя все, что̀ было ненужно; впрочемъ, все это подчищается очень хорошо и безъ тяжелаго запаха...

Павлово, 4-го іюля.

Теперь уже 4 часа пополудни; я только-что устроился въ своей палаткѣ, раздѣлся и хотѣлъ-было заснуть, отдохнуть, но спать не могъ (сегодня идетъ курьеръ, а

мнѣ хочется подѣлиться съ тобой впечатлѣніями нынѣшняго дня). Въ четвертомъ часу утра у насъ на бивуакѣ началась тревога: получили записку отъ телеграфиста въ Систовѣ, что турки идутъ на Систово; въ городѣ суматоха, переполохъ, телеграфъ снимается. Не забудь, что отъ Крюднера, начальника 9-го корпуса, нѣсколько дней (четыре дня) нѣтъ никакихъ извѣстій—мы, слѣдовательно, отрѣзаны и съ непріятелемъ на носу. Началась возня и у насъ послѣ этой записочки; разбудили военнаго министра, затѣмъ Государя, потомъ стали и мы постепенно одѣваться и выходить изъ нашихъ келій. Когда я всталъ, Государь былъ уже на ногахъ; меня озадачило, что подымаются раньше обыкновеннаго, и, конечно, бросились въ глаза нѣсколько смущенныя лица; начали распоряжаться, разсылать во всѣ стороны адъютантовъ, штабныхъ, казаковъ; въ $4^1/_2$ мы были на коняхъ и ожидали отвѣтовъ. Часа два продолжалось общее напряженное состояніе, которое мало-помалу разъяснилось; мы тронулись впередъ къ Павлову, кажется, часовъ въ 6, послѣ различныхъ передвиженій войскъ, которыя были произведены вслѣдствіе полученныхъ извѣстій. Рѣшили 11-й корпусъ Шаховского оставить у Систова на помощь Крюднеру и для охраны моста, который былъ слишкомъ мало защищенъ. Отъ Царева до Павлова — слишкомъ двадцать верстъ, и въ первой половинѣ этой дороги было рѣшено отпустить Шаховского... Дорога идетъ по очень холмистой мѣстности и чрезвычайно красивой, съ открытыми на большое пространство видами. Около какой-то рѣчки сдѣлали привалъ, позавтракавъ очень порядочно, и къ 11-ти часамъ пришли въ Павлово; по дорогѣ насъ встрѣтилъ

Наслѣдникъ со свитой. Въ Систовѣ дѣйствительно была тревога и распространился слухъ о движеніи турокъ. Здѣсь осмотрѣли сейчасъ же лазаретъ № 56 и затѣмъ остановились на стоянкѣ, гдѣ останемся, вѣроятно, два дня. Стоимъ мы въ голой совершенно мѣстности, на пригоркѣ безъ слѣда деревьевъ, а слѣдовательно, тѣни; воздухъ прекрасный, но жарко — въ тѣни около 4 часовъ было + 29°; съ 11 ч. до 4 мы обжаривались въ ожиданіи обоза и, слѣдовательно, палатки (только для Государя и министровъ палатки были отправлены впередъ); пользуясь всякимъ плетнемъ, стѣной или заборомъ, мы скрывались отъ солнца и тянули то воду съ виномъ, то наконецъ, когда пришла кухня, и чай съ лимономъ.

Конечно, я усталъ, но не до изнеможенія; лошадь у меня отличная, съ иноходью; мнѣ гораздо лучше, чѣмъ въ колескѣ; ѣхать шагомъ на солнопекѣ и быть въ обозѣ, ничего не знать и глотать пыль — это было бы невыносимо. Хорошая лошадь въ походѣ—все равно что хорошая квартира.

Ну, теперь я выболталъ все, что̀ насъ напугало, и ни слова не сказалъ, что наша усталость по приходѣ въ Павлово совершенно исчезла по полученіи извѣстія, что Никополь сдался съ 6.000 гарнизона—это въ сущности самое блистательное дѣло.

XXI.

5-го іюля.

Днемъ писать не могъ изъ-за африканской жары: въ палаткѣ, гдѣ только и можно укрыться отъ солнца,

сегодня было + 31°. Тѣни здѣсь ни малѣйшей; приходится устроиваться въ палаткѣ съ развитіемъ сквозняка. Переношу я жаръ отлично, безъ малѣйшаго ощущенія страданія, пью непомѣрно, но писать или читать абсолютно не могъ. Большую часть утра провелъ въ общей палаткѣ; передъ обѣдомъ же, часа за три, пошелъ въ свою и лежалъ въ постели, не будучи въ силахъ взяться за перо; одѣваясь къ обѣду и надѣвая на себя рубашку, имѣешь совершенно ощущеніе нагрѣтой на печкѣ рубашки и не хочешь вѣрить, что бѣлье могло такъ нагрѣться въ тѣни. Солнце заходитъ здѣсь довольно рано, около 8 ч. Только тогда начинаешь чувствовать въ себѣ возможность жить и дѣйствовать. Вода здѣсь порядочная; хотя ея, говорятъ, немного, но, повидимому, хватаетъ; всѣ мокнутъ и фильтрируютъ сквозь себя все, что выпьютъ; сколько я пилъ сегодня чаю — и сказать не могу. Къ счастью, здѣсь почти нѣтъ пыли и воздухъ еще недуренъ, несмотря на то, что здѣсь стояла немалая часть войска, идущаго на Рущукъ.

Павлово—большое селеніе, частью болгарское, частью же турецкое; расположено оно на склонѣ очень широкаго, хотя и невысокаго холма. Нашъ бивуакъ разбитъ возлѣ селенья, въ одномъ изъ большихъ дворовъ одного изъ здѣшнихъ жителей; всѣ стоятъ въ палаткахъ, за небольшими исключеніями; мазанки здѣшнія не очень привлекательны, хотя прохладнѣе, но для меня невозможны по ихъ отдаленности отъ палатки Государя. Судя по хозяйственнымъ принадлежностямъ, по плетнямъ, по размѣру отдѣльныхъ дворовъ нашего хозяина, онъ долженъ быть человѣкомъ богатымъ, по помѣщается въ такой гнусной мазанкѣ, которая стоитъ въ совершенномъ

контрастѣ съ остальнымъ хозяйствомъ землевладѣльца-болгарина—съ совершенно турецкимъ типомъ, мрачнаго вида, въ широкихъ штанахъ, въ мѣховой шапкѣ; теперь онъ совсѣмъ не показывается. Культура болгарская, судя по крайней мѣрѣ по немногому, что̀ видѣли, кажется, не далеко ушла, и повидимому турки на болгаръ настолько повліяли, что даже языкъ турецкій болѣе распространенъ, чѣмъ болгарскій.

6-го іюля.

Сегодня рано утромъ Наслѣдникъ вышелъ съ своимъ корпусомъ изъ Павлова и пошелъ на Рущукъ; съ нимъ отправился и Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ; мы же остались здѣсь выжидать событій, среди всего нашего войска: Вел. Кн. Николай Николаевичъ у Балканъ; на югѣ Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ; Наслѣдникъ на востокѣ у Рущука; на западѣ у Никополя 9-й корпусъ Крюднера; на сѣверѣ, отчасти сзади насъ, отчасти спереди, 11-й корпусъ Шаховского. Ты видишь, что мы, какъ въ Петербургѣ, въ такой же полнѣйшей безопасности отъ всякихъ попытокъ на нападеніе; кромѣ этого около насъ хорошій по числу и по качеству конвой Государя. Куда пойдемъ и когда пойдемъ отсюда,—конечно, это никому неизвѣстно и, вѣроятно, опредѣлится будущими событіями, о чемъ ты будешь знать изъ газетъ скорѣе, чѣмъ изъ моихъ писемъ. Нынѣшняя ночь была, говорятъ, очень свѣжая, въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь: моя палатка была открыта, и я не чувствовалъ ни духоты, ни холода, и спалъ какъ убитый; въ 7 же часовъ утра въ тѣни уже было + 24°, а въ 9 ч. въ палаткѣ, благодаря различнымъ мѣропріятіямъ, 27°; теперь, въ $10^1/_2$ ч., 30° въ палаткѣ, но легкій сквознякъ облег-

чаетъ этотъ жаръ. Сейчасъ поѣду въ госпиталь—въ открытомъ полѣ будетъ еще прохладнѣе, особенно на ѣздѣ. Мѣстность здѣшняя очень холмистая, но холмы очень широкіе и получаешь впечатлѣніе, какъ будто стоишь на высокой горѣ; трава вся выжжена, и вслѣдствіе этого очень трудно ходить по этимъ холмамъ — ноги такъ и скользятъ.

Вчера былъ здѣсь молебенъ въ полковой церкви, поставленной на самомъ высокомъ холмѣ. Всѣ войска были въ сборѣ и расположены по холмамъ, что̀ составляло чрезвычайно живую картину; въ церковь набрались и солдаты и напомнили мнѣ церковь въ Езерахъ, гдѣ существеннымъ дѣломъ каждаго было подать свой грошъ на свѣчку. Вчера вся наша компанія была занята однимъ изъ флигель-адъютантовъ, Толстымъ, который присутствовалъ при взятіи Никополя и привезъ въ главную квартиру Османа-пашу.

Вчера я не могъ докончить этого письма, — пекло меня совершенно угнетало... Сегодня я опять работалъ въ госпиталѣ и хорошо понимаю, что эта работа не безплодная: вѣдь я не обхожу госпиталь какъ генералъ отъ медицины, а обхожу какъ опытный врачъ, предлагающій свои услуги товарищамъ въ случаяхъ, гдѣ они затрудняются; при этомъ я увѣренъ, что нѣкоторые изъ молодыхъ врачей и профитируютъ. Бо̀льшая часть здѣшняго временнаго госпиталя помѣщается въ киргизскихъ кибиткахъ, и персоналъ врачебный почти исключительно дерптскій; дѣло ведется очень недурно; уходъ добросовѣстный и со смысломъ; пять сестеръ Георгіевской общины помогаютъ уходу и человѣкъ пять нашихъ студентовъ пятаго курса. Характеръ болѣзней все тотъ же:

лихорадочные, тифозные, поносные и немного (17 человѣкъ) раненыхъ. Здѣсь я съ большимъ интересомъ смотрю на больныхъ съ ранами внутреннихъ органовъ.

Вчера къ вечеру поднялась здѣсь буря, подобной которой я еще никогда не видывалъ: часа въ 3 пополудни барометръ очень быстро упалъ съ 760 на 758; послѣ 7 час. поднялся юго-западный вѣтеръ, который несъ густое облако пыли; вѣтеръ былъ такъ силенъ, что жутко было оставаться на дворѣ и еще страшнѣе оставаться въ палаткѣ, которая разметалась во всѣ стороны и, безъ сомнѣнія, и разлетѣлась бы, если бы не принялся усердно работать Антонъ, мой казакъ, и Ковалевскій; и такимъ образомъ мы успѣли удержать нашъ домъ, который, вѣроятно, постигла бы участь шатровъ госпитальныхъ: ихъ разнесло до тла; устояли только киргизскія кибитки, да и то не совсѣмъ,—одну совершенно разрушило, а двѣ другія сильно пострадали. Этотъ вѣтеръ принимался дуть въ нѣсколько пріемовъ. Каждый приступъ продолжался приблизительно около получаса; при этомъ ни капли дождя и небо въ половину только покрыто грозовыми облаками, которыя столпились чрезвычайно густо къ юго-востоку; вечеромъ въ нихъ стало разряжаться электричество, почти безостановочно давая освѣщеніе по всему горизонту; грома не было слышно; къ десяти часамъ вѣтеръ стихъ, въ воздухѣ стало прохладнѣе,—около 11 час. только 19°. Я легъ спать и плотно закупорилъ свою палатку, боясь повторенія бури ночью, чего однакоже не случилось, хотя направленіе вѣтра не измѣнилось и время отъ времени бывали и сильные порывы, которые меня пробуждали, при чемъ постоянно было ощущеніе, что

палатка моя распалась и я раздѣтый очутился среди двора.

Сегодня день сравнительно почти холодный: утромъ въ тѣни было 19°, а теперь, въ $2^1/_2$ ч., 22° на воздухѣ и 23° въ палаткѣ; вѣтеръ того же направленія, но не вчерашней силы. Сидишь какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто 16°; но утромъ сегодня, вслѣдствіе бывшей жары, я чувствовалъ себя чрезвычайно разбитымъ,—такъ и валился; теперь, поработавъ въ госпиталѣ, освѣжился. Сейчасъ ко мнѣ зашелъ маленькій человѣчекъ и подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ, что мы будемъ въ Питерѣ къ 27-му іюля; но я не могу и не смѣю этому вѣрить; основаніе этого слуха унтеръ-штабъ—слишкомъ слабый. Здѣсь, вѣроятно, будемъ держаться дня два, а тамъ куда-то дальше. Толстой, уѣзжая, оставляетъ мнѣ свою лошадь, тоже отличнаго иноходца, но сильнѣе моего казеннаго; теперь, слѣдовательно, я совершенно обезпеченъ относительно этого вопроса: захромаетъ одна—будетъ другая, такого же удобнаго свойства и не мучительная по тряскѣ; я бы охотно у него купилъ, но онъ ни за что не уступаетъ, хочетъ оставить лошадь на память, такъ какъ онъ на ней былъ въ жаркомъ бою. Онъ ѣдетъ съ нынѣшнимъ курьеромъ.

Наша свита увеличилась появленіемъ въ ней еще одного новаго лица, о которомъ не могу не упомянуть, потому что онъ составляетъ нѣкоторую особенность; это лицо есть ни болѣе, ни менѣе какъ гр. Соллогубъ—старый писатель и сочинитель „Тарантаса“ и пр. Пріѣхалъ онъ съ спеціальною задачей описывать нашъ походъ; но не могу тебѣ передать, что это за несимпатичная фигура, съ вѣчной претензіей и какъ бы по обязан-

ности говорящая умныя и остроумныя рѣчи; до какой степени противно видѣть, какъ онъ берется не за свое дѣло; сколько хвастливости, безтактности въ его обѣщаніяхъ писать исторію не Тацитовскимъ пріемомъ, а Маколеевскимъ; при этомъ полу-военный костюмъ съ такой же претензіей, какъ и сама личность; все это вмѣстѣ чрезвычайно отталкиваетъ отъ безталаннаго типа. При свиданіи напомни поговорить объ этомъ явленіи въ нашей бивуачной жизни. Въ сущности, Ковалевскій все-таки мнѣ остается наиболѣе пріятнымъ собесѣдникомъ; у него хоть положительныя и хорошія свѣденія по хирургіи, которыя всегда могутъ выручить; наши палатки рядомъ, и мы сходимся каждый разъ для чаепитія; обыкновенно онъ наливаетъ и угощаетъ; если начинаешь отказываться: „Пейте, Сергѣй Петровичъ, — говоритъ онъ,—воды еще много!“ И такимъ образомъ въ теченіе этихъ палящихъ дней отпивались мы съ нимъ.

PS. Пока мы сидѣли за обѣдомъ, пріѣхалъ братъ посланнымъ отъ Шаховского съ извѣстіемъ о взятіи Никополя, о чемъ мы уже знали по телеграфу. Сережа откаталъ 20 верстъ рысью, и сегодня же обратно. Послѣ обѣда привезли плѣннаго пашу, коменданта Никополя; очень красивое лицо съ восточнымъ достоинствомъ, лѣтъ 45; дѣло у Никополя было повидимому блестящее,—кажется, не безъ потерь; считаютъ до 1.500 человѣкъ.

XXII.

Бѣла, вечеромъ, 8-го іюля.

Вотъ и третій переходъ; сегодня вышли изъ Павлова въ 6 ч. утра и къ 11-ти, послѣ небольшого отдыха, прибыли въ это мѣстечко на правомъ берегу Янтры,

довольно большой для здѣшняго края рѣчки. Дорога была мало живописна, сохраняя все тотъ же холмистый характеръ, съ полями пшена и изрѣдка кукурузы; зелени мало, почти полное отсутствіе деревьевъ въ теченіе всего пути, исключая мѣстъ нашего привала, представлявшагося какъ оазисъ въ средѣ этой холмистой степи; около отдѣльно стоявшаго лѣсочка мы и спѣшились часу въ десятомъ утра, когда солнце уже безжалостно пекло. Послѣ пыльной шоссейной дороги съ палящимъ солнцемъ такой привалъ дороже всякаго завтрака, да и ѣсть не очень хочется въ это жаркое время; только о питьѣ и думаешь. Впрочемъ, нынѣшній день еще сносенъ: тяжело только на солнцѣ, а въ тѣни + 22° незамѣтны послѣ предшествовавшихъ африканскихъ жаровъ; они окончились, въ сущности, послѣ той бури, о которой я тебѣ писалъ, и сегодня ночью, и утромъ до восхода солнца было свѣжо; въ 5 ч. было только 9°. Передъ Бѣлой надо было проѣхать мостъ черезъ Янтру, — отличный каменный мостъ, который, по небрежности турокъ, достался намъ безъ боя; даже не было попытокъ его взорвать. Проѣхавъ мостъ, мы были встрѣчены духовенствомъ съ хоругвями, образами и болгарскимъ населеніемъ мѣстечка, которое, впрочемъ, почти исключительно и состоитъ изъ болгаръ. Народу было не очень много, кричали ура, давали цвѣты, — и мнѣ дали букетъ; я тотчасъ подумалъ о томъ, чтобы тебѣ его прислать, но послѣ, справляясь съ лошадью въ толпѣ верховыхъ, уронилъ эти цвѣты. Съ моста мы всѣ отправились въ здѣшнюю болгарскую церковь и тамъ началось пѣніе, самое ужасное, съ католическимъ характеромъ и съ произношеніемъ такимъ, что ничего нельзя было разобрать. На-

пѣвы нисколько не напоминаютъ нашихъ, и завываніе, которое здѣсь въ ходу, не имѣетъ ни малѣйшаго музыкальнаго смысла; то, что читалъ священникъ, можно было понимать совершенно свободно, какъ у насъ. Не знаю, что̀ служили, но по окончаніи службы здѣшній школьный учитель всталъ на патріаршее мѣсто, которое здѣсь встрѣчаешь въ каждой церкви, и началъ говорить Государю привѣтственную рѣчь.

Мизерный видъ, безпрестанныя заиканія и безсиліе оратора выйти изъ его главной мысли, что они желаютъ ихъ освободителю Александру Николаевичу добраго здоровья, дѣлали рѣчь невозможною, особенно послѣ перехода, такъ что мы всѣ вышли, не дождавшись окончанія этого неудачнаго привѣтствія, и отправились разыскивать себѣ помѣщенія въ оставленной турецкой части мѣстечка. Я помѣстился съ Ковалевскимъ въ небольшой комнатѣ на сѣверо-востокѣ второго этажа разрушеннаго дома бея; верхній этажъ, состоящій изъ шести комнатъ, весь разобрался другими чинами свиты; мы всѣ достаточно потерпѣли отъ зноя въ палаткахъ, чтобы не расхватать съ жадностью все, что напоминало комнату. Государь помѣстился подъ тѣнью деревьевъ въ палаткѣ, поставленной въ саду нашего бейскаго дома. У насъ два окна съ выбитыми рамами, съ разрушеннымъ каминомъ, полъ безъ досокъ, неровный (вѣроятно, были ковры), но въ этой комнатѣ прохладно, подъ окномъ журчитъ фонтанъ съ отличнѣйшей водой. Нашъ второй этажъ соединяется съ нижнимъ посредствомъ едва держащейся деревянной лѣстницы—непосредственно тѣмъ, что потолокъ на большомъ пространствѣ въ одной изъ главныхъ комнатъ дома разрушенъ,—остались одни бревна. До сихъ

поръ не можемъ добраться, кто разрушаетъ эти дома: турки ли, оставляя свои жилища и унося съ собой все, что можно; болгары ли, или русскіе? Вѣрнѣе, что турки, а послѣ ихъ ухода остающіеся болгары доканчиваютъ дѣло разрушенія съ корыстной цѣлью, унося съ собой вьюшки отъ печей, каминовъ, оконныя рамы и пр. Все мѣстечко расположено на двухъ склонахъ небольшихъ горъ, и потому можно отчетливо осмотрѣть всѣ жилыя мѣста издали, особенно съ болгарской стороны, и тутъ видно, какая масса у болгаръ собраннаго хлѣба, что̀ тоже заставляетъ думать о томъ, что они воспользовались турецкимъ добромъ. Если бы ты видѣла, что это за роскошные колосья пшена, ржи, сложенные, вѣроятно изъ-за спѣха, вмѣстѣ въ очень большія скирды, какъ у насъ складывается сѣно; здѣшніе болгары, повидимому, мало терпѣли отъ турокъ; они говорятъ съ рѣзкимъ турецкимъ нарѣчіемъ и почти ничего не понимаютъ по-русски, какъ, напр., интеллигентные классы народонаселенія—священники, учителя и пр. Осматривая сегодня вечеромъ турецкіе оставленные дома, мы встрѣтили въ одномъ домѣ двухъ собакъ, очевидно не ушедшихъ за хозяевами по семейнымъ обстоятельствамъ: сука была съ маленькими щенятами; другой песъ, повидимому, остался въ качествѣ сожителя этой вѣрной матери; сука со своими дѣтьми притаилась, а защитникъ ея все время на насъ издали лаялъ. Заходили въ обитаемый болгарскій домикъ съ семьей, состоящей исключительно изъ двухъ бабъ и маленькихъ дѣтей; при этомъ дѣти меня поразили болѣзненнымъ видомъ, большими животами, блѣдно-зелеными личиками; впрочемъ, одинъ мальчикъ лѣтъ 7 поразилъ меня своей красотой. Женщины всѣ очень худы,

замучены и ихъ мало видно; улицы полны нашими солдатиками,—кто покупаетъ хлѣбъ, кто табакъ, кто стоитъ передъ котломъ и готовитъ ужинъ; а тамъ вдали черезъ плетень виднѣется казакъ въ особой позѣ охотника, идущаго на добычу: онъ ловитъ куръ въ оставленномъ турецкомъ домѣ. Къ вечеру потелъ дождь и мы вернулись домой еще за часъ до зари, напились чаю прежде у себя въ комнатѣ, а потомъ я пошелъ и къ оффиціальному чаю. Сегодня получено извѣстіе о взятіи Казанлыка и занятіи прохода Шипки—новость очень важная.

9-го іюля.

Сегодня ѣдетъ курьеръ... Какъ я счастливъ, что могу все-таки давать тебѣ вѣсточки о себѣ. Что бы было, если бы мы въ этомъ отношеніи обречены были на одни почтовыя сношенія: какая масса писемъ гибнетъ, какая масса писемъ валяется безъ доставки! Почтовая часть, кажется, одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ этой войны. Ночь проспалъ я отлично; утромъ было прохладно, шелъ дождь; признаюсь, что въ членахъ чувствуется нѣкоторая усталость.

10-го іюля.

Весь день вчерашній протелъ, что говорится, между пальцами; ничего не дѣлалъ особеннаго, ничѣмъ особенно не былъ занятъ, а тебѣ не успѣлъ написать больше нѣсколькихъ строчекъ; курьеръ отложенъ, говорятъ, до нынѣшняго вечера; посмотримъ. Вчера послѣ завтрака разгулялось и назначили всѣмъ ѣхать на бивуаки, смотрѣть расположенныя въ различныхъ мѣстахъ части нашей бригады. Конечно, я не отклоняюсь отъ этихъ выѣздовъ—тутъ и увидишь, и услышишь; лошадь моя

теперь настолько спокойна, что я нисколько и не чувствую, какимъ бы аллюромъ она ни бѣжала. Жара была не угнетающая, и я отправился, и дѣйствительно былъ вознагражденъ прекраснымъ видомъ съ высотъ здѣшней горы, на которой расположены наши войска; видъ красивый на деревню и на всю долину, въ которой она расположена на горѣ, и также на рѣку Янтру, черезъ которую мы проѣхали передъ въѣздомъ въ Бѣлу. Осталась какая-то окись послѣ этихъ жестокихъ жаровъ, подъ которыми мы стояли въ Павловѣ; даже и до сегодня я еще чувствую разбитость; впрочемъ, это же чувствуютъ и другіе. Гр. Соллогубъ за нѣсколько дней похода чуть не развалился; онъ постарѣлъ въ эти дни такъ, какъ будто прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ я его увидѣлъ въ первый разъ. Вчера послѣ обѣда мы сдѣлали интересную прогулку по нашей долинѣ; вдоль по дорогѣ много фонтановъ, куда подъ вечеръ собирается женское населеніе Бѣлой за водой. Особенно красивы дѣти; взрослыя интересны только своимъ костюмомъ, который нѣсколько напоминаетъ нашъ русскій, но вмѣсто юбки — фартуки спереди и сзади, а на головѣ — какой-то замысловатый уборъ. Идя дальше по долинѣ и выйдя совсѣмъ изъ мѣстечка, мы стали встрѣчать цѣлыя семьи возвращающихся съ поля, съ ихъ скотомъ, съ возами убраннаго хлѣба, съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, съ собаками, ослами и пр. Наконецъ встрѣтили и нашу роту солдатъ, и нашихъ конвойныхъ, которыхъ утромъ отправили на розыски турокъ, показавшихся будто бы верстахъ въ восьми отъ Бѣлой. Оказалось, что это была турецкая семья, бѣжавшая отсюда же; она скрывалась въ лѣсу, сколько отъ русскихъ,

столько же отъ болгаръ; семью эту привели, и я ее сегодня видѣлъ — это два старика и двѣ женщины съ ребенкомъ; ихъ держатъ подъ карауломъ, чтобы оберегать отъ болгаръ. Не знаю, что̀ будетъ дальше, но до сихъ поръ болгары не выдерживаютъ моей симпатіи: что за глупыя физіономіи съ черепами рѣдькой кверху! Сегодня были мы всѣ въ церкви,—служили наши придворные пѣвчіе и попъ; много собралось болгаръ, и все-таки я не видѣлъ такихъ лицъ, которыя бы меня примирили съ этой націей; кромѣ этого нужно признаться, что большой радости и гостепріимства русскимъ они не показываютъ,—вѣроятно, боятся турокъ.

Теперь я стараюсь попадать и на общіе завтраки, общіе чаи и высиживать вмѣстѣ — все что-нибудь да услышишь; безпрестанно являются то съ той, то съ другой стороны ординарцы, адъютанты съ донесеніями; тутъ, конечно, много перепадаетъ и въ наши уши, тѣмъ болѣе, что послѣ перехода черезъ Дунай прежняя секретность исчезла. Присылаемыя тобою газеты я читаю съ величайшимъ интересомъ; все-таки для пониманія всѣхъ военныхъ деталей, на нашихъ глазахъ совершающихся, необходимо знать объ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій. Я все мечтаю о хорошемъ генеральномъ сраженіи, на которомъ бы хорошенько расколотили турку и затѣмъ онъ попросилъ бы мира — вотъ тогда навѣрное вернулись бы раньше и я успѣлъ бы полюбоваться напимъ садомъ и твоими трудами. Можешь себѣ вообразить, что мы, живя въ этой жарищѣ, въ мѣстности, гдѣ масса плодовъ, до сихъ поръ никакого свѣжаго фрукта не видали: все оборвано еще въ сыромъ видѣ; значительная часть нашихъ обѣдовъ состоитъ изъ консервовъ;

впрочемъ, все это довольно вкусно и жаловаться никакъ не можемъ; но надо сознаться, что требованія наши значительно понизились. Когда я заявилъ свое удовольствіе при входѣ въ наше теперешнее помѣщеніе безъ рамъ, безъ дверей, безъ пола, съ разрушеннымъ каминомъ, то Ковалевскій захохоталъ и напомнилъ мнѣ о разницѣ моей питерской и теперешней обстановки. Сегодня принесли намъ бѣлье, которое мы отдали одному солдатику, и радовались, что имѣемъ одну лишнюю чистую рубашку, которая вымыта въ холодной водѣ; конечно, она не только не накрахмалена, но даже не выглажена, но и за это спасибо. Промокая насквозь нѣсколько разъ въ день, жестоко мараешь бѣлье, особенно въ предшествовавшихъ пыльныхъ стоянкахъ; а перемѣнять бѣлье часто боишься изъ-за страха остаться съ однимъ грязнымъ бѣльемъ на рукахъ. На здѣшней стоянкѣ много воды, и солдатикъ отлично и дешево моетъ...

XXIII.

12-го іюля.

Вчерашній день прошелъ больше въ чтеніи газетъ и спаньѣ; вечеромъ сдѣлалъ отличную прогулку по нашей долинѣ далеко за нашу передовую цѣпь; все время намъ на встрѣчу шли поселяне Бѣлой, возвращаясь съ полевыхъ работъ со всѣми своими семьями; мы ихъ встрѣтили, вѣроятно, нѣсколько сотенъ. Толпы этихъ муравьевъ чрезвычайно красивы. Вернулись домой передъ самой зарей, а тамъ чай общій, передъ которымъ успѣлъ, впрочемъ, и дома напиться; за общимъ чаемъ слушалъ разсказы Струкова о переходѣ черезъ Бал-

каны, затѣмъ выдержки изъ русскихъ газетъ читали вслухъ и такимъ образомъ дѣло подошло къ окончанію вечера. Государь вышелъ, я за нимъ...

Вѣроятно, изъ газетъ ты уже знаешь о неудачѣ подъ Плевной; тамъ много раненыхъ и мало врачей, благодаря неправильному распредѣленію медицинскихъ силъ. Значительная часть медицинскаго персонала Краснаго Креста сидитъ безъ дѣла и ждетъ на этапахъ больныхъ, а въ Никополѣ больные по пяти дней ждали перевязки — румынскіе врачи отказались помогать нашимъ раненымъ! Это вѣрно: они сказали, что это не ихъ дѣло!!! Что за гнусная нація эти румыны,—до какой степени подло относятся они къ этой войнѣ, какъ мало помогаютъ, а между тѣмъ разсчитываютъ на будущія выгоды, чужими руками будутъ жаръ загребать! Сидятъ они теперь съ своей паршивой арміей передъ Виддиномъ въ Колофатѣ и ничего не дѣлаютъ, мостъ не наводятъ, все обѣщаютъ; турки стали надъ ними смѣяться и уведутъ, вѣроятно, часть своихъ войскъ оттуда къ Плевнѣ, что́, вѣроятно, и сдѣлали уже. Не даромъ они всѣ безъ исключенія были мнѣ противны все время, что мы были въ Плоэштахъ.

Сегодня явился ко мнѣ старшій врачъ 56-го подвижного госпиталя У.; онъ переводитъ свой госпиталь изъ Павлова въ Бѣлу, выбралъ здѣсь мѣсто, нарисовалъ планъ расположенія своихъ палатокъ, кибитокъ и просилъ меня вмѣстѣ съ нимъ оглядѣть мѣстность, что̀, конечно, я тотчасъ же и сдѣлалъ. Больницы эти расположились на другой сторонѣ Янтры вдоль берега, при чемъ старичокъ, главный докторъ, особенно соблазнился тремя или четырьмя деревцами, которыя нашлись

на этомъ полѣ; впрочемъ, дѣйствительно мѣстность подходящая. Госпиталь этотъ будетъ ожидать раненыхъ подъ Рущукомъ; при госпиталѣ десять сестеръ, пять студентовъ нашей академіи и весь остальной составъ павловскаго госпиталя; больныхъ, конечно, еще нѣтъ, — ставятъ палатки. Сегодня Государь уѣхалъ къ Наслѣднику, и вслѣдствіе этого послѣ завтрака явилась у нѣкоторыхъ мысль сдѣлать прогулку верхомъ; предложили и мнѣ; меня соблазнило предложеніе потому, что собирались ѣхать смотрѣть турецкій таборъ, который на дняхъ подъѣхалъ къ нашимъ аванпостамъ въ Бѣлой съ прокламаціей русскаго Царя въ рукахъ на турецкомъ языкѣ; въ прокламаціи давалось обѣщаніе не трогать мирныхъ жителей и давался имъ совѣтъ не покидать ихъ жилищъ; сорокъ семействъ, обитавшихъ одну изъ сосѣднихъ деревень, оставили свое мѣсто и ушли вмѣстѣ съ турецкимъ войскомъ, взявъ весь свой скарбъ и свой скотъ; теперь же приходитъ и почти проходитъ время уборки хлѣба. Болгары, пользуясь отсутствіемъ турокъ, начали убирать хлѣбъ и съ ихъ полей, и конечно съ тѣмъ, чтобы воспользоваться чужимъ добромъ, а теперь и явились настоящіе хозяева. Пока разбирается дѣло, весь этотъ таборъ помѣстили за мостомъ подъ карауломъ; турки отлично размѣстили свой обозъ, изъ котораго образовали нѣчто въ родѣ стѣны. Около большого круга посредствомъ цыновокъ и соломы закрыли бока нижнихъ частей своихъ повозокъ и помѣстились тамъ вмѣстѣ съ своими женами въ покрывалахъ, дѣтьми, собаками; скотъ ихъ пасется по близости. Когда мы пріѣхали, то всѣ мужчины, обитатели табора, высыпали къ намъ, и я любовался ихъ типами. Насколько болгары

имѣютъ видъ тупой, заспанный, настолько турки имѣютъ видъ интеллигентный, бодрый, гордый; лица ихъ чрезвычайно живописны, особенно у стариковъ, съ сѣдыми бородами, въ бѣлыхъ чалмахъ. Меня особенно удивило встрѣтить у турокъ синіе глаза, что̀ очень красиво при черныхъ волосахъ; женщинъ, конечно, мы не видали: всѣ онѣ внутри обоза, большею частью подъ возами и въ покрывалахъ; у нѣкоторыхъ подъ возомъ устроена люлька, которую качаютъ; повозки очень высокія, на большихъ колесахъ, и почти на каждой повозкѣ между прочимъ скарбомъ увидишь наше русское корыто. Въ этомъ таборѣ масса дѣтей — и всѣ прекрасивыя, очень часто съ синими глазами, нерѣдко бѣлокурыя. Къ сожалѣнію, нашимъ переводчикомъ былъ барабанщикъ изъ Казани, знакомый съ татарскимъ языкомъ и, слѣдовательно, слегка только могущій объясняться съ турками. Турки заявили, что они довольны своимъ содержаніемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своего водворенія въ ихъ деревнѣ. Вернувшись домой, я остался въ общей палаткѣ пить чай.

Теперь все чаще и чаще повторяется вопросъ: когда же мы въ Питеръ? Всякій по своему старается разрѣшить эту задачу, которая все-таки остается еще неразрѣшенною. Я остаюсь при своемъ мнѣніи; я все жду рѣшительнаго дѣла, послѣ котораго начнется разговоръ о мирѣ, и тогда мы поѣдемъ. Вѣдь не абсурдъ, если рѣшительное дѣло будетъ черезъ недѣлю, черезъ двѣ. Если турецкія войска подъ Плевной, Рущукомъ и Шумлой будутъ разбиты, то дѣло кончено, драться будетъ не съ кѣмъ; при положеніи нашихъ войскъ и турецкихъ неминуемы въ скоромъ времени очень серьезныя столкно-

венія; трудно допустить, чтобы наши солдатики не остались побѣдителями. Кампанія эта не можетъ затянуться; еще нѣтъ мѣсяца, какъ перешли Дунай, и у насъ въ рукахъ важнѣйшіе проходы черезъ Балканы и армія почти нетронута. Нѣтъ, я не допускаю возможности оставаться здѣсь долго; эта недѣля должна рѣшить; если же война затянется, то, конечно, тогда Государь уѣдетъ,— не станетъ же онъ стоять передъ крѣпостями и блокировать ихъ.

13-го іюля.

Надо терпѣть, надо умѣть ладить съ жизнью—вотъ что̀ я себѣ повторяю. Хотя мы живемъ теперь въ центрѣ самаго интереснаго мѣста въ Европѣ, но въ настоящее время затишье; никакихъ крупныхъ извѣстій; все ждетъ. Очевидно, мы наканунѣ важныхъ событій — двѣ арміи стоятъ другъ подлѣ друга, и чѣмъ-нибудь да разрѣшится это затишье. Это самыя тоскливыя минуты въ военной жизни — ждать. Всякій пріѣзжій изъ лагеря Вел. Кн. Николая Николаевича, изъ лагеря Наслѣдника, изъ корпуса Крюднера—встрѣчается какъ мессія; всякая депеша къ Государю вызываетъ общій невольный поворотъ всѣхъ головъ въ одну сторону; но пока все маленькія аванпостныя столкновенія, ничего крупнаго. Вчера, впрочемъ, утѣшительная депеша изъ Севастополя о битвѣ нашего маленькаго парохода съ броненосцемъ, который, наконецъ, принужденъ былъ удрать отъ храбреца съ большимъ поврежденіемъ башни. Сегодня жаркій день, — въ тѣни доходило до 24°, но это меня болѣе не озадачиваетъ, особенно въ теперешнемъ моемъ помѣщеніи; въ палаткахъ, конечно, также душно. Если бы ты видѣла мою теперешнюю комнату, ты бы пришла въ

ужасъ отъ ея грязи и безпорядка. Очевидно, эта комната была гаремной или спальной—въ ней есть и чуланчики для омовенья, но полъ разобранъ, каминъ изломанъ, рамы выбиты; чистить и мыть комнаты нельзя, потому что подымается невѣроятная пыль. Живемъ мы порядочно грязно; бѣлье часто мѣнять нельзя за неимѣніемъ прачки; теперь моетъ солдатикъ въ холодной водѣ и не гладитъ, не крахмалитъ; бѣлье выходитъ какое-то сѣрое; блохъ въ нашемъ помѣщеніи тоже не мало; ѣда наша начинаетъ пріѣдаться, menu все одинъ и тотъ же: консервы для щей, борща, свѣжій борщъ, мясо, гусь, цыплята—матеріалъ недурной, но очевидно наши повара не привыкли работать при походныхъ условіяхъ и подаютъ все невкусно; впрочемъ, и аппетита-то настоящаго нѣтъ, — и жарко, и скучно, и тоскливо. Нельзя сказать, чтобы остальные члены общества были иначе настроены; у большей части одно на умѣ: хорошенько бы поколотить, да и кончить. У всякаго почти семья осталась и всѣ уѣхали самое большое на шесть недѣль.

Нынче былъ въ госпиталѣ, который еще не успѣлъ совсѣмъ развернуть своихъ палатокъ, какъ уже долженъ былъ помѣстить 67 человѣкъ больныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только 7 раненыхъ. Сегодня я обстоятельно обошелъ больныхъ; тяжелыхъ немного. Также смотрѣлъ съ Ковалевскимъ и раненыхъ. Походная жизнь имѣетъ свои хорошія стороны; для нѣкоторыхъ, напримѣръ для меня, она даже здорова—много воздуха, движенія, нѣкоторое лишеніе для моей печени безспорно полезно,—но надо имѣть большой внутренній запасъ, чтобы при большей продолжительности такой жизни не гибнуть

отъ скуки, или же нужна привычка. Въ свитѣ Государя есть одинъ полковникъ Ш., служившій на Кавказѣ; онъ провелъ почти безъ перемежки 18 лѣтъ въ походѣ и большею частью въ палаткѣ; надо ему отдать справедливость — на лицѣ его не видно скуки, онъ цѣлый день занятъ: то онъ вымоетъ самъ свой китель, то чехолъ отъ фуражки; то, предположивъ, что его платье въ чемоданѣ залежалось и приняло какой-то затхлый запахъ, начнетъ раскладывать, развѣшивать свое имущество; лошадей своихъ онъ не поручаетъ кормить нашимъ придворнымъ фуражирамъ, но добываетъ сѣно, овесъ самъ черезъ своего деньщика, которому даетъ косу и нѣкоторыя наставленія, гдѣ что̀ можно найти, и отправляетъ его. Этотъ полковникъ постоянно веселъ и доволенъ, но для этого надо было 18 лѣтъ вырабатывать въ себѣ такую способность къ походной, бивуачной жизни. Сейчасъ вышелъ отъ меня К.; онъ въ рущукскомъ отрядѣ консультантомъ, а теперь по административному дѣлу ѣдетъ въ Тырново, откуда Государь велѣлъ ему отправиться подъ Плевну, гдѣ ожидается большое дѣло и куда теперь стягиваютъ медицинскія силы.

XXIV.

14-го іюля.

... Сегодня было жарко не столько по термометру, который въ тѣни не перешелъ 24°, сколько по вѣтру, дувшему съ юго-востока; говорятъ (впрочемъ, говоритъ это И.), будто этотъ вѣтеръ здѣсь считается по своему свойству одинаковымъ съ итальянскимъ сирокко. Можетъ быть отъ этого, но день былъ очень тяжелъ; послѣ обѣда отправился къ одному больному на теле-

графъ, откуда и далъ тебѣ депешу о полученіи посылки, которую еще не развертывалъ, и не зналъ еще о письмѣ, что̀ было подано позднѣе. Вечеромъ побывалъ въ госпиталѣ, и затѣмъ обычный чай; новостей сегодня никакихъ особенныхъ не было; говорятъ только, что турки оставили въ Рущукѣ 5.000 низама, вооружили населеніе; а въ главномъ своемъ составѣ удалились къ Шумлѣ. Всѣ мы ждемъ извѣстій о Плевнѣ; теперь это самый важный пунктъ для открытія дѣйствій въ другихъ частяхъ; завтра или послѣ-завтра, вѣроятно, будетъ это дѣло очищено. О потеряхъ, которыя были въ Плевнѣ, ты, вѣроятно, уже знаешь. За чаемъ былъ разговоръ о томъ, какъ турки разоряютъ болгаръ; я не могу сомнѣваться въ справедливости этихъ разсказовъ, но долженъ признаться, что до сихъ поръ самъ не могъ въ этомъ убѣдиться; здѣсь въ Бѣлой народъ смотритъ очень богато обставленнымъ: какая масса скота, хлѣба, да какого!— вѣдь въ одномъ колосѣ можно насчитать до 50 зеренъ крупнаго размѣра. Въ нашей могилевской губерніи крестьяне сравнительно съ здѣшними—нищіе; какіе у здѣшнихъ крестьянъ лошади, волы! кромѣ видимаго богатства,—апатія и равнодушіе болгаръ къ русскимъ показываютъ тоже, что эта часть по крайней мѣрѣ Болгаріи не очень чувствуетъ турецкій гнетъ; впрочемъ, можетъ быть, болгары боятся, что турки снова сюда явятся и будутъ душить ихъ за сочувствіе къ русскимъ. До сихъ поръ братья-болгары для меня не симпатичны.

15-го іюля.

Вчера ночью мнѣ пришлось поплатиться за свой сонъ послѣ завтрака: долго не могъ заснуть и долго

пришлось вертѣться въ моей постели, отыскивая прохладное мѣстечко. При здѣшнихъ удобствахъ надо ложиться спать измученнымъ: тогда дѣло идетъ хорошо и вовсе не замѣчаешь, что окна безъ рамъ и окошекъ, что изъ разбитой трубы камина идетъ какая-то музыка; не слышишь ни ночного лая собакъ, ни крика ословъ, ни храпа лакейства. Вчера, конечно, перевертываясь съ одного бока на другой, приходилось прислушиваться ко всей этой музыкѣ, являвшейся въ аккомпанимент нашего безъ умолку журчащаго фонтана подъ окномъ. Денекъ не мучительно жаркій: 22° въ тѣни, съ легкимъ вѣтромъ; цѣлое утро я читалъ газеты и проклиналъ эту печать: не грѣхъ ли господамъ редакторамъ скупиться, считать гроши и ради своихъ кармановъ портить наше зрѣніе! Въ газетахъ все пережевывается старое — и, также какъ у насъ, никакихъ новостей. Это отсутствіе новостей особенно тяжело здѣсь, куда собрались люди съ спеціальной цѣлью слѣдить за событіями, гдѣ другого дѣла ни у кого нѣтъ, какъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ; а между тѣмъ жди и терпи! Такое состояніе, очевидно, имѣетъ свое вліяніе и на нервы нашей колоніи, которая вся находится въ напряженномъ состояніи; никто, конечно, въ этомъ не сознается, но всякій по своему, съ своими собственными комбинаціями, ожидаетъ. Кто думаетъ: вотъ Плевна, потомъ Рущукъ, Шумла, Балканы, пожалуй Константинополь—и наконецъ мы въ Питерѣ, въ семьяхъ, между своими. А кто думаетъ: вотъ Плевна, меня пошлютъ туда-то; какъ я отличусь, я получу то-то и пр. Есть, конечно, и такіе, которые ни о чемъ не думаютъ, а говорятъ себѣ:—да отпустите вы мою душу на покаяніе, отпустите вы меня домой и дѣлайте тутъ

что̀ хотите, что̀ знаете! Кто бы что̀ ни думалъ, только бо̀льшая часть ходитъ съ лицами натянутыми, скучными; нужно признаться, что одинъ Государь держитъ себя молодцомъ: бодръ, не скучаетъ, работаетъ и очевидно, какъ говорится, весь сидитъ нравственно въ теперешнихъ военныхъ задачахъ. Очень почтенно держитъ себя Милютинъ, какъ всегда скромный, тихій, обыкновенно съ озабоченнымъ лицомъ, постоянно за работой. Мы всѣ собираемся къ завтраку, обѣду и вечернему чаю; за обѣдомъ обыкновенно играетъ хоръ музыки, которую я слушаю съ большимъ удовольствіемъ; къ концу обѣда, очень однообразнаго, небрежно поданнаго, обыкновенно подаютъ свѣчи для закуриванія, и всѣ ждутъ команды Государя: „вынимай *па*“... „*троны*“—доканчиваетъ громко все общество, и начинаютъ курить. Эти шутки играютъ большую роль въ теперешней монотонной жизни; бо̀льшая или мѐньшая ихъ удача оставляетъ болѣе или менѣе пріятное настроеніе духа всего общества, лишеннаго здѣсь рѣшительно всякихъ рессурсовъ: книгъ нѣтъ; газеты получаются далеко не всѣми, а въ видѣ исключенія, да, наконецъ, если получаются, то не каждый день; гулять негдѣ, существуютъ двѣ, три дороги — и баста; по одной непріятно ходить, потому что на каждомъ шагу встрѣчаешь солдатика, который встаетъ и отдаетъ честь; по другой непремѣнно долженъ встрѣтить цѣлыя стада различнаго скота съ пылью и вонью; третья дорога — шоссе въ Рущукъ и обратно въ Павло, съ пылью, съ транспортами, съ солдатами по дорогѣ и по сторонамъ, на которыхъ они расположены бивуаками; далеко идти нельзя: выйдешь за цѣпь, а тамъ, пожалуй, наткнешься на какого-нибудь башибузука... Въ силу всего этого,

въ нашей колоніи, размѣщенной частью въ палаткахъ, частью въ домахъ, всѣ торчатъ по домамъ, скучаютъ и, вѣроятно, злословятъ другъ друга. Можно себѣ вообразить, съ какою жадностью бросаются всѣ на новости.

16-го іюля.

День сегодня, какъ и вчера, хорошъ, не жарокъ; въ 8 ч. было 19°, а теперь, въ $9^1/_2 = 20°$; вѣтеръ полегче, хотя тотъ же, съ юго-востока, сухой, и дѣйствительно какъ-то разбиваетъ человѣка. Вчера передъ обѣдомъ поработалъ въ госпиталѣ, послѣ обѣда пошелъ гулять по Бѣлой; прогулка довольно утомительна, потому что селеніе разбито на довольно крутой горѣ, но тѣмъ не менѣе все-таки существуютъ какъ бы улицы съ нѣкоторой претензіей даже на мостовую. Вернувшись домой, перемѣнилъ свой китель на сюртукъ и засѣлъ на нашемъ общемъ дворикѣ, гдѣ стоитъ общая палатка, за что былъ вознагражденъ новостями. Часовъ около девяти прискакалъ адъютантъ Крюднера, Беклемишевъ, съ конвертомъ къ Государю. Всѣ оживились, примолкли и нетерпѣливо выжидали, когда выйдетъ пріѣзжій изъ палатки Государя; время отъ времени нѣкоторые высказывали свои предположенія, съ какими бы это вѣстями могъ онъ пріѣхать; одинъ говоритъ, что это подробное донесеніе о старомъ дѣлѣ... — Нѣтъ, это, вѣроятно, о ходѣ начавшагося дѣла; а можетъ быть, это извѣстіе о взятіи Плевны.—Не можетъ быть съ этимъ извѣстіемъ долженъ пріѣхать князь Имеретинскій; ему поручено тамъ оставаться. — Но, можетъ быть, Имеретинскій остался ждать болѣе подробнаго донесенія? и т. д. — въ этомъ родѣ заявляли свои предположенія по поводу прибыв-

шаго курьера; но вотъ и онъ, загорѣлый, измученный отъ переѣзда 120 верстъ верхомъ почти безъ отдыха; выѣхалъ съ позиціи въ 11 часовъ вечера наканунѣ, пріѣхалъ около девяти вечера другого дня, давалъ только вздохнуть лошадямъ на два часа. Пріѣзжаго офицера никто не знаетъ; онъ садится скромно въ уголкѣ; къ нему подходитъ одинъ флигель-адъютантъ, другой,—спрашиваютъ, не хочетъ ли закусить, отдохнуть; наконецъ, около него кружокъ; прежде вопросы предлагаются съ осторожностью, не прямые: откуда, какъ доѣхалъ, что дѣлается около Плевны; наконецъ, начинаютъ словоохотливаго молодого офицера потрошить, какъ гуся. — Да дайте же ему поѣсть!—скажетъ кто-нибудь изъ мягкосердечныхъ слушателей, въ то время, какъ офицеръ тащитъ кусокъ курицы въ ротъ, а его спрашиваютъ о числѣ турокъ подъ Плевной, объ ихъ позиціяхъ, о числѣ нашихъ. — Вѣдь насъ жестоко побили подъ Плевной, вѣдь насъ заманили въ ловушку, — говоритъ одинъ. — Да ихъ вдвое больше насъ легло, — говоритъ офицеръ, проглатывая кусокъ:—вѣдь до сихъ поръ они не всѣхъ убрали убитыхъ, и т. д., и т. д. Оказывается, что офицеръ привезъ только свѣденія о громадныхъ силахъ непріятеля подъ Плевной (75 тысячъ) и о нашихъ предположеніяхъ объ атакѣ, разрѣшеніе которой ожидается отъ главнокомандующаго. Нашихъ тамъ 24 тысячи *штыковъ*; кавалерія не считается. Такая разница въ силахъ, конечно, всѣхъ насъ опѣшила; образуются отдѣльные кружки: — Это невозможно, чтобы было 75 тысячъ; да откуда же? да какъ они считали? — Турки очень небрежны, — отвѣчаетъ офицеръ: — къ ихъ лагерю можно подъѣзжать такъ близко, что можно видѣть простымъ

глазомъ и считать палатки; навѣрное можно сказать, что ихъ не меньше 60 тысячъ. — Вотъ уже на десять тысячъ уступили!—слышится въ одномъ изъ кружковъ:—нѣтъ, не можетъ быть, чтобы такъ много!—Въ другомъ кружкѣ пессимистъ разсуждаетъ иначе:—Нѣтъ, вѣдь съ турками шутить нечего; они тоже не дураки; собрали тамъ войско изъ Виддина, изъ Софіи, да часть прорвавшихся изъ Никополя; а мы все мѣшкали! Что бы намъ прежде, сейчасъ послѣ Никополя, идти на Плевну — дѣло было бы иное!—Офицеръ разсказывалъ о громадномъ числѣ турокъ, о неприступныхъ ихъ позиціяхъ подъ Плевной, и нисколько не имѣлъ видъ озадаченнаго: тонъ его былъ проникнутъ увѣренностью, что турокъ отколотятъ, что отступить имъ некуда, что имъ остаются только двѣ дороги — или на насъ, или въ рѣку черезъ маленькій мостъ, на которомъ ихъ всѣхъ и потопятъ. Пока шли эти разговоры, которые пришлось мнѣ ловить то правымъ, то лѣвымъ ухомъ, пришелъ Государь къ чаю, веселый, спокойный. Милютинъ тоже не особенно озабоченъ: у всѣхъ стало на душѣ спокойнѣе, отлегло— и цифра 70 умалилась. За чаемъ я сижу такъ, что могу слышать, что говорится на главномъ пунктѣ и что говорится на флангахъ. Государь слушалъ какой-то журналъ, а на лѣвомъ флангѣ въ полголоса продолжали выполаскивать пріѣхавшаго офицера. Тутъ я слышалъ, какъ ему самому пришлось видѣть, что турки истязали плѣнныхъ, какъ они постепенно обрѣзали у нихъ носы, пускали бѣжать, ловили и затѣмъ снова что-нибудь рѣзали; какъ въ Никополѣ между плѣнными артиллеристами встрѣчено было много англичанъ нижнихъ чиновъ; какъ офицеръ пріѣхалъ на турецкой лошади, которую

купилъ у плѣннаго Ахмеда, коменданта Никополя, и какъ другая лошадь не выдержала бы этого перехода; что эти турецкія лошадки очень спокойны, большею частью иноходцы. Наконецъ, Государь поднялся; я отправился за нимъ, а вернувшись, засталъ уже очень немногихъ на дворѣ. Около часа времени прошло у меня въ очень горячей бесѣдѣ съ французомъ-поваромъ, котораго я, по праву медика, укорялъ въ небрежности кухонной части: обѣдъ до такой степени однообразенъ, невкусенъ, что всѣ теряютъ аппетитъ, начиная съ Государя. Все подается холодно, гадко. Поваръ представлялъ мнѣ свои доказательства о невозможности подать иначе: ничего нельзя достать; здѣсь нѣтъ ни хорошаго мяса, ни молока, а цыплята въ чахоткѣ и т. п. Конечно, все вздоръ, все можно достать, но французскіе повара не умѣютъ работать на походѣ безъ ихъ шкафовъ, плитъ и т. д. Не успѣлъ я покончить съ поваромъ, который, по его словамъ, au bout de son latin, какъ опять общество всполошилось: въ воротахъ показалась фигура адъютанта Цесаревича, Олсуфьева, — еще вѣсти изъ лагеря о передовомъ дѣлѣ В., гдѣ-то около Разграда. 150 человѣкъ раненыхъ: ихъ сегодня привезутъ въ Бѣлу. Вновь пріѣхавшаго тотчасъ же повели къ Государю, а въ палаткѣ приготовили ужинъ, чай. Черезъ полчаса Олсуфьевъ уже сидѣлъ за цыпленкомъ и въ промежуткахъ глотательныхъ движеній разсказывалъ о случившемся дѣлѣ, не имѣющемъ, впрочемъ, большого значенія. Полагаютъ, что турки изъ Рущука выходятъ со своими главными силами, оставляя тамъ небольшой гарнизонъ въ 5.000 человѣкъ, и направляются къ Шумлѣ. В. съ кавалеріей и пѣхотой пошелъ на рекогносцировку и наткнулся на

значительный отрядъ; начался бой, продолжавшійся до темноты; турокъ вытѣснили штыками изъ деревни, они заняли высоты; утромъ ничего больше не было... Раненыхъ 150 человѣкъ; не знаю, сколько убитыхъ... Турки остались на высотахъ или ушли, — не знаю... В. продолжалъ свой путь по своей дорогѣ... Помилуй Богъ, если люди будутъ забывать общее дѣло изъ-за личнаго стремленія къ молодецкому подвигу и т. д.! Сегодня Беклемишевъ и Олсуфьевъ еще разъ были за завтракомъ; ихъ еще не отпустили; никакихъ, слѣдовательно, спѣшныхъ порученій имъ не дано.

17-го іюля.

Сегодня уходитъ курьеръ. Не много могу прибавить за эти сутки: спалъ порядочно, подъ утро казалось свѣжо, а тамъ доѣдали мухи; теперь 11 ч. утра, темпер. 21°, барометръ, какъ вчера, 764. Вчера, несмотря на то, что термометръ былъ не очень высокъ, но ощущалась духота въ воздухѣ; послѣ обѣда пошелъ дождь, впрочемъ небольшой, не помѣшавшій нашей прогулкѣ. Пошли по правой сторонѣ нашего ручья, раздѣляющаго всю Бѣлу пополамъ, потомъ по большой дорогѣ; потолковали съ болгариномъ, съ скотской физіономіей, загонявшимъ своихъ лошадей домой; лошади все такія высокія, сѣрыя, хорошія.—Что лошадей-то, чай, у турокъ взялъ?—спрашиваю я; не понимаетъ:—Турецкія лошади?—А не, не—мои!—Я же увѣренъ, что краденыя лошади. Во время разговора болгаринъ торопился закрыть свои ворота, вѣроятно думая, что братья-славяне у него что-нибудь оттягаютъ. Какія физіономіи у болгарскихъ крестьянъ, съ восточной апатичностью, съ рабской тупостью выплывающія подлѣ своихъ громад-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ныхъ возовъ хлѣба на телѣгѣ, которую съ трудомъ тащитъ пара воловъ!.. „Здравствуй, добрый вечеръ!“ — говорятъ они, прикладывая руку къ шляпѣ и не измѣняя при этомъ своей физіономіи. А попроси у него солдатикъ вина или хлѣба, такъ одинъ отвѣтъ:—„нема!“ Нѣтъ, не за этихъ людей проливаемъ мы кровь, а за будущихъ, за правнуковъ теперешнихъ. Мы трудимся за идею христіанства. Посмотрю, что̀ будетъ дальше; своими же глазами я могъ видѣть только то, что турки угнетали культуру этихъ несчастныхъ полудикихъ людей, мозги которыхъ, очевидно, цѣлые вѣка не всѣми своими частями работали равномѣрно. Восторгъ, съ которымъ якобы встрѣчаютъ болгары русскихъ, существуетъ больше на бумагѣ корреспондентовъ; я не вижу нисколько этого восторга; мнѣ даже кажется, что эти якобы восторженныя встрѣчи при нашихъ въѣздахъ— искусственно подготовлены. Идя какъ-то по большой улицѣ селенія, мы завернули разъ въ маленькій переулокъ, думая выбраться изъ деревни на гору; на встрѣчу— дѣвочка лѣтъ 13-ти, съ ведрами на плечахъ, очень хорошенькая собой, тоже съ голубыми глазами, черноволосая, съ тонкими перехватами въ сочлененіяхъ рукъ и ступней; увидѣвъ насъ, она что-то залепетала и побѣжала назадъ. Оказалось, что это былъ не переулокъ, а улица непроходная, оканчивавшаяся заборомъ и воротами болгарскаго домика; дѣвочка встала у воротъ; лицо ея было испуганно, озлоблено; она, какъ собака, начала на насъ лаять, и мы съ трудомъ могли только понять, что матери дома нѣтъ и чтобы мы убирались. Довѣрія, какъ видно, нѣтъ. Не нужно думать, чтобы наши солдатики держали себя очень распущенно; конечно, они

стянутъ какого-нибудь гуся, курицу, баранишка, но это все одиночные случаи, да и живность-то эта здѣсь ни почемъ — очень ея много: значитъ, не много воровали, несмотря на то, что сотни тысячъ войскъ здѣсь прошли. Нѣтъ, народъ не симпатичный!

Вчера пріѣхалъ еще ординарецъ главнокомандующаго — М., который третій день ѣдетъ изъ Тырнова верхомъ день и ночь, объѣзжая всѣ аванпосты; онъ тоже привезъ извѣстіе о дѣлѣ В.; по его словамъ, нужно думать, что это дѣло тоже безъ всякаго результата; турки напали сами, а потомъ ушли. Вѣроятно, они скрываютъ какое-нибудь важное движеніе. Должно быть, подъ впечатлѣніемъ этой мысли я сегодня видѣлъ во снѣ, что мы взошли въ Рущукъ и тамъ не нашли ни одной живой собаки,—все ушло.—Ну, ловко замаскировались! разсуждалъ я во снѣ, ѣдучи по улицѣ Рущука: вся армія ушла передъ нашимъ носомъ, а мы не видали!

XXV.

18-го іюля.

Мы уже перешли и половину іюля, вѣдь августъ на дворѣ, а о возвращеніи нѣтъ и помину. Все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи: нѣсколько удачныхъ битвъ съ нашей стороны — и дѣло въ шляпѣ. Теперь, очевидно, идутъ подготовительныя работы; отъ большей или меньшей удачи ихъ будетъ зависѣть и наше возвращеніе. Вѣдь передъ Дунаемъ стояли цѣлый мѣсяцъ, и дѣло вышло блистательно; такъ можетъ быть и теперь; вѣдь въ сущности теперь вопросъ сводится на то, кто кого побьетъ, кто ловче укроетъ мѣсто своихъ главныхъ силъ;

кому удастся кого обойти большими силами, — совершенно какъ игра въ шашки, и только такой выигрышъ и будетъ дѣйствителенъ! Теперешнія же дѣла все ничтожныя и сводятся больше на личное молодечество начальниковъ. Не надо только думать, что турки—разложившаяся и загнившая нація, что это слабый противникъ. Нѣтъ, они, очевидно, тоже въ военномъ дѣлѣ кое-что смыслятъ, и нельзя сказать, чтобы они были трусы; не выдерживаютъ только рукопашныхъ битвъ, а подъ прикрытіемъ дерутся отлично. Очевидно, они подкупаютъ иностранную прессу, которая печатаетъ разные ужасы, производимые будто бы нашими войсками надъ дѣтьми, старухами, стариками и всѣми плѣнными, — однимъ словомъ, разсказываютъ о насъ то, что у насъ разсказываютъ о нихъ. Сегодня читали заявленіе, подписанное четырьмя иностранными корреспондентами (между прочимъ и англійскимъ) о тѣхъ звѣрствахъ и ужасахъ, которые производились турками подъ Казанлыкомъ, гдѣ между прочимъ турки сдѣлали залпъ, ранили и убили 150 человѣкъ нашихъ солдатиковъ, заманивъ ихъ бѣлымъ, парламентерскимъ флагомъ. Впрочемъ, все это, вѣроятно, есть уже въ газетахъ. Сегодня пріѣхалъ сюда Р., которому, къ сожалѣнію, передаютъ только румынскую часть Краснаго Креста; это вполнѣ порядочный человѣкъ и повидимому подходящій къ дѣлу Краснаго Креста; онъ мягокъ, съ такомъ, участливо относится къ больному, умно и широко смотритъ на сотрудниковъ и помощниковъ; кажется, не страдаетъ ненормальнымъ развитіемъ самолюбія. Пока онъ не задается никакими системами помощи, никакимъ выработаннымъ планомъ, полагая мѣнять его сообразно

обстоятельствамъ. Они рѣшились пока уничтожить этапные пункты Ч., исключая нѣкоторыхъ дѣйствительно необходимыхъ, и усилить помощь тамъ, гдѣ она дѣйствительно нужна.

19-го іюля.

Вчера такъ былъ измученъ, что не могъ дописать того, что̀ хотѣлъ; пришлось побывать три раза въ госпиталѣ. Утромъ отправился, какъ обыкновенно, посмотрѣть больныхъ, а послѣ завтрака объявили, что пришелъ транспортъ раненыхъ (169 ч.). Тотчасъ же поѣхалъ, чтобы увидѣть во-очію больныхъ еще на телѣгахъ, неумытыхъ, замученныхъ отъ переѣзда 40 верстъ на арбахъ по скверным дорогамъ. Тяжелое впечатлѣніе! съ непривычки оно даже и нашего брата-врача забираетъ. Съ переломами бедръ, съ сквозными ранами груди переносятъ перевозку очень тяжело; одинъ съ сквозной раной груди тотчасъ же по пріѣздѣ началъ кончаться; другой, вѣроятно тифозный, тоже почти умиралъ. Да, это тяжелый видъ; у меня не разъ навертывались слезы, слушая эти стоны и смотря на этихъ изнемогающихъ отъ ранъ, отъ солнца, отъ тряски и усталости людей; часа черезъ два, когда всѣхъ уложатъ по постелямъ, перемѣнятъ бѣлье, умоютъ, напоятъ — конечно, картина мѣняется; въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ ранены полегче, завязываются бесѣды; люди здороваются, опять веселы, охотно разсказываютъ подробности битвы, въ которой они были ранены. Всѣ прибывшіе были отъ 14-го числа изъ дѣла В.; такого подбора тяжело раненыхъ мы еще не встрѣчали. У очень многихъ встрѣчались по двѣ и даже по три раны; почти всѣ огнестрѣльныя,—раненія пулями или картечью; восемь было

привезено ампутированныхъ, девятаго ампутировали сегодня утромъ. Я смотрѣлъ, какъ подвозили телѣги къ палаткамъ и какъ вынимали этихъ несчастныхъ; все это дѣлалось въ высшей степени добросовѣстно, скоро, и транспортъ почти въ 200 человѣкъ съ больными былъ уже весь размѣщенъ не болѣе какъ въ одинъ часъ времени; каждаго раненаго нужно было подымать четыремъ санитарамъ. Какъ своехарактерно рисуются при этомъ раненые солдатики: лежитъ, напримѣръ, въ телѣгѣ солдатикъ съ раной въ ногу; подходятъ его вытаскивать; съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за своимъ бѣднымъ скарбомъ, который вытаскивается изъ его телѣги,—узелокъ, другой, ранецъ; — „вотъ-вотъ, забыли!“ кричитъ онъ и тянется въ уголъ телѣги за манеркой; когда все его имущество вынесено, онъ спокойно передаетъ самого себя на руки санитарамъ. „Осторожнѣе, землякъ, осторожнѣе! вотъ такъ; ногу-то повыше! ой, ой, зачѣмъ опустилъ!“ и такъ далѣе. Зайдешь черезъ полчаса въ палатку — всѣ размѣстились; кто моется, кто пьетъ, а кто стонетъ еще отъ боли въ ранѣ. Черезъ часъ уже всѣ много пободрѣе, и водочки выпили, а кто и чаю успѣлъ напиться. Между прочимъ солдатскимъ скарбомъ вчера у одного больного я услышалъ въ мѣшкѣ живую курицу, которую онъ дотащилъ до лазарета! Не могу передать, до какой степени мнѣ симпатичны наши раненые: сколько твердости, покорности, сколько кротости, терпѣнья видно въ этихъ геройхъ, и какъ тепло и дружно относятся они другъ къ другу; какъ утѣшаются въ своемъ несчастьѣ тѣмъ, что вытѣснили или прогнали врага! Сегодня подъ хлороформомъ молодой солдатикъ все бредилъ непріятелемъ: „Это нашъ, нашъ!—кричалъ

онъ: — сюда, сюда!“ — и пр. Наконецъ, при болѣе сильной наркотизаціи онъ запѣлъ пѣсню (вѣроятно, былъ запѣвалой) во все горло и пѣлъ, пока не заснулъ вполнѣ. Больные привозятся съ ружьями, и нерѣдко тифозный, почти безъ сознанія при вытаскиваніи изъ телѣги, первымъ вопросомъ дѣлаетъ: „А гдѣ мое ружье?“

Госпиталь расположенъ вдоль рѣки въ кибиткахъ; въ каждой изъ нихъ помѣщается по восьми человѣкъ; одна кибитка отъ другой по крайней мѣрѣ шагахъ въ 12; можешь себѣ вообразить, сколько мнѣ пришлось вчера исходить, переходя во время пріема транспорта изъ одной кибитки въ другую, возвращаясь опять въ первыя, и т. д. Я оставался съ Ковалевскимъ, который тоже перевязывалъ, до самаго обѣда, осмотрѣлъ внутреннихъ больныхъ, перевезенныхъ съ ранеными, и отправился обѣдать. Послѣ обѣда поѣхалъ Государь въ госпиталь, и мнѣ опять пришлось ходить по палаткамъ; къ вечеру за то ноги едва ходили; наконецъ, общій чай съ чтеніемъ вслухъ иностранныхъ газетъ, депешъ. Государь довольно рано ушелъ; всѣ были въ томительномъ ожиданіи вѣстей изъ-подъ Плевны, но онѣ пришли только утромъ и то телеграммой безъ подробностей; кажется, атака не удалась! Сегодня бесѣдуютъ всѣ какъ-то тише, не слышно смѣющихся; никто не говоритъ о неудачѣ, но очевидно каждый о ней думаетъ. Обыкновенно въ сосѣдней отъ насъ комнатѣ днемъ собиралась компанія играть въ карты, а сегодня эта комната пуста; ждемъ подробностей; ожидаютъ сюда Наслѣдника и главнокомандующаго. Очевидно, противникъ силенъ, хитеръ, подлъ; вооруженъ, кажется, отлично; ружья Мартини бьютъ на 1.800 шаговъ; на мертвыхъ туркахъ нахо-

дятъ по 200 патроновъ; солдатики наши разсказываютъ, что турки очень рослы, сильны, ручищи большія!

Я, вѣроятно, удивилъ тебя французской телеграммой, съ просьбой отвѣчать мнѣ по-французски; это по совѣту одного моего благодѣтеля, который говоритъ, что французская и вѣрнѣе, и скорѣе доходитъ. Вѣдь до сихъ поръ частныхъ телеграммъ не отправляютъ,—для меня дѣлаютъ большую любезность; ты никогда не думай о перемѣнѣ моего адреса,—посылай по старому въ главную квартиру Государя; если мы и перемѣнимъ мѣсто, то депеша, хотя позднѣе, все-таки доходитъ. Когда линія свободна, то всегда отправятъ; до сихъ поръ только одна проволока; идетъ она черезъ Систово, гдѣ безпрестанно портится, да и здѣсь нерѣдко портится телеграфъ нашими обозами; вѣдь здѣсь не столбы стоятъ, а тонкіе шестики. Антономъ я теперь совершенно доволенъ; онъ отлично, внимательно, безукоризненно служитъ. Я часто его внутренно жалѣю, смотря все-таки на кучу трудностей, которыя терпитъ вся наша прислуга въ этой походной жизни; мы сами помѣщаемся плохо, грязно,—можешь себѣ вообразить, какъ помѣщена прислуга; камердинеры Государя со дня выѣзда не спали раздѣтыми. Большая часть прислуги и свиты перехворали разстройствомъ желудка; несмотря на то, что здѣсь и не такъ жарко (22° въ тѣни, бар. 769), и вода прекрасная, а здѣсь заболѣваютъ больше, чѣмъ въ Павло; и поносовъ, и лихорадокъ больше.

20-го іюля.

Подъ Плевной было очень плохо; нашихъ погибло, говорятъ, отъ 5 до 7 тысячъ; подробностей пока нѣтъ; сегодня поѣхалъ туда главнокомандующій; вѣроятно, и

наша квартира перемѣстится. Турки въ Плевнѣ укрѣпились ужасно; тамъ импровизировалась весьма сильная крѣпость, а наша артиллерія дѣйствовать не могла изъза мѣстности; огонь турокъ былъ адскій, у нихъ ружья магазиннаго устройства; засѣли они подъ цѣлыми рядами плетней, замазанныхъ глиной, съ дырьями для ружей; у каждаго ведро воды, которою смачивались и охлаждались ружья послѣ 15 выстрѣловъ — это производило пулевой дождь. Наши шли какъ львы, говорятъ; главный редутъ уже былъ взятъ, и держаться дольше было невозможно. Не могу передать, какъ горько, какъ тяжело слышать все это здѣсь, когда только и живешь почти одними интересами... Въ силу всего, что я тебѣ писалъ, ты поймешь, что наше возвращеніе, конечно, не въ іюлѣ и врядъ-ли въ августѣ. Ты уже теперь, вѣроятно, знаешь, что сюда идетъ гвардія... Внести свою лепту въ это дѣло есть святая обязанность каждаго честнаго человѣка. О дѣлѣ подъ Плевной сообщали все ординарцы (Козловъ, Лярскій); письменнаго донесенія еще не было, подробности все-таки еще неизвѣстны. Съ тяжелымъ сердцемъ отправился я сегодня въ госпиталь, гдѣ уже 400 человѣкъ больныхъ и раненыхъ; тутъ меня встрѣтилъ милый старичокъ, главный докторъ, чуть не со слезами объявившій мнѣ, что получено распоряженіе перевести госпиталь въ другое мѣсто: только-что устроилъ, только-что наладилъ, только-что ординаторы всѣ осмотрѣлись, и снова уходи, снова устроивайся, снова нѣсколько дней безпорядка! Сегодня присутствовалъ при вскрытіи — тяжелая работа: вскрытіе на открытомъ воздухѣ подъ солнцемъ, а сегодня въ тѣни 23°, баром. 766; трупъ гнилой; мухи особенной породы,

зеленыя, кипатъ надъ лакомымъ для нихъ блюдомъ; а вскрыть необходимо, чтобы знать, съ чѣмъ имѣешь дѣло: это былъ больной изъ транспорта, который привезенъ былъ въ состоянiи такого упадка силъ, который называется „коллапсомъ“; чѣмъ хвораль, когда занемогъ, конечно, больной ничего не могъ сказать и померъ черезъ два часа; предполагали, что заболѣваніе инфекціонной формы и коллапсъ отъ усталости; при вскрытiи же, кромѣ большой селезенки, ничего особеннаго не нашли.

Сейчасъ прослушалъ разсказъ И. о плевненскомъ дѣлѣ; на́скоро его повторить не могу; вѣроятно, ты прочтешь въ газетахъ эту героическую страду нашихъ солдатъ. Шаховской былъ въ дѣлѣ, и съ его стороны шло настолько хорошо, что одинъ изъ его генераловъ не хотѣлъ принимать приказанiя объ отступленiи: онъ взялъ нѣсколько батарей и частью былъ уже въ Плевнѣ; послѣ этого отступать тяжело...

XXVI.

22-го iюля.

Давно у меня не было такого апатичнаго настроенiя духа, какъ весь день вчера. Частью я переваривалъ внутри себя послѣднее дѣло подъ Плевной (18-го), частью вчера было очень жарко, и жара у меня въ комнатѣ доходила до 24°, барометръ 766; работы же было больше обыкновеннаго, такъ какъ теперь и у насъ начинаютъ похварывать; не говоря уже о прислугѣ, которая почти вся перехворала, — стала болѣть и свита; кромѣ разстройствъ пищеваренiя, переносимыхъ на ногахъ, стали являться лихорадки и сваливать съ ногъ;

опасно никто не болѣлъ, но были серьезно больные, и такихъ тяжелыхъ было три; госпиталь шелъ своимъ порядкомъ. Все это вмѣстѣ настолько заняло день, что я счелъ нужнымъ поспать для поддержки силъ; день-то и вышелъ очень коротокъ. Со всѣмъ бы этимъ я справился, даже и съ жарой, которая прежде бывала гораздо сильнѣе, но впечатлѣніе дѣла растрепало мои нервы настолько, что видимо повліяло на силы. Надо знать нашихъ солдатъ, этихъ добродушныхъ людей, идущихъ подъ пулевымъ градомъ на приступъ съ такою же покорностью, какъ на ученье,—чтобы еще болѣе сжималось сердце при мысли, что не одна тысяча этихъ хорошихъ людей легла безропотно, съ полной вѣрой въ святое дѣло, за которое они такъ охотно, съ такой готовностью отдаютъ свою жизнь. Я боялся также и за твоего брата, который былъ при Шаховскомъ и могъ также погибнуть, какъ и тысячи другихъ; но, слава Богу, его видѣли послѣ боя. Все это вмѣстѣ меня скосило вчера настолько, что я не могъ тебѣ писать. Сегодня нравственно я бодрѣе, больнымъ моимъ получше (самый серьезный былъ Игнатьевъ), и я взялся снова за перо. День будетъ жаркій: еще нѣтъ одиннадцати часовъ, а въ моей безукоризненной тѣни уже 22°, баром. рѣзко упалъ на 758; вѣроятно, будетъ вѣтеръ, а можетъ быть, и дождь; какая бы была это благодать, тѣмъ болѣе, что настоящаго дождя мы не видали уже съ Зимницы.

Теперь уже два часа; были у обѣдни, позавтракали, темп. 22°, движеніе воздуха небольшое; сегодня еще не былъ въ госпиталѣ, куда сейчасъ отправлюсь. Можешь себѣ вообразить, какая здѣсь курьезная церковь: я тамъ былъ уже раза два, обыкновенно идя за другими;

иду сегодня одинъ и иду по дорогѣ, по которой вижу колокольню; подхожу къ ней, а церкви не вижу, и никакъ не могу понять, куда же лицомъ стоятъ солдаты; спрашиваю наконецъ, гдѣ же церковь? Оказывается, что она помѣщается отдѣльно отъ колокольни, представляя снаружи обыкновенную архитектуру дома, нижній этажъ котораго—въ землѣ. Болгары объясняютъ это тѣмъ, что турки не позволяли имъ строить церкви такъ, чтобы ихъ было видно издали; этому показанію, однако, противорѣчитъ колокольня, которая построена на нашъ общій ладъ и видна издали; впрочемъ, колокольня безъ колоколовъ, которые замѣняются досками: одна праздничная—металлическая, другая деревянная, въ которую турки разрѣшаютъ бить по буднямъ; въ металлическую же били только по праздникамъ.

23-го іюля.

Можно ли человѣку съ силами физическими и нравственными оставаться сложа руки и пользуясь всѣми благами міра сего!.. Пріѣздъ Рихтера мнѣ снова даетъ возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Краснаго Креста, что̀ стало невозможно при Черкасскомъ. Вчера былъ душный, жаркій день; я такъ и обливался испариной, особенно при посѣщеніи своихъ больныхъ. Еслибы ты видѣла, какъ здѣсь живутъ! Напримѣръ, Игнатьевъ помѣщается въ мазанкѣ, вымазанной глиной, съ двумя маленькими окошечками безъ стеколъ; входя къ нему, смотришь подъ ноги, чтобы не споткнуться на изломанныхъ ступенькахъ; смотришь и на потолокъ, и на притолки, чтобы не ушибить лба. Не лучше помѣщенъ и другой больной, кн. Голицынъ свѣтлѣйшій, страдавшій приступами желчной колики.

Вездѣ душно, тѣсно, пыльно; въ нѣкоторыхъ домахъ мухи, клопы, блохи (въ турецкихъ это рѣже). Выйдешь изъ такого дворца на воздухъ, такъ кажется, что будто изъ бани вышелъ; вслѣдствіе этого съ 6-ти часовъ я уже надѣваю суконный сюртукъ, въ которомъ и остаюсь обыкновенно до ночи. Вчера у насъ было маленькое экстраординарное происшествіе: послѣ обѣда явились два болгарскихъ попа приглашать Государя на сельскій праздникъ; при бѣдности развлеченій, на этотъ праздникъ, конечно, отправились всѣ, тѣмъ болѣе, что надо было подняться только на гору, чтобы попасть на площадку, куда собралась часть здѣшняго селенія. Когда я пришелъ, я уже засталъ хороводъ человѣкъ изъ полутораста женщинъ съ небольшой подмѣсью мужчинъ; всѣ держались за руки, — женщины съ женщинами, мужчины съ мужчинами,—топтались и медленно двигались то въ одну, то въ другую сторону; два деревенскихъ музыканта съ самодѣльными скрипками, при одной, кажется, струнѣ, издавали какіе-то особые и однообразные звуки, дававшіе ритмъ топтанію; музыканты ходили въ кругу и очень равнодушно скрипѣли; бабы отдѣлывали свои отдѣльныя притоптыванія безъ малѣйшаго увлеченія, и еще съ большимъ равнодушіемъ топтались мужчины.

26-го іюля.

...Въ военной жизни полное затишье, которое, какъ говорятъ, продолжится не одну недѣлю. Мы смѣло бы могли уѣхать отсюда, тѣмъ болѣе, что и санитарное состояніе Бѣлы не представляетъ ничего особенно хорошаго. На этой недѣлѣ, какъ я тебѣ писалъ, у насъ много захворало народа изъ свиты; этому было причи-

ной то, что мы начали очищать ту восточную грязь, въ которой утопаетъ Бѣла, стали отыскивать и убирать дохлыхъ буйволовъ, телятъ, куръ, барановъ, валявшихся чуть не въ пятидесяти шагахъ отъ палатки Государя. Обратили вниманіе также и на придворную кухню, обладающую особой способностью плохо и невкусно кормить и грязнить самымъ страшнымъ образомъ. Здѣсь вообще ни у кого нѣтъ аппетита; но кто пройдетъ мимо кухни, тотъ надолго обречетъ себя на строгое воздержаніе и ограничится яйцами и другими произведеніями природы, мало требующими участія кухонныхъ артистовъ. Третьяго дня вечеромъ пригнанные сюда болгары для очистки двора и ближайшей къ нему улицы такую подняли пыль, что вся лощина была какъ въ облакѣ. Вычистили также и канаву, яко бы съ проточной водой, проходящую вдоль лощины и раздѣляющую Бѣлу на двѣ неравныя части; мѣстами эта канава задерживала свое теченіе и образовывала порядочныя массы стоячей воды. Всѣ эти энергическія мѣры принесли очевидную пользу уже тѣмъ, что по вечерамъ нѣтъ того ядовитаго аромата, который обыкновенно развивается каждый разъ, какъ намъ придется гдѣ-нибудь пожить больше двухъ или трехъ дней. Послѣдніе дни также нѣтъ заболѣваній, что̀, впрочемъ, врядъ-ли можно приписать очисткѣ Бѣлы, во-первыхъ, потому, что ее можно вычистить какъ слѣдуетъ не меньше какъ въ мѣсяцъ времени, да и то употребляя очень энергическія средства,—такъ, наприм., продлить плетни, сжечь кое-что и т. д. Повидимому, въ народѣ нѣтъ убѣжденія о вредѣ различныхъ животныхъ изверженій и остатковъ; нерѣдко здѣсь встрѣчаются мѣстами цѣлые комки,

очевидно происходящіе изъ навозныхъ стародавнихъ кучъ. Падаль, очевидно, убирается исключительно собаками, которыя здѣсь ею и кормятся. Горячее солнце высушиваетъ всѣ эти матеріалы для гніенія, отчего развиваются процессы тлѣнія, а это, вѣроятно, и спасаетъ жителей этихъ грязныхъ странъ отъ зараженія.

Собаки, очевидно, играютъ большую роль въ дѣлѣ очищенія; конечно, при теперешнемъ скученіи людей, при теперешнемъ количествѣ падали, не хватитъ, пожалуй, обычныхъ средствъ очищенія мѣстности и слѣдуетъ вмѣшаться въ эти дѣла человѣку. Третьяго дня, ѣдучи верхомъ изъ госпиталя, я заѣхалъ на бивуакъ нарвскаго полка, охраняющаго нашъ отличный каменный мостъ черезъ Янтру; меня уже давно поражалъ фактъ большого количества больныхъ въ госпиталѣ именно изъ нарвскаго полка, который расположенъ по низкому берегу рѣки въ мѣстѣ впаденія въ Янтру какой-то другой канавки, въ которую, очевидно, валятъ всякую мерзость. Пріѣхавъ на бивуакъ, я встрѣтилъ тамъ доктора изъ типа: „все обстоитъ благополучно, и бивуакъ хорошъ“. А вотъ недалеко отъ нихъ лежитъ дохлый буйволъ! Я поѣхалъ смотрѣть этого буйвола, но, увы, на этомъ мѣстѣ была видна свѣже-вскопанная земля, буйволъ исчезъ, а какая-то небольшая его часть—кажется, лопатка—обчищалась съ большимъ усердіемъ желтымъ псомъ. Батальонъ, помѣщавшійся въ этой части, по моему настоянію былъ выведенъ на гору, и тамъ теперь остался одинъ обозъ...

Вѣроятно до васъ уже дошла вѣсть о второмъ плевненскомъ дѣлѣ. Какъ горько отозвалась эта новость въ сердцѣ каждаго русскаго! Сколько слезъ,

сколько безутѣшныхъ страдальцевъ и страдалицъ послѣ этого рокового дѣла 18-го іюля!

27-го іюля.

Вчера ѣздилъ на восточную сторону отъ Бѣлы, поднялся на гору, переѣхалъ балку, другую, и передо мною—совершенно оазисъ — большой фруктовый и виноградный садъ, весь въ зелени, что̀ рѣзко отличалось отъ остальной почвы съ выжженной травой, сквозь которую пробивался бѣлый песокъ. Теперь вернулся изъ церкви, куда пошелъ изъ страха, что съ кѣмъ-нибудь сдѣлается тамъ дурно; особенно боялся за священника, у котораго была тоже лихорадка, и вчера былъ только первый день безъ приступа. Обошлось, впрочемъ, все благополучно. Теперь рѣдко кто себя чувствуетъ хорошо: у кого разстройство пищеваренія, у кого лихорадка, у кого недомоганье, тяжесть, слабость. Три недѣли почти, что мы стоимъ здѣсь, въ этой ямѣ, сами гадимъ и плохо убираемъ; понятно, что и воздухъ гадокъ, особенно въ этой котловинѣ, гдѣ горы мѣшаютъ провѣтриванію. Мнѣ хотѣлось собрать свѣденія о состояніи здоровья здѣшнихъ постоянныхъ жителей, но рѣшительно не отъ кого. Узналъ только, что медиковъ не существуетъ,—есть только знахари; что у народа не въ обычаѣ лечиться, а только отлеживаться въ случаѣ болѣзни. Самому же пришлось видѣть только одного больного болгарина, притедшаго къ намъ не столько за совѣтомъ, сколько съ кляузной цѣлью, пожаловаться на товарища болгарина, старшину, выбраннаго еще турками. Жалобщикъ также былъ старшина, но выбранный послѣ выхода турокъ; они поссорились при дѣлежѣ турецкаго имущества, и болѣе слабый пришелъ

жаловаться на побои, при чемъ показалъ свой бандажъ отъ грыжи. Бандажъ сдѣланъ, очевидно, деревенскимъ кузнецомъ. Это было для меня единственнымъ признакомъ медицины. Съ появленіемъ частыхъ заболѣваній стали строго слѣдить за чистотой, и теперь золотой періодъ нашего пребыванія въ Бѣлѣ прекратился: что̀ можно было, то̀ вычистили. Безпечность здѣшнихъ жителей особенно рѣзко проявляется на падали, которую они не удаляютъ.

Собственно тѣло свое, свой дворъ и даже свою мазанку они держатъ довольно чисто; почти при каждомъ турецкомъ домикѣ встрѣтится чуланчикъ съ прямымъ отверстіемъ въ одномъ изъ сторонъ его для стока воды; очевидно, чуланчикъ служитъ для омовеній.—Бѣлу пока еще не укрѣпляютъ, и даже глухо поговариваютъ о томъ, что скоро отсюда уйдемъ, но куда—не знаю, тѣмъ болѣе, что фактъ отъѣзда еще не вполнѣ вѣренъ; что касается до укрѣпленій, то врядъ ли они здѣсь и возможны при небольшихъ силахъ: слишкомъ будетъ высока линія для укрѣпленія. Изъ своихъ поѣздокъ въ окрестностяхъ я, вовсе не-спеціалистъ, считалъ бы эту мѣстность очень мудреной для укрѣпленія съ небольшими силами.

28-го іюля.

Вчера послѣ обѣда здѣсь устроили опять сельскій праздникъ; на этотъ разъ содѣйствовалъ его устройству и нашъ помощникъ коменданта бивуака, Тучковъ,—конечно, черезъ тѣхъ же поповъ и того же учителя; праздникъ былъ богаче, народа больше, музыкантовъ на пару скрипокъ здѣшняго фасона увеличилось, да прибавились двѣ свирѣли. Тѣ же монотонные хороводы, то же без-

молвное вытоптываніе, нѣсколько прыжковъ впередъ и столько же назадъ въ хороводѣ. Когда надоѣлъ хоровод̀ъ самому хозяину, снова явились восемь солистокъ и затянули какую-то пѣсню безъ всякаго слѣда музыкальности; затѣмъ солистки-пѣвицы отплясали другой танецъ безъ хоровода и, наконецъ, школьники здѣшніе пропѣли какое-то новое сочиненіе въ честь русскаго Царя. Но, несмотря на подсказываніе сзади стоявшаго учителя, никакъ дѣло не клеилось. Наконецъ, дали солистамъ и солисткамъ поѣсть и велѣли протанцовать казакамъ лезгинку. Ну, тутъ музыка пошла иная; цѣлый хоръ казаковъ сталъ пѣть и хлопать тактъ въ ладоши, что̀ выходило очень эффектно, а двое казаковъ отплясывали съ кинжалами въ рукахъ, которые у нихъ служили вмѣсто кастаньетъ. Этимъ праздникъ и кончился. Вечеръ былъ душный, пыльный; я пошелъ домой и завалился на постель; гулять было невозможно, сидѣть на воздухѣ не на чемъ,—здѣсь все табуретки безъ спинокъ, а развалиться можно только у себя дома. Обыкновенно главная толпа свиты въ это время, около одиннадцати часовъ, сплываетъ; остаются двое, трое, бесѣда идетъ уже болѣе откровенная; здѣсь что-нибудь и услышишь такого, что̀ вслухъ не говорится и о чемъ только думается. Въ хорошіе вечера я иногда засиживаюсь вечеромъ почти до часа; теперь стало свѣжѣе и по-неволѣ уходишь раньше. Большею частью до двѣнадцати часовъ я уже въ постели и, обыкновенно, быстро засыпаю. Эти жаркіе дни все-таки, хотя и небольшая работа, утомляютъ порядкомъ. Жара и тяжелый воздухъ нашей Бѣлы доѣдаютъ, конечно, всего болѣе. Сегодня въ часъ дня 24° въ тѣни, баром. 762; вѣтеръ, кажется, измѣ-

няетъ свой характеръ, но все еще не чувствуется достаточно облегченія въ этой атмосферѣ. Трудно повѣрить, что уже три недѣли сегодня, какъ мы вошли въ Бѣлу, въ эту яму, обрадовавшую насъ только вначалѣ тѣмъ, что въ ней больше воды, чѣмъ въ Павло. Дѣйствительно, воды много, но за то воздухъ неблистательный изъ-за лощины, которая провѣтривается не при всякомъ вѣтрѣ. Все народонаселеніе наше только и интересуется теперь вопросомъ, когда отсюда выйдутъ. Кажется, скоро, дня черезъ два, три — тронемся, должно быть, въ Студень.

XXVII.

29-го іюля.

Кажется, сегодня ждутъ главнокомандующаго, который и долженъ рѣшить нашу участь относительно дальнѣйшаго пребыванія въ Бѣлѣ; говорятъ, что тронемся, но до сихъ поръ еще не трогаемся, а воздухъ здѣсь дѣлается все тяжелѣе; рѣдко кто не принесъ дани этимъ отравамъ, плавающимъ въ Бѣлѣ: у кого была лихорадка, у кого поносъ, у кого болѣзненная раздражительность; на меня напала спячка, — не только лежалъ бы цѣлый день, но и спалъ бы, лишь бы только меня оставили въ покоѣ. Жарко, душно, милліарды мухъ, вонь и отсутствіе всякихъ извѣстій о военныхъ движеніяхъ, которыя, вѣроятно, совсѣмъ затихнутъ до прибытія подкрѣпленія! Неужели мы все время будемъ оставаться здѣсь?—задаетъ каждый себѣ этотъ вопросъ, на который, конечно, никто не отвѣчаетъ. Неудача подъ Плевной измѣняетъ характеръ войны: мы не будемъ двигаться впередъ, а будемъ ждать, вѣроятно, пока не соберемся.

30-го іюля.

Со вчерашняго дня погода совсѣмъ разладилась; дождь съ 6-ти часовъ лилъ всю ночь, да и теперь нѣтъ, нѣтъ да и пойдетъ, да и припуститъ; въ сущности, мы не видѣли дождя съ Зимницы и, конечно, всѣ обрадовались этой благодати, хотя воздухъ и до сегодня душенъ, несмотря на то, что небо покрыто густыми облаками, очень низко стоящими надъ Бѣлой; темпер. не менѣе 19°, бар. 760. Вчера вечеромъ и молніи были пущены въ ходъ для освѣженія и очищенія воздуха Бѣлы, но какъ-то мало замѣтенъ результатъ усилій природы очистить наше пастбище; сегодня ночью изъ окна во время грозы несло немилосерднымъ образомъ. Дождь былъ такъ силенъ и дологъ, что палатки придворнаго образца, даже наилучшаго качества, какъ у министровъ, потекли. Государь, наконецъ, согласился сегодня перейти въ нашъ домъ, гдѣ ему устроили одну изъ лучшихъ комнатъ; выбитыя окна завѣшены полотномъ, сукномъ, но за то полъ деревянный и размѣръ комнаты не очень мелкій; вѣроятно намъ здѣсь еще дня три оставаться. Вчера пріѣзжалъ главнокомандующій и сегодня съ нимъ отправленъ въ Горный-Студень помощникъ коменданта для выбора помѣщенія главной квартиры. Здѣсь, повидимому, вся компанія мечтаетъ, чтобы мы помѣстились въ Систовѣ, гдѣ помѣщеніе удобно и достаточно и воды хватитъ на всю эту массу лошадей; въ стратегическомъ отношеніи въ Систовѣ тоже, говорятъ, хорошо, тѣмъ болѣе, что нѣсколько недѣль ничего здѣсь, вѣроятно, не будетъ; нѣкоторые смѣлые умы заговорили даже, почему бы не ѣхать въ Питеръ. Но что объ этомъ говорить и смущать себя! Что будетъ,

то будетъ! Меня чрезвычайно интересуетъ курьеръ, который привезетъ намъ впечатлѣніе плевненскаго дѣла.

31-го іюля.

Сейчасъ вернулся Тучковъ изъ осмотра Горнаго-Студня и мало обѣщаетъ хорошаго; впрочемъ, говоритъ, что воздухъ лучше—посмотримъ.

1-го августа.

Сегодня я совершенно здоровъ и настолько бодръ и крѣпокъ, что могу отправиться и въ госпиталь; грязь на дворѣ невылазная: до вчерашняго вечера шелъ дождь и только ночью стало уже разгуливаться; теперь очень пріятно; облака стали тонкими, прозрачными, кое-гдѣ синее небо, темпер. 20°, баром. 763; на завтра назначенъ выѣздъ отсюда въ Горный-Студень; надѣюсь, что грязь подсохнетъ къ завтраму. Хотя за эти дни я не выходилъ, но такъ какъ ко мнѣ очень ревностно заходили и бесѣдовали, то я былъ au courant,—если не того, что̀ дѣлается,—потому что теперь, повидимому, только ждутъ, —то au courant того, что̀ люди думаютъ. Трудно передать тотъ строй, въ которомъ находится теперь все наше общество, или лучше—наша колонія. Эти два мѣсяца совершенно особой жизни, съ лишеніями, безъ всякой возможности и надобности интриговать, куртизанить (вся наша колонія относится ко всему дѣлу какъ зрители), чрезвычайно измѣнили очень многихъ: у всѣхъ теперь одинъ интересъ, однѣ занозы, одно нытье на сердцѣ; каждый справляется съ этимъ по-своему, какъ умѣетъ, какъ подготовился: одинъ смотритъ пессимистически; другой, наоборотъ, и въ иныхъ неутѣшительныхъ фактахъ видитъ

новое для себя ободреніе; конечно, есть люди и средніе, умѣющіе все взвѣшивать на болѣе спокойныхъ вѣсахъ. Я съ величайшимъ интересомъ слушаю эти бесѣды, особенно людей съ личнымъ большимъ опытомъ и проходящихъ сознательно вторую турецкую кампанію. Изъ всего, что вижу и слышу, съ глубокимъ убѣжденіемъ могу сказать, что борьба у насъ съ сильнымъ непріятелемъ; турки сгнили только въ головахъ кабинетныхъ людей, и точно такъ же будто бы угнетены болгары. Турки, вооруженные англичанами великолѣпными ружьями съ милліардами патроновъ, воинственные по природѣ, экзальтированные религіознымъ фанатизмомъ, — турки представятъ, конечно, не легкую задачу нашимъ героямъ. Солдаты наши, офицеры—святые люди; трудности климата, природы, отсутствіе продовольствія—все это они умѣютъ выносить съ истиннымъ мужествомъ. Подъ Плевной уходили и пропадали полки за полками безъ малѣйшаго колебанія: все это въ полномъ смыслѣ слова—герои; слышно только неудовольствіе на штабъ, на провіантскую часть, которая при здѣшнихъ путяхъ сообщенія, повидимому, не въ блистательномъ состояніи. Впрочемъ, глубоко увѣренъ, еслибы такъ же свято выполняли свой долгъ люди, завѣдующіе и вѣдающіе провіантской частью, какъ боевые люди, то навѣрное всѣ были бы во-время и въ мѣру сыты... Сейчасъ былъ въ госпиталѣ, обошелъ въ послѣдній разъ моихъ терпѣливыхъ, безропотныхъ солдатиковъ, простился съ ординаторами, сестрами, навѣстилъ тяжело больную тифомъ сестру Тоде, кое-кого изъ паціентовъ свиты, позавтракалъ и вотъ сѣлъ опять бесѣдовать съ тобою...

За это время рѣшительно всѣ мы переболѣли, кто

желудкомъ, кто лихорадкой, а чаще тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Нельзя исключительно приписывать все Бѣлѣ,— вѣроятно, и время года играетъ важную роль; полагаю, что дождь и теперь измѣнившійся вѣтеръ улучшатъ санитарное состояніе нашего предстоящаго лагеря въ Горномъ-Студнѣ. Завтра въ 7 ч. утра въ походъ.

XXVIII.

Горный-Студень, 3-го августа.

Вчера, наконецъ, въ 7 ч. утра, выбрались мы изъ нашей Бѣлой ямы; отъ нетерпѣнія покинуть эту гнусную дыру я не спалъ почти всю ночь; къ тому же, въ заключеніе всѣхъ удовольствій пребыванія въ Бѣлѣ, намъ пришлось испытать еще особенность ея: какъ разъ наканунѣ отъѣзда, вслѣдствіе постояннаго дождя въ послѣдніе дни, въ послѣдній вечеръ набралось въ нашу конуру несмѣтное количество жучковъ, которые ползли въ сухое мѣсто и, слѣдовательно, подбирались къ подушкѣ. Встали мы рано; нужно было отпустить вещи уже къ шести часамъ, а слѣдовательно, заблаговременно одѣться. Проглотивъ чашку чая, я сѣлъ верхомъ, и пока вся компанія поджидала выхода Государя, отправился впередъ, чтобы завернуть въ госпиталь, который лежалъ на нашей дорогѣ. Дорога шла опять на Павло, откуда послѣ двухчасовой остановки съ маленькой закуской отправились дальше на Чаиръ, Митхадъ-Пашу и наконецъ Горный-Студень; первую половину дороги насъ порядкомъ мочило, а потомъ порядкомъ припекало; пыли на этотъ разъ, конечно, не было. Въ третьемъ

часу пришли въ Горный-Студень и не принесли съ собою ничего другого, кромѣ усталости. Разстояніе было 30 верстъ въ грязи, безъ симпатичныхъ видовъ и безъ привлекательнаго въ будущемъ. Мѣняя мѣста, мы прежде чего-то ждали, шли впередъ, а теперь только соединились съ главнымъ штабомъ, примкнули къ двумъ корпусамъ, къ 11-му и къ 9-му, — вотъ и все. Конечно, мы будемъ тутъ спокойнѣе, не будемъ думать о башибузукахъ, которые могли бы прорваться въ Бѣлу, не будемъ думать, что насъ отрѣжутъ — что̀, вѣроятно, и случилось бы, еслибы не турки были нашими противниками. Послѣ пораженія подъ Плевной, имъ бы только стоило идти дальше на насъ, дорога была свободна, а насъ защищала только одна бригада въ мѣстности, гдѣ и цѣлаго корпуса мало. Можетъ быть, впрочемъ, что-нибудь опять попробуютъ съ Плевной или Ловчей, но объ этомъ можно только предполагать и догадываться.

При приближеніи къ Горному-Студню, насъ встрѣтилъ Шаховской съ своимъ штабомъ; мы проѣзжали рядами его корпуса; всѣ полки, бывшіе въ дѣлѣ, были въ строю, и можно было замѣтить, какъ нѣкоторые изъ нихъ стали рѣдки. Горный-Студень, въ которомъ мы теперь будемъ обрѣтаться неопредѣленное время, есть то же, что Бѣла, т.-е. такая же болгарская деревня, какъ и всякая другая,—съ массой хлѣба, мазанки разбросаны по горѣ болѣе открыто, чѣмъ въ Бѣлѣ, лощины нѣтъ; видъ на деревню домовъ въ 60 очень красивый, особенно если смотрѣть издали. Погода послѣ дождя стала свѣжѣе, сегодня пахнетъ осенью.

4-го августа.

Погода опять прелестная, свѣжая, 16 гр. въ тѣни, въ 9 1/2 ч. бар. 762, небо безоблачно, воздухъ очень пріятенъ, и сегодня, вѣроятно, задамъ отличную прогулку пѣшкомъ, чего я давно уже не дѣлалъ изъ-за жары, которая затрудняла всякій лишній шагъ. Помѣщенъ я здѣсь по здѣшнему отлично, а по нашему скверно. Государь устроился въ маленькомъ полуразрушенномъ турецкомъ домикѣ, и у него дѣйствительно двѣ сносныя комнатки; второй этажъ этого домика составляли, вѣроятно, лавки—и въ одной изъ нихъ я и живу... Мое помѣщеніе было бы въ самомъ дѣлѣ очень хорошо, еслибы окно не выходило на тротуаръ съ навѣсомъ, гдѣ стоятъ скамейки, что̀ привлекаетъ и развлекаетъ нашу праздную компанію, которая съ послѣ-обѣда до чая, чтобы не расходиться по своимъ домамъ, засѣдаетъ тутъ и жужжитъ такъ, что нѣтъ никакой возможности что-нибудь дѣлать. Вчера вечеромъ не могъ писать; чтобы не быть цѣлый день на улицѣ, я устроилъ занавѣску и, такимъ образомъ, обрекъ себя на тюрьму, изъ которой ничего не видно, но это я все-таки предпочитаю виду лицъ, которыя мнѣ непріятны. Госпиталя здѣсь нѣтъ, что̀, конечно, отнимаетъ у меня возможность съ удовольствіемъ провести нѣкоторое время дня; впрочемъ, говорятъ, здѣсь скоро устроится госпиталь... Сейчасъ являлся ко мнѣ профессоръ Поповъ, химикъ въ Варшавѣ; онъ здѣсь при штабѣ для дезинфекціи свалочныхъ мѣстъ, кладбищъ и пр. Въ Тырновѣ только ему удалось найти одинъ колодезь испорченнымъ турками, которые, уходя оттуда, навалили всякой гнилятины и сдѣлали, такимъ образомъ, колодезь невозможнымъ; въ Систовѣ же такъ

плохо хоронили турокъ, что торчали изъ земли ноги, руки—пришлось заливать известью. Въ военномъ мірѣ ничего не слышно, — полное затишье. Н-кій отмалчивается (уставляя глубокомысленно глаза); Л. чаще обыкновеннаго поправляетъ очки и пыхтитъ сильнѣе прежняго. Вообще, герои какъ-то попріѣлись, потеряли свой ароматъ, разъ во-очію всякому стало ясно, что отдѣльный героизмъ ни къ чему не ведетъ. По манерѣ себя держать, по серьезности и честности отношенія къ дѣлу, самыми симпатичными личностями для меня остаются Государь и Милютинъ. Только глядя на нихъ, ты не встрѣчаешь этого „*я*“, которое такъ и пробивается въ бо̀льшей части другихъ выступающихъ дѣятелей; скромность и серьезность Милютина внушаютъ къ нему величайшее почтеніе; онъ весь отданъ своему дѣлу, которому охотно готовъ даже жертвовать своимъ *я*.

Если взглянуть на теперешняго воротилу Л., то въ немъ прежде всего натыкаешься именно на это „я“, а уже изъ-за него только мелькаетъ дѣло; вотъ лицо, которое мнѣ вовсе не внушаетъ довѣрія. Про Н. сложилось, повидимому, въ здѣшней публикѣ такое убѣжденіе, что онъ слишкомъ старъ для подобнаго высокаго поста, что ему измѣняютъ его способности, что онъ многое забываетъ и только драпируется при этомъ въ мантію таинственности...

XXIX.

5-го августа.

Да, наступила осень, а я въ сущности и весны даже не видалъ; вмѣсто же лѣта, было какое-то пёкло съ

пылью, и до сихъ поръ фрукты или ягоды, если приходится ѣсть, то не иначе какъ въ консервахъ, въ компотахъ, даже овощи, и тѣ—въ консервахъ. Впрочемъ, кормясь и лакомясь по произволу нашего французскаго повара Вавассёра, мы обречены здѣсь ѣсть то, что онъ хочетъ намъ давать, а не то, что можно здѣсь имѣть. Можешь себѣ вообразить, что этотъ нравственный уродъ дошелъ до того, что подаетъ намъ петербургское мясо, которое заливается тамъ въ сало въ формѣ желе и тяжелыми курьерами везется сюда. Всѣ смертные имѣютъ здѣсь мяса вдоволь, но нашъ французъ находитъ его недостаточно хорошимъ; кто ѣстъ свѣжую капусту, а намъ подаютъ консервы,—и нѣтъ, кажется, той силы, которая убѣдила бы это чудовище измѣнить такую систему кормленія, хотя послѣ того раза, что я вмѣшался въ это дѣло, все-таки стало получше... Новостей никакихъ; отдѣльные геройскіе подвиги прекратились; турки сидятъ себѣ взаперти и вѣроятно готовятся къ чему-нибудь, хотя мнѣ ничего незвѣстно; можетъ быть, и я теперь знаю меньше обыкновеннаго потому, что стараюсь по возможности меньше оставаться послѣ обѣда и послѣ завтрака, особенно въ тѣ дни, когда у насъ ѣдятъ изъ штаба, къ которому у меня сердце не лежитъ послѣ Плевны; кто же ихъ просилъ составлять такой планъ кампаніи, который былъ немыслимъ при наличномъ составѣ войска! Горько! можно заплакать и наяву,—такъ это горько, такъ больно за русскаго солдата, за русскаго офицера, силы и мужество которыхъ заслуживаютъ чего-нибудь посвѣжѣе и посолиднѣе.

6-го августа.

Въ палаткѣ опять было отлично и совсѣмъ не холодно. Вечеръ вчера былъ прекрасный, теплый; луна снова начинаетъ съ нами кокетничать; такая она здѣсь красивая, что я невольно часто вспоминалъ — магометане недаромъ выбрали ее за символъ своего божества. Мѣсто здѣсь чрезвычайно живописно; оно холмисто въ разныхъ направленіяхъ и ежедневно освѣщается при заходящемъ солнцѣ; также эффектенъ и лунный свѣтъ; сухо только на все это смотрится, — на душѣ-то нѣтъ рефлекса. Настроеніе снова самое томительное: ничего неизвѣстно, что готовится, что задумывается, — ничего не слышно; наша главная квартира — сама по себѣ, штабъ — самъ по себѣ; отдѣльные члены, исключая, конечно, главнѣйшихъ, не встрѣчаются и находятся въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Той стороной, очевидно, чувствуется критика нашей стороны, что, конечно, не можетъ ей улыбаться; повидимому, ждутъ, не дождутся, когда *мы* наконецъ уѣдемъ, чтобы остаться полными хозяевами, несмотря на то, что Государь держитъ себя безукоризненно, не вмѣшиваясь иначе, какъ только добрымъ совѣтомъ, и въ этомъ отношеніи, повидимому, пребываніе здѣсь Государя, а вмѣстѣ съ нимъ Милютина, было бы для дѣла чрезвычайно полезно, только жаль, что это будетъ тяжело Государю; нужно признаться, что война въ странѣ съ азіатской культурой связана съ большими трудностями, лишеніями, которыя въ годы Государя не могутъ быть легки; въ нашей свитѣ рѣшительно не осталось ни одного здороваго человѣка, — все переболѣло.

7-го августа.

Совершенно случайно моя палатка — рядомъ съ палаткой Ковалевскаго и аптекой, которая устроилась здѣсь очень мило. Цѣлый день почти провожу у себя въ палаткѣ: когда темно и нельзя ни писать, ни читать, то всего охотнѣе сижу подлѣ палатки да покуриваю. То тотъ, то другой подойдетъ: скучныхъ людей отпускаю быстро, поинтереснѣе кто—получаетъ мѣстечко и побесѣдуетъ; впрочемъ, долженъ признаться, такихъ очень немного. Съ 8-ми часовъ вечера до зари теперь играетъ на нашей площадкѣ музыка, которая не доставляетъ большого удовольствія: во-первыхъ, почти весь репертуаръ уже поистощенъ; а во-вторыхъ, полковая музыка пріятна изрѣдка и издалека,—мы же слушаемъ ее каждый обѣдъ въ теченіе полутора мѣсяца, и она порядкомъ пріѣлась, несмотря на отличное исполненіе преображенскимъ хоромъ...

О войнѣ пока ничего новаго; темные слухи ходятъ о томъ, что въ Плевнѣ у турокъ теперь 120 тысячъ войска; повидимому, что-то готовятъ. Если будетъ телеграмма о счастливомъ дѣлѣ, то почти съ большой вѣроятностью можно смотрѣть на это извѣстіе какъ на заявленіе о нашемъ скоромъ возвращеніи. Вчера былъ праздникъ преображенскаго полка, также всей артилеріи и, наконецъ, день рожденія австрійскаго императора. Торжество это ничѣмъ особеннымъ не проявилось; за обѣдомъ было нѣсколько лишнихъ преображенцевъ, артиллеристовъ; сидѣли мы, противъ обычая, за обѣдомъ при шпагахъ и вечеромъ слушали пѣсельниковъ солдатъ и казаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ можно слушать казаковъ: хоръ строенъ, музыкаленъ;

солдатскій же хоръ совсѣмъ мнѣ не по вкусу, да и пѣсни ужъ очень неважны. Соллогубъ поставилъ какую-то пѣсню по поводу перехода черезъ Дунай и Балканы въ солдатскомъ вкусѣ, что̀ вчера и пропѣлось—безъ особеннаго успѣха. Вчерашній вечеръ былъ особенно пріятенъ; закатъ солнца прошелъ съ какими-то пурпуровыми свѣтами, не было рѣзкаго охлажденія воздуха послѣ заката и, наконецъ, было и тихо, и тепло; собаки лаяли и выли какъ-то меньше обыкновеннаго. Теперь новая музыка показалась по вечерамъ, и она до такой степени постоянна, что ее перестаешь слышать: это—кузнечики...

8-го августа.

...Стоянка здѣсь не въ примѣръ лучше гнусной Бѣлой, гдѣ мы всѣ наглотались всевозможныхъ заразъ въ этой ямѣ безъ всякой вентиляціи; мѣсто здѣсь открытое, продуваетъ со всѣхъ сторонъ и кромѣ того нашъ бивуакъ помѣщенъ въ сторонѣ отъ села и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ штаба главнокомандующаго; за тѣмъ здѣсь съ самаго начала принялись слѣдить строго за чистотой, вырыли ямы, устроили нѣкоторыя мѣста, а потому не гадятъ такъ, какъ прежде; по вечерамъ нѣтъ ни малѣйшаго запаха въ нашемъ лагерѣ. Въ послѣднее время въ Бѣлой, когда пошелъ дождь и выдавилъ газы изъ почвы, то вонь сдѣлалась рѣшительно нестерпимой. Здѣсь больныхъ стало меньше, больные же первыхъ дней здѣшняго пребыванія очевидно принесли болѣзнь съ собой изъ Бѣлой. Только по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ вліяніе Бѣлой, начинаетъ цѣнить Горный-Студень; въ первое время меня здѣсь напугали холодныя, сырыя ночи, но это было, очевидно, слѣдствіе предшествовавшихъ дождей,

а теперь ночи такъ теплы, что я ложусь совершенно раздѣтый,—конечно, пока покрываюсь всѣмъ своимъ скарбомъ, т.-е. одѣяломъ, плэдомъ, военнымъ пальто и, наконецъ, халатомъ; турецкую феску иногда надѣваю съ вечера, но большею частію сбрасываю; каучуковое пальто вѣшаю у изголовья: это защищаетъ мнѣ цѣлый уголъ. Эти дни я рѣшительно никуда не выходилъ, то оттого, что жарко, то оттого, что скучно. Дома въ палаткѣ все-таки для меня самое любезное мѣсто; тутъ есть и бумага, которая даетъ мнѣ возможность побесѣдовать съ тобой; тутъ газеты, которыя я читаю съ большимъ интересомъ; медицинское чтеніе плохо идетъ,—не то въ головѣ, слишкомъ много другихъ задирающихъ интересовъ, хотя въ сущности всѣ помыслы и вертятся только около одного интереса — около Плевны, которая дала такъ много, много горя,—и общаго—всей Россіи, и частнаго—намъ, маленькимъ людямъ. На чемъ остановятся — до сихъ поръ никому неизвѣстно; будутъ ли ее, какъ нѣкоторые думаютъ, связывать желѣзнымъ обручемъ, рыть траншеи и бросать снаряды, или снова будутъ пытаться сдѣлать третью аттаку. Жаль будетъ, если выберутъ эту послѣднюю систему: во-первыхъ, она можетъ неудаться, что̀ будетъ въ высшей степени нехорошо, а во-вторыхъ, въ случаѣ удачи, можетъ ускользнуть значительная часть арміи вонъ и засѣсть въ другомъ мѣстѣ, откуда снова надо будетъ выбивать. Къ сожалѣнію, не хватитъ войска; прогулки за Балканы измучили кавалерію, которая бы теперь могла оказать большую помощь. Государь теперь поправился и сегодня уже дѣлалъ смотръ, на который пошелъ и я,—стоялъ въ сторонѣ и вывѣдывалъ, нѣтъ ли у кого какихъ новостей, но, очевидно, пока врядъ ли что-

нибудь есть опредѣленное. Сегодня обѣдаетъ здѣсь весь штабъ главнокомандующаго, слѣдовательно—торжество, котораго у насъ давно уже не бывало; это всѣхъ, очевидно, занимаетъ: все что-нибудь будетъ другое, не то, что каждый день. Что касается до меня, то мнѣ это рѣшительно все равно; за обѣдомъ я всегда сажусь на одно и то же мѣсто, съ котораго вижу только ближайшихъ, съ которыми сижу; къ остальнымъ приходится сидѣть спиной и при этомъ съ краю; мѣстечко это я выбралъ изъ-за того, чтобы имѣть больше воздуха—такъ оно теперь и осталось за мною неприкосновеннымъ, тѣмъ болѣе, что оно—изъ самыхъ скромныхъ. Послѣ обѣда обыкновенно выбираюсь на площадку, гдѣ стоитъ моя палатка, и передъ ней засѣдаю.

XXX.

9-го августа.

...Можешь себѣ вообразить, что я сижу теперь въ палаткѣ, въ $2^1/_2$ ч. дня, при 29° Реомюра! Въ тѣни на воздухѣ 28°, баром. 762—мокнешь какъ губка, потъ постоянно подтекаетъ со лба, съ висковъ въ глаза и мѣшаетъ читать; сижу я теперь въ одномъ бѣльѣ, предпринявъ всевозможное, чтобы вызвать сквознякъ, но онъ является только изрѣдка, время отъ времени обдавая какъ будто ледяною струей. Конечно, ко всему можно привыкнуть, и сегодня я все-таки былъ въ состояніи читать, побывалъ въ госпиталѣ и обошелъ больныхъ, что̀ прежде для меня было бы немыслимо; даже не пьешь чай съ такимъ остервенѣ-

ніемъ, какъ прежде,—о чаѣ я даже и не вспоминалъ сегодня. Пожалуй, поживешь здѣсь подольше — не будешь и замѣчать этого пёкла; впрочемъ, мы переносимъ температуру и въ 31° въ палаткѣ. Вообрази себѣ людей уже не первой молодости, привыкшихъ къ извѣстному комфорту жизни, живущихъ теперь въ срединѣ поля подъ непосредственнымъ почти вліяніемъ знойнаго солнца, безъ всякаго дѣла, а только ожидающихъ событій, которыя между прочимъ не совершаются, и ты себѣ можешь представить всеобщее здѣсь настроеніе. Есть люди, у которыхъ есть семьи, къ которымъ они стремятся, и они, какъ я замѣтилъ, переносятъ лучше это испытаніе, которому подвергается наша компанія. Тяжело особенно тѣмъ, у которыхъ никого нѣтъ, о комъ подумать, къ кому стремиться; эти выморочные совсѣмъ расклеились въ этой жизни и постарѣли въ два мѣсяца такъ, какъ будто прошло два года этой жизни. Впрочемъ, есть нѣкоторые изъ выморочныхъ и такіе, которые въ сущности нисколько не измѣнили своего образа жизни, и вмѣсто того, чтобы ходить играть въ карты въ клубѣ, они составляютъ партіи здѣсь, и уже, конечно, солиднѣе, чѣмъ въ клубѣ, гдѣ собираются, кажется, только съ обѣда; здѣсь нѣкоторые устроиваютъ партію уже съ утра и продолжаютъ до вечера. Въ день прихода курьера, слѣдовательно въ день полученія газетъ, дѣятельность этихъ выморочныхъ измѣняется, — читаютъ газеты. Не будь картъ, эти выморочные повѣсились бы на первомъ деревѣ. Есть люди, которые имѣютъ видъ очень оживленный и какъ бы занятый: такъ напр., И., хотя онъ обязательно ничѣмъ не занятъ, но, имѣя возможность слѣдить за деталями событій, онъ вмѣстѣ съ

этимъ и относится къ нимъ болѣе сознательно, какъ человѣкъ, долго жившій на востокѣ. Еслибы у него не было этого постояннаго самоудовлетворенія, выражающагося безпрестанно фразами: „я это предвидѣлъ, я объ этомъ уже говорилъ, я ихъ предупреждалъ и пр.“ — это былъ бы очень пріятный и живой собесѣдникъ. Но хвастовство, нераздѣльное еще съ другимъ свойствомъ, дѣлаетъ его бесѣду не совсѣмъ интересной; но все-таки это одинъ изъ талантливыхъ людей и менѣе раскисшихъ. Живемъ, печемся, кормимся и ждемъ, и всякій самъ въ себѣ долженъ найти средство переносить это существованіе. Одинъ изъ большихъ рессурсовъ собственно для меня, это—больные и больница; но однообразіе болѣзней такъ рѣзко выступаетъ, что я больше чѣмъ когда-либо убѣждаюсь въ вѣрности одного изъ моихъ коренныхъ убѣжденій, что для военнаго времени въ особенности, а въ частности и вообще для военнаго сословія необходимо сформировать не столько ученыхъ, образованныхъ врачей, сколько техниковъ, которыхъ можно было бы приготовлять относительно въ короткое время и въ большомъ количествѣ. Въ сущности три, четыре патологическихъ формы составляютъ главный контингентъ больныхъ; ученый старшій врачъ, установивъ эти формы и способы ихъ леченія, могъ бы смѣло значительную массу больныхъ предоставлять наблюденію и леченію этими субалтернами, болѣе значительное число которыхъ могло бы съ лихвою вознаградить недостающее число врачей. Даже полевая хирургія до такой степени однообразна, что ею могли бы очень хорошо заниматься тѣ же техники,—конечно, подъ надзоромъ врачей ученыхъ, которые бы руководили дѣломъ. Сегодня я былъ

въ госпиталѣ собственно въ первый разъ; онъ только-что открылся, и въ немъ пока только 54 человѣка больныхъ; госпиталь этотъ пришелъ изъ Кременчуга и пока развернетъ только одну свою половину какъ слѣдуетъ. Главный докторъ—полякъ, очень молодой человѣкъ, года полтора какъ кончилъ курсъ; всѣ главные доктора, которыхъ я до сихъ поръ видѣлъ, почти исключительно или поляки, или нѣмцы, или евреи. Не знаю, не понимаю, гдѣ лежитъ тайна этой загадки? Впрочемъ, они сдѣлали на меня недурное впечатлѣніе: съ интересомъ бесѣдовали о различныхъ вопросахъ полевой хирургіи, каждый изъ нихъ уже поработалъ на перевязочномъ пунктѣ, у каждаго уже кое-что выработалось. Я поднялъ исторію объ отзывѣ о поведеніи врачей подъ Плевной и вызвалъ цѣлую массу возраженій, опровергающихъ ложныя показанія, основанныя, кажется, на сплетнѣ И., знаменитаго интригана, какъ его называютъ. Третьяго дня этотъ господинъ явился ко мнѣ, и дѣйствительно онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, не очень высоко стоящаго въ нравственной іерархіи. Съ самымъ большимъ жаромъ онъ говорилъ собственно о военной тактической сторонѣ плевненскаго дѣла, интересовавшаго его лично больше по участію въ немъ Крюднера, его протектора; старался доказать, что Плевна не была взята только по винѣ Шаховского, дѣйствовавшаго помимо плана Крюднера; впрочемъ, кажется, это теперь и наиболѣе распространенное мнѣніе—въ дѣйствіяхъ обоихъ корпусныхъ, повидимому, не было никакого согласія... Посидѣвъ съ докторами, подъ блестящимъ луннымъ сіяніемъ, я отправился домой на свой бивуакъ. Надо было спуститься съ одной горы,

пройти мостъ черезъ ручей и подняться на нашу гору; обманчивое освѣщеніе луной, конечно, заставило меня пропустить настоящій спускъ, пойти по другому, вслѣдствіе чего и пришлось поискать бивуакъ, окна котораго у меня были постоянно передъ глазами... Сегодня въ тѣни было 20°—вотъ тутъ и изволь справляться! Какъ началъ въ больницѣ изслѣдовать больныхъ, такъ потъ и каплетъ большими каплями, а какъ приложишь ухо къ тѣлу, то это мѣсто становится совершенно мокро. Безъ привычки — бѣда, не вынесешь. Въ эту-то жару вообрази себѣ солдатиковъ почти съ двумя пудами тяжести за плечами! Удивительно только, какъ здѣсь рѣдки случаи солнечныхъ ударовъ между нашими войсками. Очевидно, россійскій климатъ ихъ ко всему пріучилъ, и между прочимъ и къ холоду, и къ жару; и что за святое благодушіе у этого человѣка, что за кротость! Можешь себѣ вообразить, какъ они себя мило держатъ съ турецкими плѣнными (конечно, съ низамомъ): кормятъ ихъ и ухаживаютъ, какъ за несчастными. Съ самой Плоэшты у меня есть казакъ изъ конвоя; онъ мнѣ прислуживаетъ и сопровождаетъ меня, если я верхомъ; что это за кротость этого красиваго лица въ характерѣ Христа, съ очень правильными чертами! Скроменъ, тихъ, аккуратенъ, внимателенъ, точно женщина, а вѣдь тоже храбрецъ и все рвется въ дѣло; впрочемъ, грѣшенъ, послѣднему я не очень вѣрю: они все-таки слишкомъ привыкли теперь къ мирной жизни, чтобы стремиться искренно подъ пули, тѣмъ болѣе, что у каждаго почти семья. Донцы хороши только, говорятъ, для развѣдокъ, набѣговъ; при развѣдкахъ у нихъ непріятель всегда двоится въ своихъ силахъ; у нихъ

всегда непріятеля „видимо-невидимо“... О братьяхъ теперь ничего не знаю; кажется, корпусъ Шаховского двинутъ къ Османъ-Базару, но дѣла тамъ пока никакого нельзя ждать.

10-го августа.

31 гр. въ палаткѣ, 30° на воздухѣ, бар. 763! На нашемъ бивуакѣ мертвая тишина; по нашей площадкѣ никто не пройдетъ изъ праздношатающагося народа; фельдъегерь изрѣдка прогремитъ шпорами и саблей, проходя съ какой-нибудь бумагой отъ Государя въ военно-походную канцелярію, помѣщающуюся за нашими палатками въ какомъ-то сараѣ для храненія кукурузы; снова тишина, — только за моей палаткой около двухъ часовъ подъ-рядъ раздается монотонный голосъ моего казака, читающаго чуть не по складамъ что-то о Керимъ-пашѣ Антону, который, кажется, давно уже заснулъ. Они устроили свою палатку изъ двухъ рогожъ, повѣшенныхъ подъ угломъ на дышлѣ коляски, и, повидимому, чувствуютъ себя совершенно счастливыми...

Теперь мы всѣ находимся въ чрезвычайно напряженномъ состояніи: еще вчера получено извѣстіе, что турки напали на Шипку съ большими силами, тысячъ въ 20, а нашихъ тамъ, кажется, не очень много; нападеніе было отбито; турки повели аттаку съ фланговъ, стараясь обойти нашихъ черезъ горы. Послано хорошее подкрѣпленіе, теперь ждемъ; до сихъ поръ шло отлично; динамитомъ взорвали цѣлый баталіонъ турокъ, которыхъ, полагаютъ, легло уже тысячъ пять, нашихъ ранено только 200 чел. Если побѣда въ этомъ мѣстѣ будетъ полная, то это очень важно для хода всего дѣла. Сулей-

манъ-паша, турецкій генералъ—самый изъ нихъ энергичный; его войска набрались смѣлости въ Черногоріи (впрочемъ, ты, вѣроятно, все это съ бо̀льшими подробностями прочтешь въ газетахъ). Все ожидаемъ чего-нибудь рѣшительнаго подъ Плевной.

Въ обозѣ соображаютъ по своему; вчера Антонъ мнѣ объявилъ, что 16-го Государь отсюда выѣзжаетъ въ Питеръ, но, конечно, эти новости не имѣютъ никакого серьезнаго значенія. Все лакейство страстно желаетъ ѣхать и предвидитъ день отъѣзда безъ достаточнаго спокойствія; такимъ образомъ, мы уѣзжаемъ не къ 22-му, а къ 27-му ч., и т. д. Тѣмъ не менѣе, надо полагать, что послѣ какого-нибудь хорошаго дѣла мы здѣсь не останемся; хотя объ этомъ рѣшительно никто положительнаго не знаетъ, но это мнѣніе теперь довольно распространено. Продолжаютъ ругать, и довольно громко, Л., который очевидно и ворочаетъ всѣмъ штабомъ; на Н. смотрятъ какъ на неотвѣтственное лицо по старости лѣтъ, и вся вина, молъ, въ этомъ Л. „забалканскомъ“ (какъ его называютъ, потому что выгнали изъ-за Балканъ). Но я очень счастливъ, что въ этотъ пріѣздъ не видалъ этой личности; впрочемъ, я избѣгалъ и Н.—мнѣ они оба непріятны, и это мнѣ даже трудно скрывать. Когда мы въѣзжали въ Горный-Студень, насъ встрѣтилъ главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ; Н. былъ въ толпѣ (послѣ Плевны), и я вдругъ съ нимъ поровнялся, но у меня не хватило смѣлости съ нимъ раскланяться; я осадилъ свою лошадь и весь углубился въ ея голову. Теперь мнѣ приходится иногда видѣть этого старца издали, черезъ весь столъ. До сихъ поръ, кажется, онъ ни одного звука не произнесъ. До пере-

хода черезъ Дунай эта таинственность имѣла свое значеніе, но теперь, кажется, нѣкоторые начинаютъ думать, что этимъ молчаніемъ прикрывается нѣчто другое...

... На нашемъ бивуакѣ нѣтъ ни одного дерева, но къ западу по дорогѣ тутъ прекрасная прогулка съ разнообразными деревьями; дорога идетъ подъ гору, между турецкими и болгарскими садами, съ разрушенными домами; изъ-за кустарника и деревьевъ выглядываютъ громадныя скирды хлѣба, и нерѣдко на самой верхушкѣ одинъ, а иногда два пса. Еслибы не было такъ убійственно жарко, то здѣсь можно было бы дѣлать очень интересныя прогулки—мѣстность живописная; но днемъ немыслимо, а вечеромъ очень скоро темнѣетъ, да и боязно ходить по этимъ трущобамъ, тѣмъ болѣе, что немногіе болгары, которые здѣсь встрѣчаются, относятся совсѣмъ нелюбезно, даже не говорятъ „здравствуй“, какъ въ Бѣлѣ: молча, мрачно проходятъ, не кланяясь.

11-го августа.

Въ 4 ч. 32° Реомюра въ палаткѣ, въ воздухѣ 31°, баром. 763! Хотя нынче на одинъ градусъ больше вчерашняго, но кряхтятъ всѣ несравненно больше вчерашняго, и дѣйствительно, какое это мученье! До завтрака я былъ въ состояніи заниматься, несмотря на то, что въ $7^{1}/_{2}$ ч. утра было уже 22°, но послѣ 12 часовъ, при постепенно наростающей жарѣ, заниматься было невозможно; я, раздѣтый, подъ одной простыней, лежалъ въ своей палаткѣ и махалъ вѣеромъ, который мнѣ сегодня почти насильно приподнесъ нашъ неудавшійся исторіографъ -- Соллогубъ. Съ трудомъ поднялся теперь,

чтобы написать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что сегодня уѣзжаетъ курьеръ. Дерутся тамъ съ 9 часовъ; наши отбили уже 10 аттакъ; турки начинаютъ рыть траншеи и приближаться; не хватаетъ на обѣихъ сторонахъ воды. Вчера у насъ было не болѣе 460 раненыхъ, а у турокъ — болѣе пяти тысячъ; сегодня вечеромъ только аттакуетъ съ тыла Радецкій. Кажется, турки рѣшились напирать во всѣхъ мѣстахъ, — вѣроятно, торопятся до прихода подкрѣпленія, но къ счастью уже нѣсколько дивизій прибыло. Успѣхъ подъ Плевной далъ имъ много храбрости. Нападать—совершенно не въ характерѣ турокъ. Если будетъ какая-нибудь серьезная удача, то я по прежнему надѣюсь на скорое возвращеніе, хотя объ этомъ ничего навѣрное еще не говорится. Сегодня рѣшительно не въ состояніи писать—изнеможеніе одолѣваетъ; опять ложусь и буду отмахиваться.

XXXI.

12-го августа.

Солнце надъ нами не хочетъ сжалиться: печетъ насъ, сколько есть у него силы, только сегодня какъ-то легче его переносить; можетъ быть, вслѣдствіе того, что въ палаткѣ устроился удачный сквознякъ; оттого ли, что на крышу наложили сѣна и закрыли соломой, но сегодня въ двери своей палатки я могъ все-таки до сихъ поръ сидѣть и читать; долженъ, впрочемъ, признаться, что чтеніе достается трудно — голова тяжелая, мысль лѣнивая; но сегодня все-таки до нѣкоторой степени могъ превозмочь надъ собой, только въ госпиталь не могъ идти; не могу себѣ представить, какъ переѣхать, хотя

бы и вечеромъ, около версты слишкомъ, пространство подъ этимъ зноемъ: вѣдь на пескѣ около моей палатки 41°... А тамъ у Шипки все дерутся, не отдыхая даже и по ночамъ! Съ нынѣшняго утра въ 8 ч. снова турки аттаковали; у Радецкаго просили быстраго подкрѣпленія, а онъ только-что пришелъ въ Габрово и, несмотря на это, отправилъ своихъ стрѣлковъ верхомъ на казацкихъ лошадяхъ. Послѣднее извѣстіе было изъ Габрова отъ людей, не участвовавшихъ въ бою, а наблюдавшихъ издали,—что турки или отбиты, или отошли. Теперь тамъ считаютъ много войска и надѣются, что дѣло будетъ выиграно. Было извѣстіе, будто кн. Вяземскій раненъ въ ногу на-вылетъ—легко.... Какое мучительное состояніе этого тягостнаго ожиданія, особенно, когда подорвано довѣріе къ нѣкоторымъ распорядителямъ! Сколько добраго, хорошаго погибаетъ только изъ-за одной неспособности, или еще хуже—изъ-за самолюбія отдѣльныхъ личностей! Что касается до меня, я сильно разсчитываю на Радецкаго: это, кажется, отличный корпусный командиръ, чрезвычайно привлекательной, смѣлой и честной наружности, пользуется большою любовью всѣхъ своихъ сослуживцевъ; у него въ корпусѣ, между прочимъ, и другой мой любимецъ, Драгомировъ. Вѣроятно, къ вечеру разрѣшится наше ожиданіе какимъ-нибудь рѣшительнымъ извѣстіемъ. Сегодня только два раза будили Государя—все съ извѣстіями оттуда; но онѣ ничего не приносили другого, какъ то, что турки наступаютъ, а наши держатся и отбиваются. Позиція нашихъ великолѣпная, но такъ непростительно мало отправлено было войска нашими стратегами, которые, между прочимъ, въ своей учености вѣрятъ нерѣдко больше фальшивымъ

картамъ, чѣмъ людямъ, видѣвшимъ и знающимъ мѣстность... Но Богъ имъ судья! Будемъ надѣяться на русскаго человѣка, на его мощь, на его звѣзду въ будущемъ. Можетъ быть, онъ со своей несокрушимой силой съумѣетъ выбраться изъ бѣды, несмотря на стратеговъ, интендантовъ и тому подобное. Вѣдь надо ближе посмотрѣть на русскаго солдата, чтобы со злобою относиться къ тѣмъ, которые не умѣютъ руководить имъ. Ты видишь въ немъ и силу, и смыслъ, и покорность. Всякая неудача должна позоромъ ложиться на тѣхъ, которые не съумѣли пользоваться этой силой; вглядываясь въ нашихъ военныхъ, особенно старшихъ, такъ рѣдко встрѣчаешь человѣка съ спеціальными свѣденіями, любящаго свое постоянное дѣло; бо̀льшая часть изъ нихъ знакомы только съ внѣшней стороной своего дѣла—проскакать бойко верхомъ, скомандовать: „направо, налѣво“, да и баста! Много ли изъ нихъ такихъ, которые слѣдятъ за своей наукой, изучаютъ свое дѣло? Военный человѣкъ въ извѣстномъ чинѣ—это у нихъ есть самое пріятное, свободное положеніе человѣка, дающее ему право заниматься всѣмъ, чѣмъ хочетъ. Наиболѣе порядочные изъ нихъ отлично занимаются своимъ собственнымъ дѣломъ, устроиваютъ имѣнья, — читаютъ газеты, литературныя произведенія, посѣщаютъ театры и пр., удовлетворяясь по военной спеціальности только тѣмъ, что̀ пріобрѣли въ школѣ. Много ли у насъ такихъ, которые съ любовью занимаются своей спеціальностью? Они всѣ на перечетъ.

Послѣдствіемъ этого и бываетъ то, что у турка ружье стрѣляетъ дальше, чаще, турка ѣстъ отличную галетку съ сыромъ,—а у нашего и сухари не всегда бываютъ;

турки въ отличной палаткѣ въ лагерѣ съ гигіеническими приспособленіями, съ отхожими мѣстами,—а нашъ солдатикъ заражаетъ себя своими собственными отбросами. Проѣзжая съ Государемъ корпусъ Ш., меня едва не вырвало отъ вони разбросаннаго на полѣ; есть даже люди, утверждающіе, что это—здоровый запахъ! Есть возможность существованія даже такого дивизіоннаго начальника, какъ какой-то Б.: изъ его дивизіи обыкновенно привозили, и всего больше, тифозныхъ и тяжелыхъ больныхъ, нѣкоторые даже умирали дорогой; а онъ, противъ мнѣнія своихъ врачей, пришелъ самъ къ тому убѣжденію, что мясо солдату вредно, пересталъ кормить мясомъ и не обращалъ никакого вниманія на увеличившуюся болѣзненность и смертность въ своей части; ему медики пишутъ по поводу этого бумагу, а онъ на нее не отвѣчаетъ,—не признаетъ надъ собою никакой власти и никакихъ медицинскихъ совѣтовъ.

Вчера вечеромъ здѣсь было большое происшествіе—затмѣніе луны; оно началось часовъ около 12-ти и было такъ значительно, что я еще подобнаго не видалъ: полная совершенно луна вся закрылась; на небѣ остался театральный мѣсяцъ съ неполнымъ освѣщеніемъ. Объ этомъ затмѣніи много толковалъ И. еще за нѣсколько дней, разсказывая, что турки объясняютъ это явленіе тѣмъ, что чортъ воруетъ луну, и вслѣдствіе этого они приходятъ въ величайшее неистовство, стрѣляютъ въ нее и хотятъ такимъ образомъ проучить злого духа; онъ очень уговаривалъ начальниковъ воспользоваться этими часами смятенія, чтобы сдѣлать нападеніе на турокъ; не знаю, употребили ли это „радикальное“ средство. Сегодня ничего особеннаго не слышно,—извѣстно только

то, что вчера ночью подъ Шипкой дрались. Этотъ же знатокъ восточнаго міра утверждалъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ, что стòитъ русскимъ показаться за Дунаемъ—вся Болгарія возстанетъ, и мы черезъ шесть недѣль въ Константинополѣ; что у турокъ нѣтъ ни оружія, ни арміи, и пр. и пр. Но мы пока не далеко ушли...

Для характеристики отношеній обѣихъ квартиръ — слѣдующее: одинъ изъ штаба главнокомандующаго сѣтовалъ на пребываніе здѣсь Государя, утверждая, что онъ мѣшаетъ, и когда-то онъ уѣдетъ...

— Да, дѣйствительно, онъ мѣшаетъ дѣлать глупости, — замѣтилъ одинъ изъ остроумныхъ и честныхъ людей, позволяющихъ себѣ иногда свободно высказывать истины...

Нѣкоторые позволяютъ себѣ говорить, что всѣ неудачи отъ присутствія Государя; но не стану говорить объ этомъ дѣлѣ прежде времени; посмотримъ, что̀ будетъ.

13-го августа.

Я не думаю, чтобы нашъ отъѣздъ затянулся, но вѣдь, все-таки, кто же знаетъ, когда? Вѣдь теперь не уѣдемъ же, когда дѣло, такъ сказать, начинаетъ только разгораться. До сихъ поръ на Шипкѣ все дерутся; наши все геройски стоятъ, но, повидимому, и турки твердо рѣшились не отставать отъ этого прохода. Сегодня снова началась аттака, а вчера была цѣлый день перестрѣлка; повидимому, у нашихъ все-таки нѣтъ достаточно силъ, чтобы отбить аттаку, перейти въ наступленіе. Не могу передать, какое тяжелое впечатлѣніе производятъ эти депеши изъ Шипки, или лучше изъ Габрова, такъ какъ

только оттуда идетъ телеграфъ. Оффиціальныя депеши главнокомандующему и Государю начальники присылаютъ не очень часто, — такъ три депеши въ сутки; отыскался какой-то благодѣтель-телеграфистъ въ Габровѣ, который отъ себя и телеграфируетъ здѣшнему своему товарищу, а этотъ послѣдній сообщаетъ и главнокомандующему, и Государю. До сихъ поръ всѣ депеши оказывались очень вѣрными. Будемъ ждать, будемъ терпѣть; я уже привыкъ носить на душѣ это тяжелое, тоскливое ощущеніе. Сегодня у насъ прохладно; температура уменьшилась въ сущности только на 4^0, но появившійся съ этимъ вѣтеръ дѣлаетъ день очень пріятнымъ, и у себя въ палаткѣ я жары ни малѣйшей не ощущаю, благодаря устройству надъ палаткой навѣса, который мнѣ вчера вечеромъ сфабриковали солдатики: сходили верстъ за пять въ лѣсъ, вырубили нѣсколько деревьевъ, четыре изъ нихъ врыли въ землю, связали эти деревья нѣсколькими перекладинами, устроили переплетъ и завалили его вѣтвями; вся палатка очутилась въ отличнѣйшей тѣни, которою частью могутъ пользоваться даже и сосѣди; въ самой палаткѣ прохладнѣе, чѣмъ на воздухѣ. Сегодня воспользовался первымъ возможнымъ днемъ, чтобы отправиться въ госпиталь, гдѣ уже 190 человѣкъ больныхъ не тяжелыхъ, и большею частью отсталыхъ отъ проходящей части. Я только-что удивлялся, что здѣсь рѣдки случаи солнечнаго удара, а вчера въ одномъ проходившемъ мимо полку умерло 6 человѣкъ отъ солнечнаго удара. Тяжелая война! Надо во-очію видѣть здѣшнія условія, чтобы снять съ почтеніемъ шляпу передъ солдатомъ и передъ этимъ юнымъ народомъ, привыкшимъ къ извѣстнымъ удобствамъ жизни. Еслибы ты

видѣла, что̀ такое походная, теперешняго образца, офицерская палатка; изъ одиночнаго полотна натянутый въ обычной формѣ треугольникъ, въ которомъ во весь ростъ не вездѣ можно встать, и который, въ сущности, не защищаетъ ни отъ солнца, ни отъ дождя, еще менѣе отъ холода; въ такой палаткѣ устанавливаются нѣсколько постелей, на которыхъ и жмутся эти бѣдные люди, и въ добрый часъ сказать—мало хвораютъ. Наши офицеры были бы для меня еще болѣе симпатичны, еслибы у нѣкоторыхъ изъ нихъ не сидѣла крѣпко страстишка къ наградамъ; эта черта въ значительной мѣрѣ охлаждаетъ мое къ нимъ почтеніе... Можетъ быть, я приведу съ собой мою теперешнюю верховую лошадку, которая мнѣ отлично служитъ и не трясетъ меня; я бы ничего не желалъ имѣть лучшаго, а изрѣдка проѣхать верхомъ мнѣ положительно полезно. Если все съ ней пройдетъ благополучно, то, вѣроятно, я ее и приведу; нравомъ ея я очень доволенъ, а отъ ѣзды въ восторгѣ; покойнѣе лошади у меня никогда не было, и такая смышленая: сто̀итъ одинъ разъ побывать гдѣ-нибудь — уже на слѣдующій везетъ сама и норовитъ ѣхать ближайшимъ путемъ съ сокращеніями, перерѣзая діагоналями дороги прямо по травѣ. Дорогу въ госпиталь она, конечно, отдѣлываетъ, не совѣтуясь со мною, и какъ только завидитъ палатки, такъ и припуститъ; но сто̀итъ сдѣлать ей только: тпш!— она сейчасъ же придержитъ. Лошадка прелестная, и она давала мнѣ не мало удовольствія, тѣмъ болѣе, что расположеніе ея духа не мѣнялось подъ вліяніемъ переживаемыхъ нами ощущеній. Первую половину нашего задунайскаго похода однимъ изъ забавляющихъ общество нашего края стола

былъ нѣкій полковникъ Л., который, обладая талантомъ копировать, увеселялъ почтенное общество; теперь, увы, я ему даже сказалъ, что мы знакомимся съ нимъ въ его второмъ изданіи, значительно измѣненномъ, хотя и не дополненномъ; такъ, впрочемъ, не одинъ Л. измѣнился,—про нѣкоторыхъ даже спрашиваютъ меня, какъ доктора: „Вы ничего не замѣчаете въ такомъ-то? какъ будто у него и глаза уже стали косить?“ и пр.

14-го августа.

Вчерашній вѣтеръ сѣверо-восточный стихъ—на пескѣ на солнцѣ 33° Реомюра! Вчера отъ тебя не было депеши — впрочемъ, онѣ такъ неаккуратно сюда ходятъ, что нерѣдко приносятъ двѣ за-разъ; задержка, во-первыхъ, въ массѣ депешъ, идущихъ по одной линія, а изъ нихъ почти все служебныя; другая же причина задержекъ — безпрестанная порча нитокъ, то на мосту черезъ Дунай, гдѣ при всякомъ сильномъ волненіи ломаются столбы и рвутся нитки, затѣмъ на дорогѣ ломаются столбы проѣзжающими обозами; здѣсь нѣтъ большихъ телеграфныхъ столбовъ — это полевой телеграфъ, состоящій изъ маленькихъ, довольно тонкихъ шестовъ; которые неясно видны ночью и нерѣдко задѣваются колесами безпрерывно тянущагося обоза; кромѣ этихъ причинъ, перерывать помогаютъ также злоумышленники: такъ, на дняхъ здѣсь, кажется, казнили пятерыхъ цыганъ, пойманныхъ въ намѣренномъ разрушеніи телеграфныхъ столбовъ. Благодаря всему этому, и приходится оставаться долго безъ извѣстій, несмотря на самую милую и предупредительную внимательность ко мнѣ начальника телеграфовъ, старичка Щелкова, играющаго немаловажную

роль въ здѣшней жизни. Это крайне добрый телеграфный генералъ, съ незначительнымъ образованіемъ стараго кадетскаго корпуса, начавшій свою служебную карьеру при Николаѣ Павловичѣ еще на махальномъ телеграфѣ; съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ этой дѣятельности и исключительно былъ занятъ подачей депешъ при дворѣ; можешь себѣ вообразить, что̀ осталось въ бѣдномъ старикѣ при такой исключительной дѣятельности, занимавшей у него почти цѣлыя сутки; тѣмъ не менѣе, эти занятія не отняли у него величайшаго благодушія, въ силу котораго онъ, въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ подъ-рядъ, каждый обѣдъ выдѣлывалъ руками всѣ артикулы старой манеры заряженія ружей, при чемъ завязывался каждый разъ одинъ и тотъ же споръ, что заряженіе ружья прежде дѣлалось не на 12, а на 18 темповъ; старикъ утверждалъ, что на 12, и снова начиналъ воспроизводить ясно механику, ударяя себя и по боку, и по заду; первое время я этому не смѣялся, но когда я увидалъ въ 15-й разъ всю эту процедуру, я не выдержалъ и хохоталъ самымъ искреннимъ образомъ; но старикъ на это не обижается и всякій разъ готовъ повторить всю процедуру, если кто заявитъ свое сомнѣніе относительно 12 или 18 темповъ заряженія. Обыкновенно это происходитъ за обѣдомъ, въ антрактахъ между купаньями; иногда смѣешься этимъ глупостямъ отъ души, особенно когда наболитъ на сердцѣ и когда готовъ чуть не истерически захохотать или расплакаться... Сегодня шестой день, что наши нервы напряжены непрекращающейся битвой у Шипки; вчера, по нынѣшней телеграммѣ, тамъ выбыли еще 400 нижнихъ чиновъ, 30 офицеровъ—громадный $^0/_0$ для началь-

никовъ, которые, очевидно, держатъ себя героями. Драгомирова рана довольно тяжелая—раздробленіе колѣннаго сустава; генералъ Дорожинскій убитъ... Давно ли я его видѣлъ въ Систовѣ, свѣжимъ, румянымъ, съ шансами житъ, можетъ быть, еще не одинъ десятокъ лѣтъ! Начальникъ корпуса Радецкій самъ водилъ свою колонну въ штыки... Ири полученіи всѣхъ этихъ вѣстей, чуть не каждые три, четыре часа, нервы ужасно напрягаются. И все спрашиваешь себя: ну, неужели же, наконецъ, все-таки должны будемъ уступить этой массѣ турокъ, которая, очевидно, давитъ на Шипкинскій проходъ? Солдаты нисколько не унываютъ, хлебаютъ свою кашу и, выйдя съ позиціи, острятъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Имъ попадаетъ пуля въ котелокъ съ кашей—они замѣчаютъ, что турки посылаютъ имъ соль. Говорятъ, что у турокъ тамъ до ста тысячъ; впрочемъ, и у насъ хорошія силы. Нѣкоторые теперь утверждаютъ, что сомнѣваться нечего, что мы одолѣемъ. Будемъ надѣяться. Нынче утромъ въ телеграммѣ сообщалось, между прочимъ, что въ рядахъ турокъ слышится русскій языкъ, русскіе голоса, называющіе нашихъ офицеровъ по имени!! Вѣроятно, поляки, убѣжавшіе изъ нашихъ рядовъ, или, какъ предполагаютъ другіе,—наши красные соціалисты. Слышны были подобныя показанія и при аттакѣ Плевны, гдѣ ясно кричали по-русски: „нѣтъ, теперь турки не тѣ, что были!..“ Наша родина находится въ такомъ періодѣ развитія, что подобныя явленія возможны, но нельзя допустить, чтобы такихъ людей у насъ было много,—это невозможно, немыслимо. Сегодня я долженъ былъ ѣхать къ обѣднѣ (прошлое воскресенье Государь почувствовалъ себя дурно, а я не былъ тамъ); церковь

походная, стоитъ на бивуакѣ главнокомандующаго и помѣщается, въ сущности, въ очень небольшой палаткѣ; бо́льшая часть даже свиты принуждена была стоять съ непокрытыми головами подъ солнцемъ—вообрази себѣ—при 28° Реомюра! Я все ждалъ, что съ кѣмъ-нибудь сдѣлается солнечный ударъ, но къ счастью обошлось безъ приключеній. Долженъ признаться, что много злобы кипѣло у меня на это невниманіе къ человѣку, почти немыслимое ни въ какой другой странѣ; жить въ южномъ климатѣ съ привычками и обычаями сѣверянъ—немыслимо! Хорошо, должно быть, нашъ солдатикъ обстрѣленъ, выдерживая 28° въ полѣ, если только 6 человѣкъ на полкъ умираетъ отъ солнечнаго удара на маршѣ; но вѣдь не всѣ же обладаютъ этой способностью выносить жаръ. Чего же стоитъ поставить или большой навѣсъ, или натянутъ холстъ и пр.! Эти явленія я отношу къ недостатку культуры. Вчера вечеромъ, за чаемъ, читали русскія газеты, какъ обыкновенно, выборку изъ всѣхъ; конечно, все критическія статьи о планѣ кампаніи, объ ошибкахъ и недостаткѣ свѣденій, о невозможности писать изъ арміи,—и онѣ были прочитаны въ присутствіи главнокомандующаго. Конечно, ему пришлось все это слышать не въ первый разъ, тѣмъ болѣе, что въ большей части хорошихъ газетъ высказываются мнѣнія ходячія въ самой квартирѣ,—но читать это въ русскихъ газетахъ было не вредно. Жаль только, что не было Н. и Л., которымъ особенно было бы здорово послушать.

Теперь во время этихъ жаровъ я почти не хожу пѣшкомъ: не хватаетъ силы воли, да и не чувствую потребности, тѣмъ болѣе, что я безъ всякой ходьбы чувствую себя совершенно хорошо. Вѣдь даже вечеромъ отъ

десятка шаговъ обливаешься потомъ. Вчера послѣ обѣда вздумалъ-было сдѣлать прогулку въ колескѣ, пригласивъ съ собой Ковалевскаго; подвернулся Щелковъ, я и ему предложилъ; пока старичокъ ходилъ за своимъ пальто, стало порядкомъ темнѣть, и наша прогулка не дала особеннаго удовольствія. Поѣхали мы было къ лѣсу, — до него, однакоже, не доѣхали; проѣхали только лагерь какой-то бригады, съ неизбѣжнымъ спутникомъ человѣческаго существованія въ видѣ вони, и должны были вернуться; мѣсяцъ мѣднокраснаго цвѣта лѣниво выплывалъ изъ-подъ горизонта и освѣщалъ довольно красивый видъ нашихъ окрестностей. Около девяти часовъ послышались со всѣхъ сторонъ сигналы къ зорѣ, поближе слышалась и команда къ молитвѣ; проѣзжая цѣпи, мы видѣли солдатиковъ, стоящихъ безъ фуражекъ и также молящихся, хотя до нихъ и не долетали слова молитвы. Все это вызываетъ всегда какое-то особенное настроеніе, которое мнѣ всегда напоминаетъ музыку, цѣлые ряды аккордовъ, странно идущихъ другъ за другомъ и затѣмъ исчезающихъ въ пространствѣ, оставляя въ сердцѣ что-то неуловимое, неясное, которое только мало-по-малу проясняется.

Возвращались мимо госпиталя и, какъ слѣдуетъ, сбились съ дороги при спускѣ, проколесивъ около получаса лишнихъ по скверной, неторной дорогѣ. Вернувшись домой, засталъ Обермюллера, который пришелъ меня звать къ больному на консультацію; сегодня или лучше еще вчера этотъ бѣдняга и умеръ (Шубертъ — начальникъ канцеляріи Непокойчицкаго), представляя цѣлую массу хроническихъ страданій, обострившихся и осложнившихся тяжелой лихорадкой.

15-го августа.

Былъ сегодня въ госпиталѣ и вымокъ и выпекся до изнеможенія. Еслибы еще съ театра военныхъ дѣйствій новости были утѣшительнѣе, такъ, кажется, перенесъ бы и не такую жару; но до сихъ поръ только и слишишь, что каждый день отъ 350 до 400 нижнихъ чиновъ выбываетъ изъ строя, а вчера наши сдѣлали аттаку и потеряли безъ толку 800 нижнихъ и 50 офицеровъ. Когда кончится эта бойня?—спросили дѣльнаго и талантливаго прусскаго офицера, который пріѣхалъ съ позиціи. „Если не прибавить значительно войска, то нѣтъ и причины ей кончиться“,—вотъ что отвѣтилъ очевидецъ этой позиціи, которая оказывается просто неважно укрѣпленною. Пока будутъ только защищаться, позиціи не возьмутъ; но у насъ постоянно выбываютъ люди, а турки на высотахъ, подъ тѣнью деревьевъ, съ водой и съ теплой пищей, стрѣляютъ и стрѣляютъ; аттаки ихъ отбиваются, но ихъ выгнать съ позиціи не хватаетъ у насъ силъ.

Намъ въ утѣшеніе остается сѣтовать на штабъ, съ тоскою ложиться спать и съ болѣзненнымъ ожиданіемъ просыпаться. Вчера привезли сюда 257 раненыхъ; очевидно, отобрали самыхъ легкихъ, серьезныхъ почти нѣтъ. Я просилъ отъ имени Государя, чтобы дали знать тотчасъ же, какъ привезутъ; но, не желая показывать своихъ слабыхъ сторонъ, начальство устроило такъ, что я издали въ полѣ самъ увидѣлъ пыль въ направленіи госпиталя, и, сообразивъ, что это транспортъ, отправился туда безъ всякаго предувѣдомленія; но пока осѣдлали лошадь, пока я доѣхалъ, прошло достаточно времени для того, чтобы всѣхъ этихъ раненыхъ уже выложить и распредѣлить по палаткамъ; телѣги же тотчасъ въ карьеръ

были выпровожены такъ, что отъ транспорта и слѣда не осталось. Конечно, я церемониться не сталъ и, какъ умѣлъ, отжевалъ медицинскаго инспектора, разыгрывавшаго вначалѣ наивнаго человѣка, якобы не понявшаго моего желанія и т. д. Вездѣ передергиваніе картъ; какъ часто это видишь, но не можешь только уловить моментъ, чтобы схватить за руку и накрыть съ поличнымъ. Вчера, напр., стали при мнѣ разносить супъ раненымъ; попробовалъ и нашелъ борщъ такимъ вкуснымъ, что еслибы только не было совѣстно,—съѣлъ бы не одну тарелку. Борщъ былъ приготовленъ изъ консервовъ Алибера, но при всемъ этомъ я даю свою правую руку на отсѣченіе, что этотъ борщъ былъ парадный, что онъ подается не всякій день, а только тогда, когда ждутъ посѣтителей.

XXXII.

16-го августа.

Я не успѣлъ дописать этой страницы, какъ ко мнѣ пришелъ и засѣлъ одинъ изъ праздношатающихся—Н. М.; я оставилъ перо и началъ вести съ нимъ обязательные скучные разговоры, потому скучные, что это одинъ изъ неудавшихся героевъ охоты за Балканы, отъ которыхъ, кромѣ трескучихъ телеграммъ Г. Урко съ компаніей, никакой пользы не было. Потеряна слишкомъ тысяча человѣкъ. Считая Н. М. изъ другого лагеря, я избѣгалъ съ нимъ говорить, и потому бесѣда тянулась съ особенной скукой. Едва онъ ушелъ, явился Щелковъ, котораго очень удачно назвали нашимъ общимъ духовникомъ, такъ какъ всѣ телеграммы черезъ него уходятъ и приходятъ. Старичокъ забѣжалъ спросить, получилъ ли я депешу, кото-

рую онъ уже видѣлъ и распорядился отослать ко мнѣ. Оказалось, что старикъ пришелъ раньше посланнаго казака.

Изъ Шипки сегодня нѣтъ извѣстій, а вчера вечеромъ было нѣчто такое, что̀ пахнетъ подготовкой къ отступленію нашихъ: турки два дня стрѣляютъ мало, но готовятъ батареи на высотахъ, съ которыхъ будетъ обстрѣливаться значительная часть нашей дороги, по которой доставляется провизія, снаряды и пр., а это сдѣлаетъ невозможнымъ держаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Воздухъ на Шипкѣ, вслѣдствіе нѣсколькихъ тысячъ труповъ русскихъ и турецкихъ, гніющихъ на глубинѣ обрывовъ, въ ущельяхъ, сдѣлался въ высшей степени тяжелъ и, конечно, можетъ быть и опаснымъ. Трупы не хоронились, а сбрасывались въ пропасть въ теченіе всего времени продолженія этой бойни. Хоронили только офицеровъ: некогда, да и лопатъ не хватало. Вчера, наконецъ, отправился туда и Непокойчицкій; вѣроятно, онъ и рѣшитъ окончательно, что̀ дѣлать. Вчера также Государь сталъ спокойнѣе и бодрѣе, что̀ даетъ основаніе думать, что приняли какое-нибудь рѣшеніе, и это повліяло на здѣшній строй; предвидится, наконецъ, исходъ этому перетиранію въ порошокъ человѣческихъ жизней. Нынче извѣстій нѣтъ, а всѣ какъ-то подбодрились,— какъ будто ждутъ, что вотъ скоро же, наконецъ, придутъ хорошія вѣсточки. Кромѣ того, догадались, кажется, пріостановить присылку частныхъ депешъ телеграфиста и, кажется, въ квартиру не всѣ извѣстія присылаютъ; очевидно, они профильтровываются свозь главный штабъ.

Не кручинься очень о братьяхъ и успокоивай мать о нихъ: еслибы было съ ними что-нибудь, то я бы

узналъ, конечно, одинъ изъ первыхъ. Не сѣтуй также на нихъ, что они не пишутъ; прежде я самъ считалъ бы это, можетъ быть, непростительнымъ; но теперь, посмотрѣвши и попробовавши до нѣкоторой степени бивуачной жизни въ военное время, я стану ихъ защищать. Всякое письмо, а особенно письмо къ матери сына, требуетъ извѣстнаго сосредоточенія мыслей, что̀ для боевого офицера и трудно, и даже вредно: трудно по той простой причинѣ, что они биткомъ набиты въ одной палаткѣ, гдѣ и прочесть въ тишинѣ, строчку неудобно, а не только написать ее; оставаясь постоянно въ компаніи, они себя постоянно наэлектризовываютъ и поддерживаютъ себя въ томъ трансѣ, который даетъ имъ возможность переносить и нестерпимую жару, и сквернную воду, и безсонныя ночи, и громадную физическую усталость. Уединись онъ, сядь за письмо, да къ матери, да подумай,—много ли радостныхъ струнъ шевельнется въ его сердцѣ? Горькія, тяжелыя думы дѣйствуютъ на тѣло угнетающимъ образомъ, организмъ меньше начинаетъ противодѣйствовать различнымъ вреднымъ вліяніямъ и тотъ же жаръ покажется тяжелѣе и окажетъ болѣе вредное вліяніе на тѣло, да и поносъ скорѣе появится отъ воды, которая прежде хорошо переносилась, и пр. Нѣтъ, пускай они остаются въ этомъ товарищескомъ стадномъ чаду, который даетъ имъ возможность лучше вынести всѣ тяжести теперешней жизни. Замѣчательно то, что въ нашей свитѣ стали особенно хворать послѣ 18-го числа, послѣ второго плевненскаго пораженія, хотя мы всѣ передъ этимъ отравлялись различными инфекціями въ Бѣлой около десяти дней.

Сегодня ночью мы были обрадованы дождемъ съ

грозой; теперь, въ 3 часа, часъ наивысшей температуры, 23°, небо облачно, солнце не жжетъ; можешь себѣ вообразить, какъ мы ожили въ этой прохладѣ. Палатка моя вынесла нынѣшнее испытаніе очень хорошо. Часа въ 4 ночи поднялся сильнѣйшій вѣтеръ,—она не свалилась; конечно, я проснулся, одѣлся потеплѣе, послушалъ порывы вѣтра, врывавшагося въ мою палатку,—было темно, я заснулъ; проснулся тогда, когда раскаты грома стали поближе; убѣдившись, въ чемъ дѣло, я снова заснулъ и проснулся тогда, когда въ мою крышу сталъ свирѣпо бить дождь; опять заснулъ и проснулся, когда было свѣтло и когда Антонъ съ казакомъ разстилали на крышѣ рогожки. Днемъ дождя нѣтъ, остались тучки на небѣ да пріятная прохлада.

Сюда сегодня ждутъ принца Карла румынскаго съ его министрами. Говорятъ, войска ихъ стоятъ подъ Плевной. Чѣмъ-то они удивятъ Европу?

17-го августа.

Ты не повѣришь, какъ стали доѣдать насъ мухи,—только и дѣлаешь, что гоняешь этотъ привязчивый народъ. Впрочемъ, на мухъ нечего сердиться,—это безсмысленныя твари; есть люди, которые могутъ надоѣдать хуже мухъ... Румынскій князь переночевалъ, позавтракалъ и уѣзжаетъ. Теперь намъ приходится относиться къ румынамъ съ большимъ почтеніемъ; хотя ихъ войско, говорятъ, и не перваго достоинства, а все-таки у нихъ 35 тысячъ и до 100 пушекъ улучшенной крупповской системы. Занявъ Никополь и давъ поддержку къ Плевнѣ, они, при теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ, окажутъ все-таки немаловажную услугу. Изъ Шипки оффиціаль-

ныхъ для насъ всѣхъ смертныхъ нѣтъ извѣстій; очевидно только, что тамъ что-то готовится. Говорятъ, будто наша кавалерія прошла черезъ Ханкіоскій перевалъ и такимъ образомъ отвлекаетъ силы Сулеймана, съ чѣмъ и связываютъ затишье стрѣльбы. До сихъ поръ изъ медицинскихъ источниковъ слышалъ, что раненыхъ на Шипкѣ теперь можно считать до 3.000; одна тысяча изъ нихъ уже въ Зимницѣ. Рана Драгомирова оказывается легкой; надѣются, что черезъ шесть недѣль онъ будетъ въ состояніи принять командованіе своей дивизіей.

18-го августа.

Вчера извѣстія изъ Шипки были утѣшительныя: пальба была гораздо рѣже, и турки отступили къ Казанлыку. Затѣмъ будто двигаются изъ Плевны къ сѣверу. Послѣднее—невѣрное извѣстіе. Первое же идетъ отъ Непокойчицкаго, который еще на Шипкѣ. Румынскій князь уѣхалъ отсюда, получивъ главное командованіе надъ корпусомъ, который будетъ дѣйствовать на нашемъ правомъ флангѣ, въ составъ котораго, кромѣ его арміи, войдутъ еще нашихъ два корпуса. Начальникомъ его штаба нашъ генералъ Зотовъ, о которомъ говорятъ хорошо. Только, повидимому, при такихъ условіяхъ согласился румынскій Карлъ подчиниться нашему главнокомандующему.—Вчера, измучившись отъ жары у себя въ палаткѣ, я поѣхалъ въ госпиталь. Несимпатиченъ мнѣ этотъ полированный высшимъ начальствомъ госпиталь, тоскую я о своемъ лазаретѣ въ Бѣлѣ, съ сѣдовласымъ нѣмецкимъ старцемъ во главѣ. Эта выборка самыхъ легкихъ раненыхъ, немалую часть которыхъ можно уже выписать; это скрыванье тяжелыхъ больныхъ,

постоянное отсутствіе ординаторовъ, которые, справивъ свое казенное дѣло рано утромъ, исчезаютъ безслѣдно на цѣлый день,—весь этотъ казенный, выполированный характеръ госпиталя не производитъ того пріятнаго впечатлѣнія, какъ въ Бѣлой. Самое интересное, что̀ тамъ вчера видѣлъ, это былъ какой-то солдатикъ, перерѣзавшій себѣ горло изъ-за того, что потерялъ 30 цѣлковыхъ, полученныхъ имъ на покупку коровы,—потерялъ, поскучалъ, да и хватилъ себя бритвой гдѣ-то у водопоя. Казаки его нашли, привезли въ госпиталь, гдѣ онъ теперь и поправляется.

Сдѣлавъ небольшую прогулку изъ госпиталя, я пріѣхалъ домой мокрымъ, какъ мышь, раздѣлся и завалился въ постель; заснуть хорошенько не могъ, но продремалъ, а главное полежалъ; здѣсь нѣтъ стульевъ со спинками, цѣлый день приходится сидѣть на табуретках̀, и это очень утомляетъ; кое-кто запасся креслами изъ Бухареста и, пользуясь самъ, угощаетъ и другихъ,—такъ напр. мой сосѣдъ Бертольсгеймъ. Впрочемъ я не очень охотно пользуюсь чужимъ добромъ, почему и не сижу почти прислонившись спиной,—развѣ гдѣ встрѣтится табуретка около стѣнки или дерева, ну, такъ, конечно, прислонишься. Первое время это отсутствіе было крайне тягостно, теперь попривыкъ; впрочемъ при первой возможности непремѣнно заведу кресло. Сегодня получилъ отъ одного изъ внимательныхъ пацiентовъ очень пріятный подарокъ — шесть рогожекъ! Купить здѣсь негдѣ, надо посылать въ Систово, да и тамъ, говорятъ, не всегда находится эта матерія, а между тѣмъ это полезнѣйшій матеріалъ, которымъ можно укрывать палатку отъ всякихъ невзгодъ. Конечно, до

извѣстной степени—рогожка бережетъ и отъ солнца, и отъ дождя, и отъ холода, и отъ сырости. Вмѣстѣ съ прежними, эти шесть штукъ меня значительно обогащаютъ. Вчера въ нашей жизни произошла большая перемѣна, которая была всѣми встрѣчена съ большимъ удовольствіемъ: по моему совѣту перемѣнили часъ обѣда, и вмѣсто 6-ти садимся теперь въ 7 часовъ, когда уже солнце зашло и когда приходится зажигать свѣчи къ обѣду. Обѣдая въ шесть, всѣ были лишены возможности дѣлать прогулки: до четырехъ, даже до пяти иногда всѣ страдаютъ; въ шесть начинаетъ воздухъ охлаждаться, и становится возможнымъ прогулка; тутъ часъ обѣда, послѣ котораго почти тотчасъ же темнѣетъ, и тогда гулять уже неудобно. Вчера вечеромъ, вѣроятно вслѣдствіе жары, я себя чувствовалъ ужасно усталымъ и рѣшительно едва держался на ногахъ, но все-таки никакъ не могъ убраться спать пораньше. Въ половинѣ одиннадцатаго обыкновенно оканчивается нашъ общій чай, послѣ котораго Государь дѣлаетъ маленькую прогулку и затѣмъ входитъ къ себѣ; тутъ мой вечерній визитъ, послѣ котораго я, въ сущности, и свободенъ; обыкновенно составляется маленькая компанія въ большой общей палаткѣ,—тутъ и услышишь о происшествіяхъ дня, тутъ, наконецъ, и поджидаемъ мы депеши, которыя приходили изъ Шипки. Въ тяжелые дни этой драмы иногда приходилось сидѣть здѣсь до часа; наконецъ, придетъ телеграмма иногда съ повтореніемъ только утренней, или въ родѣ того, что все по старому,—и тогда идешь спать.

Сегодня за завтракомъ у насъ прибавилось много новой пищи для разговоровъ, которые въ послѣдніе дни стали уже очень бѣдны. Утромъ прислана депеша отъ

Наслѣдника съ извѣстіемъ о желаніи Мехмедъ-Али прислать повѣренное лицо для какихъ-то серьезныхъ переговоровъ съ главнокомандующимъ. Что за переговоры? о чемъ, почему и пр.—всякій рѣшалъ это на свой ладъ, на свой собственный вкусъ. Такъ какъ это совпадаетъ съ отступленіемъ изъ Шипки, до сихъ поръ неясно понимаемымъ, то бо̀льшая часть простыхъ смертныхъ остановилась на томъ, что турки будутъ просить перемирія, чтобы выиграть двѣ, три недѣли времени для полученія новыхъ патроновъ, которые они разстрѣляли подъ Шипкой, почему и отступили. Сомнительно, — тѣмъ болѣе, что наши, кажется, большой прыти не показывали. Впрочемъ, посмотримъ и увидимъ. Вторая особенность нынѣшняго дня состояла въ томъ, что къ завтраку явились два водевильныхъ англичанина; на головахъ у нихъ надѣты войлочныя шляпы сѣраго цвѣта въ формѣ каски, въ срединѣ которой наверху вентиляторъ, сѣро-желтоватаго цвѣта, узкіе штаны, ботфорты со шпорами и пиджаки въ видѣ фраковъ, — одинъ въ синемъ, другой въ сѣромъ. Эти двѣ кикиморы уже не первой молодости, но крѣпкіе, здоровые, краснощекіе, лысые, и очень развязно явились въ главную квартиру. Конечно, опять мозговая работа нашей свитѣ; одинъ говоритъ: это корреспонденты; другой заявляетъ, что это просто любители русскихъ, и т. д. Наконецъ, выходитъ Государь, и тайна открывается: это путешественники; одинъ — богатый лордъ, а другой — его секретарь, пишущій записки своего лорда, имѣющаго обычай каждый вечеръ быть неспособнымъ (впрочемъ, это догадки). Они пріѣхали смотрѣть то, что̀ интересно, и, конечно, запаслись необходимыми пропусками и рекомендаціями изъ Лондона,

Бухареста, отъ нашего посольства и отъ самого Горчакова. Явились эти любопытные островитяне подъ покровительствомъ Уэлслея, который ихъ представлялъ и затѣмъ увелъ по окончаніи завтрака... Всѣ здѣсь живущіе до такой степени выдохлись, такъ никто себя ничѣмъ не пополняетъ, что подъ-часъ становится до-нельзя скучно, если внѣшнія обстоятельства такъ складываются, что нужно провести часъ или полтора вмѣстѣ за обѣдомъ, за завтракомъ, за чаемъ. Пришедшая и дошедшая до свиты новость, или такое событіе, какъ пріѣздъ англичанъ, на нѣкоторое, впрочемъ очень короткое, время оживляетъ компанію, а потомъ снова за старое, является на сцену разговора брань на Н., Л. и комп.; въ концѣ концовъ всѣ съ большимъ удовольствіемъ расходятся; немногіе утѣшаютъ себя картами; полагаю, что нѣкоторые коротаютъ свое время по системѣ моего почтеннаго собрата и сосѣда К., который цѣлый день сидитъ въ своей палаткѣ съ опущенной дверью, и если не спитъ, то сидитъ, куритъ, смотритъ на дымъ своей папиросы, чиститъ иногда ногти, или, наконецъ, съ неимовѣрнымъ шумомъ начнетъ сморкаться. Передъ нимъ обыкновенно лежитъ, всѣ эти два мѣсяца, написанный имъ отчетъ о поѣздкѣ въ Черногорію, который, по его словамъ, уже конченъ, но нѣкоторыя мѣста вторично, если не третично, должны быть пробѣлены, что̂, однакоже, остается безъ выполненія по случаю сильныхъ жаровъ.

Прости меня, что я тебѣ пишу всякую дрянь, но мнѣ хочется болтать съ тобой, а потому читай всю эту ерунду и будь къ ней снисходительна.

XXXIII.

19-го августа.

...До сихъ поръ пока никакихъ приготовленій въ главной квартирѣ на зимовку или даже на позднюю осень не дѣлается. Оставаться жить при этихъ условіяхъ даже осенью немыслимо. Государь и два министра съ Суворовымъ помѣщены подъ крышей; все-же остальное — въ шатрикахъ, которые до нѣкоторой степени только могутъ быть приспособлены къ теперешнимъ холоднымъ ночамъ; что же будетъ въ сентябрѣ? Сегодняшнюю ночь, напримѣръ, я спалъ подъ шерстянымъ одѣяломъ, подъ моимъ плэдомъ и подъ моимъ халатомъ— все это не на ногахъ только, какъ дома, но съ самыхъ плечъ, и то раза два или три я проснулся оттого, что было свѣжо; — воображаю, что же будетъ черезъ двѣ или три недѣли; тогда моя ватная военная шинель будетъ весьма кстати...

За завтракомъ мы узнали, что дерутся подъ Плевной; турки вышли съ большими силами, и дѣло началось; вѣроятно, будетъ серьезное, судя по тому, что туда отправляютъ принца Батенбергскаго, нѣсколькихъ флигель-адъютантовъ. Рано утромъ была депеша отъ послѣднихъ, что турки двинулись на оба фланга, слѣдовательно и тамъ начинается; туда отправляютъ Вел. Князя Сергія Александровича. Мнѣ кажется только, что подъ Плевной будетъ посерьезнѣе; соображаютъ нѣкоторые, что Сулейманъ-паша, отступивъ отъ Шипки, значительную часть своего войска отправилъ къ Плевнѣ. Въ Шипкѣ все тихо; позиціи турокъ заняты нами. Удачное дѣло—и, можетъ быть, кампанія кончена; очевидно,

турки торопятся до прихода нашего большого подкрѣпленія; но теперь, кажется, у насъ, благодаря уроку, нѣсколько подтянулось дѣло; за этотъ мѣсяцъ прибавилось и войска порядочно, румыны наконецъ явились... Авось! авось! вѣдь этотъ русскій „авось“ иногда спасаетъ, беретъ города и пр. Посланный Мехмеда-Али былъ привезенъ наконецъ въ штабъ съ завязанными глазами, и оказалось, что онъ ничего не прибавилъ больше того, что было написано въ письмѣ, въ которомъ толковалось о Красномъ Крестѣ и о полумѣсяцѣ. Сегодня слышалъ, что на Шипкѣ турки избѣгали стрѣлять на дорогу, когда по ней несли раненыхъ, когда проѣзжала лазаретная карета. Теперь мы опять начнемъ ждать, прислушиваться, ловить пріѣзжающихъ ординарцевъ за депешами; опять послѣ общаго чая, когда всѣ разойдутся, будетъ устроиваться клубъ изъ наиболѣе интересующихся, ожидающихъ иногда до часа ночи прихода извѣстій.

20-го августа.

Изъ-подъ Плевны извѣстія хорошія, аттаки отбиты, у насъ потерь около 600 ч.; повидимому, турки дѣлали усиленную рекогносцировку; то же самое и со стороны Наслѣдника и Великаго Князя Владиміра Александровича. Теперь несомнѣнно рѣшительная минута не далека,—не оставятъ же турки до прихода нашего большого подкрѣпленія.—Сегодня съ одиннадцатаго часа въ моей палаткѣ былъ клубъ,—то кто-нибудь больной, то праздношатающійся. Двѣнадцать часовъ, часъ завтрака, разогналъ компанію, а тутъ объявили о транспортѣ раненыхъ офицеровъ изъ-подъ Шипки, которыхъ обѣщали

чуть не цѣлую недѣлю и не везли повидимому изъ-за того, что собирали перевязочныя средства приличнаго вида. На этотъ разъ задолго до прихода транспорта мнѣ объявили, что везутъ офицеровъ; ожидая встрѣтить все въ наилучшемъ видѣ, я и не торопился, отправился послѣ завтрака и тѣмъ не менѣе все-таки засталъ всѣ повозки на полѣ, раненыхъ уже успѣли и вынести, и переодѣть. Всѣ повозки были наилучшаго вида, съ приспособленіями Завадовскаго или Коссинскаго, съ брезентами отъ солнца. Во всей арміи только существуетъ, кажется, 300 повозокъ съ какими-нибудь приспособленіями, а обыкновенно самая элементарная телѣга должна доканчивать дѣло, начатое турками. Нельзя себѣ представить страданій раненаго человѣка, котораго трясутъ по грунтовымъ дорогамъ; сколько изъ нихъ гибнетъ, можетъ быть, изъ-за этой жестокой мѣры эвакуаціи, хотя, къ несчастью, это неизбѣжно. Тамъ въ госпиталѣ я увидалъ Ал. Ив. Барановскаго совершенно неожиданно; я о немъ ничего и не зналъ; онъ сообщилъ мнѣ слѣдующую исторію: въ Бухарестѣ, отчасти на свои деньги, отчасти на деньги Краснаго Креста, онъ снарядилъ шесть повозокъ, съ хорошими приспособленіями для больныхъ, и вмѣстѣ съ докторомъ Марконетомъ отправился на Шипку за больными, подобралъ тамъ раненыхъ, которыхъ могъ уложить на своихъ повозкахъ, захватилъ между прочимъ одного изъ своихъ раненыхъ пріятелей и привезъ его сюда; остальныхъ отправили въ Зимницу и дальше.

Посмотрѣвъ повозки, приспособленія, я рѣшилъ, что лучшаго употребленія твоимъ деньгамъ не найти. Бо́льшая часть денегъ пойдетъ на покупку приспособленій

той или другой системы, что̀ скорѣе можно будетъ устроить; перевозка больныхъ и раненыхъ есть самая печальная сторона медицинскаго дѣла въ теченіе этой войны...

Я не думаю, чтобы нашъ отъѣздъ оттянулся слишкомъ надолго; лишь бы только нѣсколько счастливыхъ дѣлъ — и тогда мы счастливцы. Вѣдь все-таки дѣла не настолько дурны, чтобы не мечтать о возможности блистательныхъ исходовъ въ предстоящихъ столкновеніяхъ; вѣдь солдаты, офицеры—герои; авось, авось!..

Осенняя—не говорю уже о зимней кампаніи—будетъ тяжелымъ испытаніемъ силъ нашего народа. Невылазная грязь, плохая ѣда, скверное помѣщеніе тяжело отзовутся на здоровьѣ людей, которыхъ будутъ терять и безъ прямого участія турокъ. Кстати, чтобы не забыть: наконецъ, назначено слѣдствіе по поводу болѣзненности въ дивизіи Б.; авось и тутъ поправится дѣло.

21-го августа.

Несмотря на свѣжую ночь, я спалъ такъ крѣпко, что и не замѣтилъ свѣжести, только слышалъ, что было свѣжѣе вчерашняго, а вчера въ 5 ч. утра было только 8 гр. Вслѣдствіе такихъ рѣзкихъ переходовъ температуры, ночи всѣ очень сыры, несмотря на то, что воды въ мѣстности очень мало, болотъ совсѣмъ нѣтъ; а лишь температура понизится съ 25 гр. на 15, какъ вчера вечеромъ, то понятно, что цѣлая масса паровъ воздуха и выдѣляется; на югѣ это замѣняетъ дожди, которыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ.

На дняхъ у меня былъ споръ съ однимъ изъ нашихъ

профессоровъ военной академіи, который по поводу новой книги Липранди о турецкихъ походахъ утверждалъ, что климатъ здѣсь отличный, здоровый, болотъ нѣтъ (его подлинныя слова), процентъ заболѣванія въ арміи очень небольшой, наконецъ что онъ самъ былъ все время здоровъ. Справедливо, смертность здѣсь небольшая. Справедливо также, что процентъ больныхъ въ госпиталяхъ тоже невеликъ; но онъ забылъ, что здѣсь пудами изводится хининъ въ поносахъ, въ которыхъ заболѣвающихъ удерживаютъ, не отпускаютъ въ госпиталь. Такъ какъ здѣсь основная болѣзненная форма—міазматическая, болотная лихорадка, то леченіе во́-время хининомъ значительно содѣйствуетъ уменьшенію $^0/_0$ болѣзненности и смертности, которая была громадна въ наши прежніе походы, во-первыхъ, потому, что хининъ едва-едва употреблялся, а во-вторыхъ, солдатъ плохо кормили, мало давали мяса; въ доказательство еще того, что климатъ здѣсь нездоровый, служитъ еще то, что здѣсь поразительно мало встрѣчаются старики, старухи, и въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ человѣкъ смотритъ старикомъ. Гвардейскій конвой Государя, состоящій изъ отборныхъ людей, почти весь перехворалъ, но во̀-время получилъ хининъ, и очень немногіе поступили въ больницу. Наша свита, лакейство и пр. рѣдко кто остался совершенно здоровъ. Трудно сказать, въ чемъ держится здѣсь источникъ міазма: болотъ дѣйствительно нѣтъ, сырость въ нашемъ смыслѣ незамѣтна; можетъ быть, глинистая почва задерживаетъ въ себѣ влагу, съ примѣсями органическихъ веществъ, что̀ при здѣшней жарѣ разлагается, и вѣроятно при этомъ развивается какой-нибудь грибокъ, дающій намъ лихорадки, кровавые поносы и т. д. За-

пущенные больные получаютъ здѣсь очень тяжелыя формы лихорадокъ; взятые во́-время въ большинствѣ случаевъ отдѣлываются на ногахъ. Военное министерство и Красный Крестъ на хининъ потратили громадныя, баснословныя суммы; всякій начальникъ отдѣльной части хлопочетъ о хининѣ почти такъ же, какъ о пищѣ. Развѣ это было въ прежніе походы, когда относились къ этимъ формамъ заболѣванія еще съ нѣкоторою наивностью, смѣшивая тяжелыя лихорадки съ тифомъ и даже, повидимому, съ чумою! Хинина же тогда не истратили и на 100 руб. Теперь солдата и кормятъ несравненно лучше прежняго, и лечатъ прежде чѣмъ дадутъ заболѣть до такой степени, чтобы попасть въ госпиталь. Ни въ одной болѣзненной формѣ, можетъ быть, не имѣетъ такого громаднаго значенія своевременное и возможно раннее употребленіе леченія, какъ въ міазматической лихорадкѣ, которая тѣмъ слабѣе проявится, чѣмъ раньше дали хининъ. Наши умники-штабисты однакоже не совсѣмъ ясно понимаютъ такое значеніе принятыхъ во́-время мѣръ, несмотря на то, что въ доказательство моей мысли я приводилъ примѣръ дивизіи почтеннаго Б., въ которой развились такія тяжелыя заболѣванія, которыя бы могли дать много матеріала для медицинской фантазіи. Тамъ мнѣ встрѣчались формы тифовъ, осложненныя, повидимому, лихорадкой, такія, которыя другого заставили бы вспомнить и чуму, во-первыхъ, по тяжести случаевъ, а во-вторыхъ, по синимъ пятнамъ, которыхъ и мы въ нашихъ тифахъ не видимъ...

Въ настоящее время единственно вѣрное для меня спасеніе — уноситься въ міръ медицинской области, и

если бы на все смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то можно быть гораздо спокойнѣе. Л. и Н., съ точки зрѣнія медика, заслуживаютъ сожалѣнія, которое, вѣроятно, долго будетъ храниться потомствомъ; исторія увѣковѣчитъ эти имена; къ числу безнадежно больныхъ надо будетъ отнести и интенданта А. Это удачная тройка, которой судьба вручила всю нашу армію. Л., говорятъ, отправился подъ Плевну. Легко сказать, а вотъ уже на нашихъ глазахъ какъ стаялъ (?)... почти цѣлый корпусъ; туда; сюда, а двадцати слишкомъ тысячъ и не стало... Сейчасъ пришелъ Богоявленскій съ цѣлой кучей разсказовъ о положеніи больныхъ за Дунаемъ, гдѣ надзоръ слабѣе. Повидимому, много тяжелаго приходится видѣть на пунктахъ, куда стекаются больные и раненые со всѣхъ грунтовыхъ дорогъ; но я все-таки продолжаю утверждать, что санитарное состояніе въ мѣстности некультурной, какъ здѣшняя, не можетъ быть доведено не только до идеала, но даже до порядочнаго состоянія. Безъ сомнѣнія, существуютъ злоупотребленія, но все-таки не въ такой степени, чтобы отнимать все необходимое у больного. Не вина администраціи, что транспортамъ больныхъ приходится по 20 верстъ идти по солнцу безъ воды, не встрѣчая нигдѣ жилья. Усилія, которыя до нѣкоторой степени могутъ смягчить участь здѣшнихъ раненыхъ, должны быть громадны. Въ Румыніи при Рихтерѣ пошло гораздо лучше; здѣсь, благодаря пребыванію Государя, идетъ сколько возможно порядочно; если же устранятъ Ч. отъ этого дѣла, то пойдетъ еще лучше.

XXXIV.

22-го августа.

...Насчетъ нашего отъѣзда, конечно, ни слуха, ни духа... Видя здѣсь такую массу страданій, горя, конечно, по прежнему всѣ дѣлаютъ свои соображенія къ самому себѣ и къ своему горю становишься равнодушнѣе; постоянно смотря на здѣшнихъ умирающихъ, я не могу не вспомнить ихъ семействъ, я не могу не подумать о горѣ этого больного—лежать тяжело раненымъ безъ близкихъ, безъ дорогихъ его сердцу. Сегодня привезли болѣе сотни раненыхъ изъ-подъ Плевны, тоже больше легкихъ, чѣмъ тяжелыхъ; размѣстили пока съ грѣхомъ пополамъ; госпиталь былъ полонъ; транспорта не успѣли отправить, — пришлось класть въ палатки сверхъ-комплектными; привезены новые ночью, еще къ 12 ч. дня не успѣли съ ними, какъ слѣдуетъ, управиться—надо было приготовлять транспортъ, размѣстить новыхъ и пр., а всего только 8 человѣкъ врачей работаютъ, не разгибаясь; сегодня вижу одного изъ нихъ, у котораго вчера былъ приступъ лихорадки, а все-таки пришелъ въ больницу, несмотря на то, что у него лихорадочное состояніе еще не кончилось.

Вчера мы провели нѣсколько очень тревожныхъ часовъ подъ вліяніемъ полученной депеши, что турки наводятъ мостъ подъ Колорашемъ и къ обѣду перейдутъ; конечно, какъ ни утѣшали себя мыслью, что это демонстрація только, но пока не получили извѣстія, что мостъ разведенъ—были непокойны. Ничего, конечно, серьезнаго они бы тамъ не могли сдѣлать, но нѣсколько сотенъ черкесовъ внесли бы много горя въ страну, которая теперь почти безза-

щитна. Сегодня ночью наши стоятъ подъ Ловчей, и, кажется, тамъ будетъ дѣло; подъ Плевной на дняхъ разразится. Нашу квартиру вѣроятно переведутъ поближе къ мѣсту дѣйствія.

Вчера въ госпиталѣ я былъ вмѣстѣ съ Суворинымъ, и ему пришлось видѣть, какъ навѣщалъ больныхъ Государь, и какъ онъ имъ дѣлалъ подарки; дѣйствительно, теплая сцена. Государь относится съ такой истинной и искренней сердечностью къ раненымъ, что невольно становится тепло при этихъ сценахъ; солдатики, какъ дѣти, бросаются на эти подарки и радуются чрезвычайно наивно; сколько при этомъ мнѣ приходилось видѣть этихъ прекрасныхъ синихъ добрыхъ глазъ, слегка овлажненныхъ слезою; я до сихъ поръ не могу смотрѣть на эти сцены безъ особаго чувства теплоты и умиленія. Изъ госпиталя мы пошли пѣшкомъ и по дорогѣ встрѣтили профессора Бергмана, ѣхавшаго на своей четверкѣ изъ-подъ Плевны въ Систово; подальше, возлѣ одной изъ здѣшнихъ сакель встрѣтили Склифассовскаго и еще цѣлую компанію врачей, вернувшихся изъ-подъ Шипки. Конечно, пошли сейчасъ разсказы о самомъ дѣлѣ, о раненыхъ, о пуляхъ, споры о томъ—разрывными или простыми пулями турки стрѣляютъ и т. д. Очевидно дни, прожитые подъ Шипкой, останутся въ памяти нашихъ героевъ; между прочимъ врачи передавали, что турки дрались съ замѣчательной храбростью, лѣзли на почти отвѣсныя скалы, перепрыгивая черезъ или становясь на трупы своихъ товарищей; офицеры—впереди, въ перчаткахъ съ застегнутыми пуговками; одному изъ нашихъ юныхъ раненыхъ офицеровъ турецкій офицеръ, нанося ударъ, закричалъ по-русски: „куда ты, молокососъ, лѣ-

зешь!“ Но въ эту минуту онъ былъ пораженъ штыкомъ нашимъ и свалился въ кручину (полагаютъ, что въ турецкомъ войскѣ много некрасовцевъ, говорящихъ по-русски). Дѣйствительно, глядя на нѣкоторыхъ, можно себя спросить: куда эти дѣти лѣзутъ? вѣдь борода еще не ростетъ...

Вечеромъ.

Не хочется идти спать, теперь $11^1/_2$; въ воздухѣ душно, неподвижно, готовится опять гроза; грома не слышно, но на горизонтѣ, за холмами на сѣверѣ и востокѣ, сверкаетъ молнія; на бивуакѣ все тихо, всѣ разошлись раньше обыкновеннаго, у каждаго невесело на сердцѣ, всѣ въ ожиданіи. Сегодня въ 6 ч. утра началось дѣло подъ Ловчей; мы въ 90 верстахъ; а другіе, говорятъ, только въ 50, до телеграфа же изъ Ловчи надо скакать 45 верстъ, по разсчетамъ, извѣстія могутъ быть только въ третьемъ часу, и поэтому обычный клубъ въ большой палаткѣ наиболѣе рьяныхъ не составился, и всѣ разошлись. Было извѣстіе изъ Порадима, гдѣ телеграфъ, что канонада началась въ 5 часовъ. Говорятъ, нашихъ много подъ Ловчей; турокъ же будто только 8 тысячъ; отчего же всѣ мы угрюмы? Мало довѣрія къ штабу, только этимъ я могу объяснить такое состояніе; впрочемъ Государь спокоенъ, и тревожится только, что опять будутъ раненые. Послѣ завтра утромъ назначено и намъ выступить; завтра утромъ выходитъ штабъ главнокомандующаго подъ Плевной, мы же только приблизимся къ его штабу и остановимся въ какой-то турецко-болгарской деревушкѣ Чаушъ-Махалѣ, въ 25 или въ 15 верстахъ отсюда; говорятъ, тамъ хуже, чѣмъ здѣсь, но мѣнять бивуаки гораздо полезнѣе, чѣмъ оставаться на мѣстѣ и выжидать гніенія

своихъ собственныхъ отбросовъ. Здѣсь начинаютъ учащаться случаи лихорадокъ, а слѣдовательно пора и вонъ; впрочемъ, можетъ быть, вернемся опять сюда, такъ какъ здѣсь все-таки есть домишко Государю, а въ Махалѣ придется, кажется, и ему жить въ палаткѣ...

Тихо на нашемъ бивуакѣ, но на другомъ, противоположномъ холмѣ, гдѣ уцѣлѣла болгарская деревня, идетъ, какъ обыкновенно здѣсь по ночамъ, оживленная бесѣда собакъ на разные голоса... Вѣроятно, завтра отправятъ курьера; что-то завтра услышимъ?

23-го августа.

Сегодня я еще былъ въ постели, когда подошелъ ко мнѣ Рылѣевъ и объявилъ о взятіи Ловчи; подробностей никакихъ. Донесенія отъ Зотова, поздравляющаго только со взятіемъ; въ теченіе утра былъ одинъ слухъ, что К. прозѣвалъ перерѣзать дорогу бѣжавшимъ туркамъ, которыхъ разбили подъ Ловчей. Я какъ-то мало обрадовался этой новости, потому что навѣрное ждалъ успѣха,—тамъ было много нашего войска; вотъ, что-то будетъ подъ Плевной, хотя и это теперь, кажется, будетъ меньше имѣть значенія; дѣло не въ томъ, чтобы взять Плевну, а въ томъ, чтобы уничтожить армію; сейчасъ же слышалъ, что тамъ только 30 тыс.,—такъ если бы они и всѣ были взяты въ плѣнъ, то и тогда еще много останется. До сихъ поръ нѣтъ человѣка выше уровня, который бы съумѣлъ все дѣло взять въ руки и повести съ бо̀льшимъ талантомъ, чѣмъ это ведется до сихъ поръ; несостоятельность административной стороны арміи, кажется, превосходитъ все. Н., какъ глава администраціи, сталъ притчей во языцѣхъ; пути сообщенія, почта, ин-

тендантская часть,—все это въ младенческомъ состоянiи есть факты, приводящiе въ недоумѣнiе каждаго думающаго: въ Болгарiи съ прекраснѣйшими сѣнокосными лугами сѣно высыхаетъ на корню, и не дѣлаютъ распоряженiя его скосить для заготовки фуража; также гибнетъ хлѣбъ, мѣстами до сихъ поръ не убранный; дороги не поправляются, и мѣстами, напримѣръ, подъемъ въ Систовѣ и др., будутъ составлять задержку движенiя при первой распутицѣ. Помѣщенiя для арміи, для больныхъ, на осень не заготовляются и пр. и пр. въ этомъ родѣ.

Ко всему этому — существующее товарищество Коганъ, Горвицъ; они дѣлаютъ безнаказанныя безобразiя, не выполняя свои контракты тамъ, гдѣ имъ невыгодно, не заготовляя, согласно обязательству, запасовъ и пр.— Н., говорятъ, поддерживаетъ это и не пользуется хорошей репутацiей. Когда онъ ѣздилъ подъ Шипку, разсказываютъ, что въ него было пущено нѣсколько пуль со стороны русскихъ... Не зная спецiальной военной науки, я не берусь рѣшить вопроса, но могу сказать одно, что умомъ не блестятъ люди, которыхъ мнѣ приходилось лично видѣть во главѣ важныхъ отдѣловъ арміи... Одна личность была для меня въ высшей степени симпатична и внушала довѣрiе, какъ къ военачальнику—это молодой Скобелевъ; но онъ здѣсь въ загонѣ и чуть-чуть было не уѣхалъ еще изъ Зимницы, вслѣдствiе непрiятностей съ главнокомандующимъ; между тѣмъ подъ Плевной 18-го числа онъ показалъ себя не только замѣчательно храбрымъ, но и замѣчательно дѣльнымъ, прикрывая все наше отступленiе съ ничтожной горстью людей. Сегодня, въ депешѣ отъ Имеретинскаго, командо-

вавшаго при Ловчѣ, Скобелевъ названъ героемъ дня; говорятъ, что и мысль, и планъ взятія Ловчи передъ Плевной принадлежатъ тоже Скобелеву. — Сейчасъ вышелъ отъ меня одинъ изъ оптимистовъ; онъ утверждаетъ то, что̀ и мнѣ казалось: разъ плевненская армія уничтожена, кампанія можетъ считаться оконченной: остается только правый флангъ у турокъ нетронутымъ, съ чѣмъ будетъ справиться не трудно, если только не будетъ у насъ новыхъ глупостей; армія же Сулеймана разбила себѣ лобъ о Шипку; проходъ черезъ Балканы свободенъ; въ Адріанополѣ — только одно ополченіе. Этотъ оптимистъ — больной человѣкъ, уже девять мѣсяцевъ живетъ врозь съ своей семьей и все надѣется скоро выбраться: „кампанія-молъ скоро кончится, а тамъ уже и вылечусь“.

Какъ я писалъ, болѣетъ народъ нашей колоніи массами; надо считать тѣхъ, кто остался здоровъ, да и то, пожалуй, не найдешь; потому что такъ называемые здоровые все-таки представляли хотя ничтожныя явленія заболѣванія; въ сущности характеръ заболѣваній одинъ и тотъ же, проявляясь эпидемически въ нѣсколькихъ видахъ: самое частое и распространенное заболѣваніе представляется въ видѣ остраго страданія желудочно-кишечнаго канала, при рѣзкомъ увеличеніи печени, селезенки, съ болями въ животѣ, иногда съ общей слабостью и небольшимъ повышеніемъ температуры; иногда это заболѣваніе проявится остро, безъ предвѣстниковъ, рвотой, обыкновенно желчью, — поносомъ и болями въ животѣ; тогда больные очень ослабѣваютъ на нѣсколько часовъ, пульсъ падаетъ; бывали при этомъ и судороги, но рѣдко; такіе больные довольно скоро поправляются,

въ большинствѣ случаевъ только сохраняя расположеніе къ поносу и потерю аппетита. Легкія степени этого заболѣванія перебывали почти у всѣхъ насъ и также въ конвоѣ; у немногихъ къ этому процессу присоединяется кровавый поносъ, который иногда, хотя рѣдко, начинается самостоятельно, безъ этихъ предшественниковъ. Также очень распространено заболѣваніе, хотя не такъ, какъ первая форма,—это въ видѣ лихорадочнаго приступа, развивающагося въ большинствѣ случаевъ безъ ясныхъ предвѣстниковъ, прямо ознобомъ съ высокой температурой, нерѣдко за 40 градусовъ, съ сильной головной болью. тоскою въ тѣлѣ, подъ ложечкой, иногда съ тошнотой, съ обложеннымъ бѣло-желтоватой массой языкомъ, обыкновенно влажнымъ, безъ высыпи на кожѣ, съ увеличеніемъ селезенки и печени, безъ ихъ болѣзненности при перкуссіи; при этомъ иногда поносъ, чаще же запоръ, обыкновенно легкій бронхитъ; больной не спитъ, рѣдко бредитъ, но иногда очень значительно; безъ особенной потери силъ, безъ ощущенія особенныхъ болей стонетъ и охаетъ въ теченіе всего времени высокой температуры, которая держится отъ $^1/_2$ сутокъ до трехъ, четырехъ и даже 8 сутокъ; въ большинствѣ послѣднихъ затянувшихся случаевъ, на 4-й, иногда на 3-й день. утренняя температура начинаетъ падать, безъ рѣзкаго улучшенія самочувствія, къ вечеру же остается высокой. Въ первые же дни болѣзни замѣчается у больныхъ потливость, которая при концѣ лихорадки дѣлается очень обильной; въ большинствѣ случаевъ, по окончаніи лихорадки больные поправляются скоро, сохраняя только нерѣдко расположеніе къ гастрицизму. Селезенка въ первые дни рѣдко увеличена, но

впослѣдствіи обыкновенно неопредѣлима; печень же всегда очень увеличена, пальца на полтора; легкая желтуха склеры неизбѣжна во всѣхъ случаяхъ. Относительно бѣлка въ мочѣ ничего не могу сказать—не изслѣдовалъ. Бывало, что недѣли черезъ двѣ, три, такое заболѣваніе повторялось у одного и того же субъекта, въ болѣе или менѣе сильной формѣ; иногда же передъ тяжелымъ заболѣваніемъ за недѣлю, за двѣ, бывалъ одинъ короткій приступъ лихорадки съ ознобомъ, жаромъ и пòтомъ, который безслѣдно исчезалъ, и затѣмъ открывалась картина remittens, продолжавшагося три, четыре и даже 8 дней лихорадочнаго состоянія, постояннаго первые дни, но рѣзко послабляющагося или даже перемежающагося послѣдніе дни. По окончаніи заболѣванія, черезъ нѣсколько недѣль, не всегда наблюдалось увеличеніе селезенки; печень же обыкновенно представлялась тогда нормальнаго объема. Очевидно, пораженіе òргановъ регрессируетъ довольно быстро. Случаи лихорадки, кончавшіеся рвотой, поносомъ, идутъ какъ будто лучше, короче; у немногихъ замѣчаются по окончаніи лихорадки лишаи на губѣ. До сихъ поръ эти лихорадочныя формы въ различныхъ степеняхъ своего проявленія составляютъ главнѣйшій матеріалъ госпиталей и значительной части нашего подвижного населенія. Случаи ясной перемежающейся лихорадки трехдневной встрѣчались какъ исключенія, и нерѣдко у такихъ, которые прошли уже описанную форму. Въ чистыхъ перемежающихся лихорадкахъ и опухоль селезенки обыкновенно рѣзче и больше, чѣмъ въ описанныхъ послабляющихъ, къ которымъ по всему вѣроятію и нужно отнести описанную форму. До сихъ поръ мнѣ не уда-

валось видѣть вскрытіе этихъ больныхъ; даже въ госпиталяхъ тяжелые случаи обыкновенно не представляли смертельныхъ исходовъ. Повидимому хининъ благотворно вліяетъ на эту болѣзнь, но, очевидно, не дѣйствуетъ съ такою положительностью, какъ въ настоящихъ перемежающихся. Въ госпиталяхъ встрѣчаются и тифы, но очевидно въ незначительномъ количествѣ; ясныхъ, убѣдительныхъ случаевъ я видѣлъ немного, да и тѣ повидимому были не безъ явленія этой послабляющей формы, которая проявлялась въ раннихъ по времени болѣзни послабленіяхъ; настоящіе тифозные представляли обыкновенно сыпь на животѣ въ видѣ roseola, бредили по ночамъ, имѣли поносъ; нужно признаться, что нерѣдко было чрезвычайно трудно отличить одну форму отъ другой. Самые тяжелые здѣсь не встрѣчаются, въ Бѣлѣ же попадались; тамъ — кровавый поносъ былъ чаще, чѣмъ здѣсь...

Сегодня идетъ курьеръ, и я радуюсь, что онъ тебѣ принесетъ хотя что-нибудь отрадное: вѣдь послѣ Никополя это — первое хорошее дѣло; не имѣемъ еще подробностей, не знаемъ, сколько новыхъ жертвъ стоила эта побѣда; утѣшительно то, что Скобелевъ имѣетъ уже Георгія на шеѣ и врядъ-ли хлопоталъ изъ-за награды. Не могу не разсказать тебѣ очень остроумное предложеніе одного изъ здѣшнихъ генералъ-адъютантовъ—давать награду до дѣла, чтобы генералъ не рисковалъ людьми ради своего *я*.

Горный-Студень я оставляю съ сожалѣніемъ; здѣсь мнѣ жилось не скверно, да и къ госпиталю началъ привыкать; врачи ко мнѣ стали относиться довѣрчиво, не глядя на меня, какъ на шпіона; тутъ все уже было

знакомо, даже и вонь-то здѣсь, казалось, не такъ безпокоитъ, а тамъ—все новое. Взятіе Ловчи должно имѣть большое значеніе на дальнѣйшій ходъ дѣла; теперь южная армія турокъ разорвана и разъединена съ западной — съ Османомъ; если бы удалось устроить ему Седанъ,—что не невозможно, то дѣло подвинется быстро къ концу. Какое бы это великое было счастіе...

XXXV.

Чаушъ-Махала, 24-го августа.

...Въ четыре часа съ четвертью я уже началъ одѣваться, чтобы освободить свою палатку и сдать всѣ вещи въ обозъ, который отправлялся въ пять часовъ, самъ же съ Ковалевскимъ въ колескѣ отправились только въ 7 часовъ. Государь—часомъ позднѣе съ главнокомандующимъ и тоже въ колескѣ; только военныя свиты отправились верхами съ обозомъ. Переѣздъ былъ небольшой; Махалка эта отъ Горнаго-Студня въ двухъ часахъ съ четвертью ѣзды на парѣ въ колескѣ легкой рысью. Ѣхать было пріятно; утро было ясно, не жарко, не пыльно и не грязно; дорога шла все время лугами нескошенной травы и мѣстами еще очень свѣжей, зеленой; изрѣдка попадались неснятыя и упавшія уже рожь, пшено; на протяженіи 25 верстъ встрѣтилось одно большое болгарско-турецкое селеніе. Общая могила и затѣмъ разоренная маленькая черкесская деревушка. Впереди очень рано началъ рисоваться горный пейзажъ; изрѣдка мѣстами мелькала вдали вода—вѣроятно протекающей здѣсь Осмы; шли все время къ западу, по большой дорогѣ, встрѣчая то казаковъ, то солдатъ, то

артиллерію, то наконецъ и отставшія части нашего обоза; наконецъ грузно заваленныя фуры нашимъ добромъ стали встрѣчаться все чаще и чаще и даже затруднять нашъ путь; затѣмъ крутой спускъ, передъ которымъ нужно было остановиться; внизу открылась цѣлая масса зеленыхъ садовъ, рѣчка и показались болгарскіе не то домики, не то землянки. Деревушка — небольшая по числу домовъ, небогатая по постройкамъ, но очевидно не бѣдная по массѣ плодовыхъ деревьевъ; впрочемъ груши, яблоки здѣсь дрянного сорта и, кажется, больше служатъ для кваса, а скирдовъ хлѣба, какъ въ предъидущихъ деревняхъ, мнѣ не пришлось видѣть въ такой массѣ; жилища здѣшнія отличаются отъ предъидущихъ тѣмъ, что половина ихъ помѣщается въ землѣ; они темны и всѣ воняютъ отвратительнымъ кислымъ запахомъ. Помѣститься гдѣ-нибудь въ домѣ немыслимо — и душно, и вонюче, — а потому мы всѣ здѣсь въ палаткахъ. Государь и нѣкоторые другіе помѣстились на дворѣ одного изъ здѣшнихъ собственниковъ; палатка Государя разбита подъ двумя деревьями на гумнѣ; рядомъ съ палаткой—клѣть со свиньями, клѣть съ курами; конечно, все это удаляется, но запахъ бывшихъ обитателей остается. Я предпочелъ поставить свою палатку внѣ двора на косогорѣ, на совершенно голомъ мѣстѣ; рядомъ со мною Ковалевскій, а противъ, шагахъ въ десяти—80-ти-лѣтній болгаринъ, съ совершенно турецкимъ, еще красивымъ лицомъ, его старуха 50 лѣтъ и дочка 20 лѣтъ; почтенная дама очень молчалива, и иногда думаешь: да говоритъ ли она, дошла ли она до этой степени культуры? лицо вѣчно мрачное, съ неподвижными чертами; она составляетъ контрастъ съ сво-

имъ старикомъ-мужемъ, вѣчно болтающимъ, смѣющимся и вѣчно валяющимся на коврѣ подлѣ своей лѣтней, вѣроятно, клѣтушки; дочка—колоссальныхъ размѣровъ, курносая, круглолицая, толстогубая, съ браслетомъ на правой рукѣ (здѣсь у всѣхъ женщинъ браслеты), съ кольцами на пальцахъ, въ своемъ обычномъ костюмѣ, вѣчно съ прялкой; мать же работаетъ за ткацкимъ станкомъ. Вся семья размѣщена на воздухѣ около своихъ жилищъ — лѣтнихъ клѣтушекъ, служащихъ вѣроятно тоже и для свиней; зимнее помѣщеніе едва на два аршина выдается только надъ землею; крыша покрыта очень тщательно черепицей, и входъ въ это помѣщеніе таковъ, что мнѣ нужно въ три погибели согнуться, чтобы пройти въ дверь; торчащая труба, какъ въ татарскихъ сакляхъ, заявляетъ о существованіи человѣческаго жилища. Но, повидимому, лѣтомъ они пользуются печкой, которая смазана изъ глины на открытомъ воздухѣ и безъ всякой трубы. Нашъ бивуакъ—на небольшомъ возвышеніи, внизу же протекаетъ рѣка, по обоимъ берегамъ которой сады, по преимуществу съ грецкими орѣхами. Вода недурная, можно пить и даже купаться, не такъ, какъ въ Горномъ-Студнѣ, гдѣ К. совсѣмъ не мылся, разсудивъ, что воды едва хватаетъ на питье!! Только обтиралъ лицо и руки мокрымъ полотенцемъ. Долго ли придется намъ жить въ этой трущобѣ — неизвѣстно; главнокомандующій уѣхалъ сегодня, а мы поѣдемъ, сообразуясь съ ходомъ дѣлъ подъ Плевной.

25-го августа.

Сейчасъ вернулся изъ поѣздки въ госпиталь, который разбитъ въ Булгарени, въ 8 верстахъ отсюда и по дру-

гой сторонѣ Осмы; госпиталь № 63 только-что развернутъ и готовится къ принятію исключительно раненыхъ изъ-подъ Плевны; въ настоящее время тамъ одинъ болгаринъ, которому дней десять назадъ баши-бузукъ отсѣкъ ухо—и прострѣлилъ ухо; его привезли при мнѣ. Врачи всѣ знакомы еще съ Зимницы, гдѣ этотъ госпиталь работалъ съ ранеными послѣ переправы, а потомъ послѣ плевненскихъ побоищъ. Какъ новое лицо, я тамъ встрѣтилъ кн. Шаховскую съ нѣсколькими сестрами. Всѣ врачи значительно похудѣли и пожелтѣли: очевидно, не мало силъ и здоровья пошло за эти два мѣсяца усиленнаго труда; даже Шаховская подалась; впрочемъ она переживала и не разъ панику за это время: она бѣгствомъ спасалась изъ-подъ Плевны послѣ второго пораженія и бѣгствомъ спасалась изъ Зимницы отъ мнимаго непріятеля въ знаменитый день паники, когда ожидали турокъ даже въ Бухарестѣ, когда бѣдняга Н. (какъ говорятъ) прискакалъ верхомъ, держась за гриву, отъ Зимницы до Фратешты.

Въ этомъ подвижномъ госпиталѣ произошла только перемѣна въ томъ, что его лишили юртъ, которыя замѣнены палатками въ числѣ 39, въ каждой по 20 человѣкъ; предполагается черезъ этотъ госпиталь провести всѣхъ раненыхъ изъ-подъ Плевны; изъ профессоровъ здѣсь теперь только Склифассовскій. Не доѣзжая этого госпиталя, я остановился въ дивизіонномъ лазаретѣ, который всего дня три, какъ началъ свои дѣйствія; тамъ я нашелъ только 12 больныхъ, съ очень плохенькимъ докторкомъ, къ удивленію и къ сожалѣнію еще молодымъ, окончившимъ только въ 74 году; самообольщеніе

и нахальность невѣжды меня взбѣсили, и я, сколько могъ, сколько умѣлъ, отчиталъ его.

Вѣроятно докторъ ждалъ, что я по-генеральски пройду безъ изслѣдованія больныхъ, и объявилъ мнѣ, что у него исключительно лихорадочные перемежающіеся черезъ день; я изслѣдовалъ всѣхъ и нашелъ только одного яснаго перемежающагося; остальные же всѣ представляли ту форму, о которой я писалъ—послабляющую безъ перемежекъ; докторъ при моемъ изслѣдованіи продолжалъ себя отстаивать и говорить такой вздоръ, какъ будто бы онъ меня не считалъ врачомъ; тогда я ему посовѣтовалъ лечить себя отъ самомнѣнія и лучше наблюдать больныхъ; повторилъ то же и главному доктору, который подошелъ въ это время въ лазаретъ. Госпиталь № 63 помѣщается собственно на этой сторонѣ рѣки, гдѣ и мы стоимъ, но рѣчка чрезвычайно извилиста, и чтобы попасть въ госпиталь поближе, необходимо прежде переѣхать нашъ Саперный мостъ и затѣмъ у Булгарень снова перебраться черезъ Осму по турецкому каменному мосту, подлѣ котораго впрочемъ стоитъ и еще нашъ саперный—все это очень важно въ случаѣ нашего отступленія.

Сегодня, сдѣлавъ отличную прогулку пѣшкомъ утромъ, взобравшись на ближайшія высоты, и теперь—послѣ поѣздки въ Булгарени, я нѣсколько оріентировался съ мѣстностью. Съ высотъ отсюда видно громадное пространство на западъ и частью на югъ; зрячіе видятъ и Плевну, и, говорятъ, будто бы и Ловчу; мѣстность лѣваго берега Осмы низкая, луговая и повидимому чрезвычайно плодородна: тамъ и кукуруза, и виноградъ, и орѣхи и пр.; перебравшись черезъ ближайшій къ намъ саперный мостъ, мы встрѣтили верстахъ въ двухъ

богатое село болгаръ-католиковъ; они замѣчательно рѣзко отличаются отъ нашихъ несчастныхъ братушекъ: дома ихъ и выше, и чище содержатся; дворы съ громадными запасами скирдовъ хлѣба, сѣна, соломы (которая содержитъ въ себѣ массу зерна, и которую здѣсь даютъ въ пищу скоту, лошадямъ). На дворѣ масса амбаровъ изъ плетня, вымазаннаго внутри глиной, полныхъ кукурузой, фасолью; только службы ихъ опущены въ землю, а дома жилые въ уровень; церковь большая, каменная, съ мраморнымъ поломъ; на кладбищѣ памятники съ ясно сохранившимися формами крестовъ, какъ въ Европѣ и не такъ, какъ въ другихъ частяхъ Болгаріи, гдѣ памятники съ трудомъ отличаются отъ турецкихъ, гдѣ камень на могилѣ представляетъ едва замѣтное утолщеніе въ срединѣ четырехугольнаго столбика, мало отличающагося отъ подобныхъ столбиковъ на турецкихъ кладбищахъ. Церкви въ Болгаріи низенькія, опущенныя иногда на аршинъ и на два въ землю, обыкновенно замѣчательно бѣдны, темны, грязны. Католическая церковь составляетъ бросающееся въ глаза явленіе, которое даетъ право думать, что католикамъ здѣсь лучше живется, чѣмъ православнымъ; конечно, оно и понятно: туркамъ бояться католиковъ не было никакихъ основаній,—православная же религія была въ сущности единственной связью болгаръ съ Россіей. Въ Булгареняхъ встрѣтилъ много войска съ артиллеріей, и все это идетъ подъ Плевну; не могу передать, съ какимъ чувствомъ глядишь теперь на этихъ молодцовъ, красивыхъ (всѣ они были изъ нижегородской, ярославской губ.), полныхъ жизни, силы—идущихъ въ дѣло: сколько-то останется черезъ нѣсколько дней отъ этихъ героевъ? На дняхъ разрѣшится вопросъ; завтра

мы ѣдемъ на позицію, но куда?—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ.

Роденицы, 27-го августа.

Вчера рано утромъ въ 6 часовъ выбрались мы изъ Чаушъ-Махалы и къ 8 ч. были здѣсь, гдѣ стоитъ главнокомандующій; почему-то и для чего-то мы стояли здѣсь часа полтора и затѣмъ двинулись на позицію, но куда—никто не зналъ; пріѣхали въ Порадимъ, взобрались на какой-то холмъ, но ничего не видали; выстрѣлы слышались слабо, — былъ противный вѣтеръ и уносилъ отъ насъ, хотя, впрочемъ, ясно выстрѣлы слышны были и въ Роденицѣ. Наконецъ поѣхали дальше, сѣли верхомъ и добрались до батарей; тамъ открылся видъ на всѣ наши батареи, на турецкую линію. Странное ощущеніе при видѣ этого огня, дыма, удара, при абсолютномъ отсутствіи человѣка и его голоса: люди всѣ спрятаны, а издали ихъ и не слышно. Стрѣляли вчера съ большого разстоянія изъ осадныхъ орудій, по моему—стрѣляли вяло и нисколько не импозантно для человѣка, какъ я, не понимающаго этого дѣла; предосторожности, которыя принимались при нашемъ движеніи, распоряженія не ѣхать кучками, держаться *праваго фланга*, наконецъ недопущеніе свиты къ батареѣ вмѣстѣ съ Государемъ—все это мнѣ казалось странно; я былъ при этомъ около батареи и слышалъ ясно, какъ свистали наши ряды, но при насъ ни одинъ снарядъ не попалъ въ батарею, и я внутренно смѣялся надъ трусостью спеціалистовъ-военныхъ. Сегодня второй день бомбардированія Плевны; турки отвѣчаютъ, какъ говорятъ, усердно, и къ тремъ часамъ сегодня было только 40 ч. раненыхъ ниж-

нихъ чиновъ на всѣхъ батареяхъ. Слѣдовательно, опасность отъ артиллерійскаго огня невелика, немного больше, чѣмъ отъ хорошей грозы. Вчера меня разбирала тоска, глядя на громадную свиту, сопровождавшую главнокомандующаго. Кого тутъ не было, кромѣ обычныхъ начальствующихъ: куча ординарцевъ, адъютантовъ, три священника (верхами), русскій, лютеранскій, католическій. Объѣхавъ съ осторожностью позицію, побывавъ около батареи, сѣли за завтракъ. Все это ѣло, ѣло и ѣло, а тамъ все палили, палили и палили. Наконецъ, въ 3 ч. уѣхали и въ пять были дома, т.-е. въ Роденицѣ, куда нашъ обозъ взятъ не былъ, потому что было объявлено въ Махалѣ собраться налегкѣ на одинъ день, а оказалось, что мы остаемся ночевать у Великаго Князя. Нельзя сказать, чтобы къ намъ отнеслись гостепріимно: часа два слишкомъ бродили мы усталые, не зная, куда приклонить голову; никто ничего не предложилъ, за исключеніемъ только министровъ, которымъ было отведено помѣщеніе; намъ предоставлялось устроиться по усмотрѣнію. Когда меня послѣ обѣда одинъ изъ распорядителей главной квартиры спросилъ, какъ я устроился, то я отвѣчалъ, что еслибы я попалъ къ туркамъ, то навѣрное былъ бы устроенъ лучше, чѣмъ въ главной квартирѣ штаба; за обѣдомъ я велъ разговоръ въ этомъ же тонѣ, при чемъ прибавилъ, что я говорю не какъ Серг. Петр. Боткинъ, а какъ извѣстное оффиціальное лицо, ибо какъ Серг. Петр. я бы здѣсь никогда, конечно, не былъ. Такой тонъ до такой степени благотворно подѣйствовалъ на распорядителей, что мнѣ потомъ большого труда стоило отдѣлаться отъ ихъ предложенія занять ихъ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, я ночевалъ à la belle

étoile на сѣнѣ и былъ этимъ чрезвычайно доволенъ; ночь проспалъ отлично всю и уже утромъ меня разбудилъ Ков., чтобы идти къ Государю. Легши на верхушку сѣнной кучи, за ночь я постепенно спускался, и утромъ ноги уже были на землѣ, а туловище—на сѣнѣ. Благодаря сѣну, я нисколько не зябъ, хотя ночь была очень холодная. Сегодня выѣхали на позицію въ 11 ч. утра и вернулись около девяти вечера; усталъ ужасно, но по крайней мѣрѣ не было такъ мучительно скучно, какъ вчера; бомбардировка шла живѣе, изъ бо̀льшаго числа орудій и чаще стрѣляли; наконецъ въ 5 ч. начали съ одной стороны аттаку (Имеретинскій и Скобелевъ), окончательный результатъ которой еще неизвѣстенъ. Уѣзжая въ 7 ч. съ позиціи, получили извѣстіе, что турки съ одной позиціи бѣгутъ и увозятъ свои орудія.

28-го августа.

Сегодня уже въ 6 ч. утра мы выѣхали снова на позицію, черезъ два часа были тамъ, ожидая встрѣтить значительно подвинутымъ все дѣло, но на неспеціальный глазъ мало подвинулись за это время, хотя артиллеристы утверждаютъ, что наши орудія выдвинулись на 600 саж., осадныя же все на старомъ мѣстѣ. Вчерашняя аттака дала 600 чел. выбывшихъ изъ строя и какія-то двѣ высоты. До четырехъ просидѣли мы на нашей высотѣ,—то полежимъ, то походимъ, то сядемъ верхомъ и приблизимся къ батареямъ, то отойдемъ. Безпрестанно пріѣзжали ординарцы съ весьма тощими донесеніями. Къ счастію, солнце не постоянно насъ пекло, временами скрывалось за тучи и давало намъ вздохнуть. Наконецъ въ часъ завтракъ, на который вся эта молодежь съ от-

личнымъ пищевареніемъ бросается съ волчьей жадностью. Сегодня завтракъ былъ отъ нашей квартиры, что́, однакоже, другую квартиру не стѣсняло; завтракъ въ сухомятку, чай, кофе—точно маёвка.

Да, я понимаю, почему традиціонно держится нелюбовь ко всѣмъ штабамъ, набитымъ биткомъ цѣлой массой людей, хорошо питающихся, хорошо помѣщающихся, высыпающихъ свои ночи и получающихъ отличныя награды, между тѣмъ какъ офицеры арміи своей грудью дѣлаютъ дѣло и вытаскиваютъ на своихъ плечахъ вмѣстѣ съ солдатиками всю тяжесть войны.

Около насъ былъ штабъ и румынскаго принца,—кажется, съ тѣмъ же характеромъ. Къ счастью, сегодня вернулись пораньше, хотя усталость была, пожалуй, сильнѣе, бомбардировка шла еще вялѣе и никакой аттаки не было. Завтра вѣроятно тоже, и то же будетъ повторяться еще нѣсколько дней. Хотятъ не начинать настоящей аттаки, не разгромивши серьезно всѣхъ редутовъ. Относительно укрѣпленія большая часть утверждаетъ, что оно очень сильно, хотя есть люди, которые этого не признаютъ—не знаю, кому вѣрить? Человѣку съ хорошимъ зрѣніемъ бомбардировка можетъ представлять извѣстный интересъ,—можно по крайней мѣрѣ слѣдить за батареями и даже до нѣкоторой степени за результатомъ ихъ дѣйствій,—мнѣ же слѣпому вся эта картина представляется только въ общемъ ея видѣ съ прекраснымъ ландшафтомъ горной мѣстности, очень широкой, и мѣстами, то тутъ, то тамъ, являются огонь, дымокъ и черезъ нѣсколько секундъ выстрѣлъ. Дальнозоркіе видятъ, куда упалъ снарядъ, долетѣлъ или нѣтъ до непріятельской батареи, для меня же все это закрыто, а

потому надоѣдаетъ все это довольно скоро. Къ выстрѣламъ привыкаешь настолько, что ихъ не слышишь.

Прежде я думалъ, что устроятъ взятіе Плевны къ 30-му, а теперь начинаю сомнѣваться: какъ-то мало видно дѣйствіе нашихъ батарей на турецкія орудія. Что-то скажетъ завтра! Не могу сказать тебѣ, сколько скорби у меня на сердцѣ и какъ тяжело, глубоко дѣйствуетъ на меня все, что̀ приходится видѣть. Я начинаю дѣлаться по временамъ раздражительнымъ. Объ общемъ отъѣздѣ ни слуха, ни духа; тѣ, которые вѣрили въ возможность скораго возвращенія и долго держались въ своемъ вѣрованіи, начинаютъ колебаться. Только и приходится себя утѣшать тѣмъ, что другимъ еще хуже, чѣмъ мнѣ, а терпятъ и бодрятся.

Вчера были, между прочимъ, и на перевязочномъ пунктѣ и видѣли только четырехъ раненыхъ, а докторовъ тамъ цѣлая масса; и Корженевскій, и Каде, и Грубе, и Пелёхинъ, и Новацкій—авторитеты хирургіи,—простыхъ, не-авторитетныхъ не считаю; раненые съ перевязочныхъ пунктовъ будутъ направляться на Булгарени, гдѣ большой госпиталь и гдѣ хирургомъ Склифассовскій. На другомъ перевязочномъ пунктѣ—Бергманъ. Ч. доставилъ 20 (!!) повозокъ съ приспособленіями и воображаетъ, что это много, имѣетъ безтактность этимъ хвастаться. При окончательной аттакѣ вѣроятно и тысячи повозокъ будетъ немного...

Сегодня цѣлое утро, пока тебѣ пишу, у меня безпрестанно народъ; большая часть приходитъ за совѣтомъ, но нѣкоторые — отвести душу, поговорить по душѣ, пожаловаться на штабъ, на ходъ всего дѣла. Изъ всего слышаннаго сегодня узналъ то, что командуетъ осадой

въ сущности Зотовъ; принцъ Карлъ держитъ себя съ большимъ тактомъ и ни во что не вмѣшивается, также какъ и Великій Князь. Зотова хвалятъ, но говорятъ, что осада ведется не такъ, какъ бы слѣдовало: для штурмового дѣла—тянутъ, для фортификаціоннаго же — не предпринимаютъ земляныхъ работъ, недостаточно подвигаются къ туркамъ; выходитъ ни то, ни сё. Сейчасъ уѣзжаемъ... надѣюсь что-нибудь приписать по возвращеніи.

$10^1/_2$ ч. вечера.—Мы вернулись поздно; конечно, было совсѣмъ темно, когда мы, поплутавши по обыкновенію, добрались до нашей деревни. День прошелъ какъ обыкновенно, передвигались съ мѣста на мѣсто, подъѣзжали къ батареямъ, стояли; я по обыкновенію ничего не видѣлъ; могу сказать только то, что наши пушки сильно подвинулись впередъ. Послѣ завтрака я отправился на перевязочный пунктъ, засталъ тамъ семь больныхъ и девять врачей; съ праваго фланга носили вообще мало, аттаки были на лѣвомъ, и оттуда мы встрѣтили транспортъ изъ 130 ч. раненыхъ, которыхъ везли на обыкновенныхъ повозкахъ съ простымъ „расейскимъ“ приспособленіемъ: солома—и баста. Сзади большого транспорта шли еще два фургона отъ Краснаго Креста; они везли только 8 человѣкъ,—изъ нихъ одинъ уже скончался, съ сквозной раной въ груди. Транспортъ этотъ намъ попался на полдорогѣ изъ Роденицы на позиціи почти у Порадима. Мало утѣшительнаго представляетъ картина транспорта раненыхъ. Возвращаясь съ перевязочнаго пункта, куда я ѣздилъ съ своимъ казакомъ, пробравшись сквозь кукурузное поле, вдругъ я слышу свое имя, смотрю—фургонъ тоже въ полѣ, не на до-

рогѣ, изъ окна фургона выглядываетъ доброе лицо Е. П. Карцевой; она ѣдетъ изъ Тырнова къ перевязочному пункту, гдѣ пять сестеръ ея общины, и онѣ сбились съ дороги; палатки же перевязочнаго пункта стоятъ подъ горой, такъ что ихъ можно цѣлый день искать и не найти. Выручивъ ее изъ бѣды, я поѣхалъ на вышку и присоединился къ общей массѣ. Только въ 6 ч. поднялись мы, наконецъ, домой. Сегодня было нежарко, нѣсколько разъ принимался идти дождь, и вслѣдствіе этого я мало усталъ. Кажется, завтра будетъ рѣшительный день; говорили даже, что начнутъ аттаку еще сегодня вечеромъ, но пріѣхалъ домой и извѣстій оттуда не было. Странно прозвучало для меня слово: *домой*! — хорошъ домъ, въ который я теперь пріѣзжаю!.. Когда же, когда же наконецъ я увижу тебя? Неужели завтра рѣшится этотъ вопросъ нашей сердечной жизни одновременно, можетъ быть, съ вопросомъ такимъ важнымъ для всей Россіи, для всего русскаго? Сердце бьется сильнѣе, когда вспомнишь, наканунѣ какого дня мы живемъ сегодня.

XXXVI.

31-го августа.

Какой вчера, 30-го августа, тяжелый, подавляющій день вынесли мы на нашемъ курганѣ — на позиціи! Выѣхали мы въ 10 часовъ, на курганѣ назначенъ былъ молебенъ, завтракъ, а въ три часа должна была начаться общая аттака. Одна изъ моихъ лошадей дорогой совершенно ослабѣла, ѣхать было невозможно; мы съ Ковал. вышли и пошли пѣшкомъ; къ счастью, были запасныя лошади, которыя насъ выручили; послѣ приблизительно часовой ходьбы подъѣхала наша коляска съ свѣжими

лошадьми. На позицію пріѣхали послѣ молебна, прямо къ завтраку. День былъ ужасный: почти безостановочно сыпалъ мелкій дождь, холодно, сыро, сѣсть негдѣ; бомбардировка продолжалась, то усиливаясь, то затихая; наконецъ, слышимъ ружейный огонь на лѣвомъ флангѣ Имеретинскаго, около часа; оказывается, что турки предупредили нашу аттаку, напали сами на Имеретинскаго. Отъ лѣваго фланга наша позиція чуть не въ полуторачасовомъ разстояніи, а потому результатъ аттаки для насъ долго оставался неизвѣстнымъ. Для поддержки лѣваго фланга сдѣлали распоряженіе начать общую аттаку раньше, но пока везли это распоряженіе, время приблизилось къ тремъ часамъ и, согласно первой диспозиціи, начался бой; четверть часа послѣ трехъ—начался ружейный огонь у насъ на правомъ флангѣ. Что это за адская трескотня началась!—орудійный огонь не можетъ сравниться, по подавляющему впечатлѣнію, съ этимъ безостановочнымъ трескомъ; а если вспомнишь, что каждый отдѣльный трескъ несетъ свинцовую коническую пулю, пробивающую насквозь человѣка на разстояніи двухъ тысячъ шаговъ, то невольно холодъ пробѣгаетъ по тѣлу при этихъ смертоносныхъ звукахъ. Почти каждые полчаса пріѣзжали ординарцы съ донесеніями: аттака началась, наши подошли туда-то; наконецъ наши остановились, не поддерживаемые румынами; румыны отступили; затишье, ружейный огонь стихъ; опять скачетъ ординарецъ — снова идутъ въ аттаку; опять трескотня; снова ординарецъ съ извѣстіемъ—наши остановились. Наконецъ, пошли въ третій разъ въ аттаку; это извѣстіе было получено, когда порядкомъ стемнѣло, — и почти было темно, когда получили извѣстіе, что наши

колонны отступаютъ и турецкая кавалерія идетъ по балкѣ подъ нашимъ возвышеніемъ. Ничего больше не оставалось, какъ ѣхать; съ особенной поспѣшностью всѣ схватили свои экипажи, и потянулись наши громадныя вереницы колясокъ въ такой темнотѣ, что дороги совершенно не было видно; къ счастью, спасалъ насъ факелъ, и, несмотря на него, мы безпрестанно сбивались съ дороги. Измученные физически и морально, въ одиннадцатомъ часу вернулись мы домой. Что́ каждый порядочный человѣкъ переживалъ въ эти томительныя минуты между донесеніями: „наши идутъ“, наши „отступаютъ“ — трудно тебѣ передать. Какъ будто всѣ мы собрались около комнаты умирающаго любимаго человѣка, на жизнь котораго осталась маленькая надежда, и когда всѣ съ притаеннымъ дыханіемъ слѣдятъ за каждымъ шорохомъ, за каждымъ новымъ проблескомъ жизни или наступающей смерти. Какъ ни тяжелъ былъ этотъ день, но онъ показался мнѣ недлиннымъ — весь день прошелъ въ одномъ напряженномъ ощущеніи. Самыя тяжелыя, скорбныя чувства давили меня на возвратномъ пути; мрачно разошлись мы спать. Едва успѣлъ я одѣться сегодня утромъ, какъ получилъ извѣстіе, что главный редутъ взятъ нами вчера вечеромъ; мой знакомый командиръ полка Шлиттеръ первый взошелъ на редутъ, водрузилъ наше знамя и тотчасъ же свалился отъ пули въ лобъ. Не могъ удержать слезъ при этомъ извѣстіи: и радостно, и горько за бѣднягу Шлиттера! Такихъ типовъ бравыхъ, храбрыхъ воякъ теперь мало; онъ зналъ русскаго солдата, умѣлъ имъ разумно пользоваться, осмысленно смотрѣлъ на всякую военную мелочь и въ короткое время, что былъ командиромъ полка, съумѣлъ

развить въ своихъ молодыхъ солдатахъ и храбрость, и стойкость. Онъ принялъ свой полкъ, разбитый при первомъ плевненскомъ дѣлѣ, въ то время, когда солдаты уже шли на приступъ второго побоища у Плевны, переночевалъ тогда во рву передъ этимъ большимъ редутомъ, и теперь, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, погибъ героемъ на этомъ же редутѣ. Сегодня я ѣздилъ на перевязочный пунктъ и видѣлъ Шлиттера; онъ еще дышетъ, но безъ сознанія; черепъ пробитъ насквозь; я ему далъ вина и, замѣтивъ, что онъ пьетъ еще, я вспомнилъ, что онъ любилъ шампанское, и далъ ему этого нектара; я увѣренъ, что онъ пилъ съ наслажденіемъ, покряхтывая каждый разъ, какъ проглотитъ; пульсъ поднялся, онъ открылъ свои голубые глаза, посмотрѣлъ безсмысленно въ лѣвую сторону и снова захрапѣлъ. Невѣроятно, чтобы онъ могъ жить.... Сегодня выѣхали на позицію въ 10 часовъ—та же картина, только выстрѣлы порѣже. День былъ сначала облачный, но потомъ разгулялся; нежарко, воздухъ очистился вчерашней пульверизаціей. Пѣшкомъ я прошелъ на возвышенности, откуда виднѣлись войска и большой редутъ, взятый нами наканунѣ; у подошвы горы рисовалась деревушка Гривницы, за которой скрывались впереди наши солдатики; узнавъ, что тамъ, въ этой деревушкѣ, было утромъ еще много раненыхъ, я послалъ за своей лошадью и отправился туда вмѣстѣ съ своимъ казакомъ. Спустились съ горы, проѣхали бывшія мѣста нашихъ батарей, теперь подвинувшихся впередъ, проѣхали наши ложементы, теперь уже оставленные, — наконецъ, поднялись опять на возвышенности, которыя были усѣяны остатками дравшихся здѣсь солдатъ, и вотъ подъѣхали

къ деревнѣ, въ началѣ которой подъ защитой холмика я увидалъ нѣсколько лазаретныхъ каретъ, санитаровъ и военныхъ врачей. Оказалось, что я прямо попалъ на передовой перевязочный пунктъ, гдѣ подаютъ первую медицинскую помощь полковые врачи дерущихся полковъ. Отъ нихъ я узналъ, что со вчерашняго вечера до сей минуты (въ 2 ч. дня), черезъ ихъ руки прошло 600 чел. раненыхъ, которыхъ они отправляли въ ближайшій перевязочный пунктъ, образуемый изъ дивизіонныхъ лазаретовъ; врачи работали всю ночь; теперь раненыхъ не носили уже въ такомъ количествѣ, — при мнѣ принесли одного. Изъ Гривницы я отправился на дивизіонный перевязочный пунктъ 5-й дивизіи и тамъ засталъ еще болѣе 400 раненыхъ. Еще далеко не всѣ были осмотрѣны. Врачи, сестры, студенты, фельдшера, санитары со вчерашняго вечера работали безостановочно. Черезъ ихъ руки прошло уже болѣе шести сотъ; около 400 еще оставались на-лицо; уже два транспорта раненыхъ были отправлены въ теченіе нынѣшняго дня въ Булгарени; легко-раненые въ руки, пальцы, выпросились идти пѣшкомъ въ госпиталь; самые тяжелые еще лежали въ палаткахъ; другіе же на открытомъ воздухѣ, на землѣ, ожидали своей очереди быть перевязанными, обмытыми, переодѣтыми. Медицинскій персоналъ, съ блѣдными, измученными лицами, продолжалъ работать; ни одного не видалъ безъ дѣла, всѣ копошились. Перевязочный пунктъ представляетъ тяжелое зрѣлище: это не тѣ умытые, переодѣтые, перевязанные раненые, которыхъ встрѣчаешь въ госпиталѣ, — нѣтъ, тутъ кровь льется ручьями, бѣлье какъ будто изъ красной матеріи сшито; врачи всѣ въ крови, въ гипсѣ. Больные стонутъ

и просятъ то пить, то перевязки. Тяжелая картина! Всѣ медицинскія мѣры военнаго вѣдомства вмѣстѣ съ Краснымъ Крестомъ не въ состояніи удовлетворить потребности теперешнихъ способовъ истребленія людей. До 3-хъ часовъ сегодня считаютъ болѣе пяти тысячъ раненыхъ, а Плевна еще не взята, и кто знаетъ, когда разрѣшится эта тяжелая и, можетъ быть, неразрѣшимая задача. Про сегодня мы можемъ сказать, что мы держимся только, а завтра что̀—неизвѣстно. Вернулись съ позиціи около восьми часовъ, и благодаря хорошей погодѣ и нѣсколько болѣе успокоительнымъ извѣстіямъ, я еще не былъ такъ измученъ, какъ вчера...

1-го сентября.

Ночь была холодная; утромъ въ $7^1/_2$ ч. темп. не доходила до 9 гр.; ясно, солнце начинаетъ согрѣвать этотъ ледяной воздухъ. До сихъ поръ, несмотря на то, что сегодня седьмой день, что мы въ Роденицахъ, я ничего тебѣ не могу сообщить о самомъ мѣстѣ, котораго почти не видѣлъ; утромъ едва оглянешься—надо ѣхать на позицію, а возвращаемся обыкновенно такъ поздно, что ничего не видно. Селеніе это, какъ и большая часть видѣнныхъ мною здѣсь, расположено по склонамъ двухъ холмовъ, раздѣляемыхъ узенькой полосой воды, которую здѣсь обзываютъ рѣчкой; нашъ бивуакъ расположенъ наверху одного изъ холмовъ; гумно одного изъ болгарскихъ собственниковъ, обставленное кругомъ скирдами хлѣба, соломы, сѣна, обставилось теперь нашими палатками; моя стоитъ передъ одной изъ скирдъ ржи. На гумнѣ сосѣдняго болгарина помѣщена общая палатка-столовая, а на слѣдующемъ — палатка Государя, тоже

между скирдами, но съ нѣсколькими деревьями. Немногіе раздобыли себѣ хаты, которыя, впрочемъ, мало представляютъ привлекательнаго; онѣ всѣ имѣютъ какой-то специфическій, не совсѣмъ пріятный запахъ, и очень богаты блохами, мухами, даже вшами; впрочемъ хаты въ Роденицахъ несравненно лучше, чѣмъ въ Чаушъ-Махалѣ и Горномъ-Студнѣ, гдѣ размѣры были такъ малы, что нельзя было вставать во весь ростъ. Вчера мнѣ пришлось навѣстить больного, одного изъ тѣхъ англичанъ, которые, помнишь, пріѣхали вдвоемъ въ нашу главную квартиру, какъ туристы, въ оригинальныхъ шляпахъ въ родѣ касокъ. Одинъ изъ нихъ, подъ Плевной, проводя ночи на соломѣ, иногда безъ ѣды, расхворался, и пріѣхалъ сюда лечиться отъ кроваваго поноса и лихорадки. Я вчера у него былъ въ хатѣ, состоящей изъ двухъ комнатъ; въ одной, первой, спали хозяева хаты—человѣкъ семь—всѣ на полу въ одинъ рядъ, мужчины, женщины, дѣти, дѣвки; въ другой комнатѣ помѣщался англичанинъ, размѣстившійся здѣсь со своимъ англійскимъ комфортомъ на отличной постели, съ англійскими одѣялами; на полкахъ стояли уже различные англійскіе консервы.—Послѣ дождей мухъ стало меньше, холодныя ночи ихъ очевидно одуряютъ; онѣ еще далеко не всѣ проснулись и теперь, въ десятомъ часу, крѣпко держась на потолкѣ нашихъ палатокъ. Уѣзжая на позицію, мы обыкновенно веземъ туда и своихъ мухъ на нашихъ собственныхъ спинахъ, а также на спинахъ кучеровъ и лошадей; это преслѣдующее человѣка насѣкомое на казенный счетъ добирается до позиціи и тамъ продолжаетъ кормиться нашимъ завтракомъ; на возвратномъ пути онѣ кучами собираются уже на ночлегъ на тѣхъ же спи-

нахъ и преспокойно доѣзжаютъ до нашего бивуака. Къ сожалѣнію, дорога отсюда до позиціи мало представляетъ интереснаго и по-неволѣ заставляетъ дѣлать эти наблюденія за мухами. Видовъ по дорогѣ красивыхъ нѣтъ; бо̀льшая часть ея проходитъ вдоль полей, изрѣдка только обработанныхъ подъ кукуру́зу; деревья встрѣчаются одиночныя, чаще же невысокій кустарникъ-дубнякъ, изрѣдка стада воловъ, барановъ; всего чаще попадаются по дорогѣ зарядные ящики. Одной изъ самыхъ интересныхъ встрѣчъ по этой дорогѣ представляются группы болгаръ, выселившихся изъ своихъ селеній со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ; они кочуютъ отдѣльными партіями, состоящими изъ десяти и двадцати семействъ; у каждаго возъ съ ихъ добромъ, и около воза располагается семья; посредствомъ вѣтвей они устроиваютъ себѣ маленькіе навѣсы около возовъ, небольшіе апарты, отдѣляющіе ихъ отъ сосѣдней земли; тутъ они варятъ себѣ пищу и проводятъ свой день, держатъ свои стада въ отдѣльныхъ загонахъ. Проѣзжая эти выселки днемъ, нельзя не любоваться красивой картиной цѣлой массы живописно разбросанныхъ высокихъ возовъ, перевитыхъ и окруженныхъ зеленью, въ которой стоятъ или лежатъ разноцвѣтно одѣтыя фигуры мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Проѣзжая эти кочующія селенія ночью, иногда, если не очень поздно, видишь цѣлую массу огней, около которыхъ грѣются семьи, приготовляя свой ужинъ. Одно изъ большихъ для меня испытаній—возвращеніе домой вечеромъ въ темнотѣ; ночи здѣсь такъ темны, какъ это только бываетъ на югѣ; дорога очень дурная, съ узкой колеей, коляска безпрестанно наклоняется то вправо, то влѣво, давая каждый разъ ощущеніе неизбѣжнаго паденія; до

сихъ поръ я еще не падалъ, но другіе испытали уже это удовольствіе; вчера опрокинулась коляска Мезенцева, впрочемъ очень благополучно; четвертаго дня опрокинули телѣгу съ прислугой и изломали одному лакею ключицу, и теперь, конечно, примутъ какія-нибудь мѣры. Впрочемъ, теперь предстоятъ лунныя ночи; вчера уже до нѣкоторой степени новорожденная луна освѣщала намъ путь; лошади везли великолѣпно, и мы быстро, меньше чѣмъ въ два часа, добрались до дому. Сегодня выѣзжаемъ въ 11 часовъ; до сихъ поръ никакихъ извѣстій съ позицій. Вчера наши вояки, геніи доморощенные, говорили, что будь еще двѣ дивизіи, то Плевна была бы вчера нашей; но такъ какъ этихъ двухъ дивизій не имѣется, да и не предвидится ихъ имѣть, то дай Богъ теперь только держаться; если, какъ говорятъ, у турокъ мало осталось запасовъ,—шпіоны разсказывали, что у нихъ выстрѣловъ только на два дня, — то возьмемъ, а не то придется отступить (возмутительное дѣло!!..). Если не поздно вернусь съ позиціи, то побесѣдую еще сегодня.

9 часовъ вечера.—Въ шесть мы вернулись съ позиціи; извѣстія были неутѣшительныя съ лѣваго фланга, гдѣ Скобелевъ вчера отбилъ пять аттакъ, а послѣ шестой принужденъ былъ отступить съ громадной потерей, оставивъ непріятелю три пушки. На лѣвомъ флангѣ считаютъ раненыхъ до 10 тысячъ!! До сихъ поръ Плевна при третьемъ урокѣ обошлась намъ, вѣроятно, тысячъ въ 15 раненыхъ; сколько именно потери—до сихъ поръ неизвѣстно. Но врядъ-ли и этотъ урокъ принесетъ пользу людямъ, лишеннымъ отъ природы того, что́ нужно для веденія боль-

шого дѣла,—чтобы этого не было. Къ сожалѣнію, перевязочный пунктъ для лѣваго фланга такъ далекъ, что немыслимо мнѣ туда забраться, и сегодня я отправился въ румынскій перевязочный лазаретъ. Тамъ я засталъ уже очень немного раненыхъ,—всѣхъ уже отправили на Никополь въ Турнъ. Оставшіеся раненые лежатъ въ палаткахъ на цыновкахъ, подъ которыми положена была солома; рубашка въ крови не мѣнялась со дня раненія, съ 30-го августа. У румынъ бѣлья нѣтъ; перевязочныхъ средствъ, повидимому, тоже мало, потому они не сжигаются, а моются и идутъ снова въ дѣло. На румынскомъ перевязочномъ пунктѣ большое обиліе врачей: гдѣ я былъ—считали 22 врача, кромѣ которыхъ порядочное количество фельдшеровъ, санитаровъ; сестеръ совсѣмъ не было; вмѣсто нихъ—какая-то румынская знатная дама. Черезъ этотъ пунктъ съ 30-го августа прошло 730 раненыхъ. Я не вынесъ пріятнаго впечатлѣнія изъ румынскаго перевязочнаго пункта: сухо, жестко, казенно. Врачи выспавшіеся, сытые, вымытые; не то, что у насъ, гдѣ врачамъ приходится дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы очистить перевязочный пунктъ отъ постоянно нарастающей массы. Сегодня я еще не былъ на нашемъ пунктѣ; сейчасъ вернулся оттуда Ковалевскій и сообщилъ, что значительная часть уже вывезена. По дорогѣ на позицію и оттуда намъ пришлось ѣхать все время между шпалерами идущихъ и ѣдущихъ раненыхъ. Кто только раненъ въ руку—молилъ, чтобы его пустили пѣшкомъ и не задерживали бы; нѣкоторые даже съ ранами ногъ предпочитали идти пѣшкомъ, чѣмъ оставаться ждать подводъ. Тяжелый былъ видъ этихъ изувѣченныхъ, черезъ силу тащившихся въ Булгарени, въ разстояніи

30 верстъ отъ перевязочнаго пункта. По нераспорядительности администраціи солдаты, принесенные къ перевязкѣ 30-го августа вечеромъ, получили первую ѣду только 31-го вечеромъ, оставаясь болѣе двухъ сутокъ безъ ѣды; однѣ сутки дрались, а вторыя — лежали у перевязочнаго пункта. Сестры, врачи оставались на однихъ сухаряхъ, и все это благодаря тому, что не умѣли вѣ-время объ этомъ подумать. Вернувшись на позицію, я узналъ, что турки цѣлый день не сдѣлали ни одного выстрѣла изъ орудія, и всѣ изумлены были этимъ фактомъ, объясненіе котораго предоставлялось общей догадливости. Одни—оптимисты—говорили, что турки, оттѣснивъ Скобелева и освободивъ себѣ выходъ, уходятъ изъ Плевны; другіе—пессимисты — утверждали, что послѣ затишья начнется ожесточенная аттака на обоихъ флангахъ, и мы принуждены будемъ отступить. Другіе, наконецъ,—изъ среднихъ между оптимистами и пессимистами — утверждали, что турки разстрѣляли всѣ свои патроны и ждутъ подвоза новыхъ. До 4-хъ часовъ задача эта не разъяснилась, и мы уѣхали. Вотъ какъ мы воюемъ!? Завтра, кажется, не ѣдемъ на позицію—отдыхъ, который, впрочемъ, для меня теперь не нуженъ; мое время на позиціи послѣдніе два дня располагалось очень хорошо, благодаря близости перевязочныхъ пунктовъ; непріятныя мнѣ лица штаба главнокомандующаго при неудачѣ умѣютъ очень ловко скрываться, и я ихъ не видалъ совсѣмъ эти дни... По дорогѣ на позицію встрѣтилъ брата Верещагина—казака, съ которымъ мнѣ пришлось ѣхать изъ Россіи; онъ меня остановилъ и разсказалъ, что раненъ въ Бухарестѣ, а въ разговорѣ, между прочимъ, объявилъ мнѣ, что его

брата (не художника) зарубили черкесы. Послѣ этого сообщенія разговоръ продолжался дальше, какъ ни въ чемъ не бывало. Я знаю, что всѣ братья Верещагины дружно живутъ между собою, и такое сухое отношеніе къ смерти одного изъ нихъ можно объяснить только общей опасностью постоянно висящей на носу смерти...

Сейчасъ объявили, что идетъ курьеръ... Чѣмъ ближе подходитъ срокъ твой, тѣмъ тягостнѣе становится на душѣ, тѣмъ безотраднѣе глядишь на все окружающее. Я чувствую, что постепенно начинаю дѣлаться „брюнетомъ“ и теряю мои свойства „блондина“, а вернусь вѣроятно совсѣмъ брюнетомъ; я буду имѣть достаточное право на перемѣну цвѣта: я слишкомъ много пережилъ за это время скорби и досады, чтобы сохранить свои свойства блондина. Но не буду говорить объ этомъ, не буду растравлять своихъ ранъ, не буду прибавлять горя къ теперешнему положенію. Мы страдаемъ сравнительно меньше, чѣмъ цѣлыя массы, цѣлыя тысячи людей, оставшихся изувѣченными, потерявшихъ совсѣмъ безвозвратно своихъ сыновей, своихъ мужей, своихъ отцовъ! Исторія найдетъ виноватыхъ, исторія не будетъ молчать и откроетъ истину; а теперь пока Л., Н. и компанія будутъ благодушествовать и смѣяться надъ этой исторіей... Одинъ человѣкъ, на которомъ жестоко отразится эта страдная, невѣжественная кампанія—это Государь. Скорбь его дѣйствительно искренняя и горячая. Но знаетъ ли онъ, въ чемъ лежитъ причина всѣхъ этихъ погромовъ? Неизвѣстно. Его кругомъ обманываютъ, и кто же изъ спеціалистовъ рѣшится прямо и откровенно высказать свое мнѣніе; все окружающее не блеститъ такимъ гражданскимъ мужествомъ, которое бы давало право

говорить правду тамъ, гдѣ нужно. Семь дней ѣздили мы на позиціи и смотрѣли, какъ убивали нашихъ людей, и пришли, кажется, къ тому заключенію, что Плевну этимъ способомъ взять нельзя: надо вести медленную по всѣмъ правиламъ осаду, съ земляными работами и пр. Заключеніе это слѣдовало сдѣлать не только послѣ второй аттаки, но даже послѣ первой неудачи Шильдеръ-Шульднера. Но ни въ первой, ни во второй аттакѣ главноначальствующихъ не было, а присутствовавшимъ въ обоихъ дѣлахъ не вѣрилось; дѣло, въ которомъ выбываетъ до 20 тысячъ народа изъ строя, а штабъ остается съ нами, путешественниками, на курганѣ вдали отъ выстрѣловъ и даже не объѣзжаетъ позицій. Бо̀льшая часть посылаемыхъ ординарцевъ возвращались съ развѣдокъ, дѣланныхъ на благородной и почтенной дистанціи отъ турецкаго огня. На вопросъ Государя, много ли раненыхъ, былъ обыкновенно одинъ отвѣтъ: „неизвѣстно“; на вопросъ же: „ты видѣлъ раненыхъ?“ — „не видалъ“, — отвѣчала бо̀льшая часть ординарцевъ главнаго штаба, блестящаго своимъ серебромъ, но не всегда умомъ и храбростью.

Л. вздумалъ-было забраться на лѣвый флангъ къ Скобелеву и вздумалъ поучать, не зная совсѣмъ мѣстности цѣлой части лѣваго фланга; тогда Скобелевъ предложилъ ему съѣздить вмѣстѣ на позицію и крикнулъ подать лошадей генералу и свой значокъ. Л. отказался подъ предлогомъ, что ему надо спѣшить на правый флангъ. Кровь русскаго солдата не дорога этимъ легкомысленнымъ героямъ; одинъ ихъ разстрѣливаетъ и увѣчитъ, другой моритъ ихъ голодомъ, и всѣ вмѣстѣ очевидно морочатъ, и всѣ вмѣстѣ сваливаютъ вину на мало-

численность войска, въ чемъ яко-бы виноватъ Милютинъ. Эта кампанія тяжело отзовется на всей странѣ, и долго будетъ чувствоваться эта тяжесть. Въ концѣ концовъ утѣшительно только одно, что невѣжество и бездарность сотрутся и осязательно почувствуется значеніе знанія, ума и таланта. Россія не погибнетъ; она выйдетъ изъ этого затрудненія, но другіе дѣятели, другіе люди будутъ спасать ее. Сегодня, какъ я тебѣ сказалъ, на позицію мы не ѣдемъ, но отправимся, вѣроятно, въ Булгарени въ госпиталь...

XXXVII.

3-го сентября.

...Вчера были въ Булгарени—въ госпиталѣ, черезъ который проходятъ почти всѣ раненые подъ Плевной, хотя и говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ направляются и на Горный-Студень. Съ 31-го августа по 2-е сентября взошло въ госпиталь, устроенный на 600 человѣкъ, болѣе 5 тысячъ раненыхъ; до трехъ часовъ вчерашняго дня уже три тысячи раненыхъ переправились дальше въ Систово, мы же застали тамъ 2.300! Можешь себѣ вообразить эту картину поля съ 30 палатками (въ каждой палаткѣ 20 человѣкъ) и 2 тысячи слишкомъ народа, изъ котораго только 600 подъ крышей. Большая часть валяется около палатокъ, прося ѣсть или перевязки. Многіе не ѣли около полутора сутокъ,—все время переѣзда съ перевязочнаго пункта,—а нѣкоторые дня три оставались безъ перевязки. Въ госпиталѣ все хозяйство устроено только на 600 человѣкъ; десять врачей, работая день и ночь, конечно, едва

справляются съ больными, при помощи 20 сестеръ и нѣсколькихъ санитаровъ; госпитальные котлы, кухня отъ Краснаго Креста цѣлыя сутки въ работѣ, чтобы кормить людей, но скоро ли накормишь такую массу, медленно уменьшающуюся вслѣдствіе недостатка подводъ, на которыхъ можно было бы отпускать больныхъ дальше въ Систово и Зимницу. Результатомъ нашего вчерашняго посѣщенія было то, что откроется на промежуточной станціи лишній питательный пунктъ (въ Порадимѣ) и не будутъ повторяться случаи въ родѣ того, какъ на дняхъ цѣлый транспортъ больныхъ былъ брошенъ на дорогѣ болгарами, которые отпрягли своихъ воловъ и ушли съ ними въ поле, ссылаясь на то, что волъ, простоявши безъ корма сутки у перевязочнаго пункта, дойти до Булгарени не можетъ. На перевязочныхъ пунктахъ бросалась въ глаза кровь, а здѣсь выступающимъ явленіемъ былъ голодъ и запахъ отъ нечистыхъ ранъ. „Хотя бы добраться до машины!“—слышится въ разныхъ концахъ этого усѣяннаго страдальцами поля.—„Ваше благородіе, прикажите покормить!“ — Признаюсь, эта послѣдняя фраза горько отзывается и становится еще прискорбнѣе, если вспомнить, что вина этого лежитъ въ недостаточной организаціи. А на вопросъ Государя: „Ѣли ли вы?“—всѣ закричали въ одинъ голосъ: „Ѣли, в. и. в—во!“—„Хватаетъ ли у васъ перевязочныхъ средствъ?“—спрашиваетъ онъ главнаго доктора. — „Хватаетъ, в. и. в—во“. За полчаса до пріѣзда Государя мнѣ говорили, что едва-едва остается перевязочныхъ средствъ, — еще нѣсколько раненыхъ, и нечѣмъ перевязывать. Что же прикажешь дѣлать съ этимъ народомъ? Ч. при мнѣ сталъ упрекать Склифассовскаго, консультанта хирурга

булгаренскаго госпиталя, въ томъ, что онъ причиной такого скопленія раненыхъ въ этомъ пунктѣ; что, желая осматривать самолично каждаго больного, онъ, Склифассовскій, задерживаетъ кучу легкихъ, которыхъ могли бы безъ него перевязать сестры. Какъ я сказалъ прежде, это обвиненіе несправедливо: задерживаются больные недостаткомъ подводъ, а не медицинской помощью. Защищаясь, Склифассовскій высказалъ весьма печальное наблюденіе, сдѣланное имъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ сутокъ работы; оказывается, что очень много,—по словамъ Склифассовскаго, можно составить цѣлый полкъ изъ симулантовъ, т.-е. ранившихъ себя въ пальцы по примѣру храбраго сербскаго войска. По преимуществу эти храбрецы—изъ татаръ и евреевъ. Хотя это и человѣчно, но тѣмъ не менѣе очень печально, тѣмъ болѣе, что въ дивизіи Имеретинскаго 32% татаръ. Когда дивизія проходила черезъ Горный-Студень, то изъ нея поступило 180 человѣкъ больныхъ и всѣ сомнительнаго свойства; мы ихъ тогда считали уставшими; теперь же, встрѣчая татаръ съ раненными пальцами лѣвой руки, начинаешь невольно предполагать и другія причины. При бѣгломъ осмотрѣ раненыхъ дѣйствительно пальцевыя раны бросаются въ глаза. Нельзя этому однакоже удивляться: солдатъ видитъ въ туркахъ сильнаго и даже болѣе сильнаго врага; турки защищены окопами и имѣютъ громадное преимущество въ оружіи; ружье ихъ стрѣляетъ втрое чаще нашихъ и вдвое дальше. Какъ не озадачиться при этомъ ружейномъ трескѣ, выгоняющемъ изъ строя въ теченіе какихъ-нибудь пяти, шести часовъ чуть не десятокъ тысячъ людей!! При осмотрѣ госпиталя Государемъ вышла небольшая исторія: нѣсколько

сестеръ милосердія словесно просили Государя приказать выдать имъ жалованье (30 р. въ мѣсяцъ отъ военнаго министерства)... Неизвѣстно, что̀ изъ этого выйдетъ. Пока Государь ходилъ между ранеными по полю, румынскіе мужики, вѣроятно извозчики, тоже подошли съ чѣмъ-то; судя же по жестамъ и выраженіямъ лицъ— съ какими-нибудь жалобами и денежными претензіями. Послѣднее обстоятельство ужасно возмутило моего великорусскаго ямщика: „ишь подлый народъ! тутъ кровь, смерть, а они все денегъ хотятъ“. — Сейчасъ вернулся съ завтрака, на которомъ были всѣ наши герои—и главнокомандующій, и принцъ Карлъ, и Скобелевъ, и наконецъ донъ-Карлосъ. Скобелевъ ѣдетъ отдыхать въ Бухарестъ, потерявъ изъ своихъ 11-ти тысячъ штыковъ, кажется, 9 тысячъ. Главнокомандующій, а также и мы уже завтра отправляемся снова въ Горный-Студень. Наша западная армія, остающаяся подъ Плевной, будетъ держаться, окапываясь и подкапываясь. Вчера была тамъ драка съ румынами; турки были отбиты. На лѣвомъ нашемъ флангѣ, говорятъ, Сулейманъ соединился съ Мехметомъ-Али, и, по моимъ стратегическимъ соображеніямъ, только теперь и слѣдуетъ ожидать событій. По послѣднимъ вѣрнымъ извѣстіямъ съ полей битвъ подъ Плевной подобрано было раненыхъ 13.100 человѣкъ!? Число убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ и перебѣжавшихъ (были и такіе у Имеретинскаго) пока не приведено въ извѣстность. О самораненіяхъ, о перебѣжчикахъ не смѣютъ доложить; каждый, доносящій о потянномъ дѣлѣ, объ отступленіи съ громаднымъ уономъ, считаетъ долгомъ прибавить: „тѣмъ не менѣе, духъ войскъ отличный, люди отступали въ порядкѣ, съ

пѣснями". Какъ бы ни были храбры люди, какъ бы ни былъ хорошъ такъ называемый духъ арміи, но всѣ эти свойства должны поддерживаться удачами; при такихъ же условіяхъ, въ которыхъ мы до сихъ поръ находимся, когда куда ни сунемся, всюду насъ бьютъ, истощатся эти качества нашего солдата,—пропадутъ и храбрость, и стойкость. Сейчасъ опять отправляюсь въ госпиталь—что-то увижу утѣшительнаго?!

Вечеромъ. — Температура воздуха еще 15 гр.; не сыро, дышется пріятно, луна свѣтитъ, но на душѣ не свѣтлѣе отъ этого. Сегодня опять былъ въ госпиталѣ— и тѣ же сцены, что и вчера, тотъ же крикъ: „прикажите покормить, три дня не ѣлъ!"... „прикажите перевязать, три или четыре дня не перевязаны!"—такая же масса больныхъ на открытомъ воздухѣ безъ пристанища, какъ будто никто не притронулся къ этимъ несчастнымъ, а между тѣмъ сегодня 1.500 человѣкъ уже отправлены въ Систово, но на ихъ мѣсто прибыло столько же. Несчастные врачи ходятъ какъ одурѣлые и очевидно сбились съ ногъ. Правда, ѣды мало, но и это малое расходится безъ порядка; больные, съ ранами на рукахъ, съ здоровыми ногами, пробираются къ кухнѣ и выхлопатываютъ себѣ ѣду и при удачѣ получаютъ двойную, иногда и тройную порцію; безногіе остаются около сутокъ въ телѣгѣ безъ перевязки и безъ ѣды полтора сутокъ; организація, очевидно, неудовлетворительная. Склифассовскій занимается накладываніемъ сплошь и рядомъ гипсовыхъ повязокъ, вполнѣ увѣренный, что всѣ накормлены. Впрочемъ, надо отдать ему и его помощнику полную справедливость: въ теченіе

нѣсколькихъ дней, отъ 27-го августа по 3-е сентября включительно, они отпустили въ Систово около 6 тысячъ раненыхъ, а осталось ихъ 2.500 человѣкъ. Возмутительно и безсовѣстно со стороны администраціи наваливать такую работу на личный и матеріальный составъ одного госпиталя. Прокормленіе госпиталя идетъ отъ знаменитаго „товарищества“, которое морило съ голода наше войско, и теперь ему предоставлено морить и нашихъ больныхъ и раненыхъ. Товариществу неудобно, — оно и оставляетъ народъ безъ хлѣба и безъ сухарей; мяса хватаетъ. Странное явленіе: люди молятъ о хлѣбѣ въ странѣ, которая утопаетъ въ хлѣбѣ! Сегодня я прошелся по деревнѣ, которая буквально запружена скирдами хлѣба. Замѣчательно, что этотъ фактъ повторялся во всѣ наши многочисленныя турецкія войны; русскіе ни разу не съумѣли воспользоваться богатствами Болгаріи; скотъ, сѣно, хлѣбъ обыкновенно для насъ пропадали; нынѣшній разъ мы были, кажется, счастливѣе относительно скота: его рѣдко не хватаетъ и нерѣдко онъ даже въ избыткѣ, конечно по временамъ, когда отобьютъ какой-нибудь скотъ у турокъ, и когда одна рота дѣлаетъ подарокъ другой въ видѣ нѣсколькихъ воловъ или барановъ. Безъ сомнѣнія, не одному турецкому скоту достается отъ нашихъ солдатиковъ, — очевидно, и болгарскій скотъ обзывается иногда турецкимъ и таскается. Намъ разъ пришлось видѣть презабавную картину, какъ подъ вечеръ цѣлая масса болгаръ, женщинъ и мужчинъ, опрометью бѣжали по полю; мы долго не понимали причину этого проявленія жизни въ этомъ мало подвижномъ народѣ — и что же видимъ: вдали — пара овецъ, а въ сторонкѣ трое солдатиковъ, пробирающихся

къ стаду. Нельзя винить и солдата: части, прокармливаемыя „товариществомъ“, говорятъ, не получали ничего дня по два. Я писалъ тебѣ изъ Плоэшти, какъ поразилъ меня похудалый видъ солдатъ, проходившихъ черезъ Румынію; тогда я приписывалъ это жарамъ, но очевидно ошибочно: вліяніе „товарищества“ было вѣроятно болѣе сильно. Теперь мнѣ случается встрѣчать безсрочныхъ, догоняющихъ свои части и питающихся на счетъ „товарищества“—они значительно лучше питаны, имѣютъ такой цвѣтущій видъ, отъ котораго мы здѣсь уже отвыкли. Завтра, послѣ завтрака, отправляемся опять въ Горный-Студень въ экипажахъ, но нашъ обозъ двигается въ 7 часовъ утра; надо будетъ подняться въ 6 часовъ, чтобы сдать свою палатку и вещи и затѣмъ скитаться безъ пристанища до завтрака... Теперь уже бьютъ зорю; надо запастись паролемъ, а то не впустятъ на гумно, гдѣ наша столовая. Здѣсь при каждомъ домишкѣ большое гумно, и каждое хозяйство обнесено такимъваломъ, который можетъ служить защитой противъ сильнаго нападенія. Эти канавы кругомъ всей собственности обыкновенно глубже человѣческаго роста, и стѣнки ихъ совершенно перпендикулярны — перелѣзть, перескочить невозможно; у входовъ стоятъ всюду часовые съ требованіями пароля или пропуска... Итакъ, до Горнаго-Студня.

Горный-Студень, 4-го сентября.

Тяжелый день выпалъ на наши плечи: около трехъ часовъ было 28° въ тѣни, когда мы тащились въ нашей колескѣ по пыльной и крутой дорогѣ изъ Булгарени на Чаушъ-Махалу и Горный-Студень; въ пятомъ

часу добрались и сюда. Я былъ жестоко измученъ; скорбное настроеніе души въ теченіе всѣхъ этихъ дней меня просто подшибло; если могъ, то плакалъ бы какъ ребенокъ. Плевна со всѣми мерзостными ея аттрибутами, ежедневныя поѣздки въ булгаренскій госпиталь съ неизбѣжными жалобами больныхъ, что по полутора суток остаются безъ пищи, трое сутокъ безъ перевязки— все это порядкомъ растрепало мои нервы, которые наконецъ сегодня повліяли и на мои силы. Сегодня я опять былъ въ госпиталѣ съ Государемъ и, пріѣхавъ туда раньше часа на полтора, я могъ убѣдиться во очію, какъ нагло и безсовѣстно ему лгали.—„Ты когда прибылъ?“ — спрашиваетъ онъ одного съ окровавленной, вонючей перевязкой.—„Только сегодня“,—спѣшитъ отвѣтить главный врачъ; а я узналъ послѣ, что больной уже третій день изъ транспорта ждетъ своей очереди. Конечно, всего меньше можно винить врачей, на долю которыхъ пришлось за всѣ эти дни перевязать и отправить дальше около 7 тысячъ раненыхъ. Но зачѣмъ же морочить?!—Сегодня тамъ были и медицинскія власти, П., К. и другіе. — У васъ люди по полутора сутокъ остаются безъ ѣды, — говорю я П — у. „А въ ротахъ они остаются по *шести* сутокъ безъ ѣды и идутъ затѣмъ въ бой“, — отвѣчаетъ мнѣ П., въ мое успокоеніе и въ свое оправданіе. — Зачѣмъ вы не открыли еще госпиталя? развѣ возможно съ персоналомъ въ 10 человѣкъ пропустить всю эту массу раненыхъ? — „Спросите инспектора госпиталей К.,—отвѣчаетъ мнѣ П.:— онъ вамъ отвѣтитъ, что у него нѣтъ палатокъ для этихъ госпиталей; палатки только недавно были заказаны, и нѣкоторыя изъ нихъ еще до Бухареста не добрались“...

Однимъ словомъ, правы П. и К., „виновата кошка Машка“, какъ мы иногда утѣшали дѣтей въ былые годы. Всего болѣе виноватъ—это штабъ съ его затѣями подрядовъ. Сегодня, впрочемъ, я могъ себя утѣшить только тѣмъ, что кормёжка стала производиться правильно, что безногіе, привозимые на телѣгахъ и приконванные къ нимъ, получаютъ ѣду вмѣстѣ съ другими...

Въ то время, когда у меня на душѣ кипѣло негодованіе, скорбь, мнѣ начинаютъ предлагать *взглянуть* „интересныхъ“ больныхъ. — Погодите, я еще не опомнюсь отъ этихъ криковъ массы голодныхъ людей, у меня голова неспособна совмѣщать интересъ медицинскаго случая съ фактомъ истребленія людей — вслѣдствіе неряшества, злоупотребленія... Дайте опомниться, тогда и посмотрю ваши „интересные“ случаи, но прежде накормите неинтересныхъ... Теперь эти 7 тысячъ раненыхъ, разбитыхъ на партіи по 1000, по 1500, направлены всѣ въ Систово и Зимницу, и тамъ начнется то же мытарство, вытаскиваніе съ телѣгъ, сортировка раненыхъ, перевязка, голоданіе по суткамъ и болѣе. Сегодня четвертый день, что я смотрю на эти сцены, и ты повѣришь, что могутъ устать нервы... Меня подняли утромъ вмѣстѣ съ пѣтухами; еще до восхода солнца я былъ уже на ногахъ, а въ 6 часовъ на мѣстѣ моей палатки остался только квадратъ на землѣ, указывавшій на то, что здѣсь что-то квадратное стояло; благодаря вниманію Антона, на квадратѣ этомъ остались два пустыхъ ящика, которыми мы и пользовались, какъ стульями, до 11 часовъ...

5-го сентября.

Сегодня ждемъ курьеровъ — и легкаго, и тяжелаго; это дни нашихъ праздниковъ, — другихъ здѣсь нѣтъ, одинъ день какъ другой; рѣдко кто знаетъ, — что̀ сегодня — четвергъ или суббота; я обыкновенно не имѣю никакого понятія о дняхъ, твердо только знаю числа, потому что изо дня въ день бесѣдую съ тобою...

Умоляю меня простить всѣхъ моихъ друзей и пріятелей за то, что не пишу; тебѣ я пишу все, что знаю. Что можно, то ты читай всѣмъ, кто интересуется этимъ, удерживая про себя то, что для тебя. Друзей я помню и люблю, но писать рѣшительно не въ состояніи; если получаю отъ нихъ — такъ, какъ отъ Головина — письма, то глубоко и искренно имъ благодаренъ за память; но писать мнѣ хочется только тебѣ, я совершенно особенно настроенъ — и такъ, что могу быть сообщителенъ только съ тобою. Тебѣ выливаю я свою душу; выбери изъ нея что знаешь и давай другимъ, которыхъ я люблю...

XXXVIII.

6-го сентября.

Несмотря на то, что по термометру не холодно, а въ дѣйствительности такъ холодно, что я сижу въ палаткѣ въ пальто и въ шапкѣ. Съ нынѣшняго ранняго утра поднялся сильнѣйшій вѣтеръ не то съ юго-запада, не то съ юго-востока, — не разберешь, — иногда же врывается и въ сѣверную сторону палатки. Вѣтеръ такъ силенъ, что + 16 градус. недостаточны, зябнешь препорядкомъ...

Со вчерашняго дня въ Горный-Студень перебрался

главный штабъ. Подъ Плевной дѣлать нечего, тамъ идетъ правильная осадная работа, мы имъ, дескать, тамъ будемъ только мѣшать, здѣсь же—центръ всей позиціи, около которой будетъ располагаться армія. Кромѣ дѣла подъ Шипкой съ 400 ранеными, все тихо; вѣроятно ждутъ, что̀ будутъ дѣлать турки, такъ какъ нашихъ подкрѣпленій пришло еще недостаточно. Вчера заходилъ ко мнѣ главный интендантъ Кауфманъ, пріѣхавшій изъ Питера, чтобы приводить въ порядокъ интендантскую часть. Человѣкъ умный, безъ сомнѣнія... Товарищество онъ оправдываетъ, говоря, что безъ него, можетъ быть, было бы еще хуже; не допускаетъ возможности, чтобы солдаты по цѣлымъ днямъ оставались безъ ѣды, сваливая во многомъ вину на начальниковъ отдѣльныхъ частей. Напримѣръ, фуражъ натурой военачальники терпѣть не могутъ, предпочитая деньги, и т. д. Все это на меня произвело впечатлѣніе мало утѣшительное; врядъ-ли онъ въ состояніи поправить дѣло. На заявленіе моего удивленія, что люди здѣсь нуждаются въ хлѣбѣ, въ сѣнѣ, а Болгарія вся утопаетъ въ этомъ матеріалѣ—онъ далъ такое объясненіе: въ Болгаріи хлѣба не пекутъ, муки не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ зернѣ не можетъ быть употребленъ нами, мельницъ же здѣсь мало, а потому нужно везти хлѣбъ издалека. — Ну, послѣ такихъ аргументовъ я принужденъ убѣдиться, что для интендантскаго дѣла надо имѣть особую мозговую функцію, а не общую.— Сѣно нельзя косить, потому что не опредѣлено, кому оно принадлежитъ—болгарамъ или туркамъ!!.. Вечеромъ, уже послѣ обѣда, пріѣхалъ сюда Абаза для объясненій съ военными властями по поводу транспортовъ больныхъ изъ Яссъ. Анненковъ отъ военнаго министерства

въ Яссахъ дѣлалъ различнаго рода затрудненія, которыя Абаза думалъ удалить послѣ личныхъ объясненій съ министромъ; повелъ я Абазу къ Милютину, и тутъ при разговорѣ съ новымъ лицомъ я могъ убѣдиться, до какой степени всѣ мы стали нервны...

Дѣйствительно досадно было слушать, когда человѣкъ съ ужасомъ говорилъ о томъ, что раненыхъ и больныхъ перевозятъ въ вагонахъ безъ соломы, когда на нашихъ глазахъ раненыхъ тащатъ въ телѣгахъ по скверной дорогѣ и тоже безъ достаточнаго количества соломы, когда раненые по трое сутокъ остаются безъ ѣды. Положеніе наше невеселое; еслибы были еще однѣ только неудачи, такъ съ этимъ еще можно бы справиться; но бѣда наша въ томъ, что у насъ вѣра пропала въ то, что теперешній наличный составъ штаба въ состояніи что-нибудь сдѣлать. Это отсутствіе вѣры, мнѣ кажется, составляетъ самое тяжелое въ нашей теперешней жизни. Вчера побывалъ въ здѣшнемъ госпиталѣ; онъ биткомъ набитъ ранеными по преимуществу изъ-подъ Ловчи и отчасти только изъ-подъ Плевны, откуда всѣ 9.500 раненыхъ прошли почти исключительно черезъ Булгарени и оттуда въ Систово. За это время, что насъ здѣсь не было, госпиталь сильно измѣнился; несмотря на то, что больные въ палаткахъ, показалась вонь человѣчиной, вонь гноемъ; большая часть все тяжелые случаи; не отрадное впечатлѣніе производятъ эти уже истощенныя лица раненыхъ, лежащихъ нѣсколько недѣль въ госпиталѣ и прошедшихъ мытарства транспорта. Впрочемъ, содержаніе больныхъ, уходъ—очень порядочны. Врачи дѣлаютъ, что могутъ; не ихъ вина, что госпи-

тали въ Болгаріи вдвое меньше, чѣмъ слѣдуетъ даже по закону...

7-го сентября.

У насъ ночь была неважная; вчера цѣлый день сыро, вечеромъ темп. 12 гр., а подъ утро дошло до 8, затѣмъ поднялся вѣтеръ, и къ 12 часамъ, несмотря на 15 гр., было опять такъ холодно, что я сидѣлъ въ палаткѣ въ пальто, съ плэдомъ и въ шапкѣ—и жары не чувствовалъ. Ночью все теплое, что у меня есть, лежало на мнѣ...

За эти сутки ничего новаго; у насъ все въ унынiи, исключая Государя, который до такой степени сохраняетъ спокойствiе и даже по временамъ хорошее расположенiе духа, что, глядя на него, невольно и у насъ, грѣшныхъ, становится легче на душѣ. Вѣроятно же у него есть какiя-нибудь данныя, въ силу которыхъ онъ спокоенъ; вѣдь мы не все-же знаемъ; а можетъ быть и онъ не все знаетъ! Около него абсолютно никого нѣтъ, кто бы рѣшился высказать всю правду со всѣми ея подробностями. Послушаешь одного, послушаешь другого—и въ ужасъ приходишь отъ различныхъ соображенiй насчетъ кампанiи, если все пойдетъ старымъ порядкомъ. Но на вопросъ: „говорили ли вы это Государю?“—одинъ и другой даютъ одинъ отвѣтъ: „да какъ же говорить объ этомъ?“ Таковы наши люди, на которыхъ лежала бы прямая обязанность честно и прямо высказать свое мнѣнiе тамъ, гдѣ слѣдуетъ; мнѣнiе этихъ людей, спецiалистовъ своего дѣла, имѣло бы вѣсъ и значенiе у Государя. Эти люди могли бы фактически доказать несостоятельность теперешняго управленiя арміи; они бы имѣли данныя доказать необходимость самыхъ существенныхъ перемѣнъ. Государь, какъ честный че-

ловѣкъ, не выноситъ интригъ, не выноситъ клеветы, но онъ горячо желаетъ добра и настолько опытенъ и знающъ въ дѣлахъ управленія, что честная, прямая и разумная рѣчь не можетъ остаться безъ вліянія на его рѣшеніе. Я не сомнѣваюсь ни въ честности, ни въ разумности нѣкоторыхъ изъ окружающихъ, но придворная жизнь убиваетъ одно изъ дорогихъ человѣческихъ свойствъ, это—*прямоту*. Инстинктъ придворнаго самосохраненія каждому подсказываетъ: молчи, пока тебя не спросятъ; отклоняйся отъ прямыхъ отвѣтовъ, да благо ти будетъ.— Сейчасъ вышелъ отъ меня И.—счастливецъ, захворалъ еще въ Бѣлѣ лихорадкой, и она уже не разъ у него повторялась, что́ дало Государю мысль предложить ему перемѣнить воздухъ и ѣхать въ семью; онъ очень счастливъ: повидимому онъ любитъ свою семью, а кромѣ этого его положеніе здѣсь не очень веселое; ему нерѣдко приходится чувствовать упрекъ, что онъ, между прочимъ, втянулъ Россію въ войну, что онъ не далъ настоящихъ свѣденій о силахъ Турціи, объ ея вооруженіи, которое оказалось гораздо лучше нашего, и пр. Жаль этого человѣка; я не сомнѣваюсь въ его честномъ и „національномъ“ направленіи, онъ образованъ, способенъ, но... не понимаю.

Такъ какъ никто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о планахъ Государя относительно отъѣзда, то, конечно, всякій маленькій фактъ ведетъ къ тому или другому заключенію объ отъѣздѣ. Сегодня, вѣроятно по случаю холодной ночи, о которой я говорилъ Государю, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы было теплое платье людямъ. Сейчасъ же заговорили, что остаются на зиму... И. получилъ свой отпускъ; онъ тоже предполагаетъ, что

останутся здѣсь долго. Но все это, какъ онъ сказалъ, вилами по водѣ писано. Я не теряю надежды, но, признаюсь, она почти рушилась относительно пріѣзда къ концу сентября; теперь я думаю, что дальше октября невозможно будетъ оставаться. Когда нашъ третій урокъ подъ Плевной не удался, то, конечно, мои первые разсчеты выбраться въ концѣ сентября рушились; я пережилъ тяжелые дни вслѣдствіе глубокаго горя — горя моей родины. Теперь я какъ-то черствѣю; у меня на сердцѣ злоба, но безсильная, безпомощная. Я злоблюсь на легкое отношеніе къ дѣлу у нашего брата русскаго человѣка, на недостатокъ серьезности нашихъ военныхъ, гоняющихся бо̀льшею частью за внѣшнею стороною дѣла. Кто ѣздитъ хорошо верхомъ, тотъ и считаетъ себя способнымъ командовать цѣлыми частями; кто же изъ этихъ господъ занимался научно этимъ дѣломъ? Окончивъ курсъ въ училищѣ, врядъ-ли многіе изъ нихъ заглядывали въ спеціальныя военныя книги... Я увѣренъ, все-таки, что въ арміи найдется и другой родъ людей!..

Теперь вѣтеръ стихъ, и я больше не зябну, а когда былъ въ госпиталѣ, такъ даже дошло до испарины, солнышко припекало.—Не знаю, насколько правда (слышалъ отъ И.), что рекогносцировка Плевны по третьему даже разу была такъ плохо сдѣлана Л., что теперь только нашелся какой-то хребетъ на нашей правой сторонѣ, по которому можно было свободно пройти до Плевны, захватить всю армію Османа. Очень вѣрно выразился одинъ изъ здѣшнихъ сострадальцевъ: первое дѣло подъ Плевной было неосторожностью; второе—ошибкой, третье — преступленіемъ. Таково убѣжденіе наибольшей части здѣсь живущихъ. Конечно, въ нашей квартирѣ на той сторонѣ вѣроятно

проповѣдуется что-нибудь совершенно другое. Тамъ, повидимому, недостатокъ числа войска съ самаго начала приводятъ какъ главный защитительный пунктъ; а затѣмъ идутъ побочныя причины неудачъ, между которыми фигурируетъ, кажется, наше присутствіе, которое якобы мѣшаетъ, стѣсняетъ и пр. Прости меня, что я переживаю всю эту исторію, но что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; кампанія эта съ ея неудачами нанесла мнѣ глубокія и тяжелыя раны...

Къ счастью, стихло, ночь свѣтлая; на ночь не погашу свѣчей; это все-таки грѣетъ воздухъ; когда же соберутся въ палатку двое, трое, то становится почти жарко...

8-го сентября.

Холодно было съ вечера, подъ утро однако нашли облака, стало потеплѣе, посырѣе, пошелъ дождь, и Рылѣевъ, мой сосѣдъ по палаткѣ, услыхавъ мой утренній кашель, началъ мило интриговать, чтобы выжить меня изъ палатки и помѣстить безопасно подъ крышей; часамъ къ одиннадцати почти силой взяли все мое добро и перетащили въ болгарскій домъ, который только-что очистился вслѣдствіе отъѣзда И., и теперь я на квартирѣ, въ двухъ минутахъ отъ нашего общаго бивуака, подъ соломенной изъ кукурузы крышей; домъ мой состоитъ изъ двухъ комнатъ; первая темная, съ большимъ каминомъ, гдѣ происходитъ у болгаръ стряпня, и вторая комната съ небольшимъ окномъ, конечно безъ стекла, съ деревянными перекладинами; первая комната такъ низка, что надо согнуться почти на половину своего роста, а вторая, моя жилая, не позволяетъ вытянуться мнѣ во весь ростъ; здѣсь, слѣдовательно, я обреченъ

постоянно ходить съ поникнутой головой и не разгибаться, но зато стѣны не пропускають ни дождя, ни вѣтра, онѣ выстроены изъ здѣшняго матеріала, т.-е. изъ необожженыхъ глиняныхъ кирпичей, приготовляющихся вмѣстѣ съ соломой; снаружи и внутри смазываются все той же глиной; говорятъ, домъ старый, стоитъ сто лѣтъ; кругомъ меня въ различныхъ подобныхъ же домикахъ помѣщается нашъ различный служебный людъ и кое-кто изъ свиты. Въ скверную погоду, которая, кажется, солидно установится, такое помѣщеніе, конечно, несравненно лучше; въ хорошую же погоду здѣсь жить было бы великимъ наказаніемъ, хотя здѣсь не такъ жарко, какъ въ палаткѣ, благодаря крышѣ и толстымъ стѣнамъ. Вида изъ оконъ, конечно, никакого; на первомъ планѣ какой-то плетень, а дальше холмъ, на которомъ стоитъ нашъ бивуакъ, но его не видно. Особенно выиграли Антонъ и казакъ, которымъ въ рогожныхъ шалашахъ, вѣроятно, было невыносимо скверно. При этой дурной погодѣ въ палаткѣ мнѣ приходилось тоже не очень-то весело; кромѣ скверныхъ холодныхъ ночей, я страдалъ и днемъ отъ недостатка свѣта: поднять портьерку палатки—холодно; открыть только одно окно—такъ темно, что трудно даже писать; чтеніе шло еще труднѣе. Сегодня праздникъ, и я былъ въ церкви, которая очень красиво стоитъ на вершинѣ холма, на другой сторонѣ отъ нашего бивуака; церковь бѣдная и устроена годной къ службѣ уже нами; пять человѣкъ пѣвчихъ, вѣроятно также оторванныхъ отъ своихъ семействъ, поютъ съ большимъ чувствомъ; въ нихъ меньше той придворной рутины, которую мнѣ пришлось слу-

шать въ Ливадіи; нѣкоторые нумера были выполнены прекрасно...

М. А. Б. прежде всего должна, мнѣ кажется, получить разрѣшеніе отъ гр. Гейденъ; съ этимъ она пріѣдетъ, и лучше всего пусть бы устроилась при Георгіевской Общинѣ у Карцевой; здѣсь ей будетъ самая симпатичная обстановка. Но если М. А. Б. услышитъ мой голосъ, то не посовѣтовалъ бы я ей предпринимать это тяжелое дѣло: война не въ Европѣ; азіатская культура здѣшняго края тяжело отзывается на нашихъ силахъ; удобства жизни никакого; врачи нерѣдко спятъ въ открытомъ полѣ безъ всякой крыши; на перевязочныхъ пунктахъ подъ Плевной сестры едва могли достать солдатскихъ сухарей. Время года съ каждой недѣлей будетъ увеличивать всю эту тяжесть. Покойнѣе работать у Рихтера въ Румыніи, или у Абазы въ Яссахъ, или въ Кишиневѣ... Повторяю, нужны большія силы или привычка, чтобы биться здѣсь и работать съ больными. Биткомъ набитые госпитали, вонючіе, много берутъ силы, не говоря уже о нравственныхъ мукахъ вслѣдствіе сознанія безпомощности своего положенія. Ты можешь нарисовать комфортъ здѣшней жизни, если разскажешь про мое житье, а оно въ сравненіи съ другими является царскимъ комфортомъ. Мнѣ приходится выбирать: или жить подъ тряпочками сырыми (въ 3 ч. 10 гр. тепла), или помѣститься въ хатѣ, гдѣ я не могу вытянуться во весь ростъ, съ окномъ безъ стекла, съ дворомъ, гдѣ свиньи, утки, куры составляютъ преобладающій элементъ. Сестры здѣсь при госпиталѣ, въ числѣ десяти, помѣщены въ юртѣ, въ которой полагается класть не болѣе восьми больныхъ. Вчера при мнѣ въ желѣзномъ ведрѣ

имъ принесли щей, въ другой кострюлѣ—котлеты рубленныя, битки, въ третьей кострюлѣ—картофель жареный. Все это холодно, невкусно; ѣсть это нужно сидя на пустыхъ ящикахъ и держа тарелку въ одной рукѣ, а другою справляться вмѣсто вилки. Это еще въ Горномъ-Студнѣ, гдѣ удобства сравнительно чуть не большого города; отъ Систова, отъ нашего Парижа, мы только въ 30 верстахъ съ небольшимъ. Не буду говорить о работѣ, которая по временамъ превосходитъ человѣческія силы и требуетъ большого напряженія, чтобы одолѣть трудъ, тамъ на перевязочныхъ пунктахъ, или тамъ, гдѣ съѣзжаются раненые съ различныхъ пунктовъ. Люди остаются и безъ ѣды, и безъ перевязки по суткамъ и болѣе; все это кричитъ, стонетъ, умоляетъ о помощи. Какія силы нужны, чтобы все это выдержать, чтобы не надорваться! Относиться же ко всему этому съ спокойствіемъ и равнодушіемъ привычнаго человѣка М. А.— не въ состояніи...

XXXIX.

9-го сентября.

Новостей никакихъ; все пережевываютъ плевненскую исторію; каждый день открывается какая-нибудь новая подробность. — Когда 31-го августа мы пріѣхали на нашъ курганъ, мы узнали, что турки поставили за ночь новый редутъ, чуть не сильнѣе взятаго! Всѣ подивились такой быстрой работѣ; И., по обычаю, заявилъ, что онъ всегда говорилъ, что турки замѣчательно быстро работаютъ лопатой. Теперь оказывается, что этотъ редутъ былъ и прежде, но при рекогносцировкѣ его не *при-*

мѣтили!!! Это вѣдь преступные люди! Результатомъ этого являются такого рода разсказы, какъ я сегодня слышалъ отъ К. Б.; онъ работалъ во Фратештѣ и говоритъ, что легко раненые не рвутся, какъ прежде, къ своимъ частямъ, а просятся дальше; офицеры считаютъ себя обиженными въ наградахъ; ординарцы же получаютъ кресты; а они—ничего, или очень мало и т. п.

XL.

10-го сентября.

Вчера я долго не ложился спать; ночь была чудная, лунная, теплая: мнѣ не хотѣлось входить въ свою мрачную хату, гдѣ нужно гнуться въ три погибели, и я долго гулялъ. Всѣ огни въ Горномъ-Студнѣ были погашены; все спало, исключая часовыхъ и лающихъ и завывающихъ собакъ: изрѣдка только пролетала съ визгомъ какая-то хищная ночная птица и исчезла только тогда, когда наконецъ захватила и унесла какую-то маленькую птичку, спавшую на деревѣ. Ночь была настолько свѣтла, что вся эта сцена была видна, и она сдѣлала на меня чрезвычайно непріятное впечатлѣніе,—хотя это явленіе и составляетъ обыденный, ежеминутный фактъ на нашей планетѣ. Но до сихъ поръ еще звучитъ у меня въ ушахъ жалобный пискъ пичужки и торжествующій визгъ хищника... Для спанья мое теперешнее помѣщеніе не скверное, воздухъ не дурной, сухой, теплый настолько, что вчера я въ первый разъ послѣ многихъ дней позволилъ себѣ удовольствіе лечь совершенно раздѣтымъ. Заниматься въ этой комнатѣ невыносимо: низкій потолокъ тамъ и давитъ, выпря-

миться невозможно безъ опасности разбить себѣ голову, и вчера я уже выхлопоталъ себѣ на дворъ мою палатку, гдѣ и провожу весь мой день, съ тѣхъ поръ, какъ стало тепло. Дворикъ мой не очень блеститъ чистотой, какъ и всѣ болгарскіе дворы; двѣ свиньи, повидимому, цѣлый день заняты очищеніемъ моего дворика и сегодня раза два порывались войти въ мою палатку, но, къ счастью, понимаютъ русское: „вонъ!“ отъ котораго онѣ быстро исчезли. Два большихъ пса лѣниво слѣдятъ за чистотой дворика, подбирая только свѣжее; такъ, не успѣлъ болгаринъ зарѣзать пару куръ, какъ явились уже псы подлизать пролитую чуть не по серединѣ двора кровь. Рядомъ съ моимъ дворомъ — тоже дворикъ, но обитатели его, лошади и волы, являются съ поля только на ночевку, днемъ ихъ нѣтъ. М. помѣщается на общемъ дворѣ со мною, въ старой И—ой хатѣ, рисунокъ которой я тебѣ и посылаю. Птицъ у нашего хозяина мало, осталось только нѣсколько утокъ; очевидно, остальное все продано на нашу кухню. Семьи хозяина я не вижу; она живетъ въ подземельѣ подъ моей комнатой и состоитъ, кажется, изъ мужа, котораго цѣлый день нѣтъ дома, изъ жены, которая не выходитъ изъ подземелья, и маленькой дочки лѣтъ двухъ, красиваго бѣлокураго ребенка съ большимъ животомъ и лихорадочнымъ видомъ. М. цѣлый день нѣтъ дома; свита помѣщена довольно далеко, и вслѣдствіе этого я наслаждаюсь самымъ идеальнымъ одиночествомъ. Сегодня послѣ завтрака я выбиралъ для тебя фотографіи, которыя и пошлю вѣроятно съ этимъ же курьеромъ. Не взыщи за выборъ; онъ очень труденъ: фотографъ гоняется, повидимому, болѣе за портретами, чѣмъ за

мѣстнымъ колоритомъ. Здѣсь очень много оригинальнаго, просящагося на рисунокъ, но выборъ фотографа чрезвычайно безсмысленъ. Я вырылъ изъ его коллекціи все, что только было возможно, что немного характеризуетъ нашу жизнь, нашу обстановку...

Сегодня здѣсь много тревожныхъ слуховъ, но, кажется, еще ничто не вѣрно. Говорятъ, что Мехмедъ-Али напираетъ на Шаховского и силится прорвать оборонительную линію и отрѣзать Шаховского отъ Наслѣдника; съ другой стороны, толкуютъ, что къ Плевнѣ подходитъ Сулейманъ-паша, что Шипка будто не въ состояніи долго держаться. Однимъ словомъ, отовсюду дрянные слухи, но утѣшительно, что только слухи, а не извѣстія. Сейчасъ пришелъ изъ госпиталя; новыхъ раненыхъ подвозятъ изъ-подъ Плевны уже въ незначительномъ количествѣ, но за то число больныхъ, повидимому, увеличилось за эти скверныя, холодныя, сырыя ночи. Не мало случаевъ, и даже тяжелыхъ, кроваваго поноса; остальные все лихорадочные. Здѣсь оставляютъ только тяжелыхъ; легкихъ же, накормивши, отправляютъ дальше. Пробовалъ сегодня ѣду въ госпиталѣ и нашелъ ее очень порядочной. Мухи такъ надоѣдаютъ, что не могу писать. Во время этихъ холодныхъ дней эти пристающія къ человѣку насѣкомыя почти исчезли, устроившись и окоченѣвши на потолкахъ и другихъ теплыхъ уголкахъ; при первомъ тепломъ днѣ, какъ вчера, онѣ ожили и сегодня явились въ ужасающихъ размѣрахъ.

11-го сентября.

Сегодня я всю ночь провоевалъ, былъ на какомъ-то ужасномъ сраженіи, гдѣ цѣлая масса раненыхъ была

не убрана, и я непомѣрно кипятился, скакалъ изъ одной стороны въ другую, требуя, чтобы ихъ убрали, но никто меня не слушалъ... Дня три назадъ, во время холодной погоды, Государь, котóрый, въ общей сложности, себя очень хорошо чувствовалъ все время, простудился, осипъ и сталъ кашлять. На второй же день, однако, стало гораздо лучше, и онъ, конечно, не спросивъ меня, надѣлъ китель и отправился въ госпиталь, стоялъ въ сквозникахъ, ходилъ по всѣмъ палатамъ и съ нынѣшней ночи залихорадилъ. Я ему не совѣтую ѣхать къ обѣднѣ, боясь, что сдѣлается съ нимъ дурно во время стоянія; не слушаетъ, говоритъ: „ничего, выдержу“. Онъ сталъ теперь очень своенравенъ: если ему камердинеръ совѣтуетъ надѣть теплое пальто, онъ непремѣнно надѣнетъ холодное—и такъ постоянно во всемъ, что касается здоровья. Въ общей сложности онъ меня слушаетъ, но рѣдко безъ протеста. Пишу тебѣ объ этомъ, чтобы ты болѣе ясно могла обрисовать мое теперешнее нравственное настроеніе, которое все болѣе и болѣе дѣлаетъ меня, какъ я разъ сказалъ,—„брюнетомъ“. Здѣсь я съ утра обыкновенно „брюнетъ“, только къ вечеру нѣсколько разгуливаюсь и пріобрѣтаю прежнія свойства „блондина“. Вчера въ такомъ настроеніи я пригласилъ къ себѣ послѣ обѣда Ковалевскаго; устроились мы на воздухѣ, и онъ сталъ мнѣ читать газеты. Тутъ же я знакомился съ нравами моей болгарской семьи; которая, наконецъ, вся цѣликомъ вылѣзла изъ своего подвала и расположилась у входа. Оказалось, что въ семьѣ еще старуха 80-ти лѣтъ, мать хозяина, и затѣмъ дочка 9-ти лѣтъ—красивые ребятишки, турецкаго типа; жена

хозяина старше мужа, ей 50 лѣтъ. Хозяинъ разложилъ свои одѣяла, легъ, а бабы съ дѣтьми усѣлись около него; разговоръ у нихъ не вязался; очевидно, наше чтеніе вслухъ имъ мѣшало,—они безпрестанно вслушивались и время отъ времени радостно подхватывали и повторяли какое-нибудь знакомое имъ слово, которое вырвутъ изъ нашего чтенія. Проведя около часа времени вмѣстѣ, они разошлись, не прощаясь; ушла прежде жена съ ребенкомъ, затѣмъ старуха-мать отошла, помолилась и легла на землю, подстеливъ подъ себя какую-то тряпичку, затѣмъ и хозяинъ всталъ, снялъ съ себя жилетъ, поясъ, шапку, помолился и завернулся въ одѣяло съ намѣреніемъ уже серьезно спать. Въ подвалѣ они не спятъ, а проводятъ только день. Вчера только наконецъ я узналъ, что крыша нашего дома покрыта не кукурузной травой, а чѣмъ-то въ родѣ тростника, который накладывается на черепицу; это защищаетъ и отъ жара, и отъ холода, и отъ дождя. Просидѣвъ до $9^1/_2$ у себя на дворѣ, мы отправились къ общему чаю въ палатку. Вечеромъ обыкновенно собираются не въ полномъ комплектѣ; казачьи офицеры отсутствуютъ, предпочитая вечерній чай пить дома съ коньякомъ въ количествѣ непридворномъ; нѣкоторые изъ блестящей свиты собираются вечеромъ на той сторонѣ у маркитанта Вел. Князя, гдѣ за двойную и тройную цѣну получается и рюмка мадеры, и бутылка шампанскаго, и гдѣ разговоръ можетъ вестись не вполголоса, какъ у насъ. Я никогда не манкирую на этихъ чаяхъ: тутъ единственное для меня мѣсто услышать новости дня; часто къ этому времени приходятъ телеграммы, которыя

и читаются вслухъ. Оказывается, что дѣйствительно идутъ подкрѣпленія къ туркамъ въ Плевну; вчера вечеромъ Зотовъ прислалъ донесеніе, что кавалерія его имѣетъ дѣло; слышны выстрѣлы, но результаты неизвѣстны. За обѣдомъ были телеграммы, что турки, напиравшіе на фланги Шаховского — отражены: у насъ потеря 300 ранеными, подробности неизвѣстны. Очевидно, въ арміи отъ мала до велика большое неудовольствіе начальствующими... У офицеровъ, конечно, главная причина неудовольствія — несправедливость наградъ; мальчуганы-ординарцы, пріѣзжающіе на нѣсколько часовъ и остающіеся здѣсь за кустиками или за каменьями,—почему и получили прозвище „закаменскихъ“, —получаютъ кресты, а люди, проведшіе цѣлые мѣсяцы безъ сна, въ усиленныхъ трудахъ, подъ пулями, получаютъ какую-нибудь тощую награду, которая сплошь да рядомъ придетъ мѣсяцами двумя позднѣе и нерѣдко уже не застаетъ въ живыхъ того, кому назначена, или найдетъ его гдѣ-нибудь въ госпиталѣ безъ руки и безъ ноги. Старое начальство на Шипкѣ переранено или убито; остаются исправляющіе ихъ должность начальники дивизій, бригадные, въ ожиданіи пріѣзда симпатичныхъ, а слѣдовательно и способныхъ людей изъ Питера!! Начальникъ корпуса Р., лично храбрый человѣкъ, но безпечный, значительную часть дня проводитъ за картами въ компаніи симпатичныхъ ему людей! Къ нему вечеромъ являются за приказаніями съ позиціи—„да какія же приказанія, все по старому!“ Поэтому, конечно, при такомъ бездѣйствіи ничего особаго на Шипкѣ не предпринимается, идетъ дѣло старымъ порядкомъ, день и ночь постоянно въ напряженномъ состояніи; однѣ

и тѣ же части войскъ въ ожиданіи аттакъ, или усиленнаго огня, противъ котораго не принимаютъ никакихъ мѣръ. На перевязочныхъ пунктахъ подъ Шипкой недостатокъ въ перевязочныхъ средствахъ, медикаментахъ; въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ не хватаетъ самыхъ необходимыхъ лекарствъ и т. д. въ этомъ родѣ. Подобные разсказы, къ сожалѣнію, не одиночные. Кто только имѣетъ языкъ, не привязанный къ зубамъ какимъ-нибудь обстоятельствомъ его жизни, и имѣлъ случай видѣть вблизи всю эту современную исторію, тотъ говоритъ приблизительно въ одномъ духѣ.—Крымская война насъ недостаточно выучила,—прибавляетъ бо̀льшая часть разсказчиковъ. Воровство идетъ если не такое же, то сильнѣе прежняго, по крайней мѣрѣ болѣе гарантирующее воровъ, чѣмъ прежде...

XLI.

12-го сентября.

Государь все боленъ; вчера и нынче утромъ былъ безъ лихорадки, но съ одиннадцати часовъ сильный знобъ, во время котораго температура достигла до 39, а теперь вѣроятно подошла къ 40: схватилъ какъ слѣдуетъ настоящую здѣшнюю форму. Въ Горномъ-Студнѣ при рецидивахъ ни въ какомъ случаѣ оставаться будетъ непозволительно, да и вся эта придунайская мѣстность будетъ нездоровымъ мѣстопребываніемъ. Поговариваютъ о переведеніи нашей квартиры въ Систово; конечно, мы всѣ тамъ выиграемъ относительно помѣщенія, но тамъ все-таки такая же лихорадочная мѣстность, какъ и здѣсь.

Погода все еще не имѣетъ намѣренія установиться; барометръ по здѣшнему все низокъ; дуетъ съ юго-запада вѣтерокъ, который и наноситъ намъ дожди и отъ нихъ холодныя ночи. Въ арміи много больныхъ лихорадками и кровавыми поносами; одѣты они всѣ плохо, холодно, сапоги обносились, теплыхъ вещей еще нѣтъ, помѣщены подъ открытымъ небомъ въ сырости, ѣдятъ и пьютъ подъ-часъ всякую дрянь; зимой много бѣднягъ погибнетъ при этой обстановкѣ. Къ счастью, что смертность отъ теперешнихъ болѣзней не велика. Сегодня слышалъ, что штабъ разрѣшился вопросомъ о постройкѣ бараковъ для больныхъ на зимнее время и назначилъ для этого нѣсколько пунктовъ въ Болгаріи; еще не успѣлъ узнать подробно, на сколько и пр. Авось не будетъ повторяться тяжелая исторія переполненій и закупориваній госпиталей, какъ это было теперь каждый разъ почти послѣ большихъ дѣлъ. Сегодня услыхалъ, что молодой врачъ П.—главный докторъ въ Систовѣ — справлялся, справлялся съ наплывавшими на него массами раненыхъ и голодныхъ изъ-подъ Плевны—да и заблагоразсудилъ покончить разомъ свои мученія—повѣсился, окончательно ободренный на этотъ поступокъ какимъ-то крикливымъ генераломъ, вздумавшимъ распекать этого несчастнаго доктора, который, между прочимъ, былъ на самомъ лучшемъ счету. Вчера за чаемъ узналъ новость, что въ Плевну со стороны виддинской дороги прорвалась цѣлая колонна турокъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, тысячъ изъ 15 человѣкъ; на дорогѣ стояла наша кавалерія, которая, конечно, не могла помѣшать. Сегодня съ ранняго утра вдали выстрѣлы, но очевидно не изъ Плевны, откуда было извѣстіе отъ 9-ти часовъ сегодня, что тамъ все

спокойно и тихо; полагаю, что это въ Ловчѣ; въ штабѣ, однако, ничего неизвѣстно. Телеграфъ, почта представляютъ такія же печальныя явленія неурядицы, какъ и остальныя части всего здѣшняго управленія. Конечно, дѣло кончится тѣмъ, что все это смѣнится, но когда и кѣмъ замѣнятся всѣ эти неудачныя лица? Этотъ вопросъ для каждаго представляетъ величайшій интересъ и трудную задачу для разрѣшенія. Одно время многіе говорили, что возьметъ командованіе самъ императоръ, и нѣкоторые ждали отъ этого много пользы, тѣмъ болѣе, что при этомъ составъ штаба, eo ipso, долженъ бы былъ измѣниться. Но этого, по моему мнѣнію, желать не слѣдуетъ: дѣла трудныя; Государь возьмется за нихъ съ большой добросовѣстностью, что̀ будетъ требовать большой траты силъ и что не можетъ дѣйствовать благотворно на его здоровье, особенно теперь, когда онъ утомленъ этими тремя мѣсяцами походной, бивуачной жизни и шестинедѣльными неудачами нашихъ военныхъ дѣйствій. Вѣдь съ 8-го іюля до сихъ поръ, можно сказать, ни одной ободряющей новости. Теперь же, схвативъ настоящую здѣшнюю лихорадку, Государь, оставаясь въ здѣшней мѣстности, при непривычкѣ держать себя сообразно требованію извѣстной гигіены, вѣроятно будетъ расположенъ больше, чѣмъ кто другой, къ возвратамъ пароксизмовъ, и благоразумнѣе будетъ, мнѣ кажется, требовать уѣхать отсюда прежде, чѣмъ не разстроится окончательно здоровье. Вчерашній пароксизмъ былъ довольно силенъ, темп. дошла до 40°, къ вечеру упала ниже нормы, ночью однако сонъ былъ тревожный, но до сихъ поръ пароксизмъ еще не начинался; вчера было дано уже 30 гранъ хинной соли; сегодня, если прой-

деть благополучно день, то дамъ 20 гр. Погода на нашу бѣду самая ужасная: съ 3-хъ часовъ до полун. идетъ безостановочно дождикъ, сыро, ноги скользятъ и разъѣзжаются: безъ палки трудно двигаться,—такъ и скатываешься при малѣйшей возвышенности. Сегодня я уже и не думаю о томъ, чтобы работать въ палаткѣ — до такой степени въ ней непріятно—и предпочитаю оставаться въ своей комнатѣ; мирюсь и съ казематовымъ окномъ, и съ невозможностью выпрямиться, сидѣть хорошо,—за то подъ ногами нѣтъ этой жижи, по бокамъ не висятъ мокрыя тряпки; какъ я счастливъ, что устроился въ этомъ помѣщеніи, въ которомъ въ эту погоду миришься охотно со всѣми ея неулыбающимися сторонами. Сегодня на мнѣ двойные шерстяные чулки, длинные сапоги, ноги покрыты плэдомъ, но, сидя даже въ своей мазанкѣ, нисколько не чувствую излишней теплоты. Что же бы было въ палаткѣ—спать и коротать день? Каково войску! Каково нашему унтеръ-штабу, помѣщающемуся подъ экипажами, между навозными и сѣнными кучами! Слухъ или, лучше, извѣстіе о томъ, что въ Плевну ворвалась турецкая колонна изъ 15 тысячъ человѣкъ, начинаетъ покрываться паутиной, вырабатываемой штабными пауками; говорятъ теперь, что не колонна, а двѣ тысячи повозокъ съ чѣмъ-то; другіе же утверждаютъ —не двѣ тысячи, а только двѣсти; у насъ цѣлый день вчера слышна была канонада—штабъ утверждаетъ, что вездѣ „тихо и спокойно“, а это вѣроятно пробуютъ орудія въ Систовѣ. Можетъ быть все это и такъ, но никто больше не вѣритъ въ показанія штаба, и нерѣдко услышишь: „врутъ! все ложь, обманъ!“ Штабные утверждаютъ, что потери подъ Плевной уже всѣ пополнены

—и то же восклицаніе! Между обѣими квартирами, понятно, самыя натянутыя отношенія продолжаются; по собственному желанію никто оттуда къ намъ не пойдетъ, и отъ насъ, конечно, никто не вздумаетъ прогуляться на ту сторону, развѣ нѣкоторые любители ресторановъ приманятся маркитантомъ той квартиры,—у насъ совсѣмъ нѣтъ такого рода заведенія. При такихъ отношеніяхъ обѣихъ квартиръ, конечно, идутъ сплетни, и, безъ сомнѣнія, главнокомандующему приходится слышать отъ своей молодежи различныя замѣчанія и соображенія, дѣлаемыя на этой сторонѣ рѣки, что́, вѣроятно, объясняетъ то, что когда главнокомандующій пріѣзжаетъ на наши завтраки, то обыкновенно почти никому не кланяется и держитъ себя какъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Вчера прислалъ мнѣ П. статью и возраженіе, написанное однимъ изъ докторовъ-чиновниковъ, на нападки въ журналахъ на недостатокъ призрѣнія раненыхъ. Такъ какъ въ статьѣ упоминается фраза Государя, то необходима для печати подпись министра двора, о чемъ и просилъ меня П., присылая эту статью. Я въ ужасъ пришелъ отъ безстыдства, съ которымъ отвергаются въ статьѣ всѣ факты, истинность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Конечно, министръ двора не подписалъ, и я возвратилъ статью съ обѣщаніемъ поговорить о ней при личномъ свиданіи. Вмѣсто того, чтобы признать истину, что 9.500 человѣкъ не могутъ быть своевременно осмотрѣны, перевязаны, накормлены и отправлены десятью врачами, и вмѣсто того, чтобы указать на громадныя усилія медицинскаго персонала сдѣлать что можно,—они вздумали отвергать факты, утверждая, что все было такъ хорошо, что лучшаго и желать нельзя. Впрочемъ,

мнѣ кажется, что недалеко то время, когда все это мошенничество выплыветъ наружу; теперь, конечно, пользуясь дурной репутаціей штаба, П. сваливаетъ всѣ неурядицы на этихъ козловъ отпущенія, но врядъ-ли, въ концѣ концовъ, будетъ штабъ его выручать.

Сейчасъ вернулся опять въ свою убогую хату; былъ у Государя, смѣрилъ температуру, — сегодня пароксизма не было. За завтракомъ ничего новаго не слыхалъ, кромѣ очень остроумной фразы Суворова, который, встрѣтившись со вновь пріѣхавшимъ сюда генераломъ Г., вѣроятно въ простотѣ сердечной откололъ ему: „Ah voilà! encore un veni, vidi, vici!“ Это такъ мило и такъ подходитъ къ Г., что достойно быть внесено въ исторію этого похода. Хорошъ нашъ казенный исторіографъ Соллогубъ! — потрепавшись здѣсь по палаткамъ, онъ, наконецъ, отпросился отдохнуть въ Бухарестъ и прогулялъ такимъ образомъ плевненское дѣло; наконецъ, вернулся, запастись новымъ, болѣе приличнымъ костюмомъ, а вмѣстѣ съ этимъ вооружился и бо̀льшею важностью, но не рѣшался уже ходить безъ звѣзды, изъ страха быть неузнаннымъ. Собралъ здѣсь, какъ онъ говоритъ, матеріалы для плевненскаго дѣла, подождалъ событій, которыя не являлись, и, наконецъ, снова отпросился въ Бухарестъ, какъ только погода стала непріятна для дачной жизни. Нечего сказать, хорошій представитель литературы и исторіи! Не могу забыть одной изъ его вечернихъ выходокъ, озадачившихъ и не меня одного. „Правда ли,—спрашиваетъ онъ Государя,— что вы привезли въ госпиталь двухъ раненыхъ, которыхъ подобрали на дорогѣ?“ — „Да, правда“. — „Voilà c’est aussi un trait historique qu’il faut noter!“ — отчекани-

ваетъ придворный литераторъ, толкующій постоянно о своихъ неспособностяхъ къ придворной жизни. Я такъ ротъ и разинулъ. Его представляютъ принцу Карлу; откланиваясь при рекомендаціи, онъ не упустилъ случая, чтобы не сказать: „Вашъ пріѣздъ сюда составитъ одну изъ прекрасныхъ главъ исторіи похода, которую я имѣю честь писать“. Въ началѣ своего пріѣзда онъ почти каждому дѣлалъ намекъ, что отъ его бо̀льшаго или ме́ньшаго благорасположенія зависитъ попасть на страницу будущей его исторіи... Кого здѣсь не встрѣтишь!— вмѣстѣ съ героями „veni, vidi, vici“, какъ напр. Г., встрѣчаются здѣсь герои и на другомъ поприщѣ: такъ напр., вчера, поджидая, когда войти къ Государю, слышу знакомый голосъ, оборачиваюсь — С. П – ковъ! Является этотъ „герой“ уже не въ первый разъ; я его встрѣчалъ въ Бѣлѣ, — а въ Плоэшти встрѣтилъ брата его. — Въ Петербургѣ я зналъ эту семью какъ концессіонеровъ, а здѣсь они являются съ цѣлью благотворительной, предлагая свои услуги выстроить желѣзную дорогу, — кромѣ утвержденной изъ Галаца прямо въ Россію, еще желѣзную дорогу между Зимницей и Фратештой, что́ вчера и было утверждено, хотя постройку эти благотворители начали уже гораздо раньше разрѣшенія. Очевидно, этимъ господамъ наша война — благодать; кто во что гораздъ: одинъ кормитъ людей; другой — лошадей; третій перевозитъ ихъ; четвертый обуваетъ. Всѣ операціи, наполняющія карманы, — всѣ въ ихъ рукахъ.

XLII.

15-го сентября.

О вчерашнемъ днѣ я ничего тебѣ не могу сказать, — онъ весь слился въ одну тяжелую массу; помню, что

у меня утромъ былъ П—, много говорилъ, но я его мало слушалъ; помню только, что заявлялъ неудовольствіе на здѣшній штабъ, на его сонливость, на недостаточную его дѣловитость; въ концѣ концовъ я его выпроводилъ, надѣвъ на него твою бурку; онъ пріѣхалъ сюда въ одномъ пальто, а теперь стало такъ холодно, что здѣсь всѣ мерзнутъ гораздо больше, чѣмъ у насъ.— Впрочемъ, въ хатѣ въ этомъ отношеніи бояться за холодъ нечего; особенно, если не будешь гнаться за свѣтомъ и закрываешь наглухо окно. Въ теченіе дня написалъ Императрицѣ письмо съ отчетомъ о здоровьѣ Государя; въ заключеніи говорю, что при здѣшнихъ климатическихъ условіяхъ и при всей остальной обстановкѣ возвраты заболѣванія въ высшей степени вѣроятны. Ради этого заключенія я прочелъ письмо самому Государю, который защищался всѣми силами и утверждалъ, что до сихъ поръ онъ считалъ, что давно не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ это лѣто. Это дѣйствительно справедливо относительно груди, но почти на всѣхъ стоянкахъ была какая-нибудь болѣзнь: въ Плоэшти—лихорадка съ катарромъ бронхъ; въ Бѣлой—эпидемическій катарръ желудка и кишокъ; здѣсь въ первый пріѣздъ—кровавый поносъ, во второй пріѣздъ—лихорадка мѣстная съ катаррами кишокъ и бронхъ. Я все это перечислилъ, прибавивъ, что если вспомнить еще угнетающіе жары, проливные поты, не перестававшіе по цѣлымъ суткамъ, дурную ѣду, скверное помѣщеніе, не предохраняющее ни отъ жары, ни отъ холода, то понятно будетъ, почему увеличилась за это время худоба тѣла; не буду говорить о нравственныхъ причинахъ. Не знаю, какой будетъ результатъ диспута, но я держалъ и удер-

жалъ позицію, утверждая, что пока походъ этотъ не оказалъ благотворнаго вліянія на здоровье Государя, исключая только вліяніе теплаго климата на припадки астмы.

Цѣлый день вчера было такъ грязно, что съ трудомъ можно было двигаться, но какъ подулъ сѣверо-восточный рѣзкій вѣтеръ, то стало такъ быстро сохнуть, что напомнило мнѣ наши морозы, затягивающіе въ нѣсколько часовъ всѣ лужи и всю грязь. Такое явленіе безъ мороза я еще нигдѣ не наблюдалъ. Сегодня пока ничего особеннаго не произошло; пріѣхали только Наслѣдникъ, Вел. Князь Сергій Александровичъ, были бесѣды, совѣщанія у Государя, вотъ и все. Каждый день теперь передъ нами мелькаютъ фигуры въ видѣ флигель-адъютантовъ, просто полковниковъ, просто генераловъ и пр. Никто изъ нихъ пока не внушаетъ особенныхъ упованій; отличаются они здѣсь пока скромностью, многіе какъ будто сконфужены. Увидимъ, что̀ будетъ изъ нихъ.

21-го сентября.

Сегодня выручилъ своего казака, которому слѣдовало идти подъ Плевну съ своимъ эскадрономъ, а храбрости у него большой нѣтъ, да если что̀ и было этого свойства, то, сопровождая меня въ госпиталь и на перевязочные пункты, ему не разъ приходилось видѣть и ампутаціи и слышать стоны раненыхъ: эта картина мало развиваетъ храбрость. Сегодня пріѣхалъ сюда Вел. Кн. Павелъ Александровичъ; ему нельзя оставаться долго,— не повліяетъ ли это на нашъ отъѣздъ?—до сихъ поръ объ немъ ни слова, но ни слова также и о зимнихъ приготовленіяхъ. Одно время заговорили-было о переѣздѣ въ Систово въ дома, былъ посланъ даже комендантъ для

выбора помѣщеній, но затѣмъ эти планы затихли, пошелъ разговоръ о томъ, что въ Систовѣ много тифовъ между жителями, и, кажется, это повліяетъ на задержку главной квартиры въ Горномъ-Студнѣ, который представляетъ все-таки преимущество дачнаго помѣщенія, только почти безъ помѣщеній. Какъ стало тепло, я исключительно сижу въ своей палаткѣ, въ домъ вхожу только спать и писать вечеромъ; дворикъ нашъ, правда, не блеститъ чистотой и подчасъ воняетъ исправно, но тихо, мало слышно людского шума; хрюкаютъ свиньи, теперь появились куры; утки пропали, такъ куры издаютъ соотвѣтствующіе имъ тоны; близость сосѣдства пѣтуха меня мало безпокоитъ, обыкновенно я его слышу сквозь сонъ и то не всегда.

22-го сентября.

Внѣшняя моя жизнь идетъ по прежнему: дѣлаю свои визиты, сижу свои обычные часы въ палаткѣ, за перомъ или за журналомъ, добросовѣстно справляю свои служебныя дѣла, почти каждый день послѣднее время сопровождая Государя въ его поѣздкахъ для осмотра приходящей гвардіи, нынче егерей, третьяго дня преображенцевъ и семеновцевъ; а то какъ-то смотрѣли финскую кавалерію. Сегодня утромъ у меня былъ инспекторъ госпиталей, генералъ К... Исторія въ булгаренскомъ госпиталѣ, гдѣ пришлось многимъ во-очію убѣдиться, до какой степени наша администрація плоха, благотворно повліяла на генерала, и особенно осадился онъ исторіей самоубійства несчастнаго главнаго доктора въ Систовѣ. Все это вмѣстѣ, наконецъ, было причиной того, что онъ подалъ проектъ объ измѣненіи порядка сани-

тарнаго дѣла въ Болгаріи и Румыніи; кажется, пришли къ убѣжденію положить конецъ этой безобразной эвакуаціи больныхъ, таская ихъ на первобытныхъ телѣгахъ изъ угла въ уголъ безъ корма, безъ пристанища; генералъ проводитъ теперь идею объ увеличенія числа госпиталей въ Болгаріи и Румыніи до 30 тысячъ; тогда какъ теперь въ Болгаріи существуетъ только на восемь тысячъ, а въ Румыніи на пять, да и въ этомъ числѣ я сомнѣваюсь относительно Болгаріи. Не забудь, что въ Болгаріи медицинское вѣдомство располагало только тремя стами повозокъ и 8.000 коекъ; чтобы справиться съ этой массой раненыхъ, необходимо было гнать больныхъ, какъ овецъ, изъ одного госпиталя въ другой; гдѣ можно, нанимали телѣги и лошадей; гдѣ можно, почти силой забирали интендантскія повозки и сплавляли больныхъ и раненыхъ, и приготовляли такимъ образомъ мѣста для будущихъ страдальцевъ. Теперь уже много набралось новаго войска; Тотлебенъ все еще подъ Плевной, гдѣ дѣлаетъ рекогносцировку, почему теперь почти по цѣлымъ днямъ тамъ палятъ и при извѣстномъ вѣтрѣ все это долетаетъ и до Горнаго-Студня. Поговариваютъ опять о возможности скораго, рѣшительнаго дѣла подъ Плевной, но ничего положительнаго. Тотлебенъ сдѣланъ главнокомандующимъ осадой; войска, кажется, стягиваются туда въ большомъ количествѣ и вмѣстѣ съ этимъ и часть гвардіи. Авось что-нибудь и выгоритъ; лишь бы только не лѣзли на проломъ. Погода пока благопріятствуетъ осаднымъ работамъ, и, говорятъ, мѣстами наши дорылись къ редутамъ на 80 шаговъ. Теперь я опять началъ прислушиваться ко всѣмъ этимъ извѣстіямъ, но послѣ плевненскаго позорнаго дѣла я обыкновенно отходилъ,

когда приходила какая-нибудь депеша, — до такой степени мнѣ стало все это противно.

23-го сентября.

Сегодня опять холодно, температура около 3-хъ часовъ была 13° съ небольшимъ, а теперь должно быть не больше 7°, барометръ поднялся до 766 и задулъ нашъ сѣверякъ. День прошелъ, остался еще только вечерній чай—и я свободенъ. Утро я читалъ очень прилежно, а послѣ завтрака часа полтора слушалъ разсказы одного коллеги Л., сдѣлавшагося, совершенно непонятнымъ для него образомъ, помощникомъ II. Дѣйствительно непостижимо—въ странѣ, гдѣ всѣ лучшія, видныя и доходныя мѣста въ рукахъ евреевъ и поляковъ, встрѣтить чистокровнаго рускаго и повидимому честнаго парня.

Говорятъ, что вся гвардія идетъ подъ Плевну и займетъ дороги на Софію, съ цѣлью отрѣзать всякое сообщеніе съ Плевной; осада будетъ продолжаться по всѣмъ правиламъ и, наконецъ, все-таки вѣроятно въ концѣ концовъ — штурмъ; но будемъ надѣяться на бо́льшую удачу, чѣмъ въ предшествующіе разы.

24-го сентября.

Вчера и нынѣ еще никакихъ депешъ нѣтъ; говорятъ, что телеграфъ едва дѣйствуетъ, по причинѣ сильнѣйшаго вѣтра. Погода мерзѣйшая, съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, который дѣлаетъ то, что 8° тепла даютъ ощущеніе мороза. Несчастныя палатки такъ и рвутся; цѣлое утро не зналъ куда дѣться; сидѣть дома и закрыть окно, какъ это сдѣлалъ теперь, и зажечь свѣчи—не рѣшался; съ самаго утра пошелъ на смотръ цѣлой гвар-

дейской дивизіи, которую сегодня отпускали подъ Плевну; такъ время и отхваталъ до завтрака, а послѣ завтрака бѣгалъ больше часа по двору, чтобы отогрѣться. Глядя сегодня на эту массу двигавшейся гвардіи, невольно задавалъ себѣ вопросъ: неужели и этимъ не удастся? Говорятъ, весь гвардейскій корпусъ расположится по той сторонѣ Видда по софійской дорогѣ, и отступленіе туркамъ будетъ невозможно,—они должны будутъ сдаться; поговариваютъ, что и теперь уже въ турецкомъ лагерѣ недостатокъ пищи; говодяну даютъ разъ въ недѣлю, и на день только одинъ кусокъ хлѣба; снарядовъ уже нѣтъ, но патроновъ въ изобиліи. Мнѣ кажется, что долго не затянется дѣло, я считаю самое большое—дней 12. Мехмедъ Али смѣненъ, къ нашему искреннему сожалѣнію; благодаря его глупости, мы были въ состояніи продержаться съ ничтожными силами на лѣвомъ флангѣ. По-видимому, дѣла наши теперь очень порядочны; есть даже вѣроятность, что обойдутся безъ зимней кампаніи. Какое бы это было благодѣяніе для Россіи, какая масса людей избѣгла бы гибели! Но не стану дѣлать плановъ... Какъ я надѣялся на послѣднее дѣло подъ Плевной, и какъ печально оно кончилось—взятіемъ одного ненужнаго редута и потерей около 15 тысячъ человѣкъ! Какъ ни хороша, какъ ни сильна наша гвардія, но разбросай ее по частичкамъ—ее расколотятъ. Чувствую я, что начинаю дѣлаться настоящимъ „брюнетомъ“, и не дальше, какъ сегодня заявилъ это одному изъ тупоголовыхъ, пріѣхавшихъ сюда покувыркаться, напомнить о себѣ, съ разсчетомъ вѣроятно получить что-нибудь въ родѣ корпуса. Къ счастью, его сегодня отпустили съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Въ прежнее время оборвать кого-нибудь мнѣ было положительно непріятно, а теперь это составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ отправленій моего мозга. Впрочемъ, въ этомъ господинѣ мозги въ высшей степени обладаютъ способностью раздражать; онъ глупъ и самодоволенъ, а эти качества вмѣстѣ дѣлаютъ людей невозможными...

Я долженъ тебя познакомить еще съ однимъ изъ очень интересныхъ типовъ нашей компаніи—это ген. Т., который у насъ, по его собственному выраженію, „въ Бозѣ почиваетъ“, такъ какъ онъ — начальникъ нашего обоза. Бо́льшая часть здѣшняго общества считаетъ его не особенно умнымъ, составя это мнѣніе главнымъ образомъ потому, что въ немъ очень много самобытнаго, оригинальнаго, при этомъ характеръ его очень прямой; къ сожалѣнію, онъ лишенъ дара длинной рѣчи, но отличается иногда очень остроумными выраженіями. Онъ каститъ направо и налѣво штабъ, отдѣльныя личности, играющія тамъ роль, и я не разъ удивлялся, какъ онъ до сихъ поръ не наткнулся на какую-нибудь скверную исторію. За обѣдомъ мы сидимъ въ близкомъ сосѣдствѣ, я съ краю, подлѣ меня Р., а подлѣ него Т.; насъ за это и называютъ лѣвой крайней партіей. Долженъ признаться, что не разъ приходилось мнѣ хохотать его остроумнымъ выходкамъ. Онъ, какъ начальникъ обоза, принялъ подъ свое покровительство нашего осленка (помнишь—Керимку) и сдѣлалъ его чрезвычайно ручнымъ. Керимка теперь ходитъ на зовъ, приходитъ въ столовую, беретъ, какъ собака, подачку, опрокидываетъ чашки, пьетъ чай, отправляется въ буфетъ къ лакеямъ, собираетъ съ нихъ, что подадутъ, ѣстъ сигары, папиросы, бумагу и забавляетъ почтенное общество. Никто

его не можетъ видѣть, не обозвавъ: „Керимка, Керимушка!“—но особенно заботливо и нѣжно относится къ нему Т., который даже видитъ въ немъ проблески такого ума, что онъ назвалъ его своимъ начальникомъ штаба. Эта новая кличка, конечно, даетъ хорошій источникъ различнымъ смѣхотворнымъ разсказамъ; однажды нашъ Керимка вышелъ за ворота и подошелъ къ телеграфу, гдѣ собрались еще три осла. Т. всѣмъ съ торжествомъ сообщилъ, что у его начальника штаба былъ сегодня военный совѣтъ, послѣ котораго онъ тотчасъ же отправился на телеграфъ и тамъ (что̀ дѣйствительно и было) сдѣлалъ, что̀ ему было нужно. Сообщили разъ о какомъ-то новомъ назначеніи — Т. восклицаетъ: „пожалуй, мой Керимка въ люди выйдетъ?“ Керимка, какъ всѣ ослы, замѣчательно неподвиженъ, стоитъ иногда по цѣлымъ часамъ около домика: „смотрите, какъ мой Керимка подличаетъ, цѣлое утро простоялъ“, и т. д. въ этомъ родѣ. Конечно, прозвище начальника штаба, различныя удачныя остроты—не остаются между нами, но обходятъ все населеніе бивуака и передаются даже и пріѣзжающимъ и съ Янтры, и изъ-подъ Плевны. Конечно, друзей у Т. отъ этого не увеличивается; но такъ какъ большая часть считаетъ его не особенно умнымъ, то это ему проходитъ безъ серьезныхъ послѣдствій. Что касается до меня, то. Т. составляетъ соль моихъ обѣдовъ и сахаръ вечернихъ чаевъ; это единственный человѣкъ, который говоритъ правду вслухъ, не стѣсняясь, и говоритъ ее очень часто и мѣтко, и остро. Теперь, послѣ четырехъ мѣсяцевъ жизни исключительно въ мужской компаніи, Т., мало сдерживающій себя на языкъ, немножко одича̀лъ, и къ сожалѣнію въ лексиконѣ его

острот очень много нецензурныхъ выраженій. На дняхъ онъ ѣдетъ на нѣсколько дней въ Бухарестъ къ своей женѣ, которую выписалъ, послав, между прочимъ, тещѣ своей грубую телеграмму, въ которой изъявляетъ надежду, что она, сирѣчь теща, не будетъ мѣшать соединенію мужа съ женой и сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы помочь этому, а не препятствовать. Старуха отвѣтила Р., спрашивая, не сошелъ ли съ ума Т., который въ сущности только одичалъ.

25-го сентября.

Сегодня утромъ пришла твоя депеша съ поздравленіями и съ хорошими вѣстями послѣ двухдневнаго отсутствія какихъ-либо свѣденій. Безъ сомнѣнія, ты эти дни посылала, но они очевидно и не посылаютъ: разъ депеша въ свое время опоздала, безъ церемоніи вѣроятно бросаютъ. Что же это за халатное, безцеремонное отношеніе къ обществу! Сегодня мнѣ такъ же больно и прискорбно быть вдали отъ тебя, какъ и все время; утѣшаю себя только однимъ, что осталось навѣрное уже немного, что наконецъ выберемся же отсюда. Съ каждымъ днемъ пребываніе здѣсь дѣлается тяжелѣе и тяжелѣе. Погода ужасная; сегодня меньше вѣтра, но барометръ опустился и холодъ, сырость невыносимая; температура выше 5° сегодня не поднималась, больше стояла на 3°; дождь безпрестанно принимался идти, мѣняя только свою степень силы; моя хата хотя и вытоплена, и съ окномъ, забитымъ рогожей и прочими теплыми матеріалами, но такъ быстро остываетъ, что приходится все-таки сидѣть съ плэдомъ на ногахъ и съ пальто на плечахъ, и все же ноги какъ ледъ. Пе-

реходъ изъ моей хаты въ такъ называемый дворецъ есть большой подвигъ, который можно выполнить только по обязанности, но не по охотѣ; согласился бы остаться безъ обѣда, лишь бы не идти по этой глинѣ мокрой, холодной, по которой ноги такъ и скользятъ. Этотъ переходъ двадцати шаговъ даетъ ощущеніе трехъ верстъ,—безъ палки невозможно двигаться; въ общей столовой грязно, холодно, со всѣхъ сторонъ дуетъ; лакеи, подавая блюда, балансируютъ, чтобы не растянуться и не лишить насъ ѣды. Сѣро, непривѣтливо, холодно, тоскливо — вотъ все, что можно сказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Если такая погода продолжится,—сомнительно, чтобы здѣсь вздумали долго оставаться. Живущіе въ палаткахъ начинаютъ чуть не вслухъ выть отъ холода и сырости. Несмотря на всѣ эти невзгоды, я себя чувствую совершенно здоровымъ, тяну свою лямку и отсчитываю каждый прожитой день; но, признаюсь, все чаще и чаще повторяю себѣ: доколѣ, Господи?!..

Сейчасъ вернулся съ обѣда и съ своихъ предобѣденныхъ визитовъ, пришелъ усталый отъ борьбы съ холодомъ, дождемъ и грязью. Послѣ обѣда, чтобы согрѣться, мнѣ одинъ добрый человѣкъ указалъ мѣстечко, гдѣ можно ходить. Это мѣстечко оказалось въ плетневомъ сараѣ, въ которомъ поставила военно-походная канцелярія свои палатки; дѣйствительно, тутъ можно двигаться, вытянувшись во весь ростъ, не скользя въ грязи; но пространство это не болѣе двадцати шаговъ, а потому какъ только стали согрѣваться окоченѣлыя ноги, такъ явилось ощущеніе, какъ будто закачали въ экипажѣ, закружилась голова,—ну, и по-неволѣ отправился черезъ грязь въ свою хату. Сегодня пошли слухи снова о пе-

рѣздѣ въ Систово; велѣно осмотрѣть то, что выбрано уже для помѣщенія комендантомъ той стороны. Это распоряженіе многозначительно; всякій задаетъ себѣ вопросъ: вернемся къ Плевнѣ или нѣтъ? Если вернемся, то неужели весь обозъ подымется снова изъ Систова; не рѣшено ли ѣхать, не дожидаясь окончанія Плевны, тѣмъ болѣе, что тамъ и смотрѣть-то нечего будетъ, если разъ рѣшились блокировать и морить голодомъ? Сегодня я смотрѣлъ, какъ устроился нашъ кавалерійскій конвой, и нашелъ помѣщеніе ихъ настолько хорошимъ, что понялъ, почему они не много хвораютъ въ эту ужаснѣйшую погоду. Они вырыли себѣ четыреугольныя углубленія въ землѣ, приблизительно четвертей на пять, а въ серединѣ четыреугольникъ еще на три четверти глубже; въ этомъ послѣднемъ пространствѣ они циркулируютъ, въ первомъ же углубленіи спятъ; надъ этими земляными углубленіями перекинуты въ видѣ арки нѣсколько крѣпкихъ деревьевъ, которыя переплетены прутьями, на прутьяхъ навалена солома и, наконецъ, на солому насыпанъ слой земли. Однимъ словомъ, землянка, но безъ малѣйшей сырости, что̀ только, кажется, можетъ быть въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, гдѣ глина составляетъ главнѣйшую составную часть почвы. При этихъ работахъ можно было убѣдиться, что сырая почва идетъ вглубь не болѣе двухъ вершковъ, а глубже такъ сухо, какъ у меня въ хатѣ. Въ землянкахъ этихъ и тепло, и сухо, воздухъ не скверный, несмотря на 7 человѣкъ обитателей, что̀ объясняется относительно большой дверью, завѣшенной не очень плотно холстиннымъ фартукомъ, и небольшимъ окошкомъ напротивъ двери. Части полѣнивѣе, какъ казаки, жмутся все подъ

тряпками своихъ палатокъ; но, впрочемъ. и ихъ пробрало сегодня: смотрю, роютъ; спрашиваю ихъ:—Это откуда, ваши лопаты? — „Никакъ нѣтъ, ваше п-ство, ихъ нашли“. Казаки ничего никогда не имѣютъ; но все находятъ, что нужно. Печальную картину въ эту погоду представляетъ здѣшній госпиталь, въ которомъ почти такъ же холодно, какъ на воздухѣ. Эти мокрыя тряпки палатокъ мало задерживаютъ тепла; лежатъ несчастненькіе больные и раненые подъ своими жесткими, мало грѣющими одѣялами изъ солдатскаго сукна, и какъ звѣрьки свернулись въ клубочекъ, ища такимъ образомъ положеніе, при которомъ наименьше теряется тепло. Особенно плохо достается поноснымъ, которые лежатъ въ отдѣльныхъ маленькихъ палаткахъ, по-трое въ каждой, состоящей только изъ одного слоя полотна: эти несчастные почти все равно что на воздухѣ. Администрація мирится съ этимъ и ничего не придумаетъ, чтобы помочь горю. Можно и печи сложить, и подкопаться поглубже, и т. д., но, видно, администраціи не холодно. Несчастные врачи, сестры — въ палаткахъ и, конечно, дрогнутъ. Одни здѣсь говорятъ, что будетъ еще тепло, другіе же говорятъ — врядъ-ли; прошлаго года въ Сербіи то же самое было въ это же время, и затѣмъ началась, какъ слѣдуетъ, зима. Я тебѣ похвасталъ, сказавъ, что мнѣ сегодня такъ же тошно, какъ и всѣ другіе дни; въ сущности, мнѣ нынче еще тошнѣе, да и не могло быть иначе. Я люблю эти дни, какъ рожденье, именины, потому, что существуетъ обычай близкихъ проводить эти дни вмѣстѣ и сказать другъ другу нѣсколько теплыхъ словъ.—Вчера еще услыхалъ новость, что Цѣсаревичъ остается на лѣвомъ флангѣ,

въ такъ называемомъ рущукскомъ отрядѣ, а кто будетъ командовать гвардіей подъ Плевной — еще неизвѣстно..

XLIII.

26-го сентября.

Спасибо за милыя вѣсти и за поздравленія. Нравственно я ожилъ, только уже время тянется теперь очень долго; безъ всякаго сомнѣнія мы уѣдемъ скоро, но все-таки далеки отъ того, чтобы назначить день; проживемъ мы здѣсь октябрь или нѣтъ — это, конечно, вопросъ; чувствуешь, что скоро выѣдешь изъ этой трущобы, но время кажется все длиннѣе и длиннѣе, несмотря на то, что я цѣлый день что-нибудь да дѣлаю и не даю себѣ думать объ отъѣздѣ, хотя мысль эта безпрестанно такъ и навертывается. Погода сегодня мерзостная, хотя, впрочемъ, кажется гораздо теплѣе вчерашняго ($+6^{\circ}$), изъ-за того, что нѣтъ вѣтра; барометръ упалъ значительно, но на этотъ разъ только потеплѣло, а ясной погоды не дало. До завтрака сидѣлъ у себя со свѣчами и читалъ, а тамъ послѣ завтрака нашелъ возможнымъ сдѣлать очень хорошую прогулку въ полѣ, гдѣ изъ-за травы не грязно и ходить отлично; около двухъ—пришелъ опять къ себѣ и засѣлъ снова за чтеніе; въ четыре — отправился верхомъ въ госпиталь,—въ колескѣ отвратительно, того и гляди опрокинется экипажъ; къ шести вернулся, сдѣлалъ визитъ и пошелъ обѣдать въ общую палатку, а вотъ теперь и хочу дать тебѣ отчетъ о своемъ днѣ.

День сѣренькій, блѣдненькій, безъ разсвѣта — съ одной минутой солнца, когда получилъ телеграмму отъ

тебя и отъ дѣтокъ съ подписью тоже Головина и Бородулина. Общая столовая теперь, съ дурной, холодной погодой, начинаетъ терять свой интересъ. Изъза дурной погоды военныя дѣйствія, конечно, не даютъ ничего новаго; слѣдовательно въ столовой, вмѣстѣ съ различными консервами, пережевывается все старое, изъ котораго выплываетъ то одно, то другое, смотря по какому-нибудь особенному, хотя и ничтожному происшествію: такъ напримѣръ, заболѣлъ слуга англійскаго военнаго агента, который вслѣдствіе этого обратился съ просьбой дать ему казака въ услуженіе; ему отказали въ этой просьбѣ по той простой причинѣ, что злы на него, какъ на человѣка съ двусмысленнымъ поведеніемъ, выслушивающаго и высматривающаго, что̀ здѣсь дѣлается, а потомъ уѣзжающаго въ Бухарестъ и отправляющаго, вѣроятно, депеши, куда нужно. И какъ ему дать казака, —да онъ будетъ вывѣдывать: гдѣ онъ пропадалъ цѣлый день во время дѣлъ подъ Плевной, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Бухарестъ, и пр. и пр.,—вотъ съ какой приправой мнѣ пришлось сегодня обѣдать. Нужно, впрочемъ, отдать полную справедливость англичанину,—онъ, должно быть, настоящій и хорошій агентъ. Я отъ него удаляюсь, но раза два мнѣ пришлось съ нимъ говорить, и онъ не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса спроста; все въ подкладкѣ слышалось желаніе пошарить въ моихъ карманахъ, выбирая изъ нихъ то, что̀ нужно: много ли больныхъ въ войскѣ, какой процентъ смертности, какъ здоровье Государя и пр. и пр.

Въ госпиталѣ больные сегодня не такъ зябнутъ, какъ предшествующіе дни: нѣтъ вѣтра, да градуса на два и потеплѣло; кромѣ этого Красный Крестъ снабдилъ от-

личными теплыми одѣялами, да Императрица прислала; ну, значительная часть и поприкрылась, и многіе уже благодушествуютъ. Сегодня спрашивалъ администрацію, что они думаютъ предпринять противъ холода: „Да ничего, людей нѣтъ и не хватаетъ на новое предпріятіе; печи можно бы сложить и окопаться, и соломы положить къ стѣнкамъ палатки, но нѣтъ рабочихъ“,—отвѣчаетъ главный докторъ.—Ну, а что же думаетъ главный инспекторъ госпиталей?—„Да онъ,—отвѣчаетъ главный докторъ,—мнѣ сказалъ: да развѣ вы думаете отсюда выбраться живыми? Конечно, это онъ сказалъ шутя“,—прибавляетъ при этомъ главный докторъ. Хороша шутка! Инспекторъ госпиталей на бумагѣ, кажется, въ этомъ дѣлѣ правъ; медицинское начальство давно толковало о необходимости построить помѣщеніе на зиму, но штабъ долго отклонялъ рѣшеніе этого вопроса подъ различными предлогами; а скоро настанетъ такое время, что въ госпиталяхъ люди больше будутъ страдать отъ холода, чѣмъ отъ болѣзни. Въ своихъ частяхъ войска страдаютъ только при переходахъ, но разъ стоянка маломальски выбрана, то солдаты отлично устроиваются и не терпятъ ни отъ холода, ни отъ дождя; конечно, это не относится къ людямъ въ траншеяхъ подъ Шипкой, гдѣ цѣлый день они не смѣютъ высунуть носа изъ траншей, въ которыхъ принуждены даже выполнять всѣ свои потребности, и только по ночамъ кое-что успѣваютъ убрать.

Подъ Плевной давно уже—о нѣкоторыхъ я знаю навѣрное—устроили себѣ землянки.

Около пріемнаго покоя въ госпиталѣ сегодня вижу цѣлую толпу въ буркахъ,—точно башибузуки; оказывается, кубанскіе казаки изъ-подъ Плевны привезены

больные въ числѣ 26 человѣкъ; у пріемнаго покоя ждутъ потому, что урядникъ, который ихъ велъ, пьянчуга и напивался въ каждой деревнѣ, да и теперь застрялъ и не догоняетъ своего транспорта, а эти несчастные не могутъ быть приняты, и ждутъ на мокрой травѣ и не ропщутъ, какъ будто это совершенно въ предѣлахъ нормы и закона. Три дня тащились они отъ Плевны до Горнаго-Студня, а когда я спросилъ одного изъ нихъ:—ну, а что вы ѣли это время? — „Да какая же тутъ ѣда, в. п-во!“—и, не распространяясь далѣе, онъ махнулъ головой и отвернулся къ чаю, который имъ налили въ большія оловянныя кружки; предварительно каждый уже получилъ по куску сахара. Отъ самаго паршиваго урядника до болѣе старшихъ въ административной лѣстницѣ санитарнаго дѣла, приходится и подождать, и потерпѣть. Вчера наткнулся въ госпиталѣ на палатки съ острыми больными, которые три дня безъ лекарствъ и не видѣли доктора. Конечно, я заявилъ; главный докторъ пришелъ въ негодованіе и обѣщался чуть не съѣсть того доктора, который провинился; черезъ нѣсколько часовъ явился ко мнѣ этотъ докторъ, представляя свои резоны, что совсѣмъ не подозрѣвалъ, что у него есть тамъ больные, и просилъ, чтобы замять исторію и не губить его во цвѣтѣ лѣтъ и пр. Важно только то, что организація такъ недостаточна, что подобныя происшествія въ госпиталѣ встрѣчаются совершенно случайно. Не говорю уже о томъ, что вновь поступившіе больные полъ-дня лежатъ безъ лекарствъ. Рукъ немного, правда, а организація обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю сторону. При госпиталѣ здѣшнемъ есть священникъ, худой, длинный, старый чело-

вѣкъ съ хроническимъ насморкомъ. Это интересный типъ. Онъ съ неусыпнымъ рвеніемъ бѣгаетъ по палатамъ, проводя въ нихъ цѣлые дни: то читаетъ вслухъ, то разсказываетъ какія-нибудь душеспасительныя исторіи собирающимся около него раненымъ и больнымъ. Сегодня я съ нимъ повстрѣчался на его выходѣ изъ одной палаты. „Какъ имъ понравилась исторія Іоны, сидѣвшаго три дня во чревѣ китовомъ!“ — объявилъ онъ мнѣ съ торжествующимъ лицомъ. Мнѣ, впрочемъ, никогда не случалось слышать ни чтенія, ни бесѣды этого священника; только издали слышалъ, какъ раздавался его голосъ...

Сегодня я сдѣлалъ не совсѣмъ пріятное открытіе въ своей хатѣ, въ которой оказывается немалое количество другихъ жильцовъ помимо меня съ прислугой. Мыши теперь, разбѣгаясь отъ холода съ окружныхъ полей, очевидно обратили вниманіе и на мое теплое помѣщеніе, и заявляютъ себя цѣлый день скребомъ, пискомъ, то въ одномъ, то въ другомъ уголку. Повидимому, самое интересное для нихъ мѣсто представляется въ моемъ забитомъ рогожей окнѣ; кажется, онѣ пробрались подъ рогожу, но, встрѣтя еще препятствіе въ моемъ гуттаперчевомъ пальто, цѣлый день скребутъ его, и я ожидаю увидѣть его съ дырами. Въ палаткѣ мышей еще больше; у одного онѣ уже съѣли мѣховой воротникъ; у Гамбургера за одну ночь съѣли стеариновую свѣчу и т. д. Пора, пора убираться...

27-го сентября.

Погода продолжаетъ быть нехорошей, хотя сегодня прошло безъ дождя, было только нѣсколько капель,

но небо все еще покрыто тучами, менѣе густыми; грязь невылазная. Послѣ завтрака мнѣ все-таки удалось сдѣлать отличную прогулку въ поле безъ грязи, верхомъ съѣздилъ въ госпиталь, посмотрѣлъ наиболѣе интересныхъ больныхъ; все остальное время читалъ частью подъ навѣсомъ своей хаты, большею же частью въ моей каморкѣ со свѣчами, которыя горятъ въ теченіе всего дня. Къ комнатѣ своей я совершенно привыкъ и очень рѣдко приходится стукнуться головой о потолокъ, развѣ ужъ когда заторопишься очень при одѣваньѣ утромъ; въ теченіе же дня до сихъ поръ все обходилось благополучно. Печка грѣетъ отлично, и теперь на ночь я каждый разъ сталъ раздѣваться; когда долго сидишь, такъ зябнутъ очень ноги, что̀ впрочемъ объясняется не столько холоднымъ поломъ, сколько постоянно грязными ногами; безъ плэда почти не сижу дома. Въ госпиталѣ сегодня ничего особеннаго не видалъ; все тѣ же гадости, какъ и обыкновенно; на врача во внутреннихъ отдѣленіяхъ приходится по 130 больныхъ; рициноваго масла давнымъ-давно нѣтъ во всемъ госпиталѣ ни одной ложки— (при кровавыхъ-то поносахъ!); хининъ давно уже получается отъ Краснаго Креста, а своего нѣтъ; хирургическіе больные, оперированные, идутъ скверно. Больные попрежнему—лихорадочные или кровавые поносы; тифозныхъ немного, и то большею частью между гвардейцами, которые только-что прибыли и не успѣли заразиться здѣшними формами. Сегодня за завтракомъ бесѣдовалъ съ кн. И., теперь начальникомъ штаба въ плевненской арміи, и онъ сообщилъ весьма интересныя свѣденія. Онъ утверждаетъ, что штурмомъ взять Плевну невозможно, развѣ въ такомъ случаѣ, если помирятся

съ самыми ужасными потерями, которыя были бы возможны при арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Плевна не есть крѣпость, а подвижное укрѣпленіе, которое, теряя одну позицію, создаетъ новую и т. д. Штурмовать вообще при теперешнихъ орудіяхъ есть величайшая задача; подъ Ловчей за успѣхъ были всѣ шансы: свѣжее войско, почти вдвое сильнѣе непріятельскаго, приступило къ штурму послѣ самаго жестокаго бомбардированія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и все-таки, — говоритъ онъ, — въ теченіе одного получаса мы были блѣдны какъ полотно, думая, что наше дѣло потеряно. Единственное, что̀ остается дѣлать— блокировать Плевну; можетъ быть, это вызоветъ непріятеля изъ крѣпости или заставитъ его сдаться. Долго ли продержится Плевна при блокировкѣ—сказать трудно; неизвѣстно, какъ велики запасы; было около 30 человѣкъ дезертировъ изъ турецкаго лагеря; они показываютъ, что ѣды не хватаетъ, начинаютъ раздавать по уменьшеннымъ порціямъ; сами дезертиры безъ сапогъ, скверно одѣты. Но насколько эти показанія вѣрны— одному Богу извѣстно. И. — человѣкъ осторожный и не рѣшится высказать такой мысли, которую не раздѣляетъ и высшее начальство, т.-е. Тотлебенъ; мнѣніе же этого консультанта будетъ вѣроятно безъ апелляціи. Эти мысли по поводу Плевны высказывалъ И. еще до 30-го августа въ своемъ рапортѣ главнокомандующему, но получилъ на это отвѣтъ, что съ нимъ главнокомандующій и *вообще всѣ* (какъ было сказано) не согласны, а потому дѣлайте свое дѣло и не разсуждайте. Вотъ онъ съ Скобелевымъ дѣлалъ свое дѣло, не разсуждая;—результатъ всѣмъ извѣстенъ. При такомъ положеніи плевненской осады, ко-

торая можетъ затянуться мѣсяца на два, спрашивается, останется ли Государь ждать исхода дѣла подъ Плевной или нѣтъ—не знаю. Вернуться въ Россію послѣ цѣлаго ряда неудачъ, оставить армію и гвардію зябнуть и мокнуть въ Болгаріи, очевидно, тяжело; съ другой же стороны, оставаться здѣсь все время—невозможно; центръ управленія останется безъ хозяина, отчего неизбѣжный застой въ дѣлахъ. Пока предвидится въ скоромъ времени только переѣздъ въ Систово, гдѣ заготовляютъ уже и помѣщеніе для всей главной квартиры и для штаба главнокомандующаго; многіе на этотъ переѣздъ смотрятъ какъ на шагъ къ Питеру, къ которому мы приближаемся уже на 30 верстъ,—другіе же не выводятъ изъ этого передвиженія никакихъ заключеній. Я же попрежнему остаюсь въ своемъ глубокомъ убѣжденіи, что зимовать здѣсь не будемъ, и что maximum — черезъ нѣсколько недѣль мы тронемся; возможно даже, что тронемся раньше мѣсяца...

28-го сентября.

Не много могу сказать про сегодняшній день,—онъ тоже былъ безцвѣтенъ, какъ и предъидущіе, впрочемъ и не совсѣмъ кончился; я еще не былъ въ госпиталѣ,—можетъ быть, тамъ увижу какую-нибудь новую гадость. Утро почиталъ немного; остальное время приготовлялъ письма для курьера; послѣ завтрака сдѣлалъ отличную прогулку пѣшкомъ въ моемъ полѣ, а вернувшись домой, продолжалъ свою почту..... Послѣ завтрака наткнулся на М..... Я снова началъ пилить его о печальныхъ фактахъ въ госпиталѣ, гдѣ ни хинина, ни кастороваго масла нѣтъ уже порядочное время. Хининъ доставляется

отъ Краснаго Креста, а рициновое масло просятъ не выписывать.—„Но что̀ дѣлать съ сообщеніями, съ доставкой?“—общій отвѣтъ съ П. Я ему на это сказалъ, что мнѣ кажется, что этими дурными сообщеніями уже слишкомъ пользуются; на это онъ мнѣ разсказалъ, какъ пропалъ безъ всякаго слѣда цѣлый вагонъ, который весь былъ набитъ теплымъ платьемъ для Шипки, гдѣ теперь уже были случаи отмораживанія пальцевъ ногъ. Организація невозможная; нерѣдко задаешь себѣ вопросъ: лучше или хуже у турокъ?—Сейчасъ изъ госпиталя и нашелъ тамъ главнаго доктора чуть не въ слезахъ; онъ съ отчаяніемъ передалъ мнѣ, что больные второй день безъ куска бѣлаго хлѣба; товарищество не доставило; ни за какія деньги нигдѣ въ пустынѣ этой ничего не получишь. Чуть не половина больныхъ поносныхъ, которые ѣдятъ только бѣлый хлѣбъ. Со слезами на глазахъ полилась рѣка жалобъ на безвыходное ихъ положеніе. Не имѣя хинина, не имѣя кастороваго масла недѣлю тому назадъ, онъ отправился въ Систово, въ которомъ якобы долженъ быть складъ всѣхъ аптечныхъ принадлежностей; пріѣзжаетъ туда—оказывается, что тамъ складъ не для раздачи маленькими количествами, слѣдовательно, не въ военно-временные госпитали, а въ дивизіонные полковые лазареты; складъ же для госпиталей находится въ Яссахъ. Теперь отправленъ туда фельдшеръ; посмотримъ, что̀ онъ привезетъ. Пока сестры снабдили касторовымъ масломъ. „Что̀ будетъ,—прибавляетъ главный докторъ, — когда уѣдетъ отсюда Государь!“ Повидимому, милая шутка К. начинаетъ приносить свои плоды. Только къ первому декабря обѣщаютъ устроить какую-нибудь защиту противъ холода, а

до того два мѣсяца изнывай въ палаткахъ. Хирургическіе больные за эти холода, какъ мухи, одинъ за другимъ, торопились убираться на тотъ свѣтъ; теперь пріостановлены всѣ операціи: и негдѣ дѣлать, и скверно идутъ оперированные. Подумай объ этомъ прежде, отнесись серьезно къ своимъ обязанностямъ—этого бы не было. Такъ же, какъ мы лѣзли три раза на штурмъ въ Плевнѣ, не воспользовавшись двумя предшествовавшими уроками, точно такъ же мало воспользовалась и медицинская администрація двумя неудачами при предшествовавшихъ дѣлахъ подъ Плевной. Въ третій разъ повторилось то же самое; бывшій печальный опытъ въ крымской кампаніи очевидно не послужилъ ни къ чему. Все ломаю себѣ голову, какъ помочь дѣлу, что̀ придумать, чтобы установилась хоть какая-нибудь организація; вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что существуютъ хорошіе и честные люди, отдающіеся вполнѣ дѣлу помощи. До сихъ поръ не могъ добраться, гдѣ находится настоящій корень всѣхъ этихъ безобразій, гдѣ и въ чемъ лежитъ вся механика, почему пропадаютъ безслѣдно вагоны съ теплыми вещами, почему пропадаетъ транспортъ съ хининомъ и т. д. Сейчасъ, вернувшись вечеромъ домой, засталъ у себя записку главнаго доктора съ объявленіемъ, что хлѣбъ, наконецъ, полученъ, и чтобы я успокоилъ Его Величество, если уже доложилъ ему объ этомъ,—какъ это я хотѣлъ сдѣлать. Удивительно кстати и быстро нашелся хлѣбъ! Вчера на мой вопросъ И., каково ѣдятъ у васъ люди? онъ отвѣчалъ: „мясо всегда есть въ изобиліи; съ сухарями же бываетъ такъ, что ихъ остается иногда только на одинъ день, и не знаешь, подвезутъ завтра или нѣтъ, а потому сейчасъ же и умень-

шишь порцію". Такой отвѣтъ мнѣ нерѣдко приходилось слышать. Сейчасъ за обѣдомъ слышалъ интересный разсказъ о Т—нѣ отъ одного изъ пріѣхавшихъ изъ-подъ Плевны флигель-адъютантовъ; въ продолженіе завтраковъ и обѣдовъ Т—енъ говоритъ безъ умолку,—никому не приходится рта открыть; очевидно, старичокъ съ явленіями старческаго измѣненія мозга, и доказательствомъ этого предположенія можетъ отлично служить слѣдующій разсказъ его самого: по его словамъ, два года назадъ Вундерфрау будто бы предсказала, что Россія будетъ воевать, и первое время войны будетъ побита, но потомъ восторжествуетъ; затѣмъ эта пророчица дала почтенному Т—ну талисманъ противъ непріятельскихъ пуль; черезъ годъ онъ потерялъ этотъ талисманъ и обратился снова къ Вундерфрау, которая дала и во второй разъ! Это говоритъ публично человѣкъ, на котораго смотрятъ какъ на выручалу въ такую серьезную минуту, которую переживаютъ теперь нѣсколько тысячъ нашихъ воиновъ, голодающихъ, мокнущихъ, отмораживающихъ себѣ ноги (какъ на Шипкѣ)! Нынѣшній разъ, кажется, мое письмо особенно вышло богато различными недостатками по нашей административной части; но сегодня было, наконецъ, послѣ многихъ неудачъ, и отрадное извѣстіе, которое, конечно, завтра или послѣ-завтра, ты прочтешь въ телеграммахъ и порадуешься: наши моряки опять отличились; они взорвали большой турецкій пароходъ въ Сулинѣ, куда приплыли, устроили подъ выстрѣлами минныя загражденія и начали палить: пароходъ наткнулся на мину и взлетѣлъ на воздухъ. Что за лихой народъ! Это положительно герои нынѣшней кампаніи.

XLIV.

29-го сентября.

Цѣлый день было у меня самое праздничное настроеніе духа, несмотря на гнуснѣйшую погоду; ночью дождь лилъ безъ остановки, и снова наша глина разъѣхалась, снова вытаскиваешь ноги изъ этой клейкой массы, которая такъ и втягиваетъ сапогъ; вчера было-насыпали соломы отъ моего дома къ дворцу, но сегодня она уже не помогаетъ: на этомъ мѣстѣ стоитъ лужа; вѣтра нѣтъ, и потому не холодно; послѣ завтрака былъ антрактъ безъ дождя, и мнѣ удалось сдѣлать отличную прогулку часа въ полтора безъ грязи въ полѣ съ отличнымъ воздухомъ; дорогой раза два подымалась сѣрая куропатка... Тутъ масса превосходнѣйшей дичи; не говоря о перепелахъ, которые здѣсь особенно жирны, тутъ есть и бекасы, и дупеля, и, наконецъ, куропатки. Къ великому нашему горю, здѣсь не охотятся, и мы изнываемъ на курятинѣ, которою насъ постоянно угощаютъ; курятина по временамъ замѣняется индѣйкой или гусемъ, но всего чаще все-таки поганыя куры. Случайно кто-то сходилъ на охоту, принесли дичи, которой хватило только Государю, продолжающему обѣдать отдѣльно; но такъ какъ во время нездоровья Государя я дѣлаюсь хозяиномъ повара, то поэтому и пользуюсь особыми любезностями, почему мнѣ за общій столъ раза два и принесли бекаса; тогда только я увидѣлъ, что у меня есть аппетитъ, и что я могу ѣсть еще съ удовольствіемъ. Въ военное время запрещаютъ охоту, чтобы не дѣлать путаницы съ выстрѣлами, а потому и не устроиваютъ хорошаго жаркого и обрекаютъ насъ на курицу.

Сегодня гулялъ я съ Ковалевскимъ и забрались мы далеко, до лагеря, занимаемаго теперь казаками, осмотрѣли помѣщеніе и подивились русскому человѣку, умѣющему прилаживаться ко всякому безобразію. У нихъ плетни, отлично сплетенные изъ вѣтвей, перебраны соломой и внутри еще на аршинъ вырыто въ землѣ,— все лучше, чѣмъ въ палаткахъ; въ нѣкоторыхъ офицерскихъ шалашахъ внутри поставлены палатки: сидятъ себѣ бѣдненькіе, кто въ буркѣ, кто въ пальтишкѣ, покуриваютъ и отогрѣваются чаемъ. Возвратившись домой, я усталъ порядкомъ и долго сидѣлъ въ своей хатѣ, ничего не дѣлая, мечтая о томъ мѣховомъ халатѣ, который ты мнѣ вышлешь. Во мнѣ шла борьба—ѣхать въ госпиталь, или нѣтъ; не хотѣлось мнѣ портить нынѣшняго моего праздничнаго настроенія. Пока я отвиливалъ отъ больницы, безпокойный Антонъ пришелъ спрашивать: поѣду ли въ больницу, и не велѣть ли сѣдлать лошадей. Дѣлать нечего, совѣстно стало ничего не дѣлать и не ѣхать: сѣдлайте!—Но едва успѣли привести лошадь, какъ снова припустилъ сильнѣйшій дождь, и я торжествовалъ: лошади отосланы, я засѣлъ за журналы, но этимъ не успокоился; я рѣшился все-таки отпраздновать этотъ день какъ слѣдуетъ, раздѣлся и легъ спать. Снять сырые сапоги, перемѣнить бѣлье и лечь въ теплую постель—все это цѣнится въ здѣшней жизни такъ, какъ нигдѣ; къ тому же я давно не отдыхалъ, ложась обыкновенно въ первомъ, вставая въ началѣ восьмого; послѣднее время сталъ чувствовать, что у меня въ этомъ отношеніи равновѣсіе нарушилось: по утрамъ мнѣ все было тяжелѣе и тяжелѣе вставать. Настолько я усталъ, что не долго пришлось мнѣ мечтать, и я быстро заснулъ;

но меньше чѣмъ черезъ часъ мой мучитель снова пришелъ меня мучить: пора къ обѣду. Опять грязь по колѣно, обѣдъ въ шатрѣ, который протекаетъ, и со всѣхъ сторонъ продуваетъ; опять курица въ супѣ, курица въ жаркомъ, индѣйка съ фаршемъ и все тотъ же незамѣнимый салатъ изъ огурцовъ съ картофелемъ. Дождь проливной все время. Послѣ обѣда посидѣли, покурили, подождали и разошлись безъ малѣйшей надежды на болѣе лучшую погоду. Мы такъ, впрочемъ, всѣ привыкли къ этимъ климатическимъ невзгодамъ, что стали уже и мало обращать на это вниманіе; скверная же погода, повидимому, каждому даетъ нѣкоторыя надежды на ускореніе отсюда выѣзда, и потому расположеніе духа всего общества нисколько не страдаетъ отъ этого. Теперь только общая забота и страхъ, что распутица затруднитъ наше передвиженіе къ Систову; нашъ обозъ при этой дорогѣ будетъ не въ силахъ выбраться; мы-то доберемся, если не въ экипажахъ, такъ верхомъ, но кухня, всѣ наши тяжести—не сдвинутся съ мѣста; конечно, у каждаго еще скрывается другая мысль: а какъ мы доберемся изъ Зимницы до Фратешти?

Сегодня былъ у меня помощникъ П.—Л.; онъ разсказывалъ, что въ Зимницѣ теперь въ госпиталѣ—безобразія: болѣе чѣмъ двойной комплектъ больныхъ, изъ которыхъ около трехъ сотенъ помѣщены въ плетняхъ; половина врачей, служителей больны, а оставшіеся на ногахъ едва держатся отъ усталости. Изъ-за дурной дороги транспорты идутъ медленно и по берегу Дуная все задерживается до Фратешти, откуда начинается чугунка. Въ прошлую крымскую войну безобразія до такого размѣра не доходили,—я, по крайней мѣрѣ,

этого не помню. Меня теперь даже и не удивляютъ больные, лежащіе безъ постели на землѣ на однихъ тюфякахъ; прежде же я этого никогда и не видалъ.

30-го сентября.

Кажется, всѣ сыты этой жизнью на осеннемъ воздухѣ, почти безъ прикрытія сверху и съ страшной грязью снизу. Дней десять продолжаются дожди и холода, которые наше существованіе дѣлаютъ дѣйствительно тяжелымъ. Сегодня, кромѣ своихъ визитовъ, я никуда не выходилъ и просидѣлъ цѣлый день въ теплой, но темной хатѣ со свѣчами. Правда, очень усердно читалъ и не чувствовалъ тоски въ полномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе нерѣдко оставлялъ книгу и далеко уносился отсюда. Вчера я долго не засыпалъ вечеромъ: на ночь услышалъ телеграмму, будто полторы тысячи вооруженныхъ венгерцевъ прорвались у Турнъ-Северина въ Румынію, съ цѣлью соединиться съ башибузуками и портить румынскія желѣзныя дороги. Конечно, въ такой депешѣ мало было утѣшительнаго для всего дѣла вообще и въ частности для нашего личнаго счастья. Все-таки это могло бы произвести какую-нибудь задержку; сегодня, впрочемъ, я увидалъ, что никто не придаетъ этому факту особеннаго значенія, и можетъ быть оттого, что я выспался и отдохнулъ, но мнѣ тоже теперь не кажется это очень непріятнымъ,—хотя все-таки это маленькій симптомъ возможнаго большого явленія въ будущемъ. Почемъ знать, насколько венгерская агитація серьезно успѣла приготовиться къ вооруженному дѣйствію не шайками, а цѣлыми корпусами. Нѣтъ, лучше бы было, еслибы этого не было.

Сейчасъ вернулся съ своей вечерней визитаціи—и опять новыя тревожныя извѣстія съ нашего лѣваго фланга; говорятъ, Мехметъ-Али отозванъ за то, что не рѣшился энергически дѣйствовать, не довѣряя своимъ войскамъ; Сулейманъ взялся и съ этимъ войскомъ дѣйствовать наступательно, и теперь готовится тамъ нападеніе, которое, судя по характеру Сулеймана, должно быть весьма серьезнымъ. За эту, говорятъ, погоду было скучно, но можно было жить спокойно: никто ничего не могъ предпринимать при здѣшнихъ дорогахъ; но теперь, кажется, погода улучшается: съ 5-го часа дождь не идетъ; еще нѣсколько часовъ безъ дождя—и будетъ сухо, а слѣдовательно и военныя дѣйствія будутъ совершенно возможны, особенно для турокъ, которые не имѣютъ обоза и потому подвижнѣе нашихъ. Если тамъ что̀ завяжется посерьезнѣе, то не мудрено, что и мы туда поѣдемъ, хотя это только мое предположеніе, т.-е. не поѣдемъ въ огонь, а куда-нибудь поближе отъ мѣста сраженія, чтобы имѣть быстрѣе извѣстія. Въ ту или другую сторону дѣло подходитъ къ развязкѣ, по крайней мѣрѣ на нынѣшній годъ; если намъ не удастся, то надо отступать на зимнія квартиры, такъ какъ врядъ ли можно будетъ вести войну зимой. Нашъ отъѣздъ не замедлится: или въ концѣ этого мѣсяца, самое позднее—въ началѣ будущаго, мы будемъ дома; въ этомъ я вполнѣ увѣренъ, только не надо объ этомъ говорить.

Изъ Плевны ежедневно приходятъ перебѣжчики, которые умоляютъ дать имъ ѣсть; по ихъ разсказамъ, запасы тамъ истощаются, мясо выдается только одинъ разъ въ недѣлю; вмѣсто хлѣба выдаютъ одну муку, изъ которой люди дѣлаютъ себѣ болтушку: конечно, всѣ го-

лодаютъ. Сомнительно, чтобы при теперешнемъ количествѣ войска могъ прорваться значительный транспортъ въ городъ, какъ это было недѣли полторы или двѣ назадъ; голодъ заставитъ армію или сдаться, или пробиться; въ томъ и другомъ случаѣ съ Плевной вѣроятно покончатъ, и тогда мы—вольные казаки. Сегодня пришло извѣстіе изъ Систова, что помѣщеніе для главной квартиры не можетъ быть готово раньше десяти дней; конечно, эта новость всѣхъ очень опечалила: всѣ уже мечтали о теплыхъ углахъ въ домахъ съ печами, о мощеныхъ улицахъ, и уже располагали дня черезъ три предаться этимъ удобствамъ, а тутъ—опять подожди. По правдѣ сказать, проведя сегодня весь день въ своей конурѣ, я не могъ радостно встрѣтить это извѣстіе; цѣлый день сидѣть со свѣчами въ глиняномъ ящикѣ, который два раза въ день топится и гдѣ температура доходитъ до 17—18 градусовъ,—совсѣмъ не весело: голова въ теплѣ, а въ ноги такъ дуетъ, что безъ плэда нельзя сидѣть; кромѣ этого, печи здѣшнія дѣлаются изъ необожженой глины, а потому всегда при топкѣ даютъ не совсѣмъ пріятный кислый запахъ. Имѣть комнату съ окномъ, въ которомъ будетъ рама со стекломъ, вставать и не рисковать себѣ разбить головы о потолокъ—все это предстоитъ уже въ Систовѣ, до возвращенія домой; уже въ Систовѣ я отъучусь ходить съ опущенной головой и выпрямлюсь во весь ростъ. Тѣмъ не менѣе все-таки я на свою хату смотрю какъ на величайшее благодѣяніе со стороны судьбы: жить эти дни въ палаткѣ было нестерпимо; даже желѣзный Ю. Н. Ков. сталъ кряхтѣть и придумывать различныя мѣры противъ холода, и остановился наконецъ на томъ, чтобы

жечь въ палаткѣ лучины, — оставался доволенъ; днемъ же онъ грѣлся движеніемъ: то ходитъ сзади своей палатки, то со мною, то одинъ. Если установится хорошая погода, то, конечно, здѣсь въ сущности будетъ лучше, чѣмъ въ Систовѣ; воздухъ хорошъ; прогулки въ полѣ, которыхъ въ Систовѣ уже не будетъ, хотя, съ другой стороны, не будетъ у меня подъ носомъ скотнаго двора съ его вонью и постоянными хрюканьями свиней, вздохами воловъ и фырканьемъ лошадей: навозъ здѣсь не убирается,—онъ накопляется въ хорошихъ количествахъ, и когда высыхаетъ, то его рѣжутъ на четыреугольники, которые употребляютъ какъ топливо—кизякъ. Мѣстами же онъ сваливается въ громадныя кучи около домовъ и, очевидно, остается тамъ цѣлыми годами безъ всякаго употребленія. Земля здѣсь такъ хороша, что унаваживать ее нечего; вѣдь теперь въ полѣ мѣстами зелено, какъ весной; особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ прежде стояли лагери, тамъ теперь уже поднялся ячмень, пшено. Хозяйка моей хаты приняласъ, очевидно, за свои зимнія занятія: установила станокъ подъ навѣсомъ моего крыльца и бо̀льшую часть дня угощаетъ меня стукомъ этого примитивнаго аппарата; лѣтомъ, при полевыхъ работахъ, бабы чрезвычайно прилежно работаютъ за прялками, тянутъ нитку на ручныхъ прялкахъ; идетъ ли съ обозомъ, съ работы или на работу, каждая баба тянетъ нитку,—зимой же онѣ ткутъ полотно или шерстяныя грубыя ткани, смотря по мѣстности...

1-го октября.

Съ нынѣшняго дня погода, повидимому, установилась: день простоялъ отличный, солнечный, хотя не

безъ свѣжести (около 12 ч. утра было только 11°), но я съ наслажденіемъ сидѣлъ на своемъ балконѣ на солнышкѣ, жарко не было; и такъ было на душѣ хорошо, спокойно, тихо, что я, сидя на своемъ креслѣ, съ плэдомъ на ногахъ и въ тепломъ пальто, блаженствовалъ и ничего не дѣлалъ, наблюдалъ только за обитателями моего грязнаго дворика, за утками, за курами и за воробьями: все это, какъ и мы грѣшные, очевидно, обрадовалось солнышку; все копошилось и ѣло, раскапывая солому, которую мы положили на дорожкѣ отъ моего домика ко дворцу, чтобы не утопать, а главное, не скользить въ грязи. Въ этомъ быту грязныхъ дворовъ для меня много новаго открывается, — я вѣдь никогда не жилъ близко съ этими обитателями деревни; придворный людъ, наша свита вообще и въ частности мнѣ слишкомъ знакома, и потому интереснѣе—утки и куры. Только сегодня я убѣдился, насколько утки интеллигентнѣе куръ; онѣ, сирѣчь утки, не граціозны, это вѣрно,—но онѣ не живутъ исключительно двумя интересами, какъ куры: кушать и поддерживать свой родъ; утки много проводятъ времени за чисткой своего платья. Онѣ чистоплотны; стадность ихъ, утокъ, условливаетъ извѣстныя общественныя отношенія: одну утку другая вздумала щипать, третья заступилась; онѣ то поѣдятъ, то попьютъ въ своей компаніи; явился воробей—принятъ. Вчера отодрали два селезня одного пѣтуха чуть не до смерти. Куры же только жрутъ, кудахчутъ и охорашиваются, когда подходитъ пѣтухъ, за что молодыя получаютъ щипки отъ старыхъ куръ. Между старыми одна мнѣ ужасно напоминала типъ почтенныхъ злющихъ дамъ, носящихъ обыкновенно коричневыхъ цвѣтовъ

платья; она, по примѣру нашей, человѣческой, породы дамъ, считаетъ своимъ долгомъ нападать на всякую молодую, особенно если замѣтитъ въ ней кокетство передъ пѣтухомъ, услышитъ особенно нѣжный и привѣтливый голосокъ и увидитъ вытянутую граціозно головку; откуда ни возьмется наша коричневая дама — и щелкъ молодку; а эта конфузится, продолжаетъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, выбирать изъ соломы зерна, но уже не отмахиваетъ лапками съ прежней ловкостью, а дѣлаетъ это, какъ сконфуженная особа, съ нѣкоторой неловкостью.

Пока я занимался изученіемъ нравовъ моихъ сожителей, ко мнѣ подсѣлъ мой сосѣдъ изъ человѣческой породы — М — овъ. Это старичокъ около 60-ти лѣтъ (сынъ знаменитаго остряка); къ сожалѣнію, онъ не наслѣдовалъ ни остроумія, ни знаменитости своего отца, но тѣмъ не менѣе онъ одинъ изъ самыхъ старшихъ генералъ-адъютантовъ. Это еще свѣжій и красивый старикъ и замѣчательно благодушный; онъ никого не ругаетъ, исключая только Ч., имени котораго онъ не можетъ слышать равнодушно. У него одна страсть, которая его совершенно поглощаетъ, это страсть къ лошадямъ; громадныя богатства позволяютъ ему предаваться этой страсти безъ удержу, а потому здѣсь у него семь верховыхъ лошадей; экипажныхъ, обозныхъ — нечего и считать. Между верховыми у него и арабскія, и кабардинскія, и турецкія и пр. Цѣлый день моего сосѣда проходитъ чрезвычайно дѣятельно: о каждой лошади надо подумать, посмотрѣть ее, позаботиться о ней, наконецъ проѣхать нужно ту или другую; онъ никогда ничего не читаетъ, кромѣ писемъ отъ жены, и изрѣдка беретъ у

меня газеты, гдѣ съ особеннымъ счастьемъ отыскиваетъ статьи противъ Ч. Сидя на балконѣ, мнѣ неизбѣжно приходится слѣдить за днемъ моего сосѣда и неотлучно почти слѣдующаго за нимъ урядника Луки: то окажется, что экипажъ не въ порядкѣ, то надо приладить постель къ экипажу въ случаѣ похода, то лошадь подковать, и т. д. Теперь онъ помѣщается рядомъ со мною въ каменномъ сараѣ безъ окна; печку онъ поставилъ-было, но она не грѣетъ, тѣмъ не менѣе старикъ держится за это помѣщеніе и отказался отъ моего, котораго онъ не могъ переносить изъ-за того, что постоянно колотилъ себѣ голову о потолокъ. Во время холодовъ онъ приходилъ ко мнѣ грѣться, и это мнѣ давало большую заботу: я только и думалъ о томъ, чтобы онъ не ушибся,— тоже и на балконѣ. Зимами онъ живетъ въ своемъ дворцѣ на Англійской набережной; до сихъ поръ не слыхалъ я отъ старика ни малѣйшей жалобы на обстановку,—онъ съ нею совершенно примирился и даже на холодъ и скверную погоду не жалуется; но у него есть одна жалоба, которая является, впрочемъ, уже послѣ Ч.,— это штабъ. Впрочемъ, эта жалоба не многорѣчивая: вздохнетъ, пожметъ плечами, махнетъ рукой и большею частью послѣ этого уходитъ, причемъ я всегда кричу: — не ушибитесь!— „нѣтъ, я помню“ —и тѣмъ не менѣе тотчасъ же хлопнется о потолокъ. Для меня этотъ старикъ симпатиченъ, и я на него гляжу, какъ на другихъ моихъ сосѣдей — утокъ и куръ.

Сегодня я не писалъ тебѣ въ мои обычные часы послѣ обѣда; только-что прочелъ письма, какъ явился ко мнѣ П. изъ своего путешествія по госпиталямъ Болгаріи и Румыніи; такъ какъ душа у меня наболѣла

отъ всѣхъ безобразій по санитарному дѣлу, то я не досадовалъ на него, что онъ прервалъ часы моихъ наслажденій бесѣдой съ тобой; я началъ изливать передъ нимъ все накопившееся за это время. Этотъ господинъ вначалѣ сталъ-было отвертываться и отвергать всѣ случающіяся безобразія, но, конечно, въ этомъ родѣ комедія его провалилась; онъ повернулъ оглобли и началъ вмѣстѣ со мной ругать и подругивать, сваливая при этомъ вину частью на инспектора госпиталей, частью на штабъ. Въ концѣ концовъ, я высказалъ ему свое удивленіе, что самоубійства, въ родѣ Поспѣлова, не повторяются чаще.

Новостей сегодня никакихъ особенныхъ нѣтъ; ожидаемая аттака на Наслѣдника не начиналась. Вечеромъ, въ видѣ неяснаго слуха, толковали о томъ, что въ Плевну еще прорвались войска; софійскую дорогу пѣхота еще не заняла; тамъ только кавалерія, которая будто бы не можетъ помѣшать подобнымъ прорывамъ. Сегодня опять ѣздили въ Ахчаиръ на встрѣчу гвардейскому полку 2-й дивизіи; оказалось, что полкъ еще не пришелъ: не могъ справиться съ обозомъ, недалеко отъ Систова, въ одномъ дефилѐ — можешь себѣ вообразить, каковы дороги при этой распутицѣ; оказывается, подъемъ въ Систово и спускъ къ Дунаю пока въ такомъ же ужасномъ видѣ, но, повидимому, наибольшее препятствіе къ движенію — это въ ущельѣ, какъ здѣсь называютъ одинъ узкій, короткій проходъ между двумя холмами; тутъ дорога узка, глиниста, транспорты завязаютъ и задерживаютъ окончательно все движеніе.

2-го октября.

...День сегодня восхитительный; никто бы не повѣрилъ, что послѣ бывшихъ у насъ дней еще возможны

и такіе дни. Я цѣлый день сижу на своемъ балконѣ, согрѣваюсь за всѣ эти дни, и сегодня уже, конечно, безъ плэда и безъ пальто. Прелесть дня еще болѣе увеличивается депешей отъ тебя, котэрую сегодня подали раньше обыкновеннаго, за завтракомъ. На душѣ у меня свѣжо и ясно; ожидаю только событій и нашего освобожденія изъ плѣненія турецкаго. Сегодня у насъ все по праздничному, по случаю пятидесятилѣтія атаманства Государя надъ казацкими войсками: обѣдня, смотръ, торжественный завтракъ. Все время я бесѣдовалъ съ К—имъ и изливалъ ему всю накопившуюся желчь по поводу санитарнаго дѣла, предупредивъ его, что говорю съ нимъ какъ частный человѣкъ, какъ публика, а потому не стѣсняюсь. Но штабъ и ему мѣшалъ: все онъ предвидѣлъ, все предусматривалъ, но штабъ все задерживаетъ, все тормазитъ, ни на какія разумныя предложенія не соглашается. Конечно, многаго этими разговорами не сдѣлаешь, но все-таки отведешь душу, высказавъ истину, какъ она есть, во всей ея некрасивой, убогой наготѣ. Теперь они сами видятъ, что дѣло плохо, но какъ помочь—никто не знаетъ, никто не умѣетъ.—Что же вы-то думали въ Кишиневѣ, гдѣ болѣе шести мѣсяцевъ имѣли, чтобы подготовиться къ дѣлу и не довести до такого безобразія? — На такіе вопросы идутъ обыкновенно самые пошлые отвѣты, въ родѣ того, что думали, что войны не будетъ, и пр. Для характеристики героевъ нашего времени я тебѣ долженъ разсказать типичное заявленіе одного героя одному изъ своихъ старыхъ пріятелей: „думаю, какъ бы поскорѣе отсюда выбраться,—говоритъ герой: — что же мнѣ теперь здѣсь! я получилъ все, что могъ“... Это направленіе здѣсь до

такой степени общее, что подобныя заявленія передаются безъ цинизма, а сообщаются какъ и всякая другая ходовая идея, встрѣчающая общее сочувствіе. Не забудь, что на него одно время смотрѣли какъ на нѣчто выдающееся, заслуживающее особаго вниманія.

Вчера, получивъ отъ тебя письмо, я къ величайшему сожалѣнію не получилъ газетъ; было бы интересно знать отъ нашихъ курьеровъ—я не получилъ или не доставлено изъ дому. Конечно, большой потери нѣтъ, я читаю теперь газеты довольно лѣниво, ограничиваясь только передовыми статьями да депешами, да и то только въ послѣднихъ нумерахъ; не хватаетъ терпѣнья портить глаза на чтеніе скуднаго матеріала; охотнѣе читаю медицинскіе журналы, а если ихъ нѣтъ, то медицинскія книги. Тѣмъ не менѣе, все-таки присылай: передовыя статьи „Голоса“ я проглядываю довольно аккуратно. Сегодня я чувствую, что спалъ немного, голова какъ будто съ перепоя, да и попахиваетъ сильнѣе теперь на моемъ дворѣ, когда стало все подсыхать, а можетъ быть и отъ солнца отсталъ, раскисаетъ подъ дѣйствіемъ его лучей. Мои сожители тоже видимо раскисли; куры очень лѣниво клюютъ и выбираютъ свои зерна изъ соломы не со вчерашней энергіей; утки же притихли, забрались въ тѣнь и только изрѣдка почесываются; одинъ только сосѣдъ М—овъ сегодня оживился и былъ особенно разговорчивъ; просидѣлъ у меня все время моего завтрака и поразсказалъ мнѣ кое-что изъ жизни молодого героя С. Ну, тоже, надо признаться, детали жизни этого человѣка не утѣшительнаго свойства; хотя старикъ отдаетъ ему полную справедливость въ его безумной храбрости,

но въ его человѣческихъ достоинствахъ другого свойства можно усомниться.

3-го октября.

Вчера я тебѣ не кончилъ письма: ко мнѣ пришелъ по дѣлу М—инъ; но не успѣлъ онъ высказать своего дѣла, какъ пріѣхалъ П. А. Шуваловъ. М—инъ ушелъ, не докончивъ своего дѣла, а Шуваловъ торопился засвѣтло добраться до Павло; разошлись они довольно скоро, но лошадь моя была уже осѣдлана, и я отправился въ госпиталь, хотя еще четырехъ часовъ и не было. Сидя цѣлый день на своемъ балконѣ, отъ солнца ли, отъ вони ли, отъ безсонницы ли наканунѣ, я чувствовалъ, что голова была тяжела; вслѣдствіе этого, выбравшись изъ дома, я забѣжалъ опять только помыть руки и перемѣнить свой сюртукъ и пошелъ странствовать, что̀ меня совершенно и освѣжило. Домой вернулся уже въ двѣнадцатомъ часу и завалился сейчасъ же спать. Сегодня проснулся совсѣмъ здоровымъ и съ свѣжей головой. Вчера, впрочемъ, день прошелъ безъ особенныхъ происшествій, исключая развѣ того, что съ утра почти до нынѣшняго утра въ казачьемъ нашемъ лагерѣ праздновали назначеніе новаго георгіевскаго кавалера; теперешній командиръ эскадрона Кулебякинъ за Ловчу получилъ Георгія, имѣя уже всѣ солдатскіе кресты. Пошло разливанное море вина, которое казачество—вмѣстѣ съ пѣснями, съ криками ура!—и тянуло вплоть до полуночи. Издали слышались голоса ликующихъ и измѣняли нѣсколько обычную звуковую обстановку нашего бивуака, гдѣ, какъ стемнѣетъ, какъ пробьютъ зорю и пропоютъ молитву, слышно только одно: — Кто идетъ?—Свои! —

Какой пропускъ? и т. п. Все это, конечно, вполголоса, но при тишинѣ все это рѣзко слышно; собачья музыка значительно утихла; по временамъ собаки только воютъ передъ дворами своихъ возлюбленныхъ, да и то не вблизи дворца, откуда ихъ гоняютъ.

Вчера слышалъ, что извѣстіе о вторженіи венгровъ въ Румынію не подтвердилось; у Цесаревича тишина; турки будто бы дѣлаютъ какія-то передвиженія, но не нападаютъ; мы же, съ своей стороны, ждемъ, ободряя себя вѣроятностью скораго отъѣзда. Сегодня говорятъ уже довольно громко о томъ, что Государь рѣшилъ въ принципѣ здѣсь не зимовать; главнокомандующій будто бы у себя въ квартирѣ объявилъ, что онъ уѣдетъ отсюда въ Питеръ къ 25-му декабря. Конечно, намъ уже придется выѣхать не позднѣе первыхъ чиселъ ноября. Если погода будетъ такъ хороша, какъ теперь, то, конечно, это не ускоритъ нашего возвращенія, но сомнительно, чтобы такая погода была продолжительна,— дальше октября не продержится. Вчера толковали о дурномъ впечатлѣніи, которое произвела одна корреспонденція изъ Горнаго-Студня, напечатанная 25-го сент. въ „Голосѣ“; она помѣчена 14-мъ сент., 15-го же шелъ нашъ курьеръ: является предположеніе, что она писана кѣмъ-нибудь изъ главной квартиры. Такъ какъ, по моему мнѣнію, ничего особенно пикантнаго въ статьѣ нѣтъ, то очевидно она обратила на себя вниманіе по какому-нибудь особенному обстоятельству или намеку; пожалуй, это подозрѣніе на кого-нибудь изъ главной квартиры поведетъ къ тому, что наши письма будутъ цензироваться. Какъ будто этими мѣрами можно заставить людей молчать? У кого же нѣтъ языка, если бу-

дутъ связаны руки; говорятъ, будто корреспонденты русскихъ газетъ теперь удалены отсюда (я знаю навѣрное); къ чему же это послужитъ? всегда найдется возможнымъ послать статью тому или другому и неоффиціальному корреспонденту—и тогда уже безъ цензуры. Вчерашняя, можетъ быть, прочлась бы только двумя, тремя; но разъ узнали, что она вызвала неудовольствіе, то ее прочли почти всѣ и одобрили, найдя ее умѣренной и приличной.

XLV.

4-го октября.

Несмотря на прелестную солнечную погоду, позволявшую мнѣ цѣлый день оставаться на воздухѣ, мнѣ нынче все-таки не радостно на душѣ. Какъ ни утѣшай себя, а все-таки еще minimum мѣсяцъ, а пожалуй и полтора,—штука не легкая, особенно когда дни кажутся все длиннѣе и длиннѣе, когда начинаешь почти считать часы, которые осталось еще проводить при теперешнихъ условіяхъ. Еслибы еще въ самомъ дѣлѣ я убѣдился, что я въ санитарномъ здѣшнемъ устройствѣ приношу существенную пользу,—но, признаюсь, нерѣдко приходится въ этомъ разубѣждаться и убѣждаться въ своей безполезности. Конечно, важно то, что видѣлъ, могу имѣть право голоса на будущее время, а теперь, кажется, надо утѣшать себя тѣмъ, что сдѣлаешь тому или другому случаю діагнозъ, посовѣтуешь леченіе, поговоришь съ ординаторами, подѣлишься своими наблюденіями, обратишь ихъ вниманіе на какое-нибудь явленіе—и баста. Но что значитъ здѣсь вся эта тонкость медицинской отдѣлки въ виду того, что больные скверно

или вовсе не помѣщены, не прикрыты, не накормлены здѣсь не столько нуженъ докторъ, сколько хорошій хозяинъ; я это вполнѣ понимаю, но вліять на хозяйство существенно — я рѣшительно не могу. Представители здѣшней медицины очень хорошо знаютъ мои взгляды на дѣло; сваливая на штабъ, они меня, такъ сказать, и отправляютъ къ штабу; но тамъ я почти ни съ кѣмъ не говорю, такъ какъ тамъ медицинскій авторитетъ — лекарскій помощникъ Б., который, вѣроятно, и разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія по санитарнымъ вопросамъ. Мнѣ остается одно: не скрывать истины передъ Государемъ, что̀ я, конечно, и дѣлаю, наталкиваясь въ этомъ случаѣ на противорѣчія съ другой стороны. Вчера Государь былъ въ госпиталѣ безъ меня и, встрѣтивъ тамъ П., вернувшагося изъ своего объѣзда Болгаріи и Румыніи, спрашиваетъ, въ какомъ положеніи онъ нашелъ госпитали? — „Я пришелъ въ умиленіе отъ нашего госпитальнаго дѣла“, отвѣчалъ П. — Вечеромъ Государь встрѣтилъ меня у Адлерберга при Суворовѣ и передаетъ свой разговоръ съ П. Конечно, я не молчалъ и счелъ долгомъ заявить, что П. держится постояннаго правила не признавать недостатковъ, даже самыхъ очевидныхъ, и повторилъ при этомъ о громадномъ скопленіи народа въ Зимницѣ, о томъ, что тамъ изъ-за скверныхъ условій хирурги не могутъ взять ножа въ руки; о томъ, что здѣсь даже не хватаетъ лекарствъ, не доставляютъ больнымъ хлѣба, цѣлыя палатки по нѣсколькимъ днямъ не видятъ врачей и пр. Напомнилъ все, что̀ въ свое время заявлялъ... Перемѣнить теперь нельзя, такъ что же подымать исторіи, не имѣя надежды на серьезное

улучшеніе! Съ другой стороны, вѣроятно, штабъ доноситъ, что все обстоитъ благополучно и пр.

Сегодня утромъ радостная вѣсть съ Кавказа о блистательной побѣдѣ: армія Мухтара разбита и отрѣзана отъ Карса; сегодня же какой-то казачій праздникъ. Мнѣ показалось, что у меня желудокъ не въ порядкѣ, и потому не поѣхалъ въ лагерь и не пошелъ къ общему завтраку. Все утро читалъ газеты и, конечно, ничего пріятнаго не могъ вычитать; между прочимъ попался разсказъ о несчастномъ Поспѣловѣ, котораго представили чуть не умалишеннымъ и нераспорядительнымъ; что все было прелестно, только хлопотливо, а онъ-то и повѣсился съ-дуру. Больно было читать эти строки, да еще съ сочувственнымъ адресомъ одному очень непочтенному дѣятелю Краснаго Креста. Газеты меня не освѣжили.

Не могу не передать тебѣ очень интересныхъ свѣденій изъ-подъ Плевны; сегодня пріѣхалъ сюда Гурко съ донесеніемъ отъ Тотлебена. Оказывается, что Плевну и голодомъ взять нельзя, что у турокъ на виддинской дорогѣ редуты, укрѣпленные этапы, подъ защитой которыхъ совершенно свободно доставляется все, что̀ нужно. Былъ совѣтъ у Государя; что-то рѣшили; говорятъ, будто туда отправятъ всю гвардію, пѣхоту и кавалерію; не думаютъ ли опять объ аттакѣ? Вѣроятно, по газетамъ все это уже разъяснится прежде, чѣмъ ты прочтешь эти строки. Затѣмъ побывалъ въ госпиталѣ, на секціи, пообѣдалъ и вотъ теперь опять иду къ чаю.

5-го октября.

Все время до вечера прошло между пальцами, при дѣлѣ и безъ дѣла. Въ общей сложности, впрочемъ, я

доволенъ днемъ. Въ 11 ч. была обѣдня по случаю дня рожденія Маріи Александровны, послѣ которой тотчасъ же завтракъ, а въ часъ былъ назначенъ смотръ гвардейскимъ войскамъ, проходившимъ подъ Плевну; 2-я дивизія идетъ туда же. Послѣ завтрака явился ко мнѣ главноуполномоченный Р. и взялъ все время между завтракомъ и смотромъ, что̀ составило хорошій часъ времени; затѣмъ Р. непремѣнно хотѣлъ посмотрѣть на гвардію, мы и отправились вмѣстѣ. Погода была чудная; я охотно шатался по полю, отставъ отъ свиты и любуясь издали красивой картиной свѣжихъ, здоровыхъ, бодрыхъ людей, только-что прибывшихъ изъ Питера, не страдавшихъ ни отъ жары, ни отъ голода, ни отъ холода. Силища большая; мнѣ нравилась армія до войны еще въ Кишиневѣ, но уже въ Плоэшти она была и худа, и даже оказалась усталой въ эти жары; нечего говорить о впечатлѣніи, которое сдѣлали солдатики, когда мы въѣхали въ первый разъ сюда въ Горный-Студень послѣ второго плевненскаго побоища и когда насъ встрѣчалъ весь корпусъ Шаховского. Усталый видъ, истрепанная обувь, истертые мундиры рѣзко отличались отъ теперешнихъ цвѣтущихъ, крѣпкихъ и свѣжихъ людей. Государь поѣхалъ ихъ провожать по плевненской дорогѣ и затѣмъ, простившись съ командиромъ, солдатиками, отпустилъ и свиту; я отправился въ госпиталь и съ интересомъ провелъ часа полтора за разборомъ больныхъ. При госпиталѣ Богоявленскій, и мои посѣщенія госпиталя приняли, слѣдовательно, совершенно другой характеръ: я пересталъ туда ѣздить, какъ чиновникъ-контролеръ другихъ чиновниковъ; теперь мнѣ представляется и научный интересъ; тамъ есть человѣкъ, ко-

торый смотритъ на дѣло не по казенному, не по шестнадцатому тому. У него сейчасъ же явились интересные и поучительные случаи. Теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю, что завтра опять буду въ госпиталѣ.

Р. сдѣлалъ на меня сегодня впечатлѣніе менѣе выгодное, чѣмъ въ первый разъ: это все-таки не то, что нужно; въ сущности, кажется, это не что иное, какъ хорошій, честный человѣкъ, устроившій механизмъ своего дѣла и любующійся теперь своимъ произведеніемъ; онъ принадлежитъ къ умиляющимся, тогда какъ это направленіе никакъ не можетъ служить задаткомъ усовершенствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Румыніи не было вѣроятно и половины тѣхъ безобразій, которыя совершались по сю сторону Дуная и по ту до Фратешти, но невозможно, чтобы тамъ зрѣлище было вполнѣ умилительно для Р. и П. Онъ началъ съ похвальбы врачамъ и студентамъ Краснаго Креста, но вмѣстѣ съ этимъ высказалъ, что они не отличаются своими административными способностями. Я совершенно съ нимъ былъ согласенъ, что хорошій врачъ большею частью плохой администраторъ, и наоборотъ, — но попросилъ все-таки указать мнѣ спеціально на врача, отличавшагося своимъ административнымъ неумѣньемъ; тогда онъ мнѣ указываетъ на Ч.; это меня удивило, и я попросилъ указать какой-нибудь частный случай, который бы познакомилъ меня съ административной неспособностью человѣка (котораго я въ сущности считалъ наиболѣе способнымъ изъ всей нашей молодежи). Отвѣтъ Р. меня удивилъ еще болѣе и показалъ, что въ немъ если не XVI-ый томъ сидитъ въ головѣ, то чиновникъ нѣмецкаго происхожденія: оказалось, что во время страшнаго наплыва

больныхъ и раненыхъ въ Фратешти послѣ плевненскаго дѣла къ Р. являются съ различныхъ его пунктовъ врачи.—Какъ это можно безъ спеціальнаго разрѣшенія главноуполномоченнаго, кто позволилъ? — Оказывается, пріѣхали потому, что вызваны телеграммой Ч., который хозяйничалъ въ Фратешти, и видя, что на 12 человѣкъ врачей наваливался матеріалъ изъ девяти тысячъ раненыхъ, совершенно правильно вызвалъ врачей съ менѣе важныхъ пунктовъ, чтобы справиться болѣе прилично съ матеріаломъ. Очевидно, Р. оскорбило самовластное распоряженіе Ч., но онъ считалъ это распоряженіе Ч. въ высшей степени непрактичнымъ, неадминистративнымъ: какъ можно оголять пункты! На это я ему замѣтилъ, что такую ошибку сдѣлаетъ всякій порядочный врачъ, и, конечно, не трудно было мнѣ ему доказать эту немудрую истину, что съ нѣсколькими тысячами какъ слѣдуетъ нельзя справиться 13 врачамъ и т. д. Тутъ Р. показалъ себя не широкаго полета человѣкомъ. Ты прислала мнѣ три фонаря, но ихъ мало, чтобы найти человѣка между тѣми лицами, которыя по чиновности своей могутъ занять такой высокій постъ, какъ постъ главноуполномоченнаго; можетъ быть, со временемъ выработаются люди изъ той молодежи, которая дѣйствуетъ теперь въ качествѣ уполномоченныхъ, но, къ сожалѣнію, кажется, бо̀льшая часть изъ нихъ не изъ того сословія, въ которомъ развита способность къ труду и выдержкѣ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ, подъ вліяніемъ молодости и экзальтаціи, прелестно работаютъ, но надо, чтобы годы не охладили ихъ, чтобы они были въ состояніи работать и безъ экзальтаціи. — Сегодня всѣ мы ожили подъ вліяніемъ извѣстія съ Кавказа; это

измѣнитъ вѣроятно положеніе и здѣшнихъ дѣлъ; съ лѣваго фланга пока никакихъ извѣстій; говорятъ, что Сулейманъ отступаетъ къ югу. Подъ Плевной Тотлебенъ ввелъ порядокъ, котораго будто бы не было прежде.

6-го октября.

Нынче цѣлый день провелъ на медицинѣ и занимался съ большимъ удовольствіемъ. Былъ въ госпиталѣ, съ интересомъ провелъ тамъ часа полтора и затѣмъ все время сидѣлъ въ своей хатѣ съ зажженными свѣчами; было холодно, чтобы сидѣть на воздухѣ, что́ я выдержалъ только до 12-ти часовъ, и такъ и засѣлъ въ хатѣ, никуда не выходя до 4 ч.; домой вернулся почти къ обѣду. За сегодня ничего новаго; поговариваютъ, что вѣроятно пойдемъ подъ Плевну, вѣроятно брать редуты, вотъ и все. За обѣдомъ слушалъ одного сладкорѣчиваго полковника, утверждавшаго, что онъ ощущаетъ такое наслажденіе, когда ѣдетъ верхомъ на хорошей лошади, что какъ будто онъ купается въ морѣ, и пр. Сейчасъ иду къ чаю; надѣюсь все-таки приписать еще послѣ.

Хотя теперь только двѣнадцатый часъ въ началѣ и въ теченіе дня почти-что силъ особенно не тратилъ, а все-таки подъ конецъ чувствуешь усталость. Вѣроятно это борьба съ холодомъ, сыростью, сидѣніе въ темной комнатѣ;—все это вмѣстѣ утомляетъ. Такъ какъ до сихъ поръ все хвораетъ Адлербергъ и пьетъ искусственный карлсбадъ, то мой послѣдній визитъ вечеромъ обыкновенно оканчивается у него. Главный нашъ разговоръ о томъ, когда выѣдемъ; сидя по цѣлымъ днямъ у себя въ комнатѣ, онъ напрягаетъ всѣ свои нравственныя силы, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, срокъ нашего

дальнѣйшаго пребыванія. Сдѣлавъ уже не разъ очень грубую ошибку въ своихъ предсказаніяхъ, онъ сталъ теперь особенно и даже слишкомъ остороженъ; онъ разсчитываетъ пріѣздъ домой черезъ 43 дня отъ нынѣшняго; такъ какъ этотъ терминъ не имѣетъ прочныхъ основаній, то я его не считаю вѣрнымъ; при удачѣ можемъ выѣхать и гораздо раньше. Побѣда, для насъ совершенно неожиданная, на Кавказѣ даетъ право думать о возможности какого-нибудь быстраго переворота и въ здѣшнихъ дѣлахъ. Почему знать, войска теперь много, и на правомъ, и на лѣвомъ флангѣ можетъ случиться что-нибудь утѣшительное и рѣшительное. Нѣтъ сомнѣнія, что мы двинемся домой, тѣмъ болѣе, что здѣсь двигаться съ нашимъ обозомъ физически невозможно. Сегодня я забѣжалъ къ своему сосѣду кн. М., который тоже, какъ и я грѣшный, сидитъ днемъ съ огнемъ въ своемъ сараѣ и усиливается согрѣться; отъ него услыхалъ новость, будто П. просится въ отставку, не считая яко бы себя способнымъ вести санитарное дѣло. Теперь подготовляютъ санитарные отряды и для лѣваго, и для праваго фланговъ; увидимъ, насколько горькій опытъ былъ полезенъ въ этомъ случаѣ. Для характеристики при семъ прилагаю здѣсь его письмо, полученное мною вчера; очевидно онъ думаетъ меня подкупить, обѣщая награды моимъ ассистентамъ. Слишкомъ наивно!—до сихъ поръ я ему еще не отвѣчалъ... Курьеры теперь сильно запаздываютъ; говорили, что нынче ночью ожидаютъ за-разъ трехъ отправленныхъ вмѣстѣ; отъ Фратешти до Горнаго добраться при этой распутицѣ—величайшее затрудненіе. Пожалуйста, посылай письма только съ курьерами, не вѣрь никогда оказіи; вѣдь письмо Б. до сихъ поръ до

меня не дошло; на днях встрѣтилъ какого-то полковника съ Шипки; онъ сообщилъ мнѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ носитъ у себя въ карманѣ письмо ко мнѣ отъ тебя, но что и теперь передать его не можетъ, потому что чемоданъ его неизвѣстно гдѣ застрялъ; обѣщалъ, впрочемъ, доставить при первой возможности. Вотъ какова оказія; курьеръ же, если погибнетъ самъ, то корреспонденція его охраняется, какъ казенная собственность...

XLVI.

7-го октября.

Когда вернемся, я не знаю, но знаю *навѣрное* одно, что мы не зимуемъ. Слухи о зимовкѣ въ Бухарестѣ доходили и до насъ, но на нихъ никто не обратилъ вниманія, въ виду положительной общей увѣренности, что не зимуемъ здѣсь; можетъ быть, даже намъ не придется и въ Систовѣ пожить, гдѣ приготовлены намъ квартиры. Погода хотя холодная, но не сырая; у Государя здѣсь хотя маленькая, но все-таки комната съ печкой; другіе кое-какъ прилаживаются и устроиваются, кто въ палаткѣ посредствомъ шубъ, шинелей, кто въ хатѣ, какъ я; унтеръ-штабъ устроилъ себѣ шалаши, и всѣ готовы прожить цѣлый мѣсяцъ въ такихъ условіяхъ, лишь бы поскорѣе попасть въ Питеръ и не терять времени на Систово. Распоряженія Милютина объ осеннемъ и зимнемъ платьѣ понятны; не забудь, что онъ живетъ въ комнатѣ, но безъ печей, а потому сидитъ цѣлый день въ ватномъ пальто, ходьбою разогрѣваетъ себѣ ноги; тутъ выпишешь себѣ все теплое, что̀ есть въ кладовой; вѣдь подумай, три градуса мороза еще въ 7 ч. утра, когда

прошелъ часъ послѣ восхода солнца! Свою хату я не могу топить два раза въ день—слишкомъ жарко, приходится топить только по утрамъ; цѣлый день стараешься проводить на воздухѣ; когда ложусь спать, то вообрази, что я на себя паваливаю: кромѣ сѣна подъ матрасомъ, а теперь и бурки, на мнѣ лежитъ одѣяло, мой плэдъ, халатъ холодный, теперь и ватный; утромъ особенно, но также и ночью, мнѣ нисколько не жарко; въ стѣнѣ дырья, соединяющія мою хату непосредственно съ воздухомъ...

Сегодня хорошее извѣстіе изъ Плевны; румыны взяли 2-й редутъ за Гревецкимъ, но никакихъ подробностей. Теперь ожидаютъ, что осуществится наше намѣреніе отнять идущій въ Плевну большой транспортъ провіанта; если это удастся, то полагаютъ, что черезъ три недѣли Плевна должна будетъ сдаться. Сегодня дѣлали на моихъ глазахъ пробу вновь изобрѣтенныхъ металлическихъ щитовъ; при этомъ оказалось, что наши ружья съ нашими патронами не пробиваютъ на 100 шаговъ; турецкое же пибоди съ турецкимъ патрономъ пробило на 300 шаговъ; говорятъ, что причина лежитъ въ порохѣ патрона. Не знаю, вношу только фактъ, который самъ видѣлъ, для будущихъ воспоминаній.

Сегодня съ интересомъ провелъ время въ госпиталѣ, осматривая больныхъ съ отмороженными ногами на Шипкѣ. При изслѣдованіи болѣе обстоятельномъ оказывается, что холодъ-то здѣсь играетъ весьма второстепенную роль; главная же причина лежитъ въ предшествовавшемъ болѣзненномъ состояніи этихъ субъектовъ, которые почти всѣ передъ предполагаемымъ ознобленіемъ имѣли лихорадку или же поносъ, что̀ нерѣдко здѣсь одно и то же.

У нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ лихорадочныхъ совершенно одинаковое измѣненіе на ногахъ, какъ и у шипкинскихъ больныхъ, произошло по окончаніи тяжелыхъ, съ постояннымъ тономъ лихорадокъ; явленіе антонова огня пальцевъ ногъ, обыкновенно дѣлающихся темно-синими и затѣмъ представляющихъ дальнѣйшія обычныя измѣненія этого признака произвольнаго омертвѣнія, уже въ трехъ случаяхъ развилось въ госпиталѣ безъ ознобленія; возможно, что отчасти холодъ въ палаткахъ тутъ имѣлъ свое значеніе, но очевидно второстепенное. Упадокъ питанія тканей имѣлъ болѣе существенное значеніе. Этимъ вопросомъ я еще позаймусь. Всѣ съ предполагаемыми отмороженными ногами на Шипкѣ имѣли хорошую обувь, портянки; да и холодъ не былъ такой, къ какому наши солдаты привыкли въ Россіи...

8-го октября.

Военныя дѣла такъ стоятъ теперь, что каждый день можетъ измѣнить существенно все положеніе арміи. Удача подъ Плевной, удача на лѣвомъ флангѣ вмѣстѣ съ совершившейся уже удачей въ Малой Азіи—поставятъ на сцену вопросъ о мирѣ. Переговоры же о мирѣ, говорятъ, необходимо вести въ Питерѣ. Еслибы удалось окончить войну безъ зимовки арміи, то это было бы величайшее счастіе для Россіи; сколько бы народа спаслось отъ нашей администраціи, которая болѣе губительна для арміи, чѣмъ турецкія пули. Нынѣшній день я провелъ почти безъ отдыха въ чтеніи газетъ, не пошелъ даже и завтракать, сидѣлъ на солнышкѣ и перечитывалъ полученные вчера нумера, затѣмъ засѣлъ и за ме-

дицину, убѣдившись въ сотый разъ, какъ мало матеріала даютъ газеты. Часа въ три я былъ прерванъ Шаховскимъ... Послѣ него я отправился въ госпиталь верхомъ; но погода была слишкомъ соблазнительна, и я сдѣлалъ хорошенькій крюкъ на своемъ иноходцѣ, который держитъ себя неизмѣнно безукоризненно. Въ госпиталѣ обошелъ своихъ обычныхъ паціентовъ, осмотрѣлъ своихъ пальцевыхъ-ножныхъ, провѣрилъ вчерашнее наблюденіе и остался при прежнемъ убѣжденіи, что причина главная лежитъ въ разстройствѣ питанія тканей подъ вліяніемъ инфекціонныхъ процессовъ лихорадки, кроваваго поноса; усиленная ходьба, стояніе, промачиваніе ногъ и свѣжая погода дополняютъ и доканчиваютъ проявленіе этого процесса по преимуществу на пальцахъ и подошвѣ. Въ легкихъ случаяхъ дѣло не доходитъ до омертвѣнія; пальцы только покраснѣютъ, вспухнутъ, болятъ при дотрогиваніи; въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ мѣстами на пальцахъ показывается синева; еще въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ синева дѣлается болѣе темной и распространяется на большое пространство, захватывая обыкновенно всѣ пальцы, иногда отчасти нѣсколько и кожу спинки ноги, и мякоть подошвы, что̀ обыкновенно и омертвѣваетъ; въ счастливыхъ же случаяхъ синева становится свѣтлѣе, краснѣе и совершенно исчезаетъ; боль, краснота и опухоль еще держатся болѣе или менѣе долго; совсѣмъ выздоровѣвшихъ еще не видалъ. Къ моему большому горю уѣзжаетъ отсюда Богоявленскій на перевязочный пунктъ подъ Плевну, и въ госпиталѣ остаются все чужаки; пока-то еще споемся,—а во всякомъ случаѣ это не будетъ то, что̀ Богоявленскій. Вернувшись домой изъ госпиталя, я

еще успѣлъ сдѣлать прогулку пѣшкомъ около часа и пришелъ домой прямо почти къ обѣду, только успѣлъ забѣжать къ Адлербергу, чтобы навѣстить, а главное, и высушить испарину. Несмотря на свѣжесть погоды, мы продолжаемъ обѣдать, завтракать и пить чаи все еще въ шатрѣ, но по вечерамъ я уже не сажусь, а, наливъ себѣ чашку, постоянно хожу, чтобы не зябли ноги; за обѣдомъ много народа, садится около 70 человѣкъ, почему эта животная теплота и нагрѣваетъ шатеръ. Солнце заходитъ уже въ $5^1/_4$, температура быстро начинаетъ падать, и сегодня въ 3 ч. она была на 10°, а потомъ спустилась на $1^1/_2$°. Долженъ признаться, что я не въ восторгѣ отъ здѣшняго климата; вѣдь мы перешли на свѣжую погоду почти прямо съ жаровъ; не было тѣхъ прелестныхъ осеннихъ дней, какими мы наслаждаемся въ Ниццѣ, Ментонѣ и пр. Зима же, говорятъ, здѣсь бываетъ со снѣгомъ и съ морозами; разсказываютъ и о 14°, но я этому не вѣрю: вѣдь здѣсь ростетъ отличный виноградъ, который бы давнымъ-давно вымерзъ при такихъ холодахъ. Мои хозяева ходятъ до сихъ поръ босоногими; хозяйка за своимъ станкомъ сзади меня на балконѣ свои босыя ноги грѣетъ тѣмъ, что у нея въ ногахъ тлѣется кусокъ кизяка, т.-е. высушеннаго навоза; когда онъ горитъ, развивается совершенно особенный запахъ, довольно впрочемъ противный. До какой степени народъ этотъ липенъ всякой культуры, ты себѣ и вообразить не можешь; женщины здѣсь особенно рѣзко напоминаютъ рабство болгаръ и степень ихъ развитія. На балконѣ, гдѣ я сижу, стоитъ и станокъ моей хозяйки; очевидно, что мое присутствіе производитъ на нее впечатлѣніе восковой фигуры или куклы,

которую она разъ оглядѣла и перестала ею стѣсняться: трещитъ цѣлое утро своей машиной, рыгаетъ, свиститъ, оретъ со старухой-матерью, какъ будто она совершенно одна; впрочемъ я, съ своей стороны, тоже привыкъ къ этимъ „уткамъ“, и теперь ихъ и не слышу, и не вижу. Когда приходитъ хозяинъ, то обыкновенно скажетъ: „здравствуй“.

Сегодня утромъ пришло извѣстіе, что румыны владѣли отбитымъ редутомъ очень недолго: черезъ два часа турки его снова отняли,—вотъ все, что́ нынче я слышалъ о военныхъ дѣлахъ. Нынче вообще мало слышалъ; за обѣдомъ былъ такой разговоръ, который у меня совершенно вылетѣлъ изъ головы, какъ и бо́льшая часть обѣденныхъ разговоровъ. Вновь пріѣхавшій полковникъ А., на мѣсто Л., сидитъ теперь подальше отъ меня, и мнѣ не приходится слышать его восторженныхъ рѣчей о верховой ѣздѣ. Это, впрочемъ, типъ неумнаго человѣка съ претензіями на умъ.

9-го октября.

Сейчасъ вернулся изъ госпиталя. Осматривалъ (въ госпиталѣ) ноги цѣлаго ряда лихорадочныхъ; при этомъ оказалось, что у всѣхъ у нихъ пальцы и подошва около пальцевъ холодны и блѣдны, почти какъ у мертвыхъ; послѣ нѣсколькихъ дней такого сжатія сосудовъ отъ холода и отъ расположенія лихорадочныхъ къ этимъ спазмамъ въ сосудахъ и развивается воспалительное состояніе кожи, пальцы болятъ, опухаютъ, краснѣютъ и температура тогда въ нихъ подымается; въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ кожа омертвѣваетъ, передъ этимъ синѣетъ, чернѣетъ и иногда на очень порядочную глубину

подъ кожей и развивается омертвѣніе—или всѣхъ пальцевъ, или только мѣстами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно спасти тогда отъ омертвѣнія, когда уже совершенно посинѣла и потемнѣла кожа, употребленіемъ возбуждающихъ средствъ. Съ такими пальцами поступаютъ больные и изъ Горнаго-Студня, и изъ различныхъ частей, не подвергавшихся особенно большому вліянію холода. Главная причина лежитъ, очевидно, въ особенномъ расположеніи сосудовъ къ сжатію у лихорадочныхъ больныхъ и у больныхъ, страдающихъ кишечнымъ каналомъ. Былъ тамъ и на вскрытіи одного съ брюшнымъ тифомъ, причемъ узналъ, что въ военновременные госпитали не отпустили секціонныхъ наборовъ (изъ Питера); до сихъ поръ вскрытія дѣлались наборомъ Георгіевской Общины. Съ отъѣздомъ же Богоявленскаго пришлось вскрывать такъ называемыми анатомическими инструментами, назначаемыми для упражненія въ операціяхъ надъ трупами. Вскрывать было такъ затруднительно, безъ ножницъ и одними тупыми ножами, что жаль было глядѣть на неопытнаго доктора, мучившагося надъ этимъ трупомъ. Въ этомъ уже, конечно, не штабъ виноватъ; секціонный наборъ полагается, почему же его нѣтъ? Изъ госпиталя сдѣлалъ большой крюкъ: погода прелестная, ѣдешь полной рысью по полю безъ дороги, и это дурманитъ голову, хоть на минуту забываешь всѣ мерзости, наркотизуешься.

Сегодня получена депеша съ Кавказа, что въ этомъ блистательномъ дѣлѣ 3-го октября съ кучей плѣнныхъ и пр. — потери чрезвычайно незначительныя; мы уже отвыкли отъ этихъ цифръ; сегодня же Государь послалъ Лопухина на Кавказъ съ Георгіемъ 1-ой степени Вел.

Кн. Михаилу Николаевичу. Сегодня или завтра Великій Князь ѣдетъ къ Плевнѣ; вѣроятно черезъ нѣсколько дней и мы тронемся, а тамъ авось, миновавъ Систово, прямымъ путемъ домой.

Сегодня я получилъ твое письмо, посланное еще 13-го іюля съ какимъ-то полковникомъ, который, наконецъ, протаскавъ его въ своемъ карманѣ и чемоданѣ, мнѣ его доставилъ. Вчера проѣздомъ былъ здѣсь гр. Воронцовъ; онъ изъ-подъ Плевны ѣдетъ къ Наслѣднику и принимаетъ командованіе кавалеріей на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Сегодня я нѣсколько минутъ постоялъ съ нимъ и услыхалъ, что сухари подъ Плевной безпрестанно отсутствуютъ, складовъ нѣтъ, а подвозъ отвратительный. Вотъ и дерись!—холодно и голодно солдатику, да и офицеру приходится подчасъ поголодать; не говорю уже о томъ, какъ имъ приходится зябнуть.

Сейчасъ пришелъ съ обѣда и слышалъ, что черезъ мѣсяцъ мы должны будемъ выѣхать отсюда; что̀ бы ни было и какъ бы ни было, но военныя дѣйствія невозможны дальше. Адлербергъ, который на возвращеніе наше смотритъ самыми пессимистическими глазами, назначаетъ самый поздній срокъ нашего возвращенія въ Питеръ отъ сегодня еще 39 дней; три раза въ день я на минутку захожу къ нему, и каждый разъ мы толкуемъ о днѣ нашего выѣзда или, лучше, нашего пріѣзда; благодаря его болѣзни—желчной коликѣ, какъ у меня—и благодаря нашимъ частымъ бесѣдамъ, я съ нимъ теперь въ очень хорошихъ отношеніяхъ; всего больше, кажется, насъ связываетъ желаніе возвратиться домой; это трепанье нервъ, эти лишенія, наконецъ болѣзнь много уменьшили въ немъ царедворца, заговорили болѣе

человѣчныя стороны; мнѣ подчасъ его искренно бываетъ жаль.

Госпиталь составляетъ все-таки единственное убѣжище, гдѣ я могу отдохнуть душой, конечно не окунаясь только въ его хозяйственную сторону и смотря на него какъ на больничный матеріалъ. Еслибы еще были врачи, которые знакомы съ моимъ способомъ веденія этого дѣла, то я бы на многое, многое сократилъ скорбное время здѣшняго пребыванія. Къ несчастью, большая часть врачей относится ко мнѣ какъ къ оффиціальному лицу, какъ къ чиновнику, имѣющему право надѣлать каждому изъ нихъ кучу мерзостей, и это много мѣшаетъ мнѣ въ занятіяхъ съ этимъ народомъ; даже почти исключительно польскій и еврейскій элементъ этой компаніи не мѣшалъ бы столько, сколько эти чиновническія отношенія. Теперь, когда стала сухая погода, съ ясными, солнечными днями, съ удовольствіемъ работать въ госпиталѣ я соединяю еще верховую прогулку; ѣду туда и возвращаюсь, обыкновенно, дѣлая большой крюкъ въ чистомъ полѣ съ отличнѣйшимъ воздухомъ; конь мой служитъ мнѣ по прежнему и бѣгаетъ даже лучше прежняго; за эти холода у него шерсть стала гуще, и теперь я сталъ баловать его сахаромъ, до котораго онъ оказался большимъ любителемъ. Ночи теперь здѣсь восхитительныя, лунныя, но настолько свѣжи, что всякій торчитъ въ какомъ-нибудь тепломъ уголкѣ, который себѣ съумѣлъ составить; къ чаю почти никто не приходитъ, за исключеніемъ Р., Ковалевскаго, Т., Щелкова и меня. Обыкновенно мы усаживаемся всѣ вмѣстѣ; интересныхъ разговоровъ бываетъ немного; весь интересъ сосредоточивается или на Ковалевскомъ, или на Т.;

послѣдній, впрочемъ, послѣ поѣздки своей въ Бухарестъ къ женѣ, значительно измѣнился: огонекъ его, ярость затихли; конечно, онъ остался тѣмъ же протестантомъ, но далеко не такъ остроуменъ и смѣлъ, какъ прежде. Эту перемѣну въ немъ мы и ожидали... Интересенъ бываетъ Ковалевскій, когда его растолкаетъ Р.; вслѣдствіе того, что Ковалевскій обыкновенно молчитъ, рѣчь его далеко не красна; говоритъ онъ книжнымъ языкомъ, отчеканивая иногда иныя тривіальныя выраженія, но это, впрочемъ, не безъ оригинальности. Обыкновенно Юрій Николаевичъ выходитъ изъ своего равновѣсія молчанія, когда начнутъ разсказывать о какомъ-нибудь операторѣ, который много сдѣлалъ ампутацій на перевязочномъ пунктѣ; тутъ сыплется на этого оператора цѣлый дождь самыхъ отборныхъ бранныхъ выраженій: и дьяволъ, напр., и прочее, нецензурное. Вторая пуговка Ковалевскаго—это сестры милосердія, когда начнутъ его укорять въ томъ, что онъ за ними ухаживаетъ; вслѣдствіе этого обвиненія онъ начинаетъ ругать нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно красивыхъ, и тутъ приходилось иногда слышать такія выраженія, которыхъ я никогда не слыхалъ, и которыя, очевидно, принадлежатъ самому автору. Большею частью Ковалевскій самъ не приходитъ къ чаю, обыкновенно за нимъ посылаютъ; тогда онъ является въ одномъ сюртукѣ, и начинается бесѣда.— Ну что, Ю. Н., вы были въ госпиталѣ?— „Нѣтъ, я туда не хожу“.—Отчего же, вѣдь вы ухаживаете за Р.?— „Ну ее къ дьяволу!“ и т. д. Онъ дѣйствительно изъ-за этихъ разговоровъ идетъ въ госпиталь чуть-ли не насильно, когда я его туда потащу. За чаемъ Щелковъ задумчивъ, изрѣдка только въ защиту телеграфовъ ска-

жетъ нѣсколько словъ; нерѣдко къ чаю является нашъ оселъ, опрокидываетъ чашки, ѣстъ сахаръ и дѣлается общимъ предметомъ вниманія; въ $10^1/_2$ отправляюсь къ Государю, послѣ него къ Адлербергу и возвращаюсь домой; это нынче, какъ завтра и т. д.

XLVII.

10-го октября.

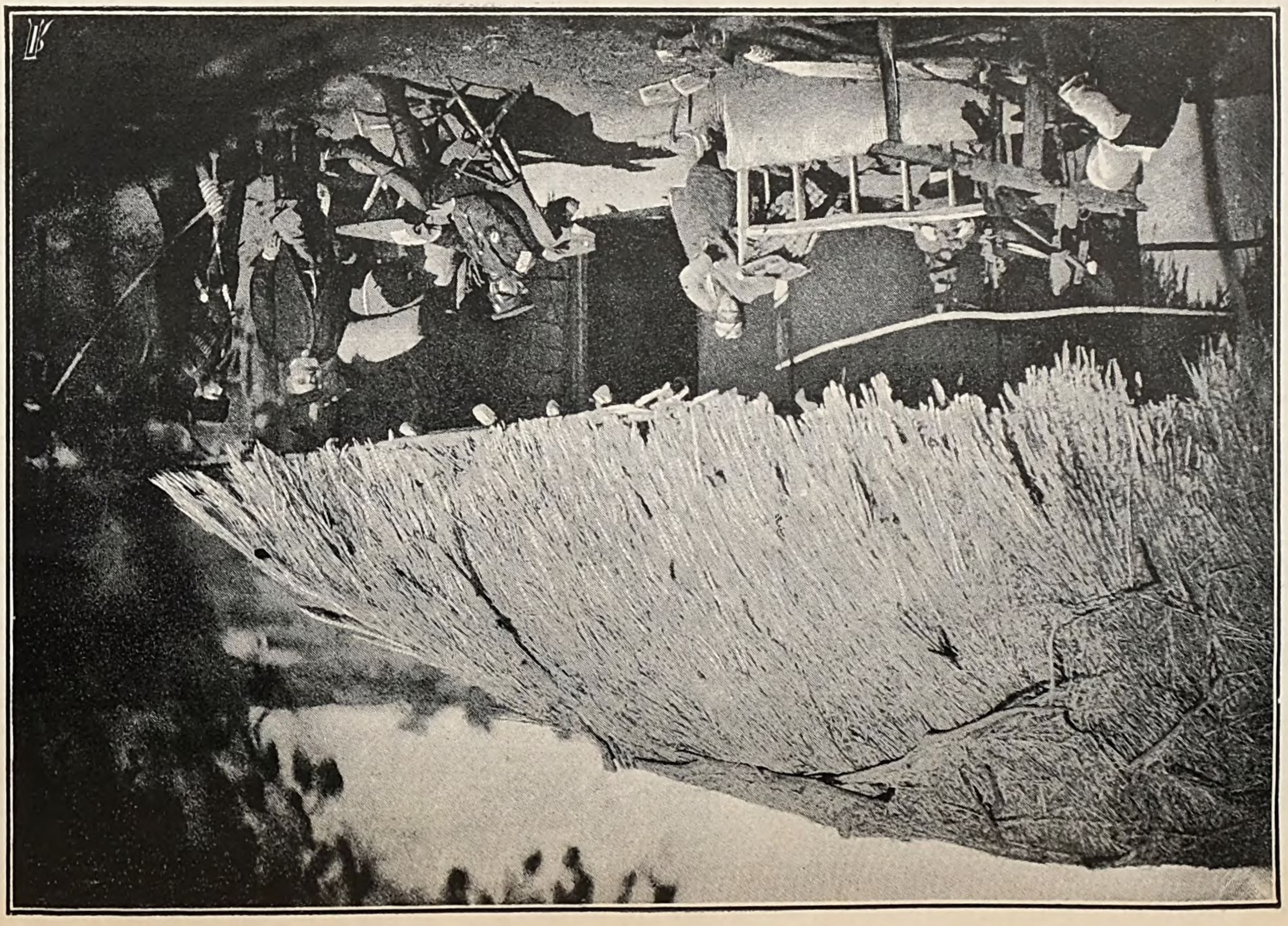
Наше возвращеніе держится все на тѣхъ же основаніяхъ; не зимуемъ, но когда вернемся — неизвѣстно. Теперь предстоитъ вѣроятно скоро поѣздка подъ Плевну,— это уже оффиціально извѣстно; а за ней что̀—конечно никому неизвѣстно. Великій Князь долженъ бы былъ поѣхать сегодня, но отложилъ, почему—неизвѣстно.

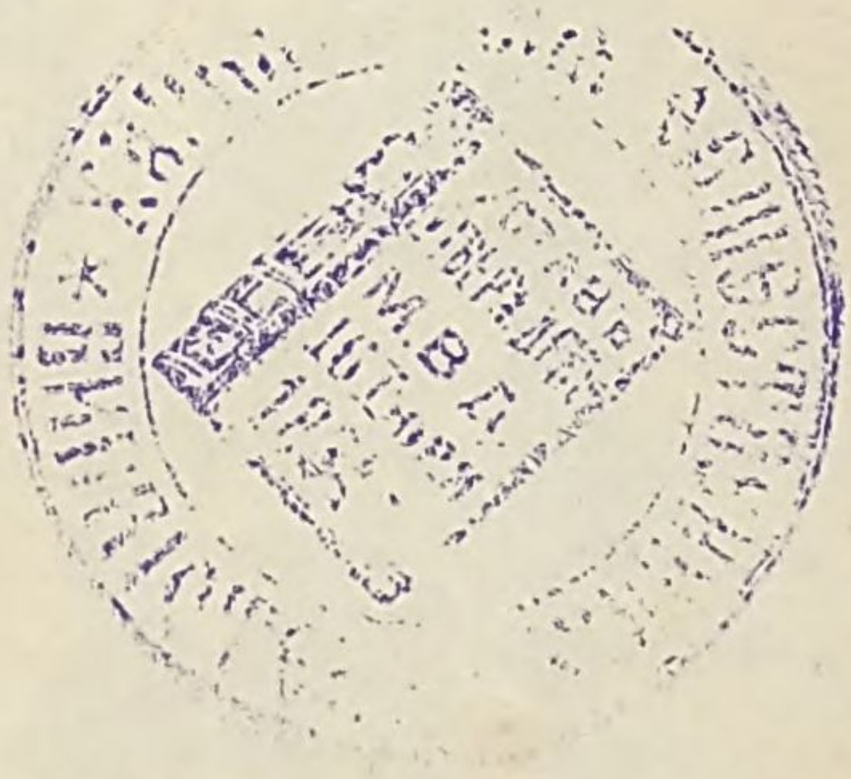
11-го октября.

Вчера долженъ былъ прервать письмо, не докончивъ; меня позвали къ чаю, а потомъ долженъ былъ идти къ Государю, министру; домой вернулся въ 12 ч., и настолько было невесело на душѣ, что не хотѣлось подходить къ бумагѣ. Мнѣ казалось, что здѣшняя канитель никогда не кончится, что здѣсь цѣлый вѣкъ свой и проторчишь, то въ Горномъ-Студнѣ, то подъ Плевной. Это, конечно, было чисто физическое явленіе: вѣроятно, усталъ. Сегодня у меня повеселѣе на душѣ, больше надеждъ на будущее, хотя все-таки я не взошелъ еще въ настоящую свою норму.

Вчера съ утра я былъ нѣсколько выведенъ изъ своего равновѣсія. М. условился съ фотографомъ, который долженъ былъ придти снять насъ съ нашей обстановкой.

Назначено было въ 10 часовъ; ждемъ 11, 12, а фотографъ все не идетъ. Конечно, я пересталъ ждать уже въ 11 и засѣлъ за свое дѣло, но безпрестанно подходилъ ко мнѣ разсерженный старичокъ съ какой-нибудь новой руганью на фотографа. Старичокъ былъ и безъ того не въ своей тарелкѣ; съ самаго утра онъ бранилъ особенно свое помѣщеніе, гдѣ такъ холодно, что онъ не рѣшался спать безъ сапогъ, и гдѣ печка никакой пользы не приносила, бранилъ хозяйку, ея маленькую дочь 8 лѣтъ, которая такая же, какъ онъ говоритъ, скверная дѣвчонка, какъ и мать: цѣлый день, каналья, шляется, ничего не дѣлая; наконецъ, досталось и собакѣ, которая пришла съ нимъ изъ Плевны, жила на нашемъ дворѣ и держала себя довольно независимо все это время, едва-едва обращая на М. вниманіе,—и собака эта такая гадость, цѣлый день лежитъ на солнцѣ, ни о чемъ не заботясь. Все это перемѣшивалось постоянно съ бранью фотографа, который, очевидно, оскорбилъ его всего болѣе. Но вотъ 12 часовъ—мой сосѣдъ уходитъ завтракать, является фотографъ, сконфуженный, и проситъ замолвить словечко за него. Начали мы сниматься и вышли, кажется, очень удачно; ты увидишь всю хату, въ которой я живу; на балкончикѣ я провожу цѣлый день, а сзади меня все время, пока держится солнце, сидитъ вся моя болгарская живая обстановка; жена хозяина, его мать и два ребенка. Бабы постоянно за тканьемъ; держатъ себя онѣ такъ, какъ будто бы я былъ муха какая-нибудь: не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, онѣ рыгаютъ, свистятъ; не кланяются, не разговариваютъ другъ съ другомъ, точно лошади или коровы. Рисунокъ вышелъ очень хорошій;





на одномъ увидишь Антона и моего казака Писаренко. Сегодня фотографъ попросилъ снять мой кабинетный портретъ, на что я, конечно, согласился, зная, что ты будешь этимъ довольна. Не видя себя все время въ зеркалѣ, на фотографіи я показался себѣ очень постарѣвшимъ. Между другими непріятными впечатлѣніями вчерашняго дня была у меня встрѣча въ госпиталѣ съ К. и П. Какъ будто на что-то наступилъ непріятное—такое остается впечатлѣніе. Теперь, при встрѣчѣ съ К., мы едва кланяемся; съ П. же всегда бываетъ крупный разговоръ; я каждый разъ поднесу ему какую-нибудь гадость, и его манера относиться къ этому меня всегда, всегда возмущаетъ.

— У васъ нѣтъ секціонныхъ наборовъ при военныхъ временныхъ госпиталяхъ.

— Можно дѣлать вскрытія инструментами, назначенными для упражненій надъ трупами,—отвѣчаетъ съ оскорбительной самоувѣренностью почтенный товарищъ.

— Я бы васъ заставилъ самого вскрывать кишки безъ кишечныхъ ножницъ, такъ вы бы у меня поплясали.

Послѣ такого замѣчанія онъ обыкновенно сдаетъ и объясняетъ, что онъ писалъ и просилъ, но не его вина, что ему не даютъ ничего на его просьбы.

Вотъ какой типъ выработался; въ газетахъ они такипомѣстили статью, что у нихъ все есть и всего хватаетъ: конечно, я П. и этого не пропустилъ.

Сегодня Государь, прощаясь съ Великимъ Княземъ, уѣзжавшимъ подъ Плевну, сказалъ, что дня черезъ два увидимся. Тучковъ уже отправленъ въ Порадимъ присматривать помѣщенія, но все-таки выѣздъ окончательно зависитъ отъ телеграммы главнокомандующаго, — врядъ

ли будутъ торопить нашъ пріѣздъ; вообще, nous ne sommes pas les bien venus; курьезно, что также и Тотлебенъ со страхомъ ожидаетъ пріѣзда Великаго Князя. Всѣ, оказывается, мѣшаютъ одинъ другому.

Сегодня зашелъ ко мнѣ принцъ Баттенбергскій и объявилъ совершенно увѣреннымъ тономъ, что скоро уѣзжаемъ въ Россію; у меня сердце дрогнуло при этихъ словахъ.—Откуда вы слышали, ваше высочество?—„Это вѣрно: для кухни до сихъ поръ ставили подрядчики и имъ никакого срока не давали; теперь же подрядчикамъ объявлено, что будутъ брать только до 15-го ноября; значитъ, мы уѣзжаемъ“. Пишу эти подробности, чтобы дать тебѣ понятіе о томъ, какъ здѣсь все ждетъ этого mot d'ordre—въ Россію, къ своимъ! Конечно, это извѣстіе въ другое время меня бы очень оживило, но теперь я былъ совершенно убѣжденъ и на болѣе *положительныхъ* данныхъ, что мы не зимуемъ; уѣдемъ же, можетъ быть, и раньше 15-го ноября; многое, конечно, будетъ зависѣть отъ хода дѣлъ подъ Плевной. Оттуда пока очень разнорѣчивыя свѣденія; одни (очевидцы) говорятъ, что черезъ три недѣли Плевна сдастся, что провіанта тамъ нѣтъ и пр.; другіе (тоже очевидцы) не ручаются и за три мѣсяца, утверждая, что въ Плевнѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ громадные запасы, вслѣдствіе того, что изъ этихъ мѣстностей въ обычное время все спускалось по Видду въ Дунай и далѣе; теперь же эти громадные запасы хлѣба, по случаю войны, задержались, что̀, конечно, доставитъ отличный провіантъ и надолго гарнизону, особенно при умѣренности турецкаго солдата; что же касается до голодныхъ перебѣжчиковъ, то бо̀льшая часть этихъ перебѣжчиковъ—болгары, которыхъ

турки заставляютъ работать и плохо кормятъ; перебѣжчики изъ пизама рѣдки, а если бываютъ, то сыты и хорошо одѣты. Вотъ тутъ и разбери; во всякомъ случаѣ, сомнительно и невозможно, чтобы Государь рѣшился ждать, чтобы крѣпость сдалась изъ-за голода. Впрочемъ, повторяю, все это слухи и, какъ видишь, даже противорѣчивые. Вѣрно то, что не зимуемъ, въ Систовѣ врядъ ли даже остановимся, пойдемъ напрямки.

Подъ Плевну поѣдутъ, кажется, налегкѣ — тоже хорошій знакъ. Мой сосѣдъ М. уже объявилъ мнѣ вполголоса, что походъ завтра или послѣ-завтра, и въ это время онъ стоялъ на дворѣ передъ какой-то сѣрой лошадью, которую запрягали въ его вновь пріобрѣтенный походный кабріолетъ, долженствующій пройти по всякой дорогѣ; но лошадь, тоже только-что купленная, какъ будто никогда въ жизни ничего не возила, стоитъ себѣ и ни съ мѣста. Одинъ человѣкъ садится въ кабріолетъ съ кнутомъ, другой тащитъ лошадь подъ уздцы; лошадь дѣлаетъ самые медленные шаги, какъ будто учится ходить. М.—красный, недовольный, взбѣшенный, что купилъ такую лошадь, недурную съ вида, но совершенно наивно относящуюся къ лошадиному дѣлу. Сцена была пресмѣшная. Событіе съ лошадью, конечно, отозвалось сейчасъ же на отзывахъ старика о штабѣ, о будущихъ дѣлахъ подъ Плевной. Оригинальный старикъ; онъ все надѣялся, кажется, получить какое-нибудь назначеніе, но его отстранили почему-то; храбръто онъ безъ сомнѣнія, дрался на Кавказѣ и сдѣлалъ много походовъ...

Сегодня былъ въ госпиталѣ и осматривалъ ту часть хозяйства его, о которомъ не имѣлъ никакого понятія;

оказывается, что при подвижномъ госпиталѣ должна быть и кузница, и слесарня, и конюшня на 140 лошадей; двѣсти человѣкъ госпитальныхъ служителей выполняютъ различныя функціи: тутъ и кузнецы, и плотники, и слесаря, и поваръ и пр. Главный докторъ, очевидно, хозяинъ дѣловой и держитъ всю эту механику въ хорошемъ порядкѣ. Что̀ удивляетъ меня—это постройки, которыя онъ вывелъ совсѣмъ незамѣтно своими средствами; сегодня вдругъ выросла баня почти совсѣмъ готовая, на другомъ концѣ оказывается конюшня, тутъ кузница въ полномъ ходу. Очевидно, въ этомъ отдѣлѣ госпитальнаго дѣла нашъ докторъ—большой мастеръ... Эти послѣдніе дни тянутся съ невѣроятной медленностью, время тащится какъ черепаха. Можетъ быть, уѣхавъ отсюда подъ Плевну, большія событія ускорятъ это долгое время. Рѣшено: ѣдемъ завтра въ Порадимъ; сегодня отправляютъ туда верховыхъ лошадей. Что-то будетъ изъ этого? Очевидно, снова заваривается каша. Нынче рано утромъ двѣ гвардейскія дивизіи, 1-я и 2-я, перешли Видъ. Сегодня должны были заняться высоты на лѣвомъ флангѣ турокъ подъ Плевной Очевидно, будетъ дѣло подъ Видомъ; тамъ, говорятъ, на разстояніи 40 верстъ уставлены укрѣпленія, которыя оберегаютъ дорогу изъ Софіи и подъ прикрытіемъ которыхъ и проходитъ провіантъ. Взять эти укрѣпленія и составитъ задачу гвардіи. Когда получишь это письмо, вѣроятно прочтешь уже въ газетахъ о какихъ-нибудь результатахъ нашего теперешняго предпріятія. Сегодня тоже пришло извѣстіе съ Шипки, на которую опять ползутъ турки. Вотъ, дорогая, пока всѣ военныя новости изъ нашего района. Погода стоитъ восхитительная; съ утра я не вхожу въ свою конуру.

Теперь сижу въ одномъ сюртукѣ при обычной моей обстановкѣ. Старуха съ своими обычными звуками—сзади.

8 ч. вечера.—Былъ въ госпиталѣ, бесѣдовалъ долго съ главнымъ докторомъ и, наконецъ, познакомился съ нимъ до нѣкоторой степени; оказывается, онъ дерптскій студентъ, началъ свою службу на Кавказѣ прямо со скамьи, когда имѣлъ самыя идеальныя понятія о правдѣ, о честномъ отношеніи къ дѣлу и пр. Пріѣхавъ на Кавказъ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, до какой степени воровство составляло обычное явленіе въ сферѣ административной госпитальной жизни; на первыхъ порахъ онъ попробовалъ идти противъ, но едва не попалъ подъ судъ; былъ случайнымъ образомъ спасенъ какимъ-то добродѣтельнымъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ, сдѣлавъ такой печальный опытъ, онъ былъ счастливъ, по его словамъ, что могъ остаться самъ честнымъ человѣкомъ, живя между ворами. Послѣ Кавказа онъ смотритъ на здѣшнихъ дѣятелей какъ на образцы честности! Завтра нашъ обозъ двигается, послѣ-завтра утромъ двигаемся и мы; остановка и перемѣна лошадей—въ Булгареняхъ; къ обѣду—въ Порадимѣ. Вѣроятно пойдетъ опять неурядица на телеграфѣ, депеши частныя будутъ теряться, запаздывать, пока-то, наконецъ, все устроится такъ, какъ въ насиженномъ мѣстечкѣ. Говорятъ, что помѣщеніе будетъ въ хатахъ, и я не прочь перемѣнить свою мазанку. Къ низкому потолку мудрено привыкнуть, да и дворъ очень грязенъ, вонючъ, да наконецъ, что-нибудь другое, хотя бы и похуже, все ближе къ цѣли. Сегодня, кажется, ждутъ дѣла. Черезъ Виддъ перешла масса войска, чуть ли не вся гвардія; сегодня слышны

были цѣлый день выстрѣлы съ той стороны, но пока никакихъ извѣстій. Отъ Наслѣдника получена депеша, что Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій убитъ пулей въ лобъ на-повалъ въ очень неважномъ дѣлѣ, въ какой-то рекогносцировкѣ.—Сегодня все время обѣда проболталъ съ однимъ изъ нашихъ юныхъ офицеровъ конвоя Государя, съ конноартиллеристомъ Ж. Его назначили въ отрядъ Гурко; юноша внѣ себя отъ радости, какъ будто передъ нимъ открывается теперь настоящее и истинное блаженство въ мірѣ. Признаюсь, не могъ я утерпѣть, чтобы не пожалѣть вслухъ этого милаго, юнаго, свѣжаго офицерика, который, по моему, никакъ не клеится съ теперешней суровой, печальной обстановкой войны. Холодно, сыро, голодно, опасно. А бѣдная мать теперь гдѣ-нибудь страдаетъ, отсчитываетъ каждый прошедшій день и ждетъ, не дождется, когда же, наконецъ, все это мученье кончится. Бѣдныя матери! тяжело, скорбно терять маленькихъ дѣтокъ, но терять взрослыхъ—ужасно! Будемъ надѣяться, что подъ Плевной выйдетъ что-нибудь рѣшительное, что̀, можетъ быть, повліяетъ на ускореніе мира. Если бы могли избѣгнуть наши войска зимовки! Какое бы это было счастье!

XLVIII.

13-го октября.

Сегодня послѣдній вечеръ въ этомъ гнѣздѣ; часть конвоя уже вышла; завтра утромъ идемъ и мы въ Порадимъ; пока врядъ ли долго тамъ останемся. Великій Князь въ Боготѣ, что̀ отъ Порадима верстахъ въ 12; вѣроятно, придется ѣздить ежедневно туда, а наконецъ

и переѣдемъ. Сегодня получено извѣстіе о занятіи софійской дороги нашей гвардіей; подробности, конечно, извѣстны уже изъ газетъ. Нашего лучшаго войска было слишкомъ 20 тысячъ, а турокъ, кажется, только 7 тысячъ, но сколько усилій, чтобы взять одно укрѣпленіе,— десять часовъ боя! Судя по этому, можно сказать, что Плевна потребуетъ отъ насъ еще много крови, особенно если опять вздумаютъ ее брать съ боя, по примѣру прежнихъ трехъ разовъ. Всякій чувствовалъ, что нынѣшняя побѣда стоила намъ не дешево; почти всѣ командиры частей переранены. Но все-таки радовались, хотя и скрѣпя сердце; я себя чувствовалъ настолько взволнованнымъ, что цѣлый день проболтался, ничего не дѣлая; утромъ пошелъ на панихиду по случаю смерти герцога Лейхтенбергскаго; затѣмъ завтракъ, послѣ котораго одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, пріѣхавшій изъ-подъ Плевны, объяснялъ весь планъ вчерашняго сраженія по картѣ; затѣмъ пошелъ болтаться по полю, вернулся домой, хотѣлъ-было позаняться, но пришелъ Ковалевскій; я ему предложилъ сходить пѣшкомъ въ госпиталь, куда и отправились прощаться и посмотрѣть такъ называемыхъ отмороженныхъ. Только-что прошли мы палату, какъ видимъ толпу врачей, и я узнаю старика Пирогова. Поцѣловались мы съ нимъ и тотчасъ же занялись пальцами; онъ согласенъ, что это эффектъ не одного холода, котораго и не было еще въ достаточной степени, чтобы объяснить происхожденіе этихъ заболѣваній имъ; главная причина лежитъ все-таки въ лихорадкѣ. Старикъ держалъ себя умно, скромно и не безъ такта; мнѣ показалось, что онъ за это время сильно постарѣлъ; впрочемъ, можетъ быть и усталъ.

Порадимъ. 14-го октября.

Около трехъ пріѣхали сюда; день былъ отличный, въ тѣни 12°, на солнцѣ пекло, тихо, ясно; выѣхали изъ Горнаго еще съ сильнымъ туманомъ; теперь здѣсь подъ утро образуются надъ нами облака, которыя потомъ, къ 11 часамъ, поднимаются кверху. Ѣхалъ я на ямщицкой четверкѣ; за Булгарени была подстава свѣжей четверки, и мы добрались благополучно безъ всякихъ приключеній, съ ужасомъ поглядывая на дорогу при воспоминаніи, какое будетъ мученье ѣхать послѣ дождя. Почва вся такая же глинистая, съ черноземомъ, такъ называемымъ суглинкомъ; дохлыя лошади, волы по обѣимъ сторонамъ дороги—въ различныхъ степеняхъ гніенія и истребленія собаками, сороками, воронами—краснорѣчиво говорили, что здѣсь было нѣсколько дней тому назадъ, когда еще почва не успѣла подсохнуть. Дорога была знакомая, мы уже два раза ее выдержали, но на нынѣшній разъ она была гораздо оживленнѣе: тогда на ней встрѣчались почти исключительно раненые въ телѣгахъ и пѣшкомъ, теперь же почти исключительно везли снаряды, патроны—все въ сторону Плевны. Добрались наконецъ и до Порадима, гдѣ мнѣ уже была отведена хата недалеко отъ домика Государя; хаты здѣсь имѣютъ опять другой характеръ: въ сущности это землянки; моя, напримѣръ, почти на два аршина вырыта въ землѣ; надъ землею съ небольшимъ аршинъ стѣна, выложенная изъ плетня (прутьевъ), замазаннаго глиной, и изъ такого же матеріала куполообразная крыша, засыпанная землею; внутри чисто; стѣны покрыты глиной съ известью. Хата состоитъ изъ трехъ комнатъ; первая при входѣ темная, освѣщается только входною дверью, съ большимъ какъ бы каминомъ, ко-

торый служитъ для варки и жаренія семейству болгаръ, населяющихъ эту первую комнату; въ ней же помѣстились и мои спутники, Антонъ съ казакомъ; слѣдующая комната чистая—моя; въ ней окно безъ стекла, но есть доска, которая сверху спускается и выполняетъ роль ставней; окно въ уровень съ землей; печка въ мою комнату выдается въ видѣ столба и топится изъ сосѣдней комнаты, рядомъ съ каминомъ моихъ хозяевъ; комната моя настолько высока, что я свободно по ней хожу, вытягиваясь во весь ростъ; третья комната моей хаты налѣво изъ входной двери, темная, небольшая и выполняетъ роль подвала: тамъ хранится кукуруза, мука, шерсть, ленъ въ различныхъ видахъ; эта комната сыра и имѣетъ особый запахъ отъ своего содержанія. Дворикъ у меня чистый; куръ нѣтъ; свиней я вижу только издали; онѣ заняты какими-то навозными кучами около сосѣднихъ хатъ, которыя здѣсь не отдѣляются заборами. Куръ, на мое счастье, я совсѣмъ не видалъ, и нѣтъ также этого непріятнаго, гнуснаго куринаго запаха, который меня такъ преслѣдовалъ въ Горномъ-Студнѣ. Въ сосѣдней со мной комнатѣ, какъ сказалъ, помѣщается вся семья; она состоитъ изъ старика-вдовца, на рукахъ котораго остались внучата и вдова его сына; еще не разобралъ путно, что̀ за дѣти, видѣлъ только мать—губастую, здоровенную, лѣтъ тридцати-трехъ бабу; семья, кажется, бѣдная; ихъ ужинъ состоялъ изъ одной кукурузы, которую они тутъ же клали на огонь, подпекали и ѣли безъ всякой приправы; дѣти ужинали, лежа уже подъ одѣяломъ, двое взрослыхъ же—сидя почти въ самомъ каминѣ, гдѣ дымились два полѣна. Теперь, кажется, постъ, и болгары строго соблюдаютъ обрядную сторону религіи, по край-

ней мѣрѣ въ мѣстахъ, не преданныхъ туркамъ; въ другихъ же, какъ, напр., въ Горномъ-Студнѣ, жители даже въ церковь не ходили. Порадимъ славянофильствуетъ, а потому посты соблюдаетъ и относится къ намъ гораздо мягче, что̀ сейчасъ же бросается въ глаза. Сегодня, когда я уѣзжалъ изъ Горнаго, семья смотрѣла на меня какъ на волка какого-нибудь, который убирается наконецъ вонъ; они все провѣряли и посматривали, не унесли ли мы чего,—и уѣхалъ я, не простившись ни съ кѣмъ.

Какъ стали подъѣзжать къ Порадиму, выстрѣлы становились все слышнѣе и слышнѣе, и сегодня все время только и слышишь ихъ. Какія непріятныя воспоминанія вызвали во мнѣ всѣ эти мѣста, эти выстрѣлы; сколько было обманутыхъ надеждъ, сколько горькихъ, слезныхъ минутъ напомнило мнѣ все это мѣсто!

Завтра, вѣроятно, ѣдемъ въ Боготъ, гдѣ лежатъ раненые, гдѣ главная квартира штаба. Чтобы не забыть, разскажу фактъ, который врядъ ли попадетъ въ газеты. На-дняхъ румыны отказались идти на штурмъ; офицеры вздумали принугнуть ихъ револьверомъ, за что были подняты на штыки своими солдатами... Хорошіе союзники!!..

15-го октября.

Сегодня цѣлый день прошелъ въ ѣздѣ; въ 11-ть отправились въ Боготъ, но дорогой заѣхали еще въ деревню Сгалевицу, гдѣ помѣщается госпиталь (кажется, 70 съ докторомъ,—не помню); больные помѣщены частью въ палаткахъ, частью же въ землянкахъ, по десяти въ каждой. Раненыхъ немного, больше больные и на тотъ же характеръ лихорадочные съ пораженіемъ пальцевъ, только не тяжелая форма: кровавые поносы; оттуда въ

Боготъ, гдѣ завтракали у Великаго Князя, и затѣмъ верхами въ госпиталь, прежде отъ Краснаго Креста учрежденный на счетъ Цесаревны, а потомъ въ военный госпиталь, гдѣ, между прочимъ, фигурировали Черкасскій съ Богоявленскимъ и Бубновымъ. По ихъ словамъ, госпиталь былъ очень плохо снабженъ, и Красный Крестъ выручилъ; еще не всѣ тяжело-раненые были привезены съ перевязочнаго пункта, а потому госпиталь глядѣлъ довольно весело, тѣмъ болѣе, что больные были ранены въ руки, стояли и съ вида были очень бодры; они только-что изъ Петербурга и не провели здѣсь ни мокрой весны, ни ужаснаго лѣта съ африканскими жарами. Потеря гвардіи при дѣлѣ 13-го числа равняется 3.000; цифра громадная, особенно если вспомнить, что противъ нихъ было не болѣе 5 или 6 тысячъ турокъ. Завтра будутъ брать Телишъ,—редутъ, на который въ прошлый разъ дѣлали фальшивую аттаку; если не взять Телиша, то позиція въ Горномъ-Дубнякѣ, говорятъ, недостаточно солидна. Вернувшись въ квартиру главнаго штаба, я видѣлъ турецкаго пашу, котораго привели къ Государю. Это старичокъ лѣтъ 50-ти, съ очень пріятной наружностью, съ голубыми кроткими глазами, сѣдой бородкой; держалъ онъ себя чрезвычайно спокойно, безъ восточной важности, но и не безъ сознанія собственнаго достоинства. Къ сожалѣнію, я подъѣхалъ поздно, когда уже Государь пересталъ съ нимъ говорить, но знаю, что имъ остались недовольны за неохотливые и вмѣстѣ съ тѣмъ уклончивые отвѣты. Вернулись домой—уже почти было темно, въ половинѣ шестого; тутъ я получилъ мои вещи и теплый халатъ, отъ котораго я въ восторгѣ.

16-го октября.

Сегодня такъ замучился, что съ трудомъ сажусь за столъ. Началась наша страда сегодня въ $9^1/_2$ ч. утра; выѣхали мы изъ Породна (не Порадимъ, какъ его всѣ называютъ) и полтора часа тряслись по пыльной и скверной дорогѣ до Тульченицы; вторая половина дороги, кромѣ пыли, представляетъ такіе толчки вправо, влѣво, что всѣ бока разбалтываются; кромѣ этого, около Тульченицы — безпрестанно то въ гору, то подъ гору. Пейзажъ мрачный, кругомъ пустыня, лишь съ желтой, выгорѣвшей травой, и кое-гдѣ кустарникъ съ небольшими уже остатками желтыхъ, высохшихъ листьевъ; по лѣвой рукѣ отъ дороги встрѣчаются деревни, отличающіяся издали тѣмъ, что торчатъ вдали нѣсколько деревьевъ, а за ними кучи земли съ трубами; таковы Пелишотъ, Угалица. Тульченицы стоятъ въ громадномъ оврагѣ у какой-то маленькой рѣчки; это мѣстечко живописно, особенно когда оживлено различными военными декораціями; вправо отъ дороги красиво по горѣ разбросаны наши госпитальныя палатки; влѣво видны массы транспортовъ провіанта, снарядовъ, отдѣльныя части войскъ и прочія принадлежности военной обстановки. Особенно красиво, когда на этихъ крутыхъ и извилистыхъ дорогахъ тянется нашъ поѣздъ, казачій конвой впереди и сзади коляска Государя, затѣмъ цѣлый рядъ четверокъ свитскихъ, опять нѣсколько казаковъ—все это довольно красиво, но пыль, невеселое настроеніе, конечно, мѣшаютъ любоваться всѣми этими декораціями. Въ Тульченицахъ мы сѣли на лошадей и отправились на такъ называемую гору 4-го корпуса; руководилъ объѣздомъ Государя Тотлебенъ. Намъ пришлось проѣхать цѣлымъ лагеремъ

отлично сработанныхъ землянокъ; наконецъ, подъѣхали къ 3-й дивизіи, которою прежде, при третьемъ плевненскомъ штурмѣ, командовалъ кн. Имеретинскій, и изъ которой осталось только пять тысячъ человѣкъ; видъ людей былъ очень порядочный, офицеры бодрые, веселые. Теперь послѣ холодовъ всѣ они мало хвораютъ, кровавые поносы почти исчезли, ѣдятъ по фунту мяса каждый день, но иногда нуждаются въ сухаряхъ. Затѣмъ мы должны были спѣшиться и пѣшкомъ идти на батареи, гдѣ и началось сидѣніе и созерцаніе, продолжавшееся два часа времени. День былъ туманный, облачный; съ этой батареи Плевна должна бы быть какъ на ладони, она только въ 3-хъ верстахъ, но изъ-за тумана она вылѣзла, да и то не вполнѣ и на очень короткое время. Зрячіе видѣли, но до моего зрѣнія это было доступно только весьма неясно. Видъ съ этой батареи довольно большой; видны многія наши работы послѣдняго времени; видны войска, разбросанныя въ видѣ движущихся черныхъ кучъ въ различныхъ мѣстахъ этого гористаго пейзажа; видны даже и турецкія войска, собранныя мѣстами въ кучи. Въ теченіе всего времени, что мы сидѣли на батареѣ, конечно, они не стрѣляли, но за то отличались всѣ другія, производя время отъ времени такъ называемый концентрическій огонь. Это довольно эффектно, но, конечно, все-таки не настолько интересно, чтобы не замѣтить этихъ двухъ часовъ, которые мы провели на батареѣ. Наконецъ, отправились въ нашъ редутъ, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, и въ четыре часа двинулись, наконецъ, обратно въ Порадимъ. Въ половинѣ шестого были дома; почти уже было темно. Я былъ разбитъ до нельзя; за обѣдомъ, отъ уста-

лости, почти ничего не ѣлъ... Отдавъ отчетъ за весь день, прибавлю только о моемъ визитѣ плѣннымъ туркамъ, которыхъ сегодня привели сюда, 30 офицеровъ и 400 простыхъ, отъ 12-го числа. Офицеры на ночь помѣстились въ какомъ-то сараѣ; солдаты же попросту подъ открытымъ небомъ, какъ звѣрочки. Офицеры имѣютъ совершенно спокойный и бодрый видъ; нѣкоторые смотрятъ интеллигентно и добродушно; другіе имѣютъ видъ довольно тупой. Только одинъ изъ офицеровъ оказался говорящимъ по-французски; черезъ него я узналъ, что нѣкоторые изъ нихъ ранены, но не тяжело; одинъ больной, тоже не трудный, отъ неправильной ѣды: они около пяти дней, какъ говорилъ офицеръ, ничего не ѣли и поѣли только сегодня.

17-го октября.

Сегодня утромъ мнѣ пришли сказать, что Государь уже одѣвается, — не могъ остаться въ постели изъ-за радостной новости: подъ Плевной сдался на капитуляцію редутъ за Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ; потери наши самыя ничтожныя; все дѣло окончено и начато было артиллеріей; то же самое было бы съ предшествовавшимъ редутомъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ взятый въ плѣнъ пашa: еслибы артиллерія продолжала дѣйствовать, то они не держались бы болѣе часа и сдались, но наши поторопились и уложили три тысячи наилучшаго войска. То, что турки сдаются цѣлыми массами, конечно, очень утѣшительно и даетъ право дѣлать соображенія и относительно всего остальнаго войска въ Плевнѣ, — сомнительно, чтобы оно долго выдержало нынѣшнюю осаду. Теперь для насъ всѣхъ чрезвычайно

важный вопросъ: будетъ ли Государь до сдачи здѣсь, или уѣдетъ. Вчера, уѣзжая съ позиціи, онъ сказалъ Тотлебену: „Patience, patience et patience!“

Также вчера, дѣлая одно приказаніе, онъ сказалъ: „когда я поѣду“ и т. д. Это многозначительно и даетъ право надѣяться, что моя дерзкая мысль о возможности пріѣзда раньше мѣсяца въ Петербургъ не есть абсурдъ. Относительно зимовки Государь уже высказался, что не зимуетъ. Теперь только вопросъ, когда именно уѣдемъ.

Къ невзгодамъ я отношусь совершенно спокойно и даже равнодушно; житье въ землянкѣ, какъ теперь, житье ли въ собачьей конурѣ, гдѣ нельзя выпрямиться во весь ростъ и сидѣть по цѣлымъ днямъ съ зажженными свѣчами, сидѣть въ обществѣ болгарскихъ бабъ, рыгающихъ, свищущихъ и т. д., все это меня только забавляетъ по своей оригинальности. Одно было дѣйствительно тяжело—это невозможность выпрямиться,—до сихъ поръ еще не отвыкну ходить по своей комнатѣ согнутымъ. Особенно когда проснешься утромъ и начнешь одѣваться—все такъ и гнешься.

Я описывалъ уже свое помѣщеніе; теперь оно улучшилось тѣмъ, что къ окну устроили раму со стекломъ, такъ что въ дурную, холодную погоду можно будетъ сидѣть въ комнатѣ и пользоваться дневнымъ свѣтомъ; теперь настолько мягко, что цѣлый день сижу въ своей палаткѣ, которую раскинулъ противъ хаты. Хозяева кроткіе; старикъ по цѣлымъ днямъ пропадаетъ, а баба цѣлый день съ чѣмъ-нибудь ковыряется дома: то варитъ какой-то невозможный супъ изъ перца безъ мяса и, кажется, безъ сала или масла, то занимается чисткой своего дома; сегодня, напримѣръ, очередь дошла до камина:

она вытерла тряпкой копоть, насколько позволилъ ея ростъ, и затѣмъ вымазала глиной, т.-е. взяла со двора земли, развела ее водой и лапами пошла накладывать на стѣну и размазывать; дѣтки больше трутся около матери, не крикливы, день проводятъ довольно вяло, а вечеромъ и ночью сегодня капляютъ; младшая ночью выкрикиваетъ и что-то болтаетъ. Дѣти некрасивы, типъ славянскій; младшая цѣлый день сегодня сидитъ на крыльцѣ въ какомъ-то нѣмомъ созерцаніи всего окружающаго; около крыльца лежитъ песъ, очень типичный, похожій, какъ большая часть здѣшнихъ псовъ, на волка, совершенно равнодушно относящійся къ человѣческой породѣ, но не выносящій свиней; эти животныя только и нарушаютъ спокойствіе этого хозяина околотка; какъ только завидитъ, что свинья дерзнула зайти въ нашъ околотокъ, такъ онъ со всѣхъ ногъ, съ визгомъ и лаемъ, бросается на дерзновенныхъ нарушителей порядка; какъ только прогонитъ этихъ звѣрушекъ, песъ возвращается на свое мѣсто. Мышей въ этомъ помѣщеніи я не слышу и не вижу, но за то черные тараканы въ большомъ изобиліи и даже въ моей чистой комнатѣ. Сейчасъ пришла хозяйка съ какимъ-то тяжелымъ мѣшкомъ; старшая ея дѣвочка, около 11 лѣтъ, ей помогаетъ и тащитъ мѣшокъ маленькій; песъ изъявилъ радость, которую въ восточной собакѣ не всегда увидишь. Оказывается, что младшій изъ ребятишекъ, около двухъ лѣтъ, былъ посаженъ на крыльцо съ разсчетомъ: здѣсь первыя двѣ ступеньки очень высокія и онъ не можетъ вылѣзть изъ хаты на дворъ, ни спуститься внизъ и попасть къ камину. Ребенокъ остается въ этомъ положеніи самымъ спокойнымъ образомъ; собака его оберегаетъ отъ свиней.

Здѣсь стоянка, кажется, будетъ лучше, чѣмъ въ Горномъ-Студнѣ. Порадимъ—большое село съ церковью; лежитъ оно выше Горнаго-Студня метровъ на сто; вѣроятно вслѣдствіе этого оно и суше, и такъ какъ оно гораздо дальше отъ Дуная, то здѣсь нѣтъ тумановъ, которые такъ доѣдали насъ въ послѣдніе дни въ Горномъ-Студнѣ: тамъ все населеніе только и дѣлаетъ, что кашляетъ, какъ и мы грѣшные; видъ здѣшнихъ дѣтей здоровѣе. Почти все наше наплывное населеніе размѣстилось по хатамъ или, лучше, землянкамъ; тутъ же живетъ теперь и румынскій принцъ Карлъ съ своей свитой. Нынѣшнее извѣстіе о побѣдѣ всѣхъ чрезвычайно оживило; утѣшительно то, что потерь у насъ почти нѣтъ,—кажется, одинъ убитый; и если вспомнишь, что и Горный-Дубнякъ могъ быть взятъ такимъ же способомъ, еслибы не погорячились наши начальники, то дѣлается прискорбно. Вѣдь оказывается, что потеря гвардіи 13-го числа равняется 4.500 человѣкъ! Это ужасно, особенно въ дѣлѣ, гдѣ противниковъ было не болѣе 6-ти тысячъ человѣкъ.

Большая часть плѣнныхъ офицеровъ говоритъ, что они дальше съ нами драться не могутъ, что у нихъ нѣтъ пушекъ; они также показываютъ, что въ Плевнѣ мало ѣды; мясо офицеры получали только два раза въ недѣлю.—Только-что дописывалъ эти строки, какъ пришелъ ко мнѣ Пелёхинъ; онъ шелъ мимо Порадима съ транспортомъ раненыхъ 12 офицеровъ; повозки остановились у деревни, а Пелехинъ забѣжалъ ко мнѣ. Пока Антонъ бѣгалъ за чаемъ, мы пошли взглянуть транспортъ, который на этотъ разъ, конечно, дѣлалъ иное впечатлѣніе, чѣмъ въ первыхъ числахъ сентября; впро-

чемъ весь транспортъ былъ снаряженъ отъ Краснаго Креста на повозкахъ, работанныхъ въ Вѣнѣ; всѣ раненые были очень довольны, но замѣчательно, что самыми удобными перевозочными средствами все-таки были простыя телѣги съ большимъ количествомъ соломы; этотъ образецъ, который мнѣ тогда понравился, оказался самымъ покойнымъ. Всѣ раненые счастливы, что могутъ ѣхать; впрочемъ, было двое въ числѣ этого транспорта, которымъ было очень плохо, и одинъ изъ нихъ недалеко доѣдетъ вѣроятно. Видъ офицеровъ рѣзко отличается отъ худыхъ, блѣдныхъ и истощенныхъ армейцевъ; несмотря на свои раны, они почти всѣ безъ исключенія были румяны и свѣжи такъ, какъ здѣсь мы и не привыкли видѣть. Вѣдь здѣсь пожившіе, подъ вліяніемъ неизбѣжной лихорадки, дѣлаются желтоватыми, и каждый болѣе или менѣе теряетъ тотъ цвѣтущій видъ, которымъ обладаютъ вновь пришедшія сюда войска. И П. ѣдетъ въ Петербургъ, доставя свой транспортъ до Зимницы или до Систова,—не знаю хорошенько. П. передавалъ свое впечатлѣніе, неблагопріятное относительно Пирогова, съ которымъ онъ встрѣтился въ Боготѣ. Пироговъ, очевидно, рѣшился все хвалить, говоря, что война — такое бѣдствіе, которое ничѣмъ не поправляется, а то, что̀ сдѣлано, то прекрасно. Повидимому, Пироговъ дѣйствительно такъ благодушно настроенъ; но ему 74 года, оно и понятно, да и элементы теперешняго медицинскаго персонала арміи ему очень симпатичны. Нельзя, впрочемъ, и желать, чтобы явился какой-нибудь юноша на мѣсто Пирогова и разнесъ бы все, что только существуетъ устроеннымъ. Боюсь только, чтобы Пироговъ не освятилъ такимъ образомъ цѣлую кучу вздора и

вреда. Посмотримъ, что́ будетъ дальше. Сегодня опять привели сюда громадную партію плѣнныхъ турокъ (1.800); я ходилъ ихъ смотрѣть и засталъ всю компанію приготовляющуюся обѣдать; голодны, надо признаться, но народъ крѣпкій и много изъ нихъ красивыхъ; безъ всякаго сомнѣнія, они смотрятъ гораздо интеллигентнѣе и даже добродушнѣе нашихъ братушекъ. Конечно, вся эта масса устроилась на открытомъ воздухѣ, при очень слабомъ конвоѣ. Признаюсь, мнѣ жутко становилось оставаться вблизи этихъ пойманныхъ звѣрковъ, хотя и безоружныхъ; они рвались къ водѣ, которую имъ подавали по ведру, и напирали на цѣпь солдатъ не безъ южной страстности, которая и наводила на меня нѣкоторое смущеніе.

Наконецъ, сюда явился и К., который и дѣлалъ со мной эту прогулку къ туркамъ. Встрѣча наша не была очень дружеская, но впрочемъ — довольно скромная и приличная. Всего меньше мы говорили о здѣшнихъ медицинскихъ дѣлахъ; я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, которые онъ мнѣ разъяснилъ, сваливъ всю вину на интендантство,—тѣмъ и кончилось. Авось мы съ нимъ встрѣчаться не будемъ; онъ сегодня уѣхалъ въ Зимницу.

XLIX.

18-го октября.

Мнѣ нынче какъ-то особенно невесело на душѣ, и несмотря на это настроеніе, я прилежно засѣлъ за работу и съ 12 часовъ вплотную читалъ медицинскіе журналы, затѣмъ отправился завтракать и слушалъ съ величайшимъ удовольствіемъ нашъ саперный хоръ; са-

перы играютъ гораздо музыкальнѣе преображенцевъ, которые мнѣ надоѣли до-нельзя своей машинностью игры; эти подчасъ и соврутъ, но играютъ какъ люди; солистъ на корнетѣ великолѣпный, и выборъ вещей прекрасный. Весь завтракъ я прослушалъ, какъ на концертѣ; отдохнули глаза, и я снова принялся за свои журналы; къ тремъ часамъ я былъ уже сытъ медициной, да и прохладно было сидѣть все время безъ движенія, — я отправился гулять, захвативъ съ собой Ковалевскаго. Вернувшись домой, мы застали передъ домомъ Государя возвратившихся изъ-подъ Плевны кубанскихъ казаковъ; они съ нами были все время, и только передъ послѣднимъ дѣломъ ихъ отправили на софійскую дорогу; отдѣлались очень счастливо — убиты только трое, раненъ мой хорошій знакомый полковникъ Жуковъ и одинъ милѣйшій запорожскаго типа казакъ В. С. Это чрезвычайно интересный типъ казака, дослужившагося изъ простыхъ рядовыхъ до подполковника; онъ очень красивъ собою, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, добръ, не глупъ, но наивенъ и несвѣдущъ, какъ новорожденный. Онъ обыкновенно составлялъ одно изъ пріятныхъ развлеченій нашего вечерняго чая своими разсказами. Онъ любитель женскаго пола, но не высокаго мнѣнія о болгаркахъ, которыхъ онъ нашелъ возможнымъ обстоятельно изучить въ какой-то деревнѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Горнаго-Студня, куда и ѣздилъ верхомъ. Попъ въ этой деревнѣ, за нѣсколько франковъ, давалъ возможность нашему В. С. ознакомиться съ этой стороной болгарскаго населенія. Когда С. приходилъ пить чай, то Р. обыкновенно предлагалъ ему печенье, что̀ здѣсь, какъ рѣдкость, подавалось въ небольшомъ количествѣ; В. С.

забиралъ въ ручищи одну, другую и, наконецъ, оставлялъ двѣ штучки, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что онъ лишалъ остальныхъ рѣдкаго лакомства. Все это дѣлалось такъ наивно, просто, что, конечно, никто не жалѣлъ объ исчезнувшихъ сластяхъ. В. С. уплеталъ эти сласти какъ простую булку. Его, бѣднягу, теперь ранили, но къ счастью не тяжело, и вѣроятно онъ радъ-радехонекъ, что будетъ имѣть законное право отправиться въ семью; у него куча дѣтей на Кавказѣ.

Побесѣдовавъ съ казаками, я отправился наконецъ домой, но не долго отдыхалъ. Ко мнѣ явился главный врачъ госпиталя изъ Згалевицы — Б., первый главный докторъ русскій, котораго я встрѣтилъ въ Болгаріи; это вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первый человѣкъ, который говорилъ совершенно откровенно; эти полчаса мнѣ разъяснили многое. Оказывается, что вся сила—въ смотрителяхъ: это первый крючокъ для вытягиванія денегъ изъ казны; статей дохода не мало; смотритель содержитъ 118 лошадей и получаетъ на фуражъ по справочнымъ цѣнамъ; это даетъ ему возможность класть въ карманъ около 400 рублей въ мѣсяцъ почти законно; повидимому, смотрителя—въ стачкахъ съ подрядчиками провизіи. На госпиталь отпускается должная сумма на различныя нужды, и эти деньги расходуются довольно либерально смотрителемъ, который подаетъ только свой счетъ и получаетъ деньги, хотя и съ разрѣшенія комитета, но это ни къ чему не ведетъ; провѣрка отчетовъ нерѣдко совершенно невозможна. Мнѣ кажется, что я скоро пойму наконецъ всю эту тонкую механику; во всякомъ случаѣ, теперь я на дорогѣ къ ея уразумѣнію. Въ смотрителя́ назначаются обыкновенно такіе,

которыми полки не дорожатъ; безъ сомнѣнія, попадаютъ и хорошіе, но большая часть весьма невысокаго качества относительно человѣческихъ достоинствъ. При неблагонадежности смотрителя госпиталь можетъ крѣпко страдать. Въ мѣстахъ, гдѣ смотритель случайно честный и хорошій человѣкъ, да главный докторъ ему помогаетъ,—госпитали могутъ процвѣтать.

19-го октября.

Вчера я оборвалъ письмо, думая дописать нѣсколько строкъ послѣ чая, но засидѣлся у Адлерберга до 12-ти часовъ; пріѣхалъ курьеръ, и мнѣ принесли твое письмо... Весь день вчера мнѣ было невесело. Не упрекай меня въ донкихотствѣ; я стремился жить всегда въ согласіи съ своею совѣстью, самъ для себя, не думая о педагогической сторонѣ этого образа жизни; но теперь, не боясь упрека въ самохвальствѣ, я все-таки имѣю отрадное сознаніе, что принесъ свою лепту для того хорошаго нравственнаго уровня, на которомъ стояли наши врачи въ теченіе этой кампаніи. Эту мысль я позволяю высказать только тебѣ, зная, что ты не усмотришь въ этомъ и слѣда самообольщенія, которое мнѣ не было и никогда не будетъ свойственно. Смотря на труды нашей молодежи, на ихъ самопожертвованіе, на ихъ честное отношеніе къ дѣлу, я не разъ сказалъ себѣ, что не даромъ, не безплодно терялъ я свои нравственныя силы въ различныхъ испытаніяхъ, которыя устроивала мнѣ моя судьба. Врачи-практики, стоящіе на виду у общества, вліяютъ на него не столько своими проповѣдями, сколько своею жизнью. З., поставившій своимъ идеаломъ жизни золотого тельца, образовалъ цѣлую фалангу

врачей, первой задачей которыхъ—набить какъ можно скорѣе свои карманы. Если бы люди знали, что выполненіе моего долга не связано было ни съ какими для меня страданіями, мученіями, то, конечно, это выполненіе долга и не имѣло бы ничего поучительнаго для другихъ. Ты не повѣришь, какое внутреннее презрѣніе—нѣтъ, не презрѣніе, а жалость—внушаютъ мнѣ люди, не умѣющіе выполнить своего долга. Такъ смотрѣлъ я по крайней мѣрѣ на каждаго дармоѣда, уѣзжавшаго отсюда. Ихъ было не мало; вѣдь не у многихъ хватило силъ выдержать тсперешнюю жизнь безропотно и добросовѣстно относительно своего долга.

Сегодня я переѣхалъ въ палатку. Двѣ ночи я плохо спалъ въ своей землянкѣ—мало воздуха и сильно кашлялъ; вся семья болгаръ цѣлую ночь кашляетъ; я и рѣшился перебраться. Палатку устроили мнѣ великолѣпную: она изъ тёса, врыта на полъ-аршина въ землю, снаружи обтянута двойнымъ полотномъ, вставлено окно, дверь; внутри обито ковромъ, и мнѣ теперь здѣсь великолѣпно; темпер. въ палаткѣ 11 градусовъ; бо̀льшаго не нужно; дышется отлично, нѣтъ этого гнуснаго запаха каменной землянки съ плесенью. Хозяева спятъ въ первой комнатѣ около камина съ громадной дырой; тамъ тяга отличная и сыростью не воняетъ; кромѣ того, первая комната и не такъ глубоко врыта въ землю, какъ такъ называемая чистая, гдѣ я жилъ.

20-го октября.

Сейчасъ получено извѣстіе о взятіи Дольняго-Дубняка безъ выстрѣла; турки ушли безъ сопротивленія, увидя приближеніе русскихъ войскъ. Будутъ ли ждать

сдачи Плевны? — неизвѣстно никому; желаніе уѣхать отсюда у всѣхъ такъ сильно, что мѣшаетъ здраво разсуждать объ этомъ вопросѣ. Одни сдѣлались фаталистами и ничего не думаютъ, не гадаютъ о времени выѣзда; другіе назначаютъ днемъ отъѣзда самые позднѣйшіе сроки, внутренно думая о возможности пріятнаго сюрприза, который они себѣ готовятъ этой уловкой; есть такіе, которые совсѣмъ никакого мнѣнія не имѣютъ, какъ напр. Ковалевскій, и которымъ въ сущности все равно, гдѣ бы ни быть. Я принадлежу все-таки къ тѣмъ, которые назначаютъ извѣстный срокъ, и полагаю, что можемъ еще вернуться и неожиданно раньше этого поздняго срока, около 15-го ноября.

Вчера здѣсь привозили пашу изъ Телиша, что доставило около часа времени развлеченія нашей путешествующей колоніи. Это очень толстый, пузатый, маленькаго роста человѣчекъ съ очень добродушной и неглупой физіономіей; онъ плохо говоритъ по-французски, едва понимаетъ, но лицо до такой степени подвижно и оживленно, что при разговорѣ съ нимъ черезъ переводчика не чувствуешь утомленія такимъ способомъ объясняться. До свиданія съ Государемъ онъ былъ нѣсколько сконфуженъ и безпокоенъ, но послѣ онъ совершенно разошелся. Оказывается, онъ служилъ профессоромъ въ военной академіи въ Константинополѣ и въ первый разъ пошелъ въ огонь; онъ искренно и простодушно радовался, что отдѣлался дешево отъ гранатъ и повидимому съ большимъ удовольствіемъ уѣзжаетъ въ Россію. Говорятъ, при взятіи Телиша, когда отворились ворота редута и выѣхалъ на маленькой турецкой лошадкѣ этотъ толстенькій паша съ короткими ногами, то

все войско захохотало при видѣ этого героя. При пашѣ былъ адъютантъ, но мнѣ казалось, что это просто его лакей, котораго онъ выдавалъ за адъютанта. По крайней мѣрѣ, по манерѣ себя держать, адъютантъ походилъ больше на лакея, чѣмъ на офицера. Сегодня привезли и пушки турецкія, взятыя съ редутовъ.

У меня теперь стало совсѣмъ легко на душѣ. Я посидѣлъ въ своей теплой палаткѣ, — нигдѣ не дуетъ, воздухъ прекрасный, легкій, ни слѣда сырости, ноги не зябнутъ, кашля ни малѣйшаго, и я спѣшу порадовать тебя этимъ. Съ какимъ наслажденіемъ сижу я въ этой комнаткѣ, которая, несмотря на то, что такъ мала, что позволяетъ уставить только постель да маленькій мой столикъ и кресло, но тѣмъ не менѣе дѣлаетъ впечатлѣніе чрезвычайно уютнаго и даже краснваго помѣщенія; она обтянута коврами съ цвѣтами, представляющими какіе-то букеты розъ, піоновъ и чего-то бѣлаго; потолокъ обтянутъ бѣлымъ полотномъ съ четырьмя розетками по серединѣ, — просто роскошно. Самое отрадное въ ней то, что тишина такая, которая бываетъ вѣроятно только въ раю; слышенъ только издали лай собакъ. Въ хатѣ остался мой дворъ, тамъ и остались мои хозяева; я не слышу и слѣда человѣческой жизни, ни храпа, ни кашля, ни разговора вполголоса моихъ придворныхъ. Не правда ли, какое это блаженство? Говоря о райской тишинѣ, я совсѣмъ забылъ, даже не слыхалъ, какъ постоянно палятъ изъ пушекъ подъ Плевной; сегодня цѣлый день безъ остановки тамъ стрѣляютъ, но такъ прислушиваешься къ этимъ постояннымъ выстрѣламъ, что перестаешь замѣчать. Мнѣ чуется, что Плевна скоро

сдастся; говорить это, конечно, логика, а не мозгъ; впрочемъ, это не абсурдъ и для мозга.

L.

21-го октября.

За завтракомъ сегодня слышалъ утѣшительное мнѣніе, что Плевна скоро сдастся; армія настолько уже демо-рализировалась, что офицеры турецкіе являются пере-бѣжчиками и описываютъ положеніе Плевны въ очень невеселомъ видѣ: ѣды мало. Османъ такъ гордо себя ведетъ, что его никто не видитъ; онъ къ себѣ и пашей даже не допускаетъ, такъ что врядъ ли имѣетъ, по сло-вамъ турецкихъ офицеровъ, настоящее представленіе о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергается теперь турецкая армія. Вчера цѣлый день и, кажется, значительную часть ночи все слышны были выстрѣлы, а нынче—все утро; теперь только затихло. Сегодня я все время очень прилежно работалъ и радовался отъ всей души, что дурная погода остановила назначенную поѣздку въ Боготъ и вѣроятно на позиціи; эти поѣздки въ высшей степени для меня утомительны и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніи. Скука непомѣрная; невозможность читать, заниматься въ эти дни удлинняютъ время до безконечности. Интересныхъ лицъ очень немного, да и повыдохлись всѣ при шестимѣсячномъ ежедневномъ сви-даніи. Свѣже-подъѣхавшихъ немного, да и нельзя ска-зать, чтобы эти свѣжіе много въ себѣ заключали условій для возбужденія интереса. Напр., Х., пріѣхавшій на смѣну У. адъютантомъ къ военному министру; вотъ вчерашній его разговоръ за завтракомъ. „Серг. Петр.,

скажите пожалуйста, а что̀—вы вѣрите глазу?“ Видя мое удивленное лицо, почтенный полковникъ поспѣшилъ разсказать самый убѣдительный фактъ, который былъ съ нимъ. „Мнѣ удалось спасти отца моей жены отъ опасной и, можетъ быть, смертельной болѣзни тѣмъ, что, зная, что онъ заболѣлъ съ глаза, я его спрыснулъ черезъ уголекъ“. Пошелъ длинный разсказъ этой операціи спрыскиванія черезъ уголекъ, что̀ ежедневно продѣлывается въ его домѣ надъ дѣтьми. Затѣмъ полковникъ прибавилъ, что онъ вѣритъ тому, что можно глазомъ и вылечить; онъ самъ видѣлъ, какъ его лакей заговорилъ кровь, которая текла изъ порѣзанной раны.—Ну, а въ лѣшаго вѣрите?—спросилъ я. „Я его не видалъ, признаюсь,—говоритъ полковникъ,—но все-таки вѣрю“.—Въ 12 часовъ ночи не любите оставаться одни?—„Не только не люблю, но никогда и не остаюсь“.—Я только плечами пожималъ, другіе же всѣ слушали—и нисколько не удивлялись. Мнѣ, наконецъ, самому стало неловко, и чтобы выручить откровеннаго полковника, я спросилъ его, не воспитывала ли его старая няня, которая съ дѣтства внушила ему всю эту ерунду. Полковникъ покраснѣлъ до ушей: оказалось, что я не ошибся; эта няня, Аграфена, и до сихъ поръ еще здравствуетъ, и, очевидно, не безъ вліянія остается на своего воспитанника и до сихъ поръ. Какой уровень развитія! Все это для меня было новостью, открытіемъ; я думалъ, что такихъ лицъ уже не существуетъ, а оказывается, что они—въ самомъ цвѣтущемъ видѣ. Понятно, почему напа знать лечится у вундерфрау и компаніи! Свѣтскій лоскъ даетъ возможность прикрыть свое содержаніе на очень короткое время, но при шестимѣсячномъ сожительствѣ

оказывается эта прикрышка далеко недостаточной. Отсюда понятны и многіе наши герои, такъ охотно уѣзжающіе послѣ извѣстныхъ наградъ. Можно ли, при такомъ развитіи, относиться не только къ своему долгу, а къ чему-нибудь—серьезно? У такого человѣка понятіе о долгѣ совершенно своеобразное, по катехизису его корпуса; бо̀льшая часть такихъ интересныхъ субъектовъ—изъ этого университета, и только теперь я понялъ вполнѣ, что̀ такое это учебное учрежденіе. Одно время, судя по программѣ и по предметамъ, которые тамъ проходятся, я былъ недурного мнѣнія объ этомъ заведеніи, но теперь, познакомившись поближе съ этими своего рода семинаристами, я поражаюсь недостаткомъ развитія; вѣдь есть между ними и неглупые, и даже такіе, которые помнятъ все то, чему ихъ учили; но къ жизни это не прилагается, остается какимъ-то совершенно побочнымъ, ненужнымъ матеріаломъ въ головѣ; живутъ они по катехизису, составленному частью ихъ нянь̀ками, частью наемными гувернерами, отчасти ихъ дѣдами. Въ этой молодежи, повидимому, мало задатковъ для будущаго; но не школу можно винить въ этомъ; она свое дѣлаетъ, даетъ извѣстную сумму свѣденій; главная вина, конечно, среды... Прости, что я такъ долго заставилъ тебя читать объ этой ерундѣ, но мнѣ хочется тебя по возможности держать au courant всего, что дѣлается около меня, тѣмъ болѣе, что это даетъ возможность понять многое, что дѣлается въ настоящее время, которое познакомило меня со многѝмъ, о чемъ я прежде зналъ больше теоретически, чѣмъ практически. Въ арміи гораздо больше утѣшительныхъ типовъ, чѣмъ въ штабѣ, куда прилѣпляется бо̀льшая часть ненужностей.

22-го октября.

Сейчасъ прочелъ статью о Красномъ Крестѣ въ тылу арміи; до сихъ поръ я очень мало зналъ о дѣятельности Х., но, вѣря въ возможность всѣхъ обличительныхъ фактовъ, вмѣстѣ съ этимъ, однакоже, не могу никоимъ образомъ допустить сознательнаго воровства; очевидно, пользовались его довѣріемъ и воровали безъ удержа, но самъ онъ положительно не обладаетъ свойствомъ усвоивать чужое. Х. принадлежитъ къ числу людей, по-моему, очень ограниченныхъ: у него одна изъ тѣхъ головъ, работы Винтергальтера, которая обладаетъ очень большимъ лексикономъ словъ и цѣлыхъ фразъ, которыя произносятся въ различное время въ различномъ количествѣ, смотря по надобностямъ. Послѣдніе годы его дѣятельность была въ административномъ колесѣ, которое у него до сихъ поръ еще вертится. Приступивъ къ своей дѣятельности, онъ не могъ остановить своего колеса, и на немъ-то началась новая его дѣятельность, требующая человѣка всего менѣе рутиннаго— и умнаго; пошли канцелярскія упражненія, которыми и прикрывалось отсутствіе настоящихъ способностей. Какъ обыкновенно, на такихъ ограниченныхъ людей чрезвычайно легко могутъ вліять различные авантюристы; порядочные же люди обыкновенно отталкиваются этимъ колесомъ, въ зубцы котораго порядочная личность и не попадаетъ, а если попадетъ случайно, то не удержится. Подвернется какой-нибудь прозорливый архитекторъ, или какой-нибудь другой дѣлецъ — онъ уже знаетъ, какъ взяться за эту механику Винтергальтера, и дѣло идетъ бойко, къ обоюдному удовольствію и полному согласію. Механическая голова находится въ упоеніи созерцанія сво-

ихъ собственныхъ доблестей и будущихъ наградъ. Вѣдь, въ сущности, и Р.—такой же, но онъ кажется поскромнѣе, менѣе самонадѣянъ и у него кромѣ общечиновническаго колеса вертится еще колесо нѣмецкой обстоятельности, сдерживающее порывистость, излишнюю довѣрчивость. Ч.—другой типъ: это баринъ-помѣщикъ, крѣпостникъ, который и теперь еще выпоретъ, кого можно; у него голова настоящая, не работы Винтергальтера, а какой-то помѣщичьей пары, которая передала ему и властолюбіе, и самолюбіе; неудачная же карьера дала ему сухость, злость. Онъ бы могъ принести много пользы, еслибы вынесъ содѣйствіе хорошаго врача-товарища, но честнаго, знающаго. Но организмъ Ч. не выноситъ равнаго ему по силѣ и еще менѣе выдерживаетъ высшаго по силѣ; отъ этого и въ его отрядѣ много вышло ерунды.—Сегодня я провелъ свой день совершенно особымъ образомъ: совсѣмъ не выходилъ изъ своей палатки; не бойся, что болѣзнь меня скрутила и я валялся отъ слабости; дѣйствительно у меня гриппъ. Погода была гнусная, одѣваться я не торопился, а тутъ начались посѣщенія больного; пришелъ Мезенцевъ, посидѣлъ, побесѣдовалъ, благо у меня тепло и сухо; пришелъ Милютинъ, который отнесся очень мило и участливо къ моей болѣзни; мнѣ было совѣстно признаваться, что я изъ-за такихъ пустяковъ лежу въ постели. Съ 12 часовъ посѣщенія прекратились, съ четырехъ снова начались и продолжались до 6-ти, когда всѣ обѣдаютъ.

23-го октября.

Сегодня Государь и нѣкоторые изъ свиты уѣхали за Виддъ, тамъ ночуютъ и завтра только домой, а завтра

или послѣ-завтра должны начаться разговоры о выѣздѣ. Не могу сказать, чтобы день прошелъ для меня незамѣтно—это былъ одинъ изъ длиннѣйшихъ; постель уже не доставляла мнѣ большого удовольствія; посѣщавшіе посѣтители не могли сообщить мнѣ новаго.

24-го октября.

Сегодня вернулись съ Видда; ко мнѣ зашелъ Милютинъ, такъ какъ я все считаюсь еще больнымъ; повидимому, его предположенія далеко не совпадаютъ съ моими относительно выѣзда отсюда. Раньше взятія Плевны не выѣдемъ, думаетъ Милютинъ; конечно, это мнѣніе самое распространенное и, можетъ быть, вѣрное. Теперь вопросъ: когда сдастся Османъ? Пріѣхавшій сегодня кн. Грузинскій въ Систовѣ слышалъ отъ евреевъ, что дальше 27-го октября Плевна держаться не можетъ. Евреи эти, по словамъ Грузинскаго, люди значительные, имѣютъ какія-то большія дѣла на рукахъ и, конечно, вмѣстѣ съ этимъ имѣютъ и свою почту. Вечеромъ заходилъ ко мнѣ Адлербергъ и того же мнѣнія, что раньше 17-го ноября ничего не будетъ, но все это основано на такихъ же соображеніяхъ, безъ положительныхъ данныхъ, какъ и у насъ грѣшныхъ. Остается беречь свои силы и употреблять ихъ исключительно на одну добродѣтель человѣка — терпѣніе; безъ этого дѣйствительно обезсилѣешь и впадешь въ уныніе. Когда я прихворнулъ, то чувствовалъ, что недалекъ отъ унынія, но теперь я снова пріободрился, глубоко увѣренный, что въ ноябрѣ будемъ дома. Вѣдь вообще мы всѣ стали здѣсь раздражительны; очевидно, всѣ другъ другу надоѣли, всѣ потеряли свой ароматъ, выдохлись, между

тѣмъ всѣ чувствуютъ себя на сборѣ, ни за что не хотятъ приняться, — ну и выполаскиваютъ свою злобу при всякомъ удобномъ случаѣ. Твое безпокойство о томъ, что я могу подвергаться опасности отъ пуль, меня просто заставляетъ смѣяться. Не только мы, — нечего и говорить обо мнѣ,—но, напримѣръ, адъютанты Великаго Князя Николая Николаевича, до сихъ поръ, въ добрый часъ сказать, ни одной царапины не получили. Подъ Плевной распорядителемъ Тотлебенъ, и, несмотря на его старость, ему можно довѣриться гораздо больше, чѣмъ кому-либо; при объѣздѣ позицій Государемъ, онъ, понятно, никогда не повезетъ туда, гдѣ есть хотя какая-нибудь опасность. Жить же въ Порадимѣ такъ же безопасно, какъ въ Петербургѣ. Хотя бы было какое-нибудь несчастное дѣло, то при расположеніи нашихъ войскъ, батарей, и т. д., мы никогда ничѣмъ не рискуемъ; надо отдать полную справедливость Государю: онъ держитъ себя чрезвычайно благоразумно и никогда не противорѣчитъ, если авторитетный человѣкъ сдѣлаетъ ему замѣчаніе. Такъ напр., назначена была поѣздка на батарею; Тотлебенъ далъ ему знать, что старое мѣсто, гдѣ мы были, уже небезопасно, а новаго онъ еще вѣрнаго не нашелъ—и поѣздка была отмѣнена. Для меня одна бѣда—я боюсь затосковать больше, чѣмъ слѣдуетъ, но и это, я думаю, какъ окончательно пройдетъ мой гриппъ, обойдется. Вѣдь это было бы въ высшей степени малодушно отчаяваться въ своихъ нравственныхъ силахъ именно тогда, когда осталось уже такъ немного нашего испытанія. Четырнадцать, двадцать дней — уже не шесть мѣсяцевъ со всѣми остальными мученіями. Но наше горе—ничто въ сравненіи съ мас-

сами несчастій. Теперь почувствовалъ и Петербургъ, какое ужасное бѣдствіе война; да, пока на своей шкурѣ не увидишь ранъ, пока во-очію не увидишь всю неизмѣримость зла,—говоришь о войнѣ, какъ о бѣдствіи, чисто теоретически. Платясь собственными боками, коверяя свои раны не разъ, не два, а цѣлые длинные мѣсяцы, только тогда выучишься глядѣть на это бѣдствіе истинными глазами.

25-го октября.

Сегодня я было-хотѣлъ начать свою службу, но приключилась новая бѣда — болитъ зубъ, и я заблаго́разсудилъ остаться на прежнемъ положеніи, т. е. въ твоемъ мѣховомъ халатѣ. Хочу сегодня перебраться на ночь опять въ свою землянку, въ хату,—можетъ быть будетъ лучше; въ моей деревянной комнатѣ температура довольно рѣзко мѣняется: ложишься спать 15°, а подъ утро вѣроятно меньше шести. Сегодня былъ у меня около палатки Государь верхомъ, и оказывается, что теплый сюртукъ заказанъ мнѣ по его приказанію. Сейчасъ приходилъ одинъ изъ здѣшнихъ маленькихъ чиновниковъ ради медицинскаго совѣта; перебросивъ съ нимъ нѣсколько словъ, я увидалъ, что эти бѣдняги еще больше страдаютъ, чѣмъ мы, въ этой походной жизни. Желаніе ѣхать у нихъ всѣхъ, кажется, доходитъ до болѣзненныхъ размѣровъ; всѣ заняты однимъ капитальнымъ вопросомъ: когда?—всѣ увѣрены, *всѣ знаютъ*, что не зимуютъ, но теперь всякая лишняя недѣля отсрочки есть испытаніе; нѣкоторые говорятъ о днѣ отъѣзда со слезами на глазахъ; почти у всѣхъ семьи, и они отправились только на три недѣли, а теперь уже пять

мѣсяцевъ прошло. Бо́льшая часть изъ нихъ работаетъ съ утра до ночи, неся, можетъ быть, вдвоемъ, втроемъ трудъ цѣлыхъ канцелярій Петербурга: вѣдь всѣ дѣла государства идутъ черезъ военно-походную канцелярію.

На дняхъ сюда ждутъ Обручева, который, устроивъ побѣду на Кавказѣ, пріѣзжаетъ сюда на выручку. Кажется, это единственный человѣкъ нашего времени, который можетъ дѣйствительно выдвинуться изъ ряда вонъ. Справится ли онъ только здѣсь со многими препятствіями, которыя, вѣроятно, ему будутъ на дорогѣ? Говорятъ, Тотлебенъ уже кряхтитъ и жалуется на недостаточное содѣйствіе штаба; на его телеграммы отвѣтъ изъ штаба, вмѣсто 30 минутъ, идетъ 12 часовъ; на его требованіе прислать тысячу рабочихъ—присылаютъ двѣсти, и т. д. въ этомъ родѣ. Поговариваютъ здѣсь о корпусѣ, который идетъ на встрѣчу Осману со стороны Софіи; въ виду этого, конечно, дѣлаютъ свои распоряженія; кажется, наши двигаются къ Орханіэ.

Меня очень обрадовало письмо Богдановскаго; надѣюсь, что онъ, съ своей стороны, высказалъ Главному Обществу результаты своихъ наблюденій. Мнѣ было особенно пріятно встрѣтиться съ нимъ, съ выводами, которые онъ дѣлаетъ относительно призрѣнія раненыхъ: необходимость бо́льшаго числа госпиталей и вредное вліяніе форсированной эвакуаціи — для меня это непреложныя истины. Пироговъ, видя больныхъ въ Румыніи и не заставъ здѣсь эвакуаціи въ ея разгарѣ, повидимому, продолжаетъ поддерживать свою мысль. Сегодня я бесѣдовалъ съ главнымъ генералъ-штабъ-докторомъ и хирургомъ румынской арміи; оказывается, что онъ протестуетъ противъ эвакуаціи, смотря на нее какъ

на величайшее зло — совершенно справедливо. Всякій, кто видѣлъ вблизи это дѣло, будетъ сочувствовать этому протесту.

LI.

26-го октября.

Сегодня цѣлый день кислый; почти не спалъ изъ-за щеки: вѣроятно, нарываетъ поганая. Одѣвшись, вышелъ сидѣть на солнышкѣ у великолѣпнаго входа въ мою хату. Начались посѣщенія, которымъ, въ сущности, я былъ очень радъ: все равно, дѣлать ничего не хотѣлось; лучше уже болтать. Самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ у меня бываетъ Мезенцевъ, которому обыкновенно подносится сигара и заводится бесѣда о войнѣ, большею частью, конечно, съ послѣдняго событія. Я люблю его слушать, когда онъ толкуетъ о военныхъ дѣйствіяхъ; онъ знаетъ дѣло и всѣми мозгами работаетъ при разборкѣ какого-нибудь факта; знаетъ исторію прошлыхъ войнъ съ Турціей; обо всемъ говоритъ чрезвычайно охотно. Около трехъ часовъ подошелъ Государь, объявилъ о новомъ дѣлѣ подъ Карсомъ; первое извѣстіе было утромъ о разбитіи соединенной арміи Мухтара и Измаила подъ Эрзерумомъ; былъ благодарственный молебенъ по случаю извѣстія о томъ, что наши подъ Карсомъ отбили небольшой приступъ, ворвались на одно изъ укрѣпленій и заклепали пушки. Въ Малой Азіи идетъ блистательно — авось и у насъ пойдетъ сносно. Около 4-хъ часовъ у моего крылечка на солнышкѣ образовался цѣлый клубъ; конечно, одинъ предметъ разговора — Плевна, когда сдастся; всякій дѣлаетъ свои соображенія, внося, конечно, свой личный характеръ

въ окончательное заключеніе. Говорятъ, главнокомандующій утверждаетъ, что дальше 2-го ноября она не продержится; это повторяется во всѣхъ углахъ. Находятся такіе, которые возражаютъ: тѣ, кто, напр., видѣлъ около 2.000 головъ скота подъ Плевной; говорятъ, будто передъ дѣломъ 12-го числа турки провезли 600 повозокъ провіанта; что турки ѣдятъ мало и Богъ знаетъ чѣмъ могутъ быть сыты, и т. д. въ этомъ родѣ. Конечно, никто навѣрное ничего не знаетъ. Жаль только, что Тотлебена ушибла лошадь, и полагаютъ, что онъ недѣли на двѣ не будетъ въ состояніи садиться на лошадь; это особенно жаль потому, что онъ все-таки завелъ у Плевны извѣстный порядокъ, установилъ систему.

Передъ заходомъ солнца я ушелъ въ свою конуру; въ пять часовъ дали мнѣ ѣсть. Къ концу моего обѣда забѣжалъ и дипломатъ Г.; когда-нибудь познакомлю тебя и съ этой личностью. Послѣ обѣда общаго начались новыя посѣщенія тѣхъ, которые не успѣли забѣжать въ теченіе дня. Подъ вечеръ, между прочимъ, забѣгалъ и Меньшиковъ, совсѣмъ разстроенный; кажется, Шаховской оставляетъ свой корпусъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня К., съ которымъ мы прежде читали, а потомъ болтали, вспоминая академію съ ея различными представителями безобразія. Отдалясь отъ нѣкоторыхъ собратьевъ по академіи въ послѣдніе годы, я многаго не зналъ сквернаго, что̀ дѣлалось въ такъ называемой русской партіи; тогда К. былъ еще студентомъ и сообщилъ мнѣ теперь нѣкоторые омерзительные факты. Я радовался, что чутье мое не обмануло меня, и я удалился во̀-время.

Богъ имъ судья — они много принесли вреда академіи, и еще болѣе — порядочнымъ русскимъ людямъ.

27-го октября.

Сегодня вся наша квартира уѣхала на позицію, на тотъ царскій валикъ, куда мы ѣздили съ 26-го августа, и который я называю горою Голгоѳой. Теперь пятый часъ, но еще никто не возвращался. Вслѣдствіе отъѣзда почти всѣхъ, меня нынче посѣтили немногіе, и я провелъ день на солнышкѣ, ничего не дѣлая, смотря на дѣтей моихъ болгаръ. День такъ хорошъ, такъ пріятно было сидѣть на солнцѣ и вдыхать въ себя пріятнѣйшій воздухъ, что не хотѣлось за что-нибудь взяться. Вся семья болгаръ также высыпала на солнце и тоже, очевидно, наслаждалась этимъ даровымъ теплomъ. Старый дѣдъ, истощенный, тщедушный, все время лежалъ, жмурилъ глаза, снималъ свою шапку и грѣлъ свою бритую голову съ оставленной косичкой на затылкѣ; мать-вдова сучила нитки, а дѣти по-своему занимались; дѣйствительно, по-своему: я никогда не видалъ у насъ 4-хълѣтняго ребенка валяющимся на солнцѣ; какъ большой, лежитъ, не спитъ и видимо наслаждается солнцемъ; младшій сынишка лѣтъ трехъ только, очевидно, еще не дошелъ до степени развитія старшаго — онъ оставался вполнѣ индифферентнымъ къ солнцу и больше интересовался пуговицами моего пальто; дѣвочка лѣтъ одиннадцати, но сложенная совершенно какъ взрослая, съ лохматыми длинными волосами, очевидно, не знала, что̀ ей начать: то вымоетъ себѣ руки и высушитъ на солнцѣ, то выльетъ воду на собаку; наконецъ, она убѣжала къ сосѣдямъ. У насъ нынче второй день праздника при-

ходскаго, потому вчера они уже не работали и обѣдали съ особеннымъ церемоніаломъ, такъ же, какъ всегда, на корточкахъ у огня своего камина, но былъ поставленъ деревянный кругъ, который замѣнилъ имъ столъ; испечены были хлѣбцы, въ которые они воткнули восковыя свѣчи, зажгли, помолились и приступили къ ѣдѣ; сегодня, какъ и всегда, всѣ разряжены; женскій костюмъ очень красивъ, и я хочу тебѣ его привезти; просилъ, чтобы мнѣ нашли порядочный; не знаю—соберутъ ли. Нація находится совершенно въ первоначальной степени развитія: нынче сдѣлали открытіе у моего хозяина — въ одномъ изъ его сараевъ на дворѣ валяется дохлый волъ; полагаютъ, что онъ издохъ уже два дня, а хозяинъ и знать ничего не хочетъ, утверждая, что волъ не его; еслибы волъ былъ живъ, то навѣрное онъ не отказался бы. Увидали совершенно случайно, а то онъ провалялся бы долго, до тѣхъ поръ, пока не пошла бы отъ него вонь, что̀ всѣ бы замѣтили, да ходилъ бы имъ питаться нашъ пёсъ; кучами, вѣроятно, изъ деревни стали бы собираться товарищи его на лакомое блюдо. Нашъ пёсъ, проживающій у болгаръ, очевидно, уходитъ кушать куда-нибудь въ ресторанъ за городъ, отлучаясь время отъ времени изъ дому, гдѣ ему корма никогда никакого не даютъ, да и живетъ-то онъ здѣсь какъ-то больше при домѣ, чѣмъ при людяхъ.

Сейчасъ отъ меня вышла больная дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, повидимому, изъ богатой болгарской семьи, разодѣтая, завернутая въ неизмѣримо длинный кушакъ; ее привела мать, и дѣвчонка вошла, потупивъ глаза, какъ здѣсь принято для дѣвушекъ, хорошенькая собой, но слабогрудая; впрочемъ, пожалуй, въ этомъ климатѣ

отгуляется за осень, которая здѣсь дѣйствительно хорошая, только ночи свѣжи; сегодня опять было все покрыто бѣлымъ по утру, но съ 10, 11-ти часовъ до 4-хъ—великолѣпно. Извѣстій изъ-подъ Плевны никакихъ новыхъ не имѣлъ, хотя и заѣзжалъ ко мнѣ корпусный врачъ, Г., изъ 4-го корпуса. Хвораютъ теперь меньше, тяжелыхъ лихорадокъ больше не встрѣчаютъ; по его словамъ, у нихъ въ корпусѣ говорятъ различно: одни—что Плевна сдастся черезъ недѣлю, другіе—черезъ мѣсяцъ. Перебѣжчиковъ стало оттуда меньше, вслѣдствіе того, будто бы, что 40 человѣкъ перебѣжчиковъ были возвращены румынами назадъ въ турецкій лагерь. Сомнительно, чтобы нашъ отъѣздъ состоялся раньше взятія Плевны; впрочемъ, вѣрнаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что не зимуемъ; этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; съ другой же стороны, врядъ ли еще черезъ три недѣли будетъ мыслимо здѣсь какое-нибудь движеніе и, слѣдовательно, военныя дѣйствія. Теперь, оправившись отъ своего нездоровья, я чувствую новыя нравственныя силы, чтобы нести свой крестъ; утѣшаю себя мыслью, что значительная часть уже пройдена, что виденъ, наконецъ, берегъ, мелькаетъ по временамъ и пристань. Признаюсь, въ началѣ моей маленькой болѣзни уныніе было такъ сильно, что я съ ужасомъ глядѣлъ на всякій лишній день, который мы здѣсь оставались; теперь я на опытѣ убѣдился, что такое уныніе не дало мнѣ лишнихъ силъ. Ты съ улыбкой смотришь на мой оптимизмъ, а между тѣмъ, благодаря, можетъ быть, этому свойству моего организма, я былъ въ состояніи выдержать все это испытаніе. У меня нервная система очень впечатлительна, и пессимистическое воз-

зрѣніе дѣйствуетъ на нее чрезвычайно угнетающимъ образомъ.

Сейчасъ отъ меня вышла цѣлая компанія—пришли прямо съ обѣда и разсказали о томъ, какъ прошелъ у нихъ день; признаюсь, я былъ доволенъ, что остаюсь на больничномъ положеніи, и это удовольствіе прошло мимо меня. Они ѣздили верстъ 25 за Вербицъ; пришлось не по дорогѣ ѣхать верстъ двѣнадцать, и все это предпринято было, чтобы сдѣлать смотръ и визитъ румынскимъ войскамъ, которыя проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя. Принцъ Карлъ былъ хозяиномъ, faisait les honneurs, повелъ показывать новый редутъ, выстроенный румынами и названный „Александръ“. Говорятъ, работа замѣчательная по чистотѣ, отчетливости въ отдѣлкѣ и, будто бы, далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи наши редуты. Очевидно, какъ турки, такъ и сосѣднія съ ними національности—чрезвычайно умѣлы въ земляныхъ работахъ; если зайдешь въ любую болгарскую деревушку, то первое, что̀ поражаетъ, это окопы кругомъ села, кругомъ каждаго отдѣльнаго хозяйства; хоть бы здѣсь, въ Порадимѣ: заборовъ нигдѣ нѣтъ, — но отдѣльные дома, съ ихъ хозяйствами, раздѣлены земляными высокими насыпями, обыкновенно нѣсколько ниже человѣческаго роста; мѣстами со стороны улицы устроенъ еще ровъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ этотъ ровъ такъ глубокъ, что человѣка въ немъ не видно; сдѣлано все это чрезвычайно ловко, ровно, чисто; углы срѣзаны, какъ будто выпилены. Однимъ словомъ, лопатой работаютъ какъ самымъ знакомымъ инструментомъ; въ турецкой арміи чуть ли не на каждаго солдата приходится по лопатѣ, а у насъ

подъ Плевной, въ дни нашего послѣдняго погрома, не было, кажется, одной тысячи лопатъ; теперь, ѣздя по позиціи, мы встрѣчали свѣжіе шанцевые инструменты, повидимому недавно привезенные изъ Бухареста. Неудивительно, что и редутъ румынскій поражаетъ нашихъ своею отдѣлкой. Румынія, также какъ и Болгарія—страны безлѣсистыя, и здѣсь по-неволѣ роются въ землѣ и выучиваются владѣть лопатой, какъ у насъ топоромъ. Конечно, главнаго вопроса о времени сдачи Плевны никто не можетъ рѣшить; экспедиція къ Орханіэ уже предпринята и вѣроятно будетъ не безъ успѣха. Османъ принужденъ будетъ сдаться, но когда? Малоазіатскіе успѣхи поддаютъ, видимо, жару и здѣшнимъ начальствующимъ, но желательно было бы, чтобы излишнее усердіе не попортило. На мой вопросъ Г. (корпусному доктору), много ли теперь заболѣваетъ въ день въ его корпусѣ?—„150 человѣкъ въ одномъ только корпусѣ—гораздо меньше, чѣмъ прежде“,—прибавилъ онъ къ этому. По прежнимъ же отзывамъ начальства говорили, что подъ Плевной заболѣваетъ во всей арміи отъ 200 до 250 человѣкъ въ день. Можно ли теперь этому вѣрить? Очевидно, эта цифра была невѣрная,—только для Государя! Но такіе факты здѣсь нерѣдко приходится встрѣчать.

LII.

28-го октября.

Сегодня у меня весь день ушелъ на визиты посѣщавшимъ меня во время болѣзни; утромъ былъ въ первый разъ у Государя; забѣжалъ домой позавтракать;

выкуривъ сигару, отправился славить Христа, руководствуясь географическимъ расположеніемъ всѣхъ живущихъ въ Порадимѣ; при этомъ пришлось порядкомъ мнѣ побродить по здѣшнимъ дорогамъ, перелѣзать и карабкаться по канавамъ, но съ помощью палки съ острымъ концомъ путешествіе это совершилъ я вполнѣ благополучно: первыхъ еще заставалъ дома, а по мѣрѣ приближенія времени къ 12-ти часамъ бо̀льшая часть уже поразошлась къ завтраку, и гдѣ карандашомъ на стѣнѣ, гдѣ палкой на землѣ отмѣчалъ свою фамилію. Здѣсь улицы и переулки образуются окопами дворовъ; конечно, нѣтъ ни названій улицъ, ни нумеровъ домовъ; знаешь только, что такой-то живетъ въ той сторонѣ, а такой-то — въ другой. До 12-ти часовъ справлялъ это дѣло одинъ, а потомъ зашелъ за Ковал. и вторую половину визитовъ додѣлывалъ вмѣстѣ съ нимъ. Придя, во второй половинѣ своихъ визитовъ, къ Тучкову, мы застали за обычнымъ отдѣльнымъ завтракомъ хозяина, Р. и Щелкова; этотъ визитъ продолжался всего долѣе, просидѣли все время завтрака и долго потомъ слушали повтореніе въ милліонный разъ нападковъ Тучкова на Щелкова за телеграфную его неспособность. Несмотря на однообразіе и постоянство нападковъ, старикъ все-таки каждый разъ очень серьезно сердится и обыкновенно настолько, что приходится вступаться въ разговоръ. Отъ Тучкова, по той же улицѣ, которая у насъ называется Невскимъ, отправились къ Меньшикову; тамъ радушный пріемъ съ праздничной сигарой; туда пришелъ и Мезенцевъ; пошли толки о военныхъ дѣлахъ, счеты, пересчеты дивизій, корпусовъ, гдѣ что стоитъ. Ну и, конечно, все вниманіе обращено на Плевну и

ея окружности. Послѣ Меньшикова намъ предстояло отправиться съ Ковалевскимъ къ больному гр. Ч. К., который живетъ въ самомъ концѣ деревни; не успѣли сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по Невскому, какъ наткнулись на цѣлую компанію свитскихъ, остановившуюся у одного уличнаго продавца румына (здѣшній „Англій-скій магазинъ“). Оказывается, что вся компанія направлялась къ гр. Ч., куда и мы отправились вмѣстѣ, постоявъ безъ толку около магазина, гдѣ все продается: тутъ и сапоги, и фуфайки, и письменныя принадлежности, и постель, и тулупъ, и ермолки, и стулики и пр.; все, конечно, въ высшей степени скверно и безъ всякаго выбора, по одной и по двѣ пары различныхъ предметовъ; цѣны, конечно, громадныя. Въ компаніи шести человѣкъ добрались до Ч. и взошли въ его конурку, тоже вырытую въ землѣ, съ однимъ маленькимъ окошечкомъ. Онъ командуетъ полкомъ и по болѣзни пріѣхалъ сюда, обрадовавшись этой конурѣ какъ дворцу. Кажется, я тебѣ о немъ писалъ; это очень порядочный человѣкъ, честный, любитъ выпить и, выпивши, дѣлается чуть не атеистомъ, а въ трезвомъ видѣ остается заклятымъ поклонникомъ Редстока. Онъ всегда былъ кавалеристомъ, а теперь дали ему командовать полкомъ покойнаго Ш.; изъ страха, чтобы не приняли его за труса, онъ не отказался, и теперь, ничего не понимая въ пѣхотной службѣ, волей или неволей сидитъ на позиціи; тутъ, кажется, отъ скуки и горя онъ сталъ прибѣгать къ единственному тамъ развлеченію и поддержкѣ въ слабости — къ вину и, повидимому, крѣпко надорвалъ свое здоровье, живя постоянно въ палаткѣ въ эту скверную погоду. Гости сидѣли тутъ же, когда я его изслѣ-

довалъ, и принимали нѣкоторымъ образомъ участіе. Въ пятомъ часу только я вернулся домой, мокрый какъ мышь. Теперь иду обѣдать; до свиданія...

Съ 4-хъ часовъ сегодня пальба идетъ сильнѣйшая; послѣ обѣда получена депеша о томъ, что Скобелевъ атакуетъ Зеленую гору, пріобрѣтеніе которой было необходимо для дальнѣйшихъ нашихъ инженерныхъ работъ, которыя будутъ подъ выстрѣлами. Пальба и до сихъ поръ идетъ, но ничего неизвѣстно, что̀ изъ этого выйдетъ. Нынче, обходя нашу колонію, многое пришлось выслушать; сегодня пріѣзжалъ сюда съ донесеніемъ кн. И.; такъ какъ я не былъ за общимъ завтракомъ, то пришлось слышать его разсказы изъ различныхъ редакцій. Для характеристики времени и людей привожу слѣдующія двѣ редакціи: одна утверждаетъ, что И. говорилъ, что больше 10 дней Плевна держаться не можетъ, что въ Плевнѣ падежъ скота, что мясо выдается только офицерамъ каждые пять дней, что въ городѣ недостатокъ соли,—убивать скотъ и солить мясо нельзя,—что турки по ночамъ бродятъ по кукурузнымъ полямъ, отыскивая уцѣлѣвшіе или свалившіеся колосья кукурузы, но что одѣты перебѣжчики очень хорошо; другая редакція утверждаетъ, что И. говоритъ, что Плевна можетъ держаться пять мѣсяцевъ, что запасовъ много и пр. въ этомъ родѣ. Какой редакціи вѣрить? Повидимому, дѣлая выводъ изъ всего, что́ говорится, что̀ болтается и перевирается, нужно полагать, что Османъ ожидаетъ подкрѣпленія и потому не прорывается; безъ попытки прорваться — врядъ ли онъ сдастся; въ силу этого предположенія, большое значеніе должна имѣть предпринятая экспедиція къ Орханіэ, около которой

ожидаютъ встрѣтить идущее на помощь подкрѣпленіе; если эта армія будетъ уничтожена, то Плевна падетъ сама собой; во всякомъ случаѣ, въ очень непродолжительное время должно ожидать рѣшительныхъ событій. Необходимость покончить съ войной во что бы то ни стало нынѣшней зимою, до наступленія весны, слишкомъ очевидна; протянется война дольше — весной она загорится не съ одной Турціей; Англія дѣлаетъ самыя серьезныя подготовленія... Впрочемъ, это—предположеніе дипломатовъ.

12 ч. ночи.—Не хочу лечь спать, не подѣлившись съ тобою отраднымъ впечатлѣніемъ: сейчасъ вернулся отъ Государя, который получилъ депешу, что первая Зеленая гора занята нами съ малыми потерями; турки переколоты въ ложементахъ; наши окапываются. Завтра вѣроятно ты прочтешь это въ газетахъ, можетъ быть, съ какими-нибудь дополненіями. Меня непріятно поразило то, что сказано въ телеграммѣ: первая Зеленая гора!—значитъ, есть и вторая, оказывается и третья; все это было въ нашихъ рукахъ 30-го августа, но не могли тамъ держаться.

Сейчасъ провѣрилъ у Адлерберга различныя редакціи показаній И. относительно срока: оказывается, что и 10 дней, и 5 мѣсяцевъ, все это—прибавленіе „редакторовъ“, но остальное все вѣрно, только число головъ скота уже не три тысячи, а пять; какъ ни велико это число, но предполагая, что одинъ волъ идетъ приблизительно на 120 человѣкъ въ день и допуская возможность падежа скота,—при 60 тысячахъ войскъ эта порція уничтожится скоро, хотя бы и давали уменьшенныя

количества. Выстрѣлы слышны почти до полуночи, но уже рѣдкіе. Туманъ продолжался цѣлый день—вечеромъ болѣе постоянно начала сыпать мелкими каплями наша петербургская изморозь. Несмотря на новолуніе, которое уже видѣлъ дня два назадъ, такъ темно, что безъ фонаря не было бы никакой физической возможности добраться до дому, несмотря на попытку освѣтить главную улицу стеариновыми свѣчами, воткнутыми въ разбитыя бутылки.

29-го октября.

Сегодня было заявлено, что поѣдемъ въ Питеръ прямо, не заѣзжая въ Систово, гдѣ были приготовлены для насъ помѣщенія. Еще не видалъ министра, не знаю подробностей этого заявленія, но говорятъ, что онъ въ духѣ, слѣдовательно поѣздка—не въ далекомъ будущемъ. Нынче Государь и между прочими и я—были въ Боготѣ; позавтракавъ, отправились въ госпиталь и заѣхали предварительно въ отдѣленіе Краснаго Креста Цесаревны; раненыхъ осталось уже немного отъ 12-го числа,—большинство эвакуировано на Зимницу и далѣе; остались наиболѣе тяжелые, которые задержаны, видимо, для выставки и отчасти для занятія Пирогова, да и не хотятъ очевидно теперь продолжать прежнее варварство эвакуаціи, благо есть свободныя мѣста. Раненые съ Зеленой горы отъ Скобелева еще не попали; говорятъ, ихъ немного; вся потеря, кажется, въ 120 человѣкъ.

Вчера вечеромъ еще въ 11 ч. и нынче утромъ турки дѣлали аттаки на отнятую у нихъ позицію, но оба раза были отбиты; нынче пострѣливаютъ, но гораздо меньше вчерашняго. Въ штабѣ главнокомандую-

щаго, сколько я могъ слышать, относятся разумно къ этому дѣлу; одни называютъ его новымъ блистательнымъ дѣломъ Скобелева, другіе—что это совершенно лишнее; разъ рѣшено брать укрѣпленія голодомъ—къ чему эти, хотя и ничтожныя, потери людей? Такая существенная разница воззрѣній обусловливается не особенностями военныхъ соображеній, но бо̀льшимъ или мѐньшимъ благорасположеніемъ къ Скобелеву со стороны говорящихъ. Повидимому, это послѣднее составляетъ главную и существенную основу оцѣнки самыхъ разнообразныхъ фактовъ. Напримѣръ, если мнѣ кто-либо теперь говоритъ, что артиллерійскій огонь не приноситъ никакого вреда непріятелю, то я сейчасъ же справляюсь: а въ какихъ онъ отношеніяхъ съ кн. М., начальникомъ артиллеріи?—и такъ далѣе во всемъ остальномъ. Нѣкоторые вопросы только не представляются спорными и не спаса̀ются даже и личными симпатіями и антипатіями: это — вопросы по интендантству; въ этомъ отношеніи люди разнятся только въ большей или меньшей смѣлости высказывать различные поучительные и, къ сожалѣнію, печальные факты; запасы, склады, повидимому, не сдѣланы; еле-еле успѣваютъ подвозить то, что́ и поѣдается тотчасъ же; наступитъ распутица — неизбѣжно будетъ ощущаться нужда въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Лошади и теперь почти не имѣютъ сѣна, которое замѣняется соломой. Сѣно погибло нескошеннымъ, на корню сгорѣло или сгнило, благодаря намѣренной или ненамѣренной—неизвѣстно—небрежности кого-то. Видъ лошадей, влекущихъ обозъ, самый печальный; онѣ едва имѣютъ силъ тащить свой собственный скелетъ, а ихъ заставляютъ тащить сухари; также печально тянутъ и

заморенные, некормленные волы. Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, если вспомнишь, что все это въ значительной степени могло бы быть устранено, если бы только вовремя и хорошо тряхнули мозгами. Потребовался авансъ на два милліона для постройки бараковъ для больныхъ (ни съ однимъ врачомъ не посовѣтовались, какъ и что строить); это, какъ извѣстно, поручено Полякову. Авансъ разрѣшилъ министръ финансовъ, но спрашиваетъ, куда и какъ доставить сумму; на вопросъ нѣтъ отвѣта; тогда министръ финансовъ вторично телеграфируетъ, спрашивая: вѣроятно миновала надобность въ деньгахъ, если нѣтъ отвѣта? — но и это не ускорило дѣла. Не знаю, чѣмъ оно кончится. Съ другой стороны, заявляютъ сюда изъ главнаго штаба объ отправленіи трехъ госпиталей въ Болгарію; ихъ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ, но въ свое время, вмѣсто всего наличнаго состава госпиталей со всѣми принадлежностями, являются только три смотрителя, въ надеждѣ все недостающее получить въ дѣйствующей арміи!!! Фактъ этотъ сообщенъ мнѣ лично главнокомандующимъ. Въ Боготѣ, въ госпиталѣ, видѣлъ Пирогова, который ко времени пріѣзда туда Государя приготовилъ больного къ операціи при помощи Обермюллера, Березкина. Пироговъ мнѣ показался какъ-то сконфуженнымъ; мнѣ кажется, онъ самъ чувствуетъ всю декоративность своего положенія. Не знаю, насколько онъ рѣшится продолжать пѣть диѳирамбы медицинской администраціи; жаль будетъ, если онъ броситъ тѣнь на свое порядочное имя, можетъ быть, незадолго до своей смерти. Можно благоговѣть передъ врачами, передъ ихъ трудами, но непозволительно мириться съ административной стороной

всего медицинскаго дѣла; нельзя было прятаться за ширмы такого непоправимаго бѣдствія, какъ война, для того, чтобы не стремиться улучшить положеніе раненыхъ и больныхъ. Пироговъ, повидимому, дѣйствуетъ безъ достаточной энергіи и прямоты; но, кажется, онъ начинаетъ уступать въ вопросѣ объ эвакуаціи, уменьшивъ свою страстность защиты этого безобразія. Мнѣ интересны подробности, какъ попалъ Пироговъ въ это путешествіе, что́ могли ожидать отъ человѣка въ 74 года? Кого должно было прикрыть имя, которое всѣ привыкли уважать?

Послѣ первой хорошей удачи—мы пдемъ. Но впдь это можетъ долго не быть? Кто знаетъ!... Вотъ фразы, которыя я считаю въ правѣ занести въ мой дневникъ, какъ первыя слова, сказанныя положительно объ отъѣздѣ. Дорогой, кажется, предполагаютъ смотрѣть госпитали; вѣроятно, будетъ небольшая остановка въ Бухарестѣ, но врядъ-ли это долго задержитъ.

30-го октября.

Я спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ сильнѣйшую бомбардировку, которая всѣхъ разбудила. Бомбардировка была такъ сильна, что у насъ начался переполохъ. Государь вышелъ на балконъ, позвалъ Милютина и отправили телеграмму главнокомандующему и дежурнаго флигель-адъютанта — въ 9-й корпусъ Крюднера. Черезъ часъ отъ него пришелъ отвѣтъ, что еще ничего неизвѣстно; полагаютъ, что стрѣляютъ по нашимъ батареямъ; въ 6 ч. утра вернулся и адъютантъ съ донесеніемъ, что Крюднеръ тоже ничего еще не зналъ; разъяснилось окончательно все дѣло только нынче утромъ,

когда получилось донесеніе отъ Скобелева, что турки дѣлали нападеніе на Зеленую гору; аттака была блистательно отбита, безъ малѣйшей потери. Наши вырыли себѣ такую траншею на Зеленой горѣ, что въ ней помѣщается цѣлый полкъ; они подпустили турокъ на 100 шаговъ и только тогда сдѣлали первый залпъ. По всему вѣроятію, эта позиція очень важна для турокъ; они уже сдѣлали три серьезныя попытки, чтобы отнять ее у насъ. Говорятъ, что подъ Зеленой горой расположенъ весь турецкій лагерь, будто у подошвы горы протекаетъ рѣчка, которая приводитъ въ движеніе 20 мельницъ, и, наконецъ, что городъ съ этой горы можетъ быть весь обстрѣливаемъ. Начальникъ штаба редута въ Телишѣ, взятый въ плѣнъ, очень интересовался узнать, въ чьихъ рукахъ Зеленая гора; когда ему сказали, что еще у турокъ, онъ очень обрадовался, прибавивъ къ этому, что дни Плевны будутъ сочтены, какъ только будетъ взята эта гора. Нынѣшнее же утро было еще хорошее извѣстіе о снятіи Врача частью нашей артиллеріи, которая при этомъ захватила хорошіе запасы провіанта и разный обозъ. Дѣло, какъ видно, подвигается; сегодня съ утра пушки до такой степени ревутъ, что я не могъ спокойно читать, и уже приказалъ осѣдлать себѣ лошадь, чтобы съѣздить въ сосѣдній госпиталь—въ Згалевицу, какъ объявили, что Государь ѣдетъ на царскій валикъ. Въ два часа мы отправились на нашу бывшую Голгоѳу, которую я съ трудомъ могъ узнать—такъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась. Появился новый редутъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы трепали свои нервы; бывшій крупный кустарникъ исчезъ; остался только мелкій, да и тотъ совершенно пожелтѣвшій, что̀ совершенно измѣняло колоритъ пей-

зажа; оставался только старый контуръ дальнихъ горъ; надъ долиной стояла та мгла, которую видимъ въ зимніе дни надъ городами; долина значительно оживилась, стала люднѣе; цѣлая масса дымившихся костровъ; пушки казались стоявшими гораздо ближе къ Плевнѣ, чѣмъ прежде. Постояли у редута; какъ нарочно выстрѣлы совершенно стихли, только изрѣдка прорывалась канонада; вернулись къ экипажамъ и еще настолько до темноты были дома, что я успѣлъ сдѣлать хорошую прогулку пѣшкомъ. Какъ пріѣхали домой, снова началась стрѣльба; теперь все стихло, но говорятъ, что съ часа ночи начнется жестокая пальба залпами.

Нынѣшній день замѣчателенъ тѣмъ, что сюда пріѣхалъ Обручевъ; здѣсь, т. е. въ квартирѣ Государя, на него смотрятъ какъ на самаго талантливаго и дѣлового человѣка по военнымъ дѣламъ; всѣ убѣждены, что успѣхи въ Малой Азіи объясняются его участіемъ. Ему дали Георгія на шею, что́, конечно, вызоветъ неудовольствіе во многихъ, составляющихъ штабъ главнокомандующаго. Теперь интересно знать, какое значеніе будетъ имѣть Обручевъ въ здѣшнемъ штабѣ, дадутъ ли ему возможность сдѣлать то, что онъ можетъ сдѣлать. Конечно, дѣла подъ Плевной врядъ ли онъ измѣнитъ; они стоятъ настолько впереди, что нельзя будетъ ничего мѣнять, но, безъ сомнѣнія, въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ вліяніе Обручева отзовется прямо или посредственно. Такой талантливый человѣкъ не будетъ въ состояніи ходить съ хорошими идеями и держать ихъ у себя въ ящикѣ. Говорятъ, газеты наполнены толками о мирѣ. Пожалуй, послѣ паденія Плевны дѣйствительно заговорятъ объ этомъ серьезно. На вчерашнемъ завтракѣ въ Боготѣ

у Великаго Князя за столомъ сидѣлъ между прочимъ одинъ юный господинъ въ партикулярномъ платьѣ; оказалось, что это одинъ изъ тѣхъ англичанъ, захваченныхъ въ плѣнъ въ Телишѣ съ брассаромъ краснаго полулунія; взято было трое англичанъ и одинъ французъ, всѣ съ повязками; ихъ проэкзаменовали, и оказалось, что въ медицинѣ понимаютъ кое-что только двое, а французъ и другой англичанинъ—самозванцы, авантюристы, военные съ туркофильскими убѣжденіями.

31-го октября.

Вчера меня прервали, я не могъ докончить писанія: пришли гости—это у меня большая рѣдкость; а тамъ долженъ былъ идти къ Государю, гдѣ узналъ, что въ часъ будетъ стрѣльба залпами изъ всѣхъ батарей; остался ждать; надоѣло однако и пошелъ-было домой, но дорогой—вдругъ свѣтъ и черезъ нѣсколько секундъ сильнѣйшій залпъ; можно было провѣрить наши часы, которые, оказалось, отстаютъ на $^1/_4$ часа; остался смотрѣть и слушать, но ничего особеннаго не было; самый сильный залпъ былъ первый; остальные, вѣроятно, изъ болѣе отдаленныхъ батарей,—гораздо слабѣе. Многіе не спали и высыпали тоже смотрѣть и слушать. Пришелъ домой усталый и не присѣлъ за бумагу. Къ своей хатѣ я теперь совершенно привыкъ, и она мнѣ кажется прекрасной, несмотря на то, что на два аршина она сидитъ въ землѣ и окна въ уровень съ землей; теперь же ее немного подобрали, натянули полотно на потолокъ надъ моей постелью, бока, т.-е. стѣны, обставлены рогожей, окно вставлено со стекломъ и подымается и опускается, смотря по надобности; дѣти и хозяева перестали кашлять, хра-

пять какъ-то меньше; кушаютъ они мало и не безпокоятъ меня кухонной вонью. Однимъ словомъ, привыкъ и къ этой гадости, привыкъ настолько, что переношу ее не замѣчая...

$8^1/_2$ *вечера.*—Сегодня поѣхали-было на позицію къ 4-му корпусу; хотѣли съѣздить на батарею, гдѣ были прежде, но оказалось, что туда сегодня попадали снаряды; остановились на редутѣ верстахъ въ полутора отъ батареи, которая палила залпами. На редутѣ встрѣтили весь штабъ главнокомандующаго, народищу куча; поторчали, постояли. Зеленая гора видна была издали, но ничего на ней не видно; Скобелевъ былъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало. Опять тѣ же вопросы, тѣ же отвѣты, у кого ни спросишь; кто три недѣли даетъ — minimum, кто три недѣли—maximum. Говорятъ, и совершенно достовѣрно, что сегодня послали къ Осману парламентера съ предложеніемъ сдаться; положеніе Османа безвыходное: сдаться ему, конечно, можно будетъ, заручившись какими-нибудь выгодными условіями. Не знаю, какой будетъ отвѣтъ, но нѣкоторые смѣются надъ этой мѣрой ускорить движеніе дѣла. Объ Османѣ разсказываютъ, что онъ собственноручно застрѣлилъ трехъ пашей, пришедшихъ его убѣждать сдаться, опираясь на деморализацію войска; другіе разсказываютъ, что Османъ цѣлые дни проводитъ одинъ и кусаетъ себѣ ногти, никого къ себѣ не допуская. Что бы онъ ни дѣлалъ, а мы все-таки пляшемъ передъ Плевной съ 8-го іюля до сихъ поръ, потерявъ болѣе корпуса людей, измѣнивъ весь планъ кампаніи и значительно уменьшивъ ея лавры, если бы и кончилось теперь удачно.—Вернулись сегодня

уже въ шестомъ; было порядкомъ темно, и мнѣ гулять пѣшкомъ совсѣмъ не удалось; пришлось только прогалопировать добрыхъ полчаса, гоняясь за Государемъ, который, подъѣхавъ къ верховымъ лошадямъ, тотчасъ же сѣлъ—да и былъ таковъ. Чтобы не отстать отъ другихъ, чтобы не застрять въ полѣ среди кучеровъ съ обозомъ, по-неволѣ приходится гнать, чтобы не выпустить по крайней мѣрѣ изъ виду всю эту толпу всадниковъ. Верхомъ я ѣзжу теперь съ большимъ удовольствіемъ, но, долженъ признаться, ѣздокъ я все-таки плохой и съ увѣренностью ѣзжу только на моемъ жеребчикѣ, который стоитъ въ Порадимѣ, а на этихъ экскурсіяхъ внѣ Порадима приходится ѣздить на лошади, которую оставилъ мнѣ Т., за что и считаетъ себя въ правѣ называть себя первымъ моимъ другомъ. Лошадь его въ сущности лучше моей, крѣпче на ноги, ничего не боится, а потому надежнѣе, но она болѣе трясетъ, я къ ней менѣе привыкъ, почему у меня съ ней очень часто недоразумѣнія: я хочу рысью—она идетъ галопомъ; я хочу галопомъ—она идетъ рысью и сердится, когда ее сдерживаешь. Въ этихъ экскурсіяхъ въ хорошую погоду верховая ѣзда составляетъ главное для меня удовольствіе. Сегодня утромъ пришлось присутствовать на печальной церемоніи: пока я смотрѣлъ носилки Хилкова для раненыхъ, слышу вдали похоронный маршъ, звуки котораго постепенно приближались къ нашей главной квартирѣ. Наконецъ, показались двѣ телѣги, запряженныя парой воловъ, а въ телѣгахъ—по одному простому деревянному гробу: въ одномъ везли Рунова, который былъ въ нашей сводной ротѣ и потомъ командовалъ своимъ павловскимъ батальономъ и убитъ въ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ русской же грана-

той,—когда онъ уже сидѣлъ на редутѣ; въ другомъ гробу везли какого-то гвардейскаго офицера, котораго, впрочемъ, я не зналъ; за телѣгами шли наши музыканты, а за ними—наша сводная рота. Все шествіе направлялось къ церкви. Мнѣ стало до такой степени жаль и тѣхъ, кого везли, и тѣхъ, которые провожали, и тѣхъ, которые остались тамъ далеко оплакивать никогда невозвратимыя утраты, что я съ трудомъ удерживалъ слезы и не пошелъ на отпѣванье. Рунова я зналъ; это былъ чрезвычайно милый и умный человѣкъ; еще такъ недавно я съ нимъ говорилъ; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которому удалось съѣздить къ женѣ во время похода. Взобравшись на редутъ, онъ упалъ, раненый турецкой пулей, но приподнялся и командовалъ что-то солдатамъ, когда наша граната его докончила, оторвавъ у него плечо. Пора, пора кончать съ этимъ ужасомъ! Неужели еще мало крови, мало несчастья, мало бѣдствія? Кому все это нужно? Несчастнымъ братушкамъ, которые чуть не съ ненавистью глядятъ на насъ, посылая намъ проклятія и самыя скверныя пожеланія?!.. Довольно на сегодня, пора перестать мнѣ строчить.

LIII.

1-го ноября.

...Кажется, идутъ переговоры о сдачѣ, что̀ держится въ величайшемъ секретѣ. Вчерашній парламентеръ Османа не засталъ: онъ былъ на позиціяхъ; парламентера просили пріѣхать сегодня въ два часа; цѣлый день нѣтъ выстрѣловъ; утромъ усиленно работалъ телеграфъ между Боготомъ и нашей квартирой; послѣ завтрака Государь

уѣзжалъ въ Боготъ безъ свиты, только съ конвоемъ, дежурными и военнымъ министромъ; къ обѣду явился въ нашу квартиру Струковъ съ какимъ-то порученіемъ, будто къ принцу Карлу; около трехъ часовъ пріѣхали какіе-то казаки, утверждая, что Плевна сдастся, и плясали отъ радости. Что-то такое варится, готовится; приходится только догадываться, строить предположенія и терпѣливо выжидать. Плевна должна сдаться,—въ этомъ нельзя сомнѣваться; пробиться Осману теперь трудно: повидимому онъ пропустилъ удобное время, да и снарядовъ было у него, должно быть, мало; ѣда у нихъ давно, говорятъ, уменьшенная. Трудно передать то чувство, которое я здѣсь испытываю, всматриваясь, вслушиваясь во все, что̀ кругомъ дѣлается и говорится. Конечно, знаютъ очень немногіе настоящее положеніе дѣла, но всѣ предполагаютъ и соображаютъ по-своему, ловя всякое движеніе, всякій звукъ тѣхъ лицъ, которыя знаютъ.

Госпиталь въ Згалевицѣ сдѣлалъ на меня очень пріятное впечатлѣніе; главный докторъ русскій, Б., очень заботливый и шевелитъ мозгами, а не дѣйствуетъ исключительно XVI-мъ томомъ законовъ; больныхъ немного теперь; большая часть эвакуирована, новыхъ же кладутъ въ меньшемъ количествѣ; въ палаткахъ наконецъ поставлены желѣзныя печи, но еще не приведены въ дѣйствіе, еще не проведены трубы. Въ этомъ госпиталѣ (№ 71) около ста слишкомъ человѣкъ помѣщается въ землянкахъ; больные довольны, и врачи не жалуются; воздухъ въ нихъ порядочный, сухо; глина отвердѣла какъ камень; десять человѣкъ на землянку; офицеры помѣщены тоже въ землянкахъ, которыя они и предпочитаютъ; у больныхъ видъ очень порядочный. Въ Зга-

левицѣ устроенъ также питательный пунктъ отъ Краснаго Креста, который накормилъ за это время около трехъ тысячъ человѣкъ; распоряжался этимъ какой-то простенькій офицерикъ съ польской фамиліей и ведетъ дѣло, кажется, очень хорошо; хлѣбъ даетъ болгарскій въ родѣ нашего ситнаго, а супъ варитъ изъ свѣжаго мяса, которое до прихода транспорта ходитъ у него по полю въ видѣ воловъ и барановъ; супъ выходитъ отличный, даже мало отзывается бараномъ; обходится ѣда, съ водкой и чаемъ, въ 17 коп. на человѣка — очень недорого. Изъ госпиталя мой жеребчикъ несъ меня какъ стрѣла; едва могъ сдерживать его порывы быть поскорѣе дома.

Не хочу лечь спать, не подѣлившись результатомъ моей вечерней провѣрки всего видѣннаго и слышаннаго днемъ; очевидно, дѣло идетъ, переговоры начались, въ этомъ я не сомнѣваюсь, хотя, конечно, никто объ этомъ оффиціально не говоритъ. Въ цѣлый день не было ни одного выстрѣла; тишина въ нашемъ Порадимѣ небывалая, какой давно уже не было. Государь смотритъ очень озабоченнымъ, но не тревожнымъ.

2-го ноября.

Цѣлый день сегодня было тихо, ни одного выстрѣла; я оставался все время дома до 4-хъ часовъ, подъ впечатлѣніемъ вчерашняго; все время такъ и казалось, что кто-нибудь зайдетъ съ благою вѣсточкой, но не было благовѣстителя; стало настолько темно въ моемъ подвалѣ, что работать было трудно, и я уже началъ собираться идти гулять, какъ пришелъ М.; отъ него я узналъ, что все вчерашнее рухнуло: Османъ отказался

сдаваться, объявивъ, что пока у него есть провіантъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ сдаваться. Сиди у моря и жди погоды...

Всего меньше ты должна думать объ опасности для меня со стороны турокъ: въ этомъ отношеніи мы болѣе чѣмъ обезпечены; печальная исторія съ Сергіемъ Миліановичемъ, конечно, еще болѣе сдѣлала всѣхъ осторожными. Сегодня я только окисъ отъ обманутыхъ надеждъ; мнѣ такъ казалось возможнымъ, что сегодня-завтра все дѣло разрѣшится, — а въ дѣйствительности еще надо терпѣть. Ты скажешь, что я всегда себя утѣшаю оптимистическими предположеніями; я не разъ объ этомъ думалъ, видя, какъ приходилось отказываться отъ различныхъ пріятныхъ предположеній; но не знаю, что лучше, что̀ легче вынести: жизнь съ сознаніемъ безвыходности положенія, или—съ надеждой на болѣе счастливое время. Вѣдь я бы эти пять мѣсяцевъ совсѣмъ погибъ, еслибы не имѣлъ въ виду то шесть недѣль, то мѣсяцъ, то двѣ, три недѣли—до выѣзда отсюда. Какъ ни уныло, какъ ни печально у меня на душѣ вслѣдствіе разрушившихся надеждъ на сдачу на дняхъ, а все-таки я не падаю духомъ окончательно потому, что не теряю надежды еще къ 17-му ноября быть въ Питерѣ; но, конечно, признаюсь, что это предположеніе смѣло: чтобы быть 17-го, надо черезъ пять дней начать приготовляться къ отъѣзду; впрочемъ, когда спрашивали главнаго гофъ-фурьера, сколько ему нужно времени, чтобы собраться къ отъѣзду: „куда?“—спросилъ онъ, и на отвѣтъ:--въ Россію!—„два часа“,—отвѣтилъ онъ. Можешь себѣ вообразить, какъ всѣ жаждутъ возвратиться. Я не сомнѣваюсь, что и самъ Государь, по вре-

менамъ, страстно желаетъ вернуться, но, считая своимъ долгомъ не оставлять армію до рѣшительнаго дѣла, тушитъ въ себѣ это естественное желаніе и терпѣливо переноситъ всю тяжесть теперешней жизни.

При однообразной, монотонной здѣшней жизни одинъ день такъ похожъ на другой, что я никогда не знаю, что̀ нынче — пятница или понедѣльникъ; знаю только число, которое ежедневно отмѣчаешь на твоемъ письмѣ; вслѣдствіе этого однообразія дни тянутся медленно, а нѣсколько дней вмѣстѣ сливаются въ одинъ тяжелый, длинный, сѣрый день. Сейчасъ придетъ ко мнѣ Ков.; будемъ читать Щедрина, котораго ты мнѣ прислала; по утрамъ я себѣ не позволяю этихъ конфетокъ, — а то избалуешься, — сижу за медициной; вечеръ же отдаю тебѣ и литературѣ.

3-го ноября.

Сейчасъ возвратились изъ Богота, куда поскакали еще въ 10 часовъ ни съ того, ни съ другого. Была депеша объ аттакѣ Скобелева на турокъ, слишкомъ приблизившихся къ его траншеѣ, затѣмъ объ аттакѣ турокъ Скобелева, на котораго наступали будто бы два раза. Наши остались на старыхъ позиціяхъ,—уронъ небольшой; неизвѣстно почему, но это очень встревожило Государя,— вотъ мы и поѣхали; свита осталась, какъ обыкновенно, на дворѣ. Государь взошелъ въ палатку Великаго Князя, гдѣ и было какое-то совѣщаніе; разсказывали—будто о томъ, какъ отправить Гурко, посылать ему обозъ или нѣтъ. Позавтракали и поѣхали домой; все время мелкій дождь, холодный вѣтеръ, грязь; въ теплой шинели и драповомъ новомъ сюртукѣ съ тво-

имъ жилетомъ было только-что такъ. Видѣлъ одного изъ ѣздившихъ къ Осману; особенно интересныхъ подробностей не было; первый день, когда онъ подъѣхалъ къ цѣпи и передалъ письмо Великаго Князя, то Османъ отвѣтилъ по телеграфу, что онъ на позиціи въ полутора часахъ ѣзды отъ пріѣхавшихъ; что ему надо подумать, а потому онъ проситъ пріѣхать завтра, въ такомъ-то часу. Оказывается, у турокъ телеграфъ съ самаго начала былъ устроенъ между всѣми позиціями; на другой день онъ получилъ отвѣтъ, не видавши ни Османа, никого изъ начальствующихъ. Въ отвѣтѣ было сказано, что до послѣдней капли крови турки будутъ защищать Плевну и не сдадутся, и онъ удивляется, что Великій Князь, отдавая полную справедливость турецкимъ войскамъ, сдѣлалъ предложеніе о сдачѣ; впрочемъ, благодаритъ за вниманіе.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о Скобелевѣ, котораго и въ Россіи цѣлая партія, и здѣсь (онъ родственникъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ) ставятъ героемъ войны. Нѣкоторые солидные люди смотрятъ на него иначе, не отнимая у него личной храбрости. Всѣ его донесенія, говорятъ, отличаются преувеличеніемъ; недавно онъ показывалъ, что на него дѣлали аттаку пять таборовъ, а оказывается, что это не такъ. Говорятъ, нынче ночью Скобелевъ былъ контуженъ, упалъ, но скоро оправился и продолжалъ командовать. Передаю то, что̀ слышалъ, пока воздерживаясь отъ всякаго заключенія; здѣсь идетъ такая вражда другъ на друга, столько зависти разлито въ видѣ какой-то гнусной, клейкой жидкости, замазывающей всѣ остальныя человѣческія свойства, что ко всякому факту надо

относиться съ осторожностью. Пора, пора вонъ изъ этого ада тщеславія, зависти, сребролюбія и пр. и пр.! Многое обрушилось на Левицкаго, Непокойчицкаго, но это— „козлы отпущенія“, имя имъ—*легіонъ*. Вопросъ: кто же виноватъ во всѣхъ неудачахъ? Недостатокъ культуры, по-моему, лежитъ въ основѣ всего развернувшагося передъ нашими глазами; слишкомъ легко сваливать все на одного человѣка; не надо себя убаюкивать подобными обвиненіями; слѣдуетъ каждому подѣлиться этой неудачей и, раздѣливъ ее на всѣхъ, приняться за честное исправленіе недостатковъ; надо трудиться, надо учиться, надо имѣть больше знаній, и тогда не придется получать уроковъ ни отъ Османовъ, ни отъ Сулеймановъ. Какой-нибудь самоучка П—ковъ не будетъ поражать своими финансовыми и политико-экономическими соображеніями. Глядя на все совершающееся передъ моими глазами въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ, несмотря на самое скорбное, горькое чувство, я все-таки долженъ сказать, что Россія счастлива этими неудачами; еслибы мы прошли побѣдителями черезъ всю Турцію такъ, какъ мы перешли Дунай, то всякій имѣлъ бы право сказать, что мы зрѣлые, готовые люди, а на повѣрку выходитъ, что намъ слѣдуетъ сѣсть на школьную скамью, учиться географіи, исторіи и прочимъ премудростямъ, а потомъ надо выучиться умѣнью прилагать эти свѣденія къ дѣлу. Прости меня за эти разсужденія, но это успокоиваетъ мою нравственную ижжогу, съ которой я обыкновенно возвращаюсь изъ Богота. До сихъ поръ я никакъ не могу себѣ уяснить вопроса: Плевна, какъ городъ, получаетъ наши снаряды, или нѣтъ? Одни штабные отвѣчаютъ утвердительно: „да, какъ же!“—другіе же наобо-

ротъ: „нѣтъ, гдѣ же, вѣдь далеко!“ Все это время палили, палили, выбрасывали денежки, но какой отъ этого вредъ непріятелю—одному Богу извѣстно; одни говорятъ: никакого; другіе же утверждаютъ, что это чрезвычайно важно, дѣйствуетъ на нравственную сторону. До сихъ поръ вопросъ о томъ, голодные или сытые приходятъ перебѣжчики — подлежитъ сомнѣніямъ; одни говорятъ одно, другіе—другое. Вѣрь тому, что̀ нравится. Оказывается, что до сихъ поръ нѣтъ даже общихъ счетовъ перебѣжчикамъ въ различные отряды. Пока у насъ разсуждаютъ, толкуютъ, спорятъ, ссорятся, завидуютъ, румыны постепенно ведутъ свои земляныя работы и докопались уже на сорокъ шаговъ отъ турокъ, да подводятъ мины подъ редуты; говорятъ, завтра эти мины будутъ уже окончены. У насъ же, кажется, не окончательно рѣшенъ вопросъ, оставаться ли совершенно пассивно около Плевны и ждать, пока Османъ съѣстъ все, что̀ приготовилъ, или же при этой блокадѣ дѣйствовать также и наступательно посредствомъ земляныхъ работъ.

8 час. вечера. — Сдѣлалъ прогулку, передъ обѣдомъ силился уснуть, но слишкомъ былъ возбужденъ; обѣдалъ опять у Р. въ комнатѣ и ничего утѣшительнаго не слыхалъ. Послѣ обѣда еще кой-кто подошелъ; всякій началъ передавать, что̀ онъ слышалъ въ штабѣ; и оказалось то же,—въ одной группѣ говорили одно, въ другой — другое. По пріѣздѣ въ Боготъ, Государь повидимому имѣлъ совѣщаніе, на которомъ былъ Великій Князь и Непокойчицкій; въ это время военный министръ оставался съ нами на дворѣ. Что̀ тутъ думать, что Обручевъ или кто другой принесетъ намъ какую-нибудь

пользу. Возвращаясь съ прогулки домой, встрѣтилъ Мезенцева, который сообщилъ, что за Виддомъ происходилъ бой, будто бы Османъ выходилъ противъ нашихъ войскъ; извѣстіе получено частнымъ путемъ и пока еще не подтвердилось. Толкуютъ еще о созрѣвающемъ будто бы планѣ—образовать корпусъ тысячъ въ 60 и отправить его, подъ командой Гурко, черезъ Балканы, оставя подъ Плевной извѣстную часть, которая бы держала Османа. Нынѣшнія всѣ впечатлѣнія не на меня одного произвели печальный эффектъ, но и на большую часть другихъ.

Вчера я провелъ чрезвычайно пріятный часъ при чтеніи Щедрина на досугѣ. Сколько ума и правды въ этомъ разсказѣ! Не забывай меня этими присылками, тѣмъ болѣе, что всѣмъ остальнымъ я вполнѣ снабженъ; сигаръ много, теплой одежды больше, чѣмъ нужно,— снабженъ роскошно. У меня рѣшительно есть все, но литературныя произведенія, особенно въ родѣ Щедрина, будутъ сокращать вечера. Чтеніе газетъ меня очень мало удовлетворяетъ; передовыя статьи замѣчательно слабы и пусты; весьма рѣдко встрѣчаются порядочныя корреспонденціи; „Новое Время“ я не просматриваю, довольно и „Голоса“, но и онъ такъ часто отдаетъ „красой Демидрона“, что не всегда выносишь. Медицинскіе журналы выручаютъ, но все-таки литературныхъ хорошихъ вещей мнѣ недостаетъ.

4-го ноября.

Сегодня мы опять были на такъ называемой позиціи, т.-е. на редутѣ, который не вооруженъ; солдаты всѣ стояли въ строю, музыка играла; Великій Князь хотѣлъ

встрѣтить Государя еще до редута, но не могъ дождаться; свита его вся осталась — насъ привѣтствовать; тѣ же вопросы, тѣ же отвѣты и, конечно, такое же впечатлѣніе. Высказываются различныя предположенія, въ родѣ того, что сегодня ночью Османъ будетъ пробовать прорваться; будто видѣли откуда-то, какъ гдѣ-то массируются войска; видѣли даже и обозъ, — слѣдовательно онъ выходитъ,—и жалѣютъ нѣкоторые, что двухъ гвардейскихъ дивизій за Виддомъ нѣтъ, что онѣ ушли на военную прогулку вмѣстѣ съ Гурко... Другіе скептически относятся къ выходу Османа, утверждая, что ему и въ Плевнѣ недурно.

Въ хорошую погоду съ редута видно довольно большое пространство, но сегодня съ самаго утра погода сѣрая, туманная, безъ всякихъ обѣщаній разгуляться; впередъ можно было сказать, что мы ничего не увидимъ, но тѣмъ не менѣе въ началѣ перваго часа потянулась длинная вереница колясокъ, запряженныхъ четверками, съ казацкимъ конвоемъ впереди; около полутора часа скакали и подъѣхали въ экипажахъ къ малому редуту; видно было такъ мало, что я даже и не глядѣлъ; наши батареи начали стрѣлять залпами, на которые теперь турки обыкновенно и не отвѣчаютъ; полчаса съ небольшимъ палили и смолкли; мы сѣли въ коляски и поѣхали; при этомъ произошло открытіе: румынскій принцъ убѣдилъ ѣхать другой дорогой и доказалъ, что мы дѣлаемъ крюкъ каждый разъ по крайней мѣрѣ на двадцать минутъ скорой ѣзды, что̀ въ дѣйствительности почти и подтвердилось; у кого есть карта Плевны, тотъ легко могъ убѣдиться, до какой степени мы каждый разъ колесили въ сторону и ѣхали по скверной дорогѣ, чтобы попасть

на этотъ редутъ; но, видно, уже такова наша судьба во всемъ, даже и въ такихъ мелочахъ.

Сегодня у моихъ хозяевъ какой-то праздникъ: хозяйка цѣлый день возилась съ варкой какой-то дряни; въ одномъ горшкѣ—турецкіе бобы, въ другомъ—какая-то размазня съ стручковымъ перцемъ и лукомъ. Къ 12-ти часамъ пришли въ гости двѣ старыя, тощія старухи; бобы и размазню наложили въ болѣе мелкую посудину, зажгли также свѣчи на какомъ-то блюдечкѣ съ солью и хлѣбомъ, отламывали кусокъ хлѣба, крестились, солили и начинали ѣсть свои яства, но все это безъ ложекъ; кусочки хлѣба они обмакивали въ свои полужидкія варева и ѣли молча. По окончаніи обѣда старухи разошлись, и каждая унесла съ собою остатки размазни съ стручковымъ перцемъ,—очевидно, лакомое блюдо, которое варится не каждый день и не у всѣхъ. Вернувшись вечеромъ домой, я засталъ опять всю семью за большимъ огнемъ у ихъ камина: опять что-то варилось. Антонъ мнѣ сообщилъ, что у нихъ идетъ сегодня такое празднованіе, что вечеромъ даже барана зарѣзали, котораго, вѣроятно, будутъ ѣсть завтра: сегодня постъ. Пробовалъ я добиться у нихъ, что̀ сегодня за праздникъ, но, конечно, ничего не могъ узнать; по первымъ словамъ показалось, что они празднуютъ день смерти старшаго сына, но потомъ это предположеніе не оправдалось. Эти славяне насъ совсѣмъ не понимаютъ, также какъ и мы ихъ; безъ всякаго сомнѣнія, ихъ симпатіи должны быть гораздо сильнѣе къ туркамъ, которыхъ они понимаютъ, съ которыми могутъ говорить. Черезъ братушекъ турки все знаютъ объ насъ; а намъ ничего неизвѣстно о туркахъ. Какое абсолютное было незнаніе той страны, въ

которой мы теперь гноимся! И. говорилъ на той сторонѣ Дуная: „дайте намъ только перейти Дунай, и всѣ болгары подымутся!“ Вотъ, мы перешли Дунай—болгары грабили турокъ, но не поднялись за насъ; болгарская дружина, сформированная еще въ Кишиневѣ, росла не блистательно въ своемъ количествѣ; на этой сторонѣ Дуная, кажется, ихъ всего 12 тысячъ, между которыми, кажется, всѣ кадры русскіе; да еслибы она исключительно была болгарская,—неужели же только 12 тысячъ и можетъ дать эта страна? Ничего въ жизни не видѣлъ менѣе привѣтливаго въ манерѣ себя держать, какъ держатъ себя эти люди; никогда улыбки, всегда смотрятъ волкомъ; всегда со словами „нѣма“, „нѣтъ“ на устахъ; никогда онъ не глядитъ прямо въ глаза, всегда исподлобья; только одни маленькія дѣти еще прямо смотрятъ на насъ грѣшныхъ. Интересно было бы увидать ихъ при обычной турецкой обстановкѣ. Конечно, другой вопросъ, кого винить въ этой непривѣтливости; разумѣется, всего меньше—болгаръ; виноваты турки, а потомъ и мы, съ постоянной нашей помощью, которая приносила болгарамъ пока больше вреда, чѣмъ пользы. Послѣ какой турецкой войны участь болгаръ улучшалась? Я не знаю. Пока до свиданія; не сердись за сегодняшнее посланіе; мнѣ ужъ очень бываетъ непонутру, когда приходится многихъ видѣть и слышать; какъ я завидую здѣсь одному глухому!

5-го ноября.

Меня прервалъ кн. Г., который ходитъ ко мнѣ выполаскивать свои печали; онъ—хорошій семьянинъ, скромный человѣкъ, не любитель искать поддержки въ самомъ

себѣ, но еще менѣе онъ можетъ удовлетвориться другими успокоивающими средствами, къ которымъ здѣсь нѣкоторые прибѣгаютъ; онъ не охотникъ играть въ карты и является ко мнѣ поплакаться. Вечеръ прошелъ въ томъ, что онъ хныкалъ, а я его ободрялъ. Утромъ мнѣ пришлось утѣшать еще одного несчастнаго мужа, влюбленнаго въ свою жену, но она послѣ 14-мѣсячной съ нимъ разлуки прислала ему письмо, что со страхомъ ожидаетъ его возвращенія, что полюбила другого, что готова бросить дѣтей и пр. Этотъ больной былъ очень жалокъ; онъ плакалъ, бѣдняга, и просилъ у меня совѣта, что дѣлать. Конечно, рецептомъ поправить было нельзя его горя, но, сколько могъ, старался его утѣшить; и ему стало легче, когда онъ высказался.

За весь день сегодня стрѣльбы не слышно; пріѣзжалъ сюда зачѣмъ-то Имеретинскій, — я его, впрочемъ, не видалъ; изъ Богота только одно сообщеніе было, что главнокомандующій не такъ здоровъ, да кромѣ этого,— что контузія Скобелева никакой опасности не имѣетъ. Цѣлый день я провелъ въ чтеніи газетъ и журналовъ; въ четвертомъ часу отправился къ больному и сдѣлалъ при этомъ прогулку въ полѣ; наткнулся на роту, которая рыла себѣ землянки; конечно, остановился, сталъ калякать съ офицеромъ, осмотрѣлъ его землянку, полюбовался его хозяйствомъ въ этой норкѣ съ печкой, съ окномъ, съ хорошимъ спускомъ внизъ изъ четырехъ ступенекъ; но, признаюсь, входъ такой узенькій, что я съ своей фигурой не безъ труда прошелъ въ эту нору, куда маленькій офицеръ лазилъ, какъ кротъ. Оказалось, рота Скобелевской дивизіи назначена сюда для караула обоза дивизіи. Конечно, о Скобелевѣ офицеръ говоритъ

съ увлеченіемъ, какъ о героѣ; солдаты его обожаютъ,—ужъ очень онъ умѣетъ съ ними говорить; начнетъ благодарить, скажетъ: „спасибо, ребята, были молодцами, ужъ такими, ну, настоящими молодцами!“—да при этомъ такъ улыбнется, что вся рота такъ и дрогнетъ.—А вотъ его тоже побраниваютъ,—говорю я.—„Да кто же?“—Ну, вотъ въ штабахъ.—На это мой офицеръ улыбнулся, покачалъ головой. „Еще бы, какъ не бранить; вѣдь Зеленая-то гора была у насъ,—что же не поддержали?“

6-го ноября.

Предполагалъ, ради воскресенья, съѣздить верхомъ въ госпиталь, моя лошадь была уже осѣдлана, какъ получилъ извѣщеніе, что туда ѣдетъ Государь; такъ какъ я небольшой охотникъ ѣздить верхомъ въ большихъ кавалькадахъ, то предпочелъ ѣхать туда въ экипажѣ. Во время обхода госпиталя, при выходѣ изъ одного изъ шатровъ, является Щелковъ съ телеграммой въ рукахъ; по лицу нашего духовника я видѣлъ, что вѣсточка хорошая, да и дѣйствительно оказалась недурной—взятіе Карса для насъ чрезвычайно важно. При чтеніи этой депеши, конечно, общій восторгъ, кричатъ „ура“ и здоровые, и больные; я теперь никогда не могу проявлять крикомъ „ура“ то чувство, которое у меня является при извѣстіяхъ о нашихъ успѣхахъ. Я такъ горячо, такъ страстно и такъ долго желалъ этихъ успѣховъ, что не ощущаю этого восторга при блистательныхъ извѣстіяхъ; чувствую только, что къ глазамъ подходятъ слезы, которыя слѣдуетъ удержать, какъ неправильное проявленіе чувства. Такъ это было и сегодня; конечно, разсудокъ беретъ верхъ и понимаешь, что это важно, что взятіе

Карса несомнѣнно отразится и на нашихъ дѣлахъ въ Болгаріи; цѣлый день, конечно, чувствуешь себя веселымъ и бодрымъ. Сейчасъ же извѣстіе о Карсѣ отправлено было Вел. Кн. Николаю Николаевичу. Не успѣли мы вернуться изъ госпиталя, какъ подъ Плевной начали палить залпами изъ всѣхъ орудій,—очевидно, салютуя хорошей новости.

Что̀ дѣлается въ Плевнѣ—никто не знаетъ. Сегодня стрѣляли, кажется, изъ осадныхъ цѣлый день, но не очень часто,—въ пятомъ часу жарили залпами. Обручевъ, вернувшійся сегодня изъ своего объѣзда всѣхъ позицій, говорилъ, что больше двухъ недѣль Плевна не продержится. Османъ надѣется, кажется, на подкрѣпленіе изъ Софіи, но эта надежда, почти навѣрное можно сказать, не оправдается. Я же, съ своей стороны, въ такіе бодрые дни, какъ сегодня, разсчитываю все на сюрпризъ, какъ, напримѣръ, съ Карсомъ: всѣ здѣсь ждали прежде взятія Эрзерума, предполагая, что Карсъ можетъ держаться больше мѣсяца, и оказалось, что онъ взятъ штурмомъ, на что́ не смѣли и разсчитывать, такъ какъ Карсъ—чрезвычайно сильная крѣпость. Опытъ показываетъ, что при осадахъ крѣпостей всегда дѣлаются ошибочныя предположенія; осажденные всегда надѣются продержаться дольше, осаждающіе же, наоборотъ, всегда разсчитываютъ взять раньше, чѣмъ окажется на дѣлѣ. Мы же давно окончили срокъ, назначенный для Плевны въ главномъ штабѣ; теперь подходимъ, вѣроятно, къ той средней пропорціональной, которая должна составить истину.

11½ вечера.—Чудная лунная ночь, темп. 0; только-что вернулся съ моего обычнаго вечерняго визита. Все

подбодрилось, ожило; всякій прикладываетъ успѣхъ на Кавказѣ и къ здѣшнимъ дѣламъ. Нельзя себѣ вообразить, до какой степени опустились нравственно нѣкоторые изъ здѣшнихъ обитателей, вслѣдствіе пятимѣсячнаго здѣсь пребыванія; нѣкоторые доходятъ рѣшительно до дѣтства въ своемъ отчаяніи; грѣшный человѣкъ, мнѣ иногда противно бываетъ глядѣть на это, и при видѣ этого нравственнаго киселя я обыкновенно сейчасъ же подбодряюсь, дѣлаюсь веселѣе!... Хороши господа! Не забудь, что вѣдь все это спеціалисты, цѣлую жизнь занимавшіеся военными дѣлами, а между тѣмъ только и думаютъ о томъ, какъ бы вернуться. Что же ихъ такъ тянетъ домой?—Оказывается, ни сердце, ни умъ его не найдетъ пищи въ Петербургѣ, но кого тянетъ туда комфортъ, отсутствіе котораго вызываетъ отчаяніе, кого тянетъ власть, значеніе, что̀ здѣсь ступевывается. Какъ бы то ни было, но все это представляетъ въ весьма печальномъ видѣ нашихъ дѣятелей. Нужно отдать полную справедливость Государю, который до сихъ поръ геройски переноситъ какъ физическія, такъ и нравственныя невзгоды; къ однимъ изъ крѣпкихъ нужно отнести еще Милютина, хотя я не могу сочувствовать его постоянному, упорному сохраненію своего принципа не вмѣшиваться. Одинъ человѣкъ, отъ котораго никто не слыхалъ ни малѣйшей жалобы на эти злополучные пять мѣсяцевъ, человѣкъ, который не измѣнялъ даже выраженія своего лица, переживая убійственныя жары, сырость, холодъ и оставаясь все время въ палаткѣ, это — Вердеръ. Все остальное находится въ состояніи нравственнаго разложенія, ни у кого нѣтъ достаточнаго внутренняго содержанія, чтобы съ извѣстнымъ при-

личіемъ переносить въ сущности только не совсѣмъ удобную для нихъ жизнь. Въ этомъ отношеніи надо любоваться Государемъ, который такъ съумѣлъ себя поставить, что всѣ эти разлагающіеся человѣческіе остатки самымъ тщательнымъ образомъ скрываютъ передъ нимъ свое нравственное состояніе. Такія явленія, свойственныя, кажется, только намъ, объясняются всего легче некультурностью. Смотря на Вердера и даже на какого-нибудь Бергтольсгейма и Уельслея, невольно подумаешь, что ихъ націи живутъ и думаютъ больше и давнѣе, чѣмъ наша славянская раса. Еще много, много намъ учиться и думать, и работать, и жить. Очевидно, все это вырабатывается поколѣніями, а не одной только школой.... Завтра отправляемся на позицію (на редутъ) служить благодарственный молебенъ въ средѣ войскъ; вѣроятно, боготскаго штаба не будетъ, Вел. Кн. Николай Николаевичъ не выѣзжаетъ еще; вернемся, должно быть, рано; день будетъ, кажется, хорошій, прогулка недурная.

7-го ноября.

Погода теперь дѣйствительно прелестная, возстанавливающая не только физику, но и духъ; ясно, свѣжо, но на ходьбѣ отлично; чувствуешь себя крѣпкимъ и бодрымъ. Сегодня въ двѣнадцатомъ часу мы покатили на редутъ, часа черезъ полтора приблизительно (немного меньше) были уже тамъ; войска были собраны; главнокомандующій съ своимъ штабомъ, духовенство, пѣвчіе, все уже на своихъ мѣстахъ. Государь поздравилъ съ побѣдой, и за крикомъ „ура!“ былъ данъ залпъ изо всѣхъ орудій въ Плевну; затѣмъ начали молиться, а изъ пушекъ все продолжали палить. День былъ ясный, кар-

тина чрезвычайно эффектная и красивая, но, признаюсь, я къ нимъ какъ-то присмотрѣлся и стоялъ довольно равнодушно, разсматривая только нѣкоторыя детали; молебенъ служили передъ образами, а за ними стояли наши знамена полковъ, которыя были на нашей позиціи; тутъ было знамя и Шлиттеровскаго полка, все изорванное и изстрѣленное пулями; невольно припомнилась вся исторія этого человѣка, который такъ спокойно шелъ на вѣрную смерть. Затѣмъ смотрѣлъ—кто и какъ кому кланяется, и нашелъ въ этомъ большую перемѣну съ тѣхъ поръ, какъ перешли Дунай. Сколько разочарованій, сколько увядшихъ героевъ, едва успѣвшихъ расцвѣсть!

Гдѣ этотъ юпитеровскій видъ Л., скромно стоящаго теперь въ толпѣ съ простыми смертными? куда дѣвались всѣ эти кандидаты на героевъ? Они стали всѣ меньше, тоньше, тише, ихъ и не видишь, и не слышишь.—Когда-то вы намъ поднесете такую же новость?—спрашивалъ я С.—„Не велятъ штурмовать, а то бы и мы васъ порадовали“,—отвѣтилъ мнѣ, нисколько не конфузясь, этотъ историческій человѣкъ. Вина, молъ-дескать, не наша, а ваша—въ переводѣ на обыкновенный языкъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, они устроили бы штурмъ, такъ какъ сами были бы далеко отъ него и въ мѣстѣ вполнѣ безопасномъ,—но Государь ни за что не хочетъ. Потери были бы опять громадныя, а успѣхъ сомнительный.

Сегодня, наконецъ, благодаря ясной погодѣ, я разглядѣлъ Плевну и видѣлъ тамъ и минареты, и дома, но все это имѣло видъ декораціи; нигдѣ признака жизни, ни дымка, ни людей. Значительная часть домовъ, говорили, стоитъ съ разрушенными крышами и стѣнами;

самъ этого я не могъ видѣть. Въ началѣ четвертаго часа мы были уже дома, что̀ дало мнѣ возможность еще сдѣлать хорошую прогулку пѣшкомъ. На дняхъ въ главную квартиру снова явился гр. Соллогубъ; когда стало холодно, сыро и непривѣтливо въ Горномъ-Студнѣ, онъ уѣхалъ тогда въ Бухарестъ, чтобы писать исторію похода въ теплой комнатѣ, а не въ палаткѣ; одному изъ свиты онъ поручилъ доставлять ему матеріалы. Но этотъ свитскій тайный исторіографъ давнымъ-давно уѣхалъ съ порученіемъ на Кавказъ, а оффиціальный исторіографъ продолжалъ наслаждаться удобствами Бухареста; узнавъ, что дѣло подходитъ къ развязкѣ, онъ снова явился. Какъ слѣдуетъ, онъ былъ также на молебнѣ, который, вѣроятно, явится въ свѣтъ описаннымъ его перомъ. Я теперь чрезвычайно счастливъ, что не вижу почти совсѣмъ наше почтенное общество, встрѣчая его только въ какихъ-нибудь общихъ поѣздкахъ; завтракать я не хожу, обѣдать продолжаю у Р., а утромъ бываю такъ рано во дворцѣ, что весьма немногіе еще встали; вечеромъ прихожу, когда уже всѣ разошлись. Бо̀льшая часть, впрочемъ, собирается по квартирамъ, а не въ общей столовой, несмотря на то, что теперь общая палатка получила нѣкоторую отдѣлку: обтянули ее рогожей, сукномъ, затянули бока, сдѣлали дверь; конечно, стало теплѣе, но непривѣтливо. Сегодня, ѣдучи на редутъ, я встрѣтилъ военно-подвижной госпиталь, въ полномъ составѣ, въ движеніи къ мѣсту своего назначенія. Мнѣ въ первый разъ удалось это видѣть, и, признаюсь, я озадачился, встрѣтивъ цѣлый громадный рядъ возовъ, запряженныхъ отличной четверкой лошадей; команда служителей въ полномъ составѣ около 300 человѣкъ;

всѣ десять человѣкъ врачей, фармацевты и 10 сестеръ милосердія шли впереди этого безконечно длиннаго обоза. Госпиталь № 61 идетъ изъ Елисаветграда въ полномъ своемъ составѣ и развернется въ Боготѣ; сестры составлены изъ елисаветградскаго общества; старшей сестрой ѣдетъ жена главнаго доктора. Вся компанія, очевидно, дѣлаетъ это путешествіе большею частію пѣшкомъ и, несмотря на это, видимо въ очень хорошемъ расположеніи духа; врачи большею частію молодые и дѣлаютъ самое пріятное впечатлѣніе.

LIV.

8-го ноября.

Сейчасъ вернулся домой; ночь чудная лунная; на крышахъ палатокъ, экипажей, блеститъ иней; къ утру покроется имъ и вся земля; свѣтло какъ днемъ; несмотря на это, три раза повторилъ сегодняшній пропускъ: „картечь“, хотя часовые каждаго изъ насъ—и съ своей стороны мы—часовыхъ всѣхъ знаемъ въ лицо, а они меня—даже и по имени, и по отчеству знаютъ. Не могу привыкнуть до сихъ поръ быть опрашиваемымъ; вѣдь чуть не со штыкомъ къ горлу подходитъ, требуя пропуска, а потомъ дѣлаетъ на караулъ генеральской формѣ. Новостей никакихъ; точно кость поперекъ горла застряла эта гнусная Плевна, ни взадъ, ни впередъ, ничего неизвѣстно; шпіонство въ нашей арміи, повидимому, ниже всякой критики: изъ 50-ти тысячъ турокъ не находится ни одного подлеца, который бы могъ дать обстоятельныя свѣденія о состояніи гарнизона. Это почтенно для турокъ, но по меньшей мѣрѣ нерекомендательно для на-

шей распорядительности. Фактъ голоданія гарнизона до сихъ поръ еще не установленъ! Недостатокъ снарядовъ только вѣроятенъ, но турки все-таки—нѣтъ, нѣтъ, да и попалятъ. Вчера на Скобелевской позиціи праздновали взятіе Карса; выставили щитъ съ громадными буквами на турецкомъ языкѣ съ извѣщеніемъ о взятіи Карса; это разсердило турокъ, и они въ продолженіе $^3/_4$ часа угощали сильнѣйшимъ огнемъ изъ пушекъ, впрочемъ безъ всякихъ потерь.

9-го ноября.

Сегодня день особенно гадокъ: сыро и холодно; грязно такъ, что, вернувшись съ своего утренняго визита домой, я никуда не выходилъ; выбѣгалъ только подъ навѣсъ крыльца, чтобы посмотрѣть на градусникъ, посогрѣть ноги—и опять въ свою норку. Мои болгарскіе сожители цѣлый день не отходятъ отъ огня; старый, еле дышащій хозяинъ—на корточкахъ около бѣдненькаго огонька; вокругъ него внучата; всѣ они остаются въ своихъ лѣтнихъ костюмахъ, безъ обуви и кашляютъ зато чуть не 24 часа въ сутки; у дѣтей подъ носомъ постоянная вода течетъ, а старикъ совсѣмъ окоченѣлъ; что̀ ни спросишь, на все киваетъ головой, а это у нихъ равносильно отрицанію и нашему мотанію головы; спросишь его:—ты, старикъ, боленъ? — Киваетъ.—Ты здоровъ?—тоже киваетъ; наконецъ, когда начинаешь настойчиво спрашивать, тогда закиваетъ усиленно и прибавляетъ: „нема, нема, нема!“ Этимъ наши разговоры и оканчиваются. До четырехъ часовъ вся семья только грѣлась у огня; дѣти же съѣли по кукурузѣ, которую тутъ же поджигали на угляхъ, а затѣмъ повѣсили на огонь горшокъ, въ кото-

ромъ варится что-то къ ужину; а горшокъ прикрыли крышкой сигарнаго ящика; время отъ времени дѣтишки что-то лепечутъ, взрослые все молчатъ, только кашляютъ; мать что-то штопала. Еслибы ты видѣла этотъ маленькій огонекъ, около котораго грѣлась вся семья,—два, три сучка, да и это они получаютъ, кажется, отъ нашихъ; лѣсовъ нѣтъ и здѣсь, кажется, и кизяка не видно; понятно, что они зарываются въ землю и живутъ въ землянкахъ; зимой безъ топки да съ плохенькими стѣнами было бы тяжеленько. Умѣнье разводить огонь и поддерживать, пользоваться при этомъ всякой соломинкой—у нихъ замѣчательно развито. Меня поразили плѣнные турки, которые оставались ночевать въ открытомъ полѣ: они устроивали себѣ маленькіе кострики рѣшительно изъ ничего—нѣсколько маленькихъ сучковъ, соломки, высушенной здѣсь травы,—все это даетъ имъ возможность все поле усѣять цѣлой массой маленькихъ огней. Какой-нибудь сучокъ грѣетъ, грѣетъ нашего старика, и, очевидно, ничего не пропадетъ у него изъ этого тепла; при своей слабости, старикъ просидѣлъ сегодня весь день на корточкахъ—положеніе, при которомъ наибольшая часть его тѣла пользуется лучистой теплотой; руки свои онъ подержитъ надъ огнемъ и ступни приблизитъ почти совсѣмъ къ горячимъ углямъ.

Сегодня съ самаго утра до перваго часа у меня все толкались посѣтители; первымъ явился главный врачъ госпиталя въ Згалевицѣ и пересидѣлъ почти всѣхъ. Это типъ семинариста, не потерявшаго даже особенностей своей рѣчи; говоритъ постоянно съ особымъ оживленіемъ и возбужденіемъ лица и всего тѣла; всю служебную жизнь онъ прослужилъ въ военно-медицинскомъ вѣдом-

ствѣ, и повидимому до сихъ поръ не овладѣлъ всѣми тайнами этой премудрости; хотя онъ и выучилъ XVI-й томъ наизусть, но не пріобрѣлъ того юпитеровскаго спокойствія, которое развивается у этихъ людей подъ ихъ старость, когда управленіе госпиталемъ входитъ у насъ въ рутину; очевидно, онъ честный человѣкъ и стремится вести дѣло законно и добросовѣстно. Каждый разъ мнѣ черезъ него приходится познакомиться съ новостью въ родѣ, напримѣръ, того, что *полковой* врачъ по закону, осматривая пищу, имѣетъ право дѣлать замѣчанія о *качествѣ*, а не о *количествѣ*; дежурный же врачъ по госпиталю обязанъ слѣдить за *качествомъ* и *количествомъ* пищевого матеріала. Въ силу этого полковой врачъ почти не имѣетъ права забраковывать пищу; она ему можетъ не нравиться, но вкусъ полкового командира, ротнаго—другой—имъ она нравится, и врачъ—молчи. Другая для меня новость—что дивизіонные лазареты должны прокармливать своихъ больныхъ такъ, чтобы содержаніе ихъ обходилось по 25 коп.; въ госпиталѣ же больные получаютъ по положенію столько-то мяса, столько-то хлѣба и пр.—сколько бы это ни стоило. Несомнѣнно, оба способа даютъ возможность злоупотребленіямъ, только при каждомъ изъ нихъ пріемы къ этому должны быть свои.

Оставшись одинъ, я засѣлъ за свое чтеніе и сидѣлъ, пока не стало темнѣть; вмѣсто прогулки, походилъ по своей хатѣ, сколько хватило терпѣнія двигаться въ комнатѣ съ самой длинной діагональю въ семь шаговъ.

$8^1/_2$ *вечера.*—Сегодня былъ здѣсь главнокомандующій; одного адъютанта и ординарца я встрѣтилъ на своемъ

дворикѣ; новаго ничего нѣтъ, все тихо и ничего неизвѣстно; за обѣдомъ же узналъ, что Гурко встрѣтилъ въ Орханіэ 80 тысячъ турокъ и окопался передъ этимъ скопищемъ; конечно, покушеній брать—дѣлать не будетъ, только постарается сдерживать движеніе турокъ къ Осману. Несомнѣнно, что это не ускоритъ взятія Плевны; кромѣ этого сообщенія, слѣдующій разсказъ: вчера на одну изъ нашихъ батарей лѣзетъ турецкій солдатъ и влѣзъ прямо къ нашимъ, которые приняли его за пьянаго, но тѣмъ не менѣе закатили ему прикладомъ по головѣ, отчего турокъ упалъ безъ сознанія; но на другой день онъ очнулся и былъ въ состояніи отвѣчать на вопросы. Онъ умолялъ, чтобы его отпустили въ Плевну назадъ; когда ему говорили, что тамъ скоро нечего будетъ ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что Османъ приготовилъ 27 подземныхъ выходовъ, черезъ которые всѣ спасутся, какъ только не будетъ припасовъ. Повидимому, Османъ пустилъ этотъ слухъ въ арміи; можетъ быть, и турокъ попавшійся былъ подосланъ; кажется, вся выгода Османа —вызвать русскихъ на штурмъ, который, конечно, произведетъ тотъ же эффектъ, какъ и предшествующія три попытки. Относительно донесенія Гурко, Адлербергъ не подтвердилъ, но сказалъ, что Гурко еще далеко не дошелъ до Орханіэ, что онъ только-только въ Яблоницѣ. Было сегодня извѣстіе о занятіи румынами Ракова, но здѣсь всѣ обыкновенно относятся съ недовѣріемъ къ румынскимъ побѣдамъ. Дѣйствительно, замѣчательно хвастливый народъ, и не разъ они уже обманывали. Здѣсь ходитъ классическій разсказъ объ одномъ изъ военныхъ румынъ, прикомандированныхъ къ главной квартирѣ главнокомандующаго. 30-го августа, во время штурма,

его послали узнать, что̀ и какъ идетъ на румынскомъ флангѣ; онъ возвращается довольно скоро назадъ и, приложивъ къ козырьку руку, докладываетъ Государю: „la redoute est prise, mais je n'en suis pas tout-à-fait sûr“. Это было сказано съ особымъ румынскимъ выговоромъ, и вся фигура этого тщедушнаго Марса съ желто-блѣднымъ лицомъ, на конѣ, была такъ комична, что немногіе удержались отъ смѣха, несмотря на очень серьезную минуту. Когда-то я писалъ, что у нихъ мина уже готова, а теперь окончаніе работы этой мины съ каждымъ днемъ все откладывается, то на пять, то на шесть дней. Вечеромъ сегодня мнѣ помѣшали писать—пришелъ опять Гр. набираться у меня успокоительныхъ принциповъ. Они всѣ завидуютъ моему спокойствію и воображаютъ, что я знаю что-нибудь такое, чего они не знаютъ, но что́ меня поддерживаетъ въ такой бодрости безъ картъ, безъ сумасшедшихъ скаканій верхомъ, а просто все время въ такой же землянкѣ, какъ и всѣ остальные я набираюсь богатырскихъ силъ. Они не знаютъ, въ чемъ лежитъ тайна этой силы...

Нынѣшній день прошелъ, какъ и всѣ предъидущіе; обѣдалъ въ комнатѣ у Р. За обѣдомъ разсказывали самыя сладкія показанія перебѣжчиковъ, которыхъ сегодня опрашивали въ Порадимѣ;—всѣ безъ исключенія показывали, что въ Плевнѣ нечего ѣсть, что Османъ не продержится болѣе недѣли, что наша артиллерія наноситъ сильнѣйшее опустошеніе въ турецкихъ рядахъ, которые съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ, въ городѣ масса больныхъ и раненыхъ; перебѣжчиковъ, говорятъ, ежедневно до 30-ти человѣкъ. Все это очень утѣшительно, но сколько уже времени даются подобныя показанія, а

встрѣчаются и противныя этимъ. Такъ или иначе, а все-таки въ дѣйствительности никто не знаетъ, когда Плевна сдастся: можетъ быть завтра, а можетъ быть черезъ три недѣли. Гурко, оказывается, не пойдетъ до Орханіэ; она уже занята, и его задачей будетъ стеречь дорогу къ Плевнѣ отъ подходящихъ къ ней подкрѣпленій, что̀ онъ и дѣлаетъ въ Яблоницѣ, гдѣ сидитъ въ окопахъ. Вотъ все, что слышалъ сегодня.

LV

И—ПОСЛѢДНЕЕ.

11-го ноября.

Мнѣ кажется, что это письмо я привезу самъ, какъ заключительное слово моей полугодовой корреспонденціи. Утромъ—разговоръ съ Государемъ, вполнѣ удовлетворительный; здѣсь такъ проникнуты убѣжденіемъ, что для излеченія отъ лихорадки необходимо уѣхать отсюда, что, конечно, всякій понимаетъ, какъ это для меня важно, тѣмъ болѣе, что Государь теперь совершенно здоровъ; относительно Головина улажено такъ, что онъ встрѣтится со мною въ Бухарестѣ, куда я выѣду къ назначенному дню. Теперь я думаю только объ одномъ, когда я пріѣду въ Петербургъ на Галерную. Кажется, въ Бухарестѣ неизбѣжно ночевать, потому, что изъ Фратешти обыкновенно поѣздъ опаздываетъ, въ силу стачки съ отелями, почему цѣлая масса путешественниковъ остается на ночевку въ Бухарестѣ и ждетъ слѣдующаго дня до 8 час. веч. Мнѣ совѣстно передъ Головинымъ, котораго я отрываю отъ семьи, отъ его дѣла; но пріѣхать сюда

съ увѣренностью остаться здѣсь не болѣе шести недѣль — чрезвычайно интересно; онъ во-очію увидитъ то, о чемъ слышалъ и читалъ съ наибольшимъ интересомъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Интереснаго много; наконецъ, ему придется присутствовать при очень важномъ событіи, когда пойдетъ, такъ сказать, ликвидація всего этого дѣла, когда сдастся Плевна, и когда, вѣроятно, приступятъ къ переговорамъ. Тутъ будутъ моменты чрезвычайно интересные, особенно для свѣжаго человѣка, не потрясеннаго крутыми шестью мѣсяцами. Безъ сомнѣнія, Плевна сдастся; но и до сихъ поръ, конечно, никто сказать не можетъ, когда развяжется этотъ гордіевъ узелъ; показанія перебѣжчиковъ слишкомъ недостаточны, чтобы выводить изъ нихъ какія-нибудь серьезныя заключенія. Послѣднее происшествіе подъ Плевной, вполнѣ вѣрное, носитъ на себѣ характеръ анекдота. Въ одинъ изъ прекрасныхъ здѣшнихъ туманныхъ дней, два молодыхъ офицера, сильно подгулявшихъ, заблудились и подъѣхали прямо къ одному изъ турецкихъ редутовъ; увидавъ турецкіе плащи на часовыхъ и желая убѣдиться, куда именно они попали, они окликнули; на редутѣ тревога, и два героя оказались окруженными со стороны турокъ; нисколько не смущаясь, они вынули бѣлые платки и заявили себя парламентерами отъ двухъ полковъ, просящихъ Османа не стрѣлять въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ по случаю полковыхъ праздниковъ. Послали спросить Османа, который и далъ приказаніе не стрѣлять и отпустить офицеровъ. Единственное событіе подъ Плевной — около Орханіэ разбили 10 турецкихъ таборовъ въ укрѣпленной позиціи, но, повидимому, съ нашей стороны было не мало войска въ

этомъ дѣлѣ и дрались чуть не два дня. При настоящихъ средствахъ защиты нападеніе въ высшей степени мудрено; военная наука должна что-нибудь сочинить новое,—иначе война будетъ невозможна.

14-го ноября.

Рѣшительно не въ состояніи писать,—до такой степени нахожусь подъ впечатлѣніемъ предстоящаго отъѣзда. Мои нервы слишкомъ натянулись за это время, чтобы сносить долѣе мое тяжелое положеніе лейбъ-медика. Обязанность врача мнѣ никогда не можетъ быть тяжела, но она иногда дѣлалась невыносимой въ моемъ положеніи. Въ 45-ть лѣтъ лишиться самостоятельности, свободы дѣйствій, отчасти свободы мнѣній, слушать все, видѣть все и молчать—все это не только безполезно, но и вредно не для одного меня, но и въ отношеніи моего медицинскаго дѣла. Пишу объ этомъ слегка; переговоримъ на словахъ при свиданіи.

Сегодня рано утромъ меня разбудило пѣніе, которое во снѣ показалось мнѣ даже не-непріятнымъ; оказалось, что пришла дочь моего умершаго вчера хозяина оплакивать своего отца. Умеръ этотъ человѣкъ настолько оригинально, настолько типично, что нельзя не отмѣтить этого въ дневникѣ наблюдателя. Старичокъ уже крѣпко кашлялъ съ самаго начала нашего пріѣзда сюда, похохлился, грѣлся на солнышкѣ или у огня, изрѣдка ворчалъ на своихъ внучатъ и мрачно поглядывалъ на все окружающее; не разъ я спрашивалъ его о здоровьѣ, но на все онъ кивалъ головой и слѣдовательно все отрицалъ; наконецъ я началъ давать ему капли; денька два онъ принималъ безпрекословно, потомъ сталъ отмахи-

ваться отъ нихъ и просилъ лучше давать ему чаю. Какъ-то вышелъ онъ на солнышко; смотрю—ноги опухли, пожелтѣлъ сильно, осунулся; спросишь людей: — что, какъ старикъ?—„да плохо, все хохлится“; а то, скажутъ, пришелъ вчера домой какъ будто на-веселѣ и наконецъ не дальше, какъ четвертаго дня отправился къ замужней дочери въ Згалевицу; дома говорили, что старикъ ходитъ прощаться, и, очевидно, всѣ готовились къ его скорой кончинѣ. Проведя у дочери ночь третьяго дня, старичокъ еще доплелся изъ деревни домой, едва подымался и цѣлый день просидѣлъ на корточкахъ у своего огня, очевидно, не будучи въ состояніи согрѣться; тутъ я его изслѣдовалъ, и оказалось, что у него старческая болѣзнь сердца въ разстройствѣ равновѣсія; прописалъ было лекарство, но старичокъ не успѣлъ принять нѣсколько ложекъ, какъ свалился, дыханіе ухудшилось и онъ началъ терять сознаніе, но еще дышалъ, когда прибѣжали родственники, сосѣди; всѣ постоятъ, поплачутъ тихо и уйдутъ; приходили только бабы, но наконецъ пришелъ и мужчина, старый, типичный болгаринъ; дѣти всѣ улеглись спать на полу, подлѣ нихъ—умирающій ихъ дѣдъ; въ ногахъ его лежалъ его пріятель, старый, усатый, мрачнаго вида человѣкъ въ бараньей шапкѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ здѣшней парадной курткѣ; невѣстка, пригорюнившись, стояла въ сторонѣ; на какомъ-то треножникѣ горѣла восковая свѣча и освѣщала эту печальную картину умирающаго полудикаго человѣка

Наконецъ, раздается завываніе—старикъ умеръ; всталъ болгаринъ, подошелъ къ покойнику, положилъ его на спину, выправилъ усы, надвинулъ верхнія вѣки покойному на глаза, снялъ шапку, помолился, вздохнулъ и

закурилъ трубку. Черезъ нѣсколько времени, при возвращеніи моемъ къ себѣ домой, картина была почти такая же: дѣти рядомъ съ покойникомъ, покрытымъ одѣяломъ, болгаринъ въ ногахъ и хозяйка въ сторонѣ— спали на полу. Всѣ спали, но свѣчка продолжала горѣть. Сегодня утромъ до разсвѣта бабы меня разбудили завываніемъ; затѣмъ набралась куча ихъ, и началась стряпня подлѣ самаго покойника; пекли хлѣбы въ родѣ лепешекъ, запекли въ хлѣбѣ рыбу (непремѣнная принадлежность здѣшнихъ похоронныхъ обрядовъ), варили опять какой-то супъ съ перцемъ и лукомъ, турецкіе бобы, и наконецъ явилось трое мужчинъ; когда стряпня была до нѣкоторой степени окончена, они вынесли покойника на дворъ, обмыли его теплой водой, одѣли въ парадный костюмъ и принесли назадъ, положивъ подъ навѣсъ крыльца. Тутъ началось завываніе дочери, потомъ подошла невѣстка, и наконецъ образовался хоръ изъ четырехъ сосѣдокъ-старушекъ; мужчины не принимали въ этомъ участія; одинъ курилъ трубку у огня, другой приготовлялъ доску, которая должна была служить гробомъ; дома же приготовили и памятникъ изъ маленькой доски, въ одномъ концѣ которой вырубили кругъ, а на кругу выдолбили крестъ. Во второмъ часу явился священникъ съ дьячкомъ, и началось отпѣваніе— на языкѣ, котораго, повидимому, народъ совсѣмъ не понимаетъ и относится, вѣроятно вслѣдствіе этого, очень небрежно къ религіозному дѣлу: бабы болтали; мужчины выходили, курили. Церковный языкъ чрезвычайно похожъ на нашъ; можно слѣдить за всѣми молитвами; иногда только искажаются слова произношеніемъ; слушая священника, дьячка, читающихъ совершенно почти

по церковно-славянскому, поражаешься потомъ при разговорѣ съ ними: вчерашніе представители духовнаго слова рѣшительно ничего не понимали по-русски и сами ничего не могли объяснить. Очевидно, здѣсь и попы бываютъ такіе, которые ничего не понимаютъ, что̀ они читаютъ,— иначе они могли бы поговорить съ нами. Нѣкоторыя бабы, молясь, дѣлали наши православные кресты; другія же молились по-католически. Самое отпѣваніе сопровождалось различными, своеобразными пріемами: каждый изъ принимавшихъ участіе въ молитвѣ курилъ по очереди надъ покойникомъ ладаномъ, который клали въ особый глиняный горшечекъ съ ручкой; при прощаніи всякій дѣлалъ поклонъ покойнику, бралъ въ руки и цѣловалъ маленькій деревянный крестъ, который лежалъ на усопшемъ; наконецъ, явилась телѣга, запряженная парой воловъ, положили покойника на доску, вмѣстѣ съ ней на телѣгу, въ которую сѣла и невѣстка, и процессія двинулась въ сопровожденіи только трехъ мужчинъ; всѣ остальные остались дома и дожидались возвращенія, чтобы начать трапезу, которая и открылась съ приходомъ попа.

Теперь моя болгарская семья, повидимому, начнетъ оживать, схоронивъ своего старика. Дѣти сегодня цѣлый день ворковали, хозяйка не смотрѣла такой угнетенной, какъ обыкновенно, въ ихъ убогой хатѣ стало какъ-то свѣтлѣе,—очевидно, убрался лишній человѣкъ изъ дома, лишній ротъ, который не работалъ и былъ только въ тягость своими старыми правами; дожилъ онъ до внучатъ, совершилъ такимъ образомъ свое назначеніе, молодежи становилось тѣсно съ нимъ вмѣстѣ,—надо было умирать. У этихъ полудикихъ людей дѣлается все чрезвычайно нормально: еслибы онъ жилъ, то дѣтямъ было

бы хуже, онъ имъ портилъ воздухъ въ хатѣ, мѣшалъ имъ грѣться у огня, и сегодня уже дѣти меньше кашляютъ, а мой пріятель, самый маленькій, смотритъ и веселѣе, и здоровѣе...

Вѣроятно, выѣду завтра, или послѣ-завтра, всего вѣрнѣе—завтра въ ночь, когда взойдетъ луна; дорога теперь отвратительная, и до Фратешти добраться будетъ не очень легко. Главное—дотащиться до чугунки; хотя румынскія желѣзныя дороги мало удобны, но послѣ здѣшнихъ грунтовыхъ, съ замученными лошадьми, все покажется прелестно.

ПРОВѢРЕНО
19—6—03 г.
VI

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

Перевірено 1943 р.

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТНАЯ
1964 г
БИБЛИОТЕКА

7 Okt. 1993

Buchbinderei
H. Pantele
85376 Massenhaus
Tel.: 08165/8012

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Botkin, Sergej Petrovič,

Pišma S. P. Botkina iz Bolgarii

S.-Peterburg 1893
Epist. 1049 v
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11603365-1